АКУЛУ СЪЕЛИ

ДМИТРИЙ ИСАКОВ

АКУЛУ СЪЕЛИ

ДМИТРИЙ ИСАКОВ

ФАНТАСТИКА

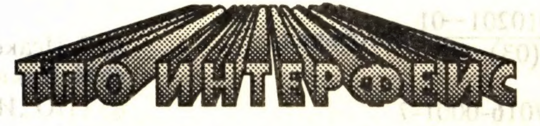
ТПО „ИНТЕРФЕЙС"

МАКС'92

ДМИТРИЙ ИСАКОВ

АКУЛУ СЪЕЛИ!

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

МОСКВА
1992

ББК 84 Р7
И85

Дмитрий Михайлович Исаков

АКУЛУ СЪЕЛИ

Фантастические произведения

Текст печатается в авторском варианте

Корректоры Г. Шаровка, О. Кириллова
Художественный редактор П. Навдаев
Иллюстрации и обложка М. Никитенко

В книгу московского писателя Д. Исакова вошли разноплановые фантастические произведения о звездных войнах и путешествиях в параллельные миры, с элементами сюрреализма и детектива, в которых остросюжетная интрига сочетается с неожиданным видением мира и прогнозированием будущего и прошлого.

Компьютерный набор текста и иллюстраций
осуществлен фирмой „BOROVIX"

И $\frac{4702010201-01}{К27(03)-92}$ без объявл.

ISBN 5-7016-0001-7

РОМАН

Marc'92

— Будущее... Кто знает, какое оно будет?..

— Да, никто...

— Будет ли оно светлое?..

— Будет.

— Когда будет?..

— Никто не знает...

— И кто может поручиться, что оно будет таким, каким его никто не ожидал?..

— Опять никто...

— И кто может утверждать, что оно будет таким, каким его хотят видеть?..

— Звездно-полосатым?..

— Серпасто-молоткастым?..

— Или же остаточно-радиоактивным?..

— Все может статься...

— И на что оно будет похоже?..

— На доллар?..

— Каменный топор?..

— Манну небесную?..

— А может у нас и слов таких еще нет, слова эти еще и не родились?..

— И как эти слова будут звучать?..

— На каком языке?..

— На английском?..

— А может, на китайском?..

— Или на фарси?..

— А может все языки перемешаются?..

— Ведь говорит же сейчас пятилетняя девчушка где-нибудь в Тверской губернии не по-русски "хлебушко с маслицем", а доходчиво и просто — "бутерброт". А скуластый рязанский парень в разговоре с дружками называет свою подружку не "любушка моя", а просто и демократично — "клевая гирла!"...

— Так почему же в далеком (а, может, и не очень далеком) будущем не может возникнуть такая ситуация, когда где-нибудь на берегах коварного Альбиона или же в джунглях дельты Потомака какая-нибудь совершенно среднестатистическая леди, а может быть и мисс, являющаяся активным членом Общества защиты животных, не скажет встречному живодеру, эдак, с бруклинским акцентом: "Пошто, мужичок, животину мучишь?"

ДМИТРИЙ ИСАКОВ

АКУЛУ СЪЕЛИ,

или

ГДЕ ЖИВЕТ ТИРАНОЗАВР?

Фантастический роман

Без единого положительного героя.

Положительные персонажи встречаются только

в эпизодах и оппозиции.

Для младшего школьного возраста.

Кровавая трилогия, состоящая из шести книг:

“АКУЛУ ЕЩЕ НЕ СЪЕЛИ!”,

“АКУЛУ ХОТЯТ СЪЕСТЬ!”

и “АКУЛУ СЪЕЛИ!”

плюс три романа-спутника:

“ДУБЛИКАТОР ДЖОНА ХАГГАРДА”,

“ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЮНОГО ХАГГАРДА”,

и “БРИЛЛИАНТЫ ПЛАНЕТЫ ОЗ”.

Нервным и беременным женщинам противопоказано!

Детям до 16 лет в руки не давать!

Девушкам в розовых очках не читать!

Перед прочтением роман полезно съесть!

“...и нет ничего приятнее, как умереть от заворота кишок, чем иметь САЛАТ ИЗ МОЗГОВ!”

(Гаргантюа-внук)

ПРИЯТНОГО АППЕТИТА!

От редактора.

Готовя к печати 834-е переиздание романа "АКУЛУ СЪЕЛИ!", редколлегия издательства зашла в тупик при составлении аннотации. Просмотр же откликов на прошлые издания привел нас в еще большую растерянность. Посудите сами:

— в "Нью-Йоркском обозрении" сказано, что это "низкопробная космическая опера";

— в пекинском "Рубеже" говорится, что в романе реалистично, со всей прямотой и обнаженностью показан загнивший звериный облик постиндустриального империализма;

— в мюнхенском "Посеве" безапелляционно утверждается, что это очередная красная агитурка;

— в урюпинском областном "Покосе" высказывается предположение, что "автор является членом профсоюза работников Лэнгли";

— в предисловии к изданию романа французскими коммунистами отмечено, что в романе слишком много секса, и его не рекомендуется читать юным француженкам;

— в примечаниях к йоханнесбургскому адаптированному изданию отмечено, что, к глубокому прискорбию, в романе слишком много сцен насилия, и неприкрыто проповедуется расовая ненависть.

Но, по секрету, мне *(прим. редактора)* лично больше по душе высказывание нашего вахтера-энциклопедиста Пал-Палыча. Он выразил свое отношение к этому роману однозначно и с рабоче-крестьянской прямотой:

— Бред сивой кобылы! Лучше бы туалетной бумаги больше выпускали!

Единственным утешением для редколлегии может служит лишь то, что пока еще никому не было предложено использовать наш коллективный труд по переизданию данного романа для покрытия вышеназванного дефицита.

Из "Пресс-бюллетеня ЮНЕСКО"

Отрывок из последнего интервью с автором романа:

— "Не мешайте мне работать, черт вас подери!"

Из личной анкеты автора: "Не люблю плохую фантастику!"

Из выступления автора по национальному телевидению:

— "Цель написания моего романа заключается не в удовлетворении неуемной жажды некоторых несознательных читателей посредством чтения детективов и смакования в них "клубнички", а в донесении до широких масс моих мудрых мыслей..."

На вопрос ведущего: *"Чего больше всего опасается автор?"* — тот стушевался и ответил: *"Умереть от скромности"*.

На вопрос *"Как автор думает распорядиться очередным гонораром?"* — тот мило заулыбался: *"Не надейтесь, не пропью!"*

...Мы до сих пор не можем оправиться после Великой войны...

И хотя считается... мы победили Робахов... это вряд ли соответствует действительности...

Робаха нельзя победить... его можно только убить...

Всех убить мы не смогли... их было слишком много... они ушли непобежденными... ушли вместе с Гаммами...

Мы до сих пор так и не знаем, кто такие Гаммы... Знаем лишь, что они совсем другие...

Их тоже нельзя было победить... И убить их было нельзя...

Мы научились лишь отгонять их... Ведь они пожирали наши мысли... Мы их отгоняли, а Робахов — убивали...

Нас они тоже убивали... Сколько же людей погибло, прежде чем мы сумели их прогнать...

Хотя, возможно, они ушли сами, удовлетворив свою злобу и насытившись...

Ушли, чтобы переварить наши мысли... воплотить их в еще более смертоносное оружие...

А нас они не пожалели... Нет... Они просто оставили нас в покое на время...

Но все-таки мы победили... Мы заставили их уйти...

Мы знаем... они могут вернуться...

Но мы знаем их слабости... знаем, что они не любят и чего боятся...

И к тому времени мы постараемся научиться убивать...

...Г а м м о в...

Они же не знают... что такое смерть...

А когда узнают... тогда мы победим окончательно...

Чего бы нам это не стоило...

Нам отступать некуда...

И страшнее...

чем было...

уже не будет...

А было...

и началось все...

так...

...Он сидел в своем кресле, как памятник самому себе. Голова раскалывалась.

Кресло, голова и все остальное в этом кабинете принадлежали мистеру Хаггарду — председателю консультативного совета трансгалактической "Хаггард дубликэйшн компани" *(сокращенно — ХДК)*, ее единственному хозяину и владельцу, стойкому и непреклонному борцу за святые идеалы частного предпринимательства, благодаря которым в этом беспокойном мире может существовать такой благословенный и единственный оплот прогресса и развития, как ХДК.

Благодаря ему и дубликатору, который был изобретен его прадедом Джоном Хаггардом-Основателем, чей светлый ум сразу оценил всю глубину будущих потрясений, которые принесет в мир дубликатор, как некогда некий безымянный изобретатель принес ему чертежи, расчеты и действующую модель некоего прибора, принес с наивной надеждой разбогатеть за счет дедушки Джона.

У правнука Джона-Основателя был такой же светлый ум и такая же светлая голова, которая в данный момент раскалывалась.

— Надо меньше пить, — простонал м-р Хаггард, — а если уж и пить, то только виски, а не это паршивое снотворное, что так любит моя дражайшая половина и ее не менее *дорожайшие доктора.* Черт бы их всех побрал!

Последняя мысль м-ра Хаггарда была настолько искренней, что сработал телепáтический вызов секретаря. Из защитно-декоративного тумана, заменявшего в те давние времена входные двери, появился секретарь с подносом, на котором был утренний завтрак.

"А у этой ножки получше, чем у вчерашней, — лениво подумал м-р Хаггард, — но похуже, чем у позавчерашней. Хотя, скорее всего, это только так кажется из-за цвета трико, а ножки у всех наших секретарш одинаково прелестны. И других у нашей фирмы быть не может".

Только такая солидная фирма, как ХДК, могла позволить себе иметь живого секретаря вместо кибера, который хоть и может делать сразу десяток дел и поручений, но слишком дешев и доступен, в отличие от живого секретаря, которого надо:

— во-первых, найти,

— во-вторых, уговорить,

— в-третьих, выучить и вымуштровать,

— в-четвертых, без лишнего шума и через определенное время сменить.

Тем более, что в ХДК принято менять секретарей у директора каждый день. А это стоит на целый порядок дороже, несмотря на безработицу и изобилие красивых девушек, которых с каждым годом становится все больше и больше благодаря той прекрасной и беззаботной жизни, что существует вот уже более ста лет, с тех пор как был изобретен дубликатор.

Об экономической мощи ХДК вы можете судить, лишь прикинув, сколько тратится здесь ежегодно на такой сущий пустяк — найти 365 умных и красивых девушек, которые смогли бы стать полноценными секретарями. И это при всем том, что с каждым годом девушки не становятся умнее, и, по всей видимости, никогда не собираются это делать.

"Хотя не такие же это пустяки", — подумал м-р Хаггард, почувствовав заряд бодрости и прилив свежих сил, не хватавших ему так сильно в последние годы, при виде того, как элегантно расставляет секретарь завтрак на низкий столик для ленча, стоя к Хаггарду спиной.

Да благословен будет тот мир, в котором существуют такие милые девушки. Аминь!

Пока поглощался завтрак и светлая голова м-ра Хаггарда постепенно начинала все более соответствовать данному эпитету, мисс *"Не Совсем Пустяк"* пересказывала последние новости, полученные разведотделами компании за минувшую ночь по всем каналам, в том числе и официальным, и, как Вы сами понимаете, бывшим наименее достоверными.

Этот пересказ также был доброй традицией ХДК. Психологи компании небезосновательно считали, что информация, которую тебе щебечут на ухо в комплексе с легким массажем, усваивается лучше и легче, чем произнесенная со стереовизионного экрана официальным тоном, хоть и не менее милой, но значительно более далекой!

— Продается планета земного типа, недорого, недалеко, всего пятьдесят светолет, с тремя спутниками в придачу, принято решение купить, за спутники расплатиться продукцией вместо кредитов, получено согласие, мы опять утерли нос МДК (*„Моррисон дубликэйшн компани"*). — На стенных экранах демонстрировались виды планеты и спутников. Хаггарду они понравились, что выразилось в более интенсивном пережевывании пищи.

— Наш модельер-конструктор Жан Чжоу придумал новые колготки из непротираемой и пахучей имитации лепестков роз, которые через неопределенно-запрограммированное время одновременно опадают, что позволит

женщинам быть еще более привлекательными, а мужчинам не спускать с них глаз! При прикосновении мужских рук к колготкам лепестки мгновенно осыпаются. Это даст женщинам прекрасный повод и шанс рассчитаться с мужчинами, воздав им должное за все обиды и лишения, которые приходится от них терпеть. Плюс, поднимутся наши акции!

— Чьи акции, женщин? — засомневался м-р Хаггард и, непонимающе взглянув на секретаря, перестал жевать.

— Нет, нашей компании.

— Дайте ему премию, этому Джоу Джану.

— Жану Чжоу.

— Двойную! Дальше.

— Опять началась война между *Мустафой-2* и *Мустафой-3*. В этот раз они заспорили из-за места нахождения могилы их общего пророка. Мы продолжаем поставлять им обоим новейшие образцы вооружения, но *Мустафе-3* больше, так как они меньше.

— Дальше!

— Наши конструкторы обещают к концу квартала увеличить объем камеры дубликатора до двух кубов, что позволит дублировать дюзы конверторов подпространственных двигателей целиком.

— Какой объем камер у МДК сейчас?

— Полтора, как и у нас.

— Хорошо.

— Будущую Галактическую Олимпиаду решено проводить опять в коммунистической зоне, но с участием наших фирм.

— Отправьте им колготки.

— С лепестками?

— И с олимпийской символикой.

— На планете *Лесли-2* выведена новая порода крыс-терьеров с изумительной бирюзовой шерстью. Образцы уже закуплены и получены...

И так далее на протяжении всего ленча.

Под конец "просветления" на сытый желудок можно было проглотить и "негативы".

— *Сайра-9* отказалась от наших новых образцов накладных губ, мотивируя это тем, что у МДК они эластичнее, хотя я пользуюсь только нашими, — секретарь ослепительно улыбнулась. — Что будем делать?

— Внесите их в черный список и увеличьте их соседу в два раза военную помощь для мирных целей. Как его там?

— *Бахус-38.*

— Правильно, у этой “Мойвы” быстро слетит с губ моррисоновская улыбка.

— В приемной Вас ожидают сенатор Джексон и наш главный аналитик.

— А этому чего надо?

— М-р Джексон, как всегда, пунктуален. Раз в месяц он проводит с Вами беседы на теологические темы.

— Аналитику чего? — уточнил м-р Хаггард.

— Говорит — срочно. Конфиденциально!

— Черт с ним, зови аналитика.

М-р Хаггард сразу понял, что аналитик чем-то страшно напуган, так как при его железном самообладании он имел растерянный вид.

— Ну?

— Нам, наконец-то, удалось установить точно через Главный Банковский Компьютер размер доходов и расходов МДК.

— Молодцы! И какие же у них доходы?

— С точностью до 0,1% соответствуют нашим расчетам.

— Великолепно! То, чего больше всего мы боялись — блеф. Как и вся их блефовая команда. Значит наш капитал на 20% больше, чем их?

— Да.

— Всему вашему отделу — премию и отпуск на месяц.

— Но это не все, — замялся аналитик.

— Остальное — не важно. Пусть теперь у них болит голова.

— Не сошлись расходы с нашими расчетами.

— Они меньше?

— Нет. На 10% больше, чем мы считали.

М-р Хаггард не сразу понял, но когда понял, ему опять захотелось повторить ленч с массажем.

— На что же они тратят?

— Не знаем.

— Как это не знаете?! А на что же вас держат — мерзавцев, лодырей и пустобрехов!

— ...???

— Может быть, мы перегнали их в технологии. Я ведь всегда считал, что наши разработчики лучше?!

— Анализ их продукции показывает, что технология у МДК все время

по уровню приближается к нашей. И по разработкам они от нас не так уж отстали.

— Так идите и вместе с этими шляпами из разведотделов выясните, куда они вкладывают эти свои миллиарды! Могу даже подсказать наиболее вероятные варианты:

— *снюхались с красными;*

— *с военным министерством;*

— *подпольный бизнес;*

— *исследования в другой Галактике;*

— *бескорыстная помощь слаборазвитым планетам.* Впрочем, пятое не рассматривайте, вряд ли они сошли с ума! Идите, и завтра мне доложите, какой из четырех разведотделов мышей не ловит! Все! Зовите Джексона, я хочу его сам потрясти по делам военного ведомства!

Сенатор Джексон был тучным мужчиной, у которого полное отсутствие шеи возмещалось наличием двух подбородков. Так что кличка “Ястреб” никоим образом не соответствовала его облику. Его можно было бы сравнить разве с бульдогом, у которого отобрали любимую кость и что-то долго не возвращают, — что более соответствовало его вечно брезгливому выражению лица и мрачному блеску глаз.

При всем при этом он был, как поговаривали, любящим отцом, нежным и чутким мужем. У него было четыре сына, как две капли воды похожие на отца, только в разных стадиях возмужания, и маленькая, хрупкая и очень интеллигентная жена, с которой, при его комплекции, нельзя было быть нечутким и не нежным.

У Джексона была давняя дружба с Хаггардом. Деньги ХДК, вложенные во все предвыборные компании сенатора, возвращались назад умноженными не один раз на те военные заказы, которые он проталкивал в Сенатской комиссии по обороне.

В разговоре они были на “*ты*” и изъяснялись иногда, мягко говоря, жестко, что очень было похоже на то, как изображают красные в своих агитурках разговор “*Акулы Капитализма*” с “*Цепным Псом Империализма*”.

Если же признаться чистосердечно, они и были ими на самом деле, гордились этим и называли друг друга ласково и нежно: “*Акулой Хаггардом*” и “*Псом Смердячим*”, соответственно.

Джексон курил одну за другой огромные вонючие сигары, сделанные для него на заказ по тайному личному рецепту, и очень любил знакомить с их

с их омерзительным запахом своих собеседников, благодушно пуская время от времени им в лицо толстую струю дыма.

Сенатор уселся в кресло напротив м-ра Хаггарда, и теперь в кабинете образовалось два облака — защитно-декоративное и ядовито-смердящее. Окажись в это время здесь все малолетние подражатели родительских недостатков, это было бы для них самой лучшей антиникотиновой пропагандой. *(Если, конечно, они выжили бы!)*

Мистер Хаггард начал первым беседу на теологическую тему:

— Ну, что, брат Джексон, хвост поджал?

— Нету...

— Чего?

— Хвоста...

— Вляпался?

— Нет, старшенький отчебучил.

— Поможем.

— Спасибо.

— Если то, чем ты в меня сейчас дунул, называется этим прекрасным словом, то я бросаю все и иду в ассенизаторы, чтобы слышать это слово весь рабочий день!

— Ничего ты не понимаешь! Все лучше той гадости, что ты пьешь на ночь.

— Не тревожь мою жену, а то я пройдусь по твоей.

— Не выйдет. Во-первых, после меня она тебя не почувствует, а во-вторых, по ней нельзя пройтись, как нельзя пройтись по ангелу, которого надо сначала поймать, а мою любушку поймать не за что! Ею можно восхищаться только издалека, что тебе вредно. От твоих масляных взглядов она потом отоваривается в магазинах твоих конкурентов.

— Черт бы их побрал!

Тут же из декоративного облака появилась секретарша с подносом, на котором был “акулий” коньяк и “псиные” сладости. Она быстро нырнула в ядовитое облако, так же быстро вынырнула *(ни капельки не закоптившись!)* и быстро удалилась.

— Твоих девиц можно макать в коктейль из дегтя с нашатырным спиртом, а после смело кушать, до того они у тебя гладкие!

— Вот ты и выдал секрет, из чего сделаны твои гнусные сигары!

— Не люблю слабаков.

— А насчет девиц, — вот скоро вышибут тебя из Сената и собственного дома, и придется тебе наняться в Звездный Флот капралом. Дослужишься лет через двадцать до лейтенанта, вот тогда-то мы тебя и

жениm на одной из них. И будет она тебе клизмы на ночь ставить, собака ты бездомная!

— Акулий паштет! Что ты мелешь, кого выгонят?

— Есть маленький шанс.

— Выкладывай.

— Моррисон что-то затевает. Мы узнали, что он вкладывает бешеные средства куда-то, а куда — мы не знаем. Слушай! Может это твои "геморройные братья" решили, что моррисоновские "фитили" лучше наших?

Джексон на минуту задумался и стал извергать слезоточивого газа чуть меньше, чем Везувий, но чуть больше, чем металлургический комбинат.

— Мои недоношенные братья Моррисона тоже не забывают, но я тебе вот что скажу, и это не только мое мнение,— в сенате и правительстве МДК недолюбливают. От них попахивает, ну как бы это сказать? Фашизмом, что-ли?! А любой трезвый политик понимает — где начинается фашизм, там кончается политика и начинается война. А в войне ведь могут победить красные, что не так уж редко случалось. Лучше с ними жить в мире! Утверждаю: аферы Моррисона к правительству и к военным не имеют никакого отношения!

— Ты можешь это гарантировать?

— Да.

— Ну ладно, давай прощаться, у меня дела. У сына завтра день рождения.

— Поздравь его от меня.

— Ты своего старшенького тоже поздравь.

— Уже поздравил, еле справился, брыкался как взбесившийся кенгуру, весь в меня, паршивец! Так бы он брыкался с этими хвостодерами!

— Хвост ты завтра новый получишь. Прощай!

— М-р Хаггард, вас желает видеть ваша жена!

— Давайте ее сюда!

Тут же полстены пропало, а на ее месте появилась ванная комната, где в прозрачной зеленой воде лежала его обнаженная и распаренная супруга. Вокруг бассейна стояла ее многочисленная свита.

Слева были два здоровенных массажиста — один молодой, а другой пожилой, весь в боевых шрамах, и доктора, — старенький "нарцисс" и молодая хрупкая девушка. С правой стороны стоял еще один доктор —

тощий субъект неопределенного возраста, похожий повадками на женщину, рядом с косметичкой, очень похожей на мужчину. В головах у миссис Хаггард были три дежурные горничные, а в ногах сидели и лежали около дюжины любимых зверушек хозяйки, среди которых выделялся черный королевский дог огромных размеров.

В бассейне плавала ручная саламандра с планеты Луис-4.

“Из них можно сколотить прекрасную пиратскую команду,— с раздражением и брезгливостью подумал мистер Хаггард.— Когда-нибудь я так и сделаю, и они мне возместят хоть часть расходов на их содержание. Хотя, впрочем, я на женины капризы трачу чуть больше, чем зарабатываю на торговле “живым” товаром. Черт бы их всех побрал!”

Мгновенно появилась секретарша и встала рядом с м-ром Хаггардом в боевую стойку. При этом наступил “паритет” и “статус-кво” сторон, так как она одна стоила батальона массажистов-костоломов, врачей-изуверов и “голубых” косметичек.

“Нас мало, но мы в тельняшках! — злорадно подумал м-р Хаггард,— если, конечно, можно назвать тельняшкой то розовое полосатое трико, что надето на “Мисс Зеленые Береты”!

— Как ты себя чувствуешь, дорогая,— мило улыбнулся супруге м-р Хаггард,— как твои “сурроцы” ?

— Плохо,— простонала, жеманно закатывая глаза, миссис Хаггард.— Мне всю ночь снился ужасный кошмар, что у Моррисонихи появилась новая шубка из шкуры норкозмея, которую ты никак не можешь мне достать!

— Но, дорогая, все норкозмеи погибли в ядерной войне на планете Ласка-6 за пятьдесят лет до изобретения дубликатора, а в наших лабораториях удалось вывести только кроликоудава, чью шкуру ты уже получила.

— Но это не все,— не дослушав оправданий мужа, продолжала матрона.— Только я проснулась, как на экране стереовизора я увидела, представь себе, о ужас, опять Моррисониху! — Хаггардиха всплеснула руками по воде, от чего дог оглушительно гавкнул, остальные зверушки зашипели и закудахтали, а пиратская команда встала по стойке “*смирно — на абордаж*”.

— Ну и чего здесь ужасного? — не понял м-р Хаггард, а секретарь сделала ножкой.— Ты с миссис Моррисон болтаешь каждый день не меньше чем по часу!

— А то, что она меня пригласила сегодня вечером к себе на бал-маскарад! В 19.00 мы должны быть там,— прошипела в унисон своим зверушкам миссис Хаггард.— Эта змея устроила бал специально сегодня, зная,

Марк'91

сколько проблем нам надо решить перед завтрашними именинами нашего "бэби"!

— Не расстраивайся, наши сценаристы и режиссеры сделают все как надо, тем более это нам даже на руку. После просмотра трансляции моррисоновского "шабаша" они сделают неплохую пародию, так что хорошо смеется тот, кого видят последним!

Официально Хаггарды с Моррисонами дружили семьями. У простого обывателя существовало стойкое мнение, что обе фирмы только дурят ему голову, а на самом деле это единая фирма и одна веселая полигамная семейка — "Моррихаггард" и "Харимоггард", несмотря на то, что между ними была непримиримая война за влияния на рынки сбыта, как между фирмами, так и между семьями.

— Я ей утру нос и явлюсь в полупрозрачном облаке,— торжественно прогундосила миссис Моггард, — пардон, Хаггард. "*Хун-хузы*" встали по стойке "вольно", зверушки завиляли хвостами, а королевский барбос не вытерпел и прыгнул в ванну прямо на хозяйку, за что тут же был укушен за хвост саламандрой, которая была очень ревнивая и не могла позволить вторгаться всяким "*блохоплавающим*" в зону своих жизненных интересов.

Вдохновленная этим безобразием секретарша села м-ру Хаггарду на колени и томно замурлыкала.

— А ты не боишься, дорогая, что миссис Моррисон может обойтись на маскараде вовсе без облака? — съязвил м-р Хаггард и положил голову на грудь секретарши.

— Ни капельки,— пропыхтела его жена, наблюдая, как *аварийная команда* вытаскивает мокрого и скользкого дога из бассейна, пытаясь отодрать саламандру от его хвоста.— Я в любой момент тоже могу облако выключить и посмотрим, чьи массажисты и косметички лучше!

— Конечно, дорогая, миссис Моррисон не стоит и твоего мизинца! — попрощался с ней м-р Хаггард, прекрасно зная, что моррисонова "*Свобода*" стоит всего на 20 процентов меньше его "*Голгофы*".

Когда экран погас, сидящие в хаггардовых креслах облегченно вздохнули.

— Что у нас следующим номером? — спросил тот, что сидел ниже.

— Торжественное открытие нового микрорайона для семей работников фирмы,— сидящий сверху продолжал мурлыкать.— У нас есть еще полчаса?!

— Валяй! — сказал нижний, *и она начала его валять.*

Город был необозрим в своем величии.

Из кабины аэрокара он был похож, однако, на гигантскую мишень для стрельбы из лука.

Концентрические круги застройки были разделены крест-накрест радиальными зелеными полосами лесопарков, посреди которых были проведены каналы, служившие зоной отдыха.

Центральная часть города была занята, естественно, правительственными учреждениями, потом шло кольцо общественных зданий, затем производственных, жилых и опять общественных и так далее — всего восемнадцать колец.

Архитектуру всего города нет смысла описывать, так как здесь были представлены все направления, когда-либо существовавшие в градостроительстве — от канонического античного до чудовищных спиралей и гигантских пирамид модерна.

Стоит подчеркнуть, однако, что все это нагромождение форм было гармонично и радовало глаз.

Что касается населения города, то оно приближалось к ста миллионам и продолжало расти. Но на улицах и воздушных трассах этого не чувствовалось. Причиной того было достаточное количество подземных скоростных дорог, и то, что люди жили вблизи мест работы и отдыха.

На севере от города высились горы, преграждавшие путь холодным ветрам, а на юге в ста километрах плескалось вечно теплое и ласковое море. Одним словом, место для столицы "свободного мира" было выбрано удачно, и за семьдесят пять лет его существования, кажется, еще никто не пожалел о том, что живет здесь.

М-р Хаггард не без гордости смотрел на последние три кольца, построенные при его участии, правда, на пару с Моррисоном, но от этого его честолюбие не страдало, слишком это было грандиозно.

Сегодня закончили один из сегментов наружного кольца — микрорайон на сто тысяч жителей, и большой праздник никак не мог обойтись без м-ра Хаггарда *(хотя, разумеется, он сам мог без него спокойно прожить).* Но крест надо нести, тем более, что этот крест был заведомо прекрасной рекламой.

Празднество намечалось грандиозное, до самой темноты, когда большой фейерверк будет наиболее эффектен.

"Моррисон тоже у себя вечером его устроит,— думал м-р Хаггард.— Но в столице его фейерверк будет почти не виден, так как вилла Моррисонов расположена далеко за городом *(как и вилла Хаггардов).* И его (то есть фейерверк) можно будет увидеть только по стереовизору, а он

целиком туда наверняка не поместится! Зато слово “Хаггард” будет высечено в небе чуть ли не над самым центром города. Вот так-то, м-р Моррисон!”

В течение трех часов мистер Хаггард был в центре сумасшествия, пока *(не без помощи секретарши)* он не улизнул, и по дороге домой перед его закрытыми глазами все продолжали мелькать голые девицы с барабанами и культуристы с рокерами, верхом на их ужасных гравициклах, оборудованных “тарахтелками” и дымовыми шашками.

И все это на фоне бешеной музыки, с музыкантами, которых явно навербовали в муниципальных дурдомах.

И сейчас была одна надежда опять-таки только на секретаршу, творившую своими чуткими руками чудеса с его головой.

И впереди был лишь один час тишины, а потом опять все сначала, теперь уже у Моррисонов. И до поздней ночи.

Так что — спать, спать, спать...

Говорят, что в душе, даже у самого отъявленного негодяя, на самом дне можно найти *(в микроскоп)* частичку доброго и человечного. Мистер Хаггард, конечно, к таким не относился, но все же у него в груди что-то потеплело и защемило, когда пожилой рабочий со своей не менее пожилой супругой долго тряс ему руку и, глядя в глаза, все рассказывал, как долго он работал, где только не побывал, чего только не испытал, и вот теперь на старости лет у него есть свой угол, и не просто угол, а дворец из пяти комнат (считая ванную, кухню и санузел), и что теперь не страшно и помереть, и он умрет теперь спокойно, и в любую минуту, только позови его м-р Хаггард и скажи: — “Том, иди, умри! Так надо!”

И он пойдет.

И хотя м-р Хаггард понимал, что все это обман, что нет никакого бескорыстия, а только трезвый и холодный расчет в том, что чем лучше будет жить рабочий, тем он лучше будет работать на него же, Хаггарда, но все равно, глядя в суровое лицо этого человека, которому он обязан своим благосостоянием, ему было непривычно вдруг ощутить просто радость, такую светлую и тихую, какую испытывает человек, подаривший другому частицу себя.

Правда, Хаггард никогда ничего не дарил.

Он мог только дать.

Но и это было все-таки приятно.

“Нельзя же, право, всю жизнь жить в скотстве, надо ж когда-то и долги отдавать, — думал он.— Ну, бог с ним, а то так и в компартию можно вступить.

Ох, и рады они будут моим миллиардам, “интерналисты” проклятые!

Правда, они сами не знают, куда девать собственные миллиарды.

У них, видите ли, перепроизводство: “*Нам ваших товаров и даром не надо, нам свои надоели*”.

Чтоб вы ими подавились!

А торговать-то надо, ох, как надо.

А где? Хоть и четверть Галактики практически принадлежит тебе, этим развивающимся слабакам вовек не расплатиться с долгами, и основную прибыль ты получаешь, как это ни прискорбно, от торговли с красными.

А с ними — разве это торговля?

Это скорее похоже на затянувшийся до бесконечности день страшного суда, когда тебя раздели, выставили на всеобщее обозрение и тыкают пальцами, зубы твои рассматривают, приседать заставляют, голос им подай, а потом начинают читать на весь белый свет твою дефектную ведомость: экстерьер, видите ли, не того, одышка имеется и на волосяном покрове проплешины!

А проплешины не от хорошей жизни!

Поконкурируй тут и с Моррисоном, и с вами, гадами, и на соцкультбыт внеси, и в бюджет, и меценатом будь, и нищим подавай!

Вам этого не понять!

У вас — “*гармония*”, “*единство духа*”, “*полное раскрепощение человеческих возможностей*”, “*свободное творчество*”, “*от каждого — по способностям, каждому — по амбициям*”.

Тьфу!

Одно слово — гады. Как вспомнишь о вас, так Моррисон родным братом покажется, единоутробным.

Говорю я ему, дураку, хватит, давай объединяться. Сожрут ведь, не поперхнутся, по очереди, сначала тебя, придурка, потом меня, старого идиота, а потом всю нашу систему схавают!

И будем мы у краснопузых в брюхе “Интернационал” хором петь, и вприсядку нижний брейк отплясывать, под балалайку!

Нет же, он знай себе улыбается и молчит, скотина косоглазая!

Хоть фамилия у него и англоязычная, а кровь дедушки-дзеофаня так и играет. Одно слово — камикадзе недорезанный!"

Последние мысли м-ра Хаггарда растворились в долгожданном сне, в котором он увидел прекрасный пейзаж с горой Фудзиямой, вокруг которой была Великая Китайская стена, а наверху гордо реял красный флаг с гербом Моррисона, только вместо слова "*Моррисон*" там было какое-то загадочное слово "*Мальборо*", а у подножия горы приткнулся чей-то мавзолей, то ли Мао, то ли Тадж-Махал.

И он, м-р Хаггард, гордо стоял в почетном карауле, весь такой черный-черный и кучерявый, с золотыми кольцами в ухе и в носу, совершенно голый, не считая набедренной повязки и боевой раскраски по всему телу. На ногах у него были стоптанные валенки, а на голове — заячий треух. В руках его было копье и тростниковый щит, а толстые красные губы сами по себе напевали неизвестный тарабарский мотив с еще менее известными словами на очень знакомом и непонятном языке :

Я — маманя Груня!
Я — папаня Груня!
Скоро вырасту большой
Тоже стану Груней!

Самое интересное в этом сне было то, что если бы м-р Хаггард не спал и ему показали бы все эти предметы, вроде горы Фудзиямы, или валенок, то он бы ни в жисть не догадался, с какой это планеты и для чего они предназначены, особенно шапка-ушанка.

А что такое "*Груня*", мы и сами не знаем!

Вот!

— Мистер и миссис Хаггард! — гаркнул здоровенный мужик с огромной седой бородой в каком-то дурацком черном костюме, обшитом золотом и в не менее дурацком головном уборе, в котором истинный знаток старины узнал бы фуражку с кокардой.

Мужик стукнул об пол какой-то палкой, которая вся переливалась и искрилась, и тут же грохнул фейерверк, затрубили фанфары, раздвинулась стена, и из нее вышли те, про кого он гаркнул, освещенные лучами расфокусированных лазеров.

Миссис Хаггард выполнила свое обещание и через полупрозрачное облако, которое все время меняло цвет и форму, было видно, что для своих сорока лет она совсем еще ничего, и если бы какой-нибудь злодей, решивший разрезать ее пополам, сфокусировал бы лазеры, то в образо-

вавшемся полумраке *(так как сфокусированные лазеры дают намного меньше света, чем расфокусированные)* миссис Хаггард можно было б дать лет эдак — так 18 или даже 25!

М-р Хаггард, поддерживавший под руку свое драгоценное "*облако*", был в белых штанах, имевших экзотическое название "*шорты*", и свободной белой блузе, на груди и спине которой все время менялись "*веселые картинки*". То есть был одет просто и с намеком на то, что явился сюда с серьезным намерением вовсю повеселиться.

И его импровизированный карнавальный костюм под кодовым названием "*Том Сойер*" к концу вечера мог даже очень запросто стать "*Геком Финном*".

— Дорогие друзья! Мы рады Вас приветствовать в нашем доме, который с того момента, как Вы перешагнули его порог, принадлежит Вам безраздельно! — продекламировал загробнолукавым голосом м-р Моррисон, встав навстречу гостям.

"Все-таки Моррисониха подложила нам свинью,— подумал со злостью м-р Хаггард, рассматривая помещение, куда они попали.— Мы явно вписались в этот интерьер со своими костюмами, как кисть маляра в полотна Сикейроса! А у моей коровы нет ни капельки хитрости и расчетливости, кроме как повыставлять свои телеса на всеобщее обозрение. Так ей и надо! Здесь приличное общество, а не ванная комната, а Моррисоны никак не похожи на дога с саламандрой!"

— Ой, что это на вас одето? Ой, куда это мы попали? — двадцатисемнадцатилетним голосом заквакала миссис Хаггард, нервно регулируя свое злосчастное облако на интенсивное свечение.

— У нас сегодня "*ретро*"-карнавал! — не менее молодо закудахтала миссис Моррисон. В отличие от легкомысленных Хаггардов, одетая соответственно в "*ретро*"-костюм, то бишь в длинное парчовое платье со стоячим кружевным воротником. На голове у нее была высокая замысловатая прическа со множеством огромных булавок, торчащих в разные стороны, а на глубоко декольтированной груди висел довольно приличного размера ящичек с какими-то цифирками.

— Ой, что это у тебя такое? — подбежала к ней миссис Хаггард и схватила ящичек обеими руками, раза три интенсивно встряхнула и поднесла к своему уху.

— Это настоящие древние электронные часы с поэтическим названием "*Будильник*"! — торжественно заявила Моррисониха, вовсю смакуя свой триумф.— Я за них отвалила стоимость приличной планеты!

— Ой, какая прелесть! — не отрывая от уха часы, будто надеясь, что электроны затикают, прощебеквакала миссис Хаггард.

— Дай мне померить!

— Пожалуйста, дорогая!

Пока женщины вертелись друг перед другом, м-р Хаггард с тоской подумал, что те дебилы и олигофрены, которые смотрят на них сейчас по стереовизору, ничего не понимают и все принимают за чистую монету.

И очень здорово, что красные не интересуются такими передачами, кроме, конечно, их Кэ-Кэ-Бэшников *(сотрудников Комитета Коммунистической Безопасности),* которые, конечно, не поймут юмора м-ра Моррисона, подсунувшего своей мегере эту рухлядь, и будут ломать себе голову, какое это новое защитное оружие массового поражения поступило на вооружение его внутренним оккупационным войскам и какую, наверное, страшно разрушительную силу оно имеет, судя по размерам этой будильной бомбы!

И будем надеяться, что единственный человек, который может уличить их в пошлости — красный посол м-р Пэтрофф,— как всегда на официальных и тем более на неофициальных приемах, восседал в данный момент в дальнем баре этого огромного здания *(по рекомендации главного эксперта в этом вопросе головного Его Императорского Величества Института Марксизма-Ленинизма имени Рональда Трумэна),* и дежурные девицы угощали несчастного м-ра Пэтроффа якобы самым любимым его напитком, который он, естественно, употребляет у себя дома каждый день из самовара — особой, очищенной, под старинным названием *"Смирновская"*.

И оное название произошло видимо от ихней застольной команды *"Смирна!"*, наверно, имевшей такой же смысл, какое действие оказывает этот божественный нектар на подопытный организм, против которого применяется данное средство.

Бедный м-р Пэтрофф! Опять он уедет в самый разгар гулянья по неотложным и срочным делам.

И не пройдет и года, как нам пришлют нового посла, а м-ру Пэтроффу присвоят звание Герой коммунистического труда и дадут орден *"За боевые Заслуги в мирное время"*. И отправят нашего героя в санаторий лет эдак так на пять, лечить свое подорванное здоровье и сочинять отчет о проделанной работе.

"Правда, надо не забыть завтра дать указание и выкинуть на рынок точно такие же часы,— деловито подумал м-р Хаггард.— После нынешней трансляции на них будет неплохой спрос, если, конечно, этот бандит их уже не выкинул",— и дружески обнял малорослого, также одетого по сценарию *"ретро"* в карнавальный смокинг и огромный черный цилиндр, своего заклятого *"друга"* м-ра Моррисона.

И они мило улыбнулись, без слов понимая друг друга, что, как говорится в старой доброй полиземляндской поговорке из Новой Зелундии: "Чем бы жена не тешилась, лишь бы не вякала!" *(Или не квакала, хрюкала или гавкала, как вашей душе будет угодно!)*

Помещение, в котором они все находились, было обставлено в стиле Марии-Антуанетты, якобы имевшей возможность покупать себе мебель только на барахолке или в комиссионных магазинах. И чувствовалось, что это делалось сообразно тонкому вкусу, с коим свинья поедает апельсины.

Все эти несуразности и смешение стилей всех эпох и народов также было частью очередной коварной хитростью м-ра Моррис-сана, а может, и Моррис-джана.

"Эх, зря мы в свое время сбросили на них всего две бомбы,— с тоской подумал м-р Хаггард,— а потом чикались и *чанкайшились*, все красной заразы опасались! Лучше уж немного поболеть краснухой, чем желтухой, при нашем всеобщем загнивании. Ведь что гад делает?! Все кланяется и кланяется,— мол, смотри, какой я темный и глупый! А стоит отвернуться— так нож в спину воткнет, убивец! Ведь он смеется над нами! И не придерешься! Смеется ведь в открытую, как бы приглашая тебя с ним посмеяться над данным балаганом. А ведь, возможно, он специально подсунул нам этот секретный код вызова их банковского счета, чтобы мы всполошились и наделали бы глупостей в то время, как дело уже сделано и уже исправить ничего нельзя. Никто же кроме него не знает, как долго они тратились и что уже успели напакостить на эту астрономическую сумму",— рассуждал м-р Хаггард, не зная, как он близок к истине, и что в скором времени этот мир ждут такие потрясения, с коими "культурная революция" в древнем Китае с его тогдашним президентом-императором Мао сравнимы также, как взрыв сверхновой сравним со вспыхнувшей спичкой.

— Дорогая, у вас здесь так мило. Ну прямо как в средневековом замке. И вы сами так ослепительны, ну прямо королева! — продолжал светскую беседу голос миссис Хаггард, доносившийся из клубка искр и ярких вспышек, в который превратилось хваленое облако.— Я никогда ничего подобного не видела!

"Интересно, видит она хоть что-нибудь, находясь в этом шедевре пиротехники,— начинал уже в самом деле злиться м-р Хаггард.— Слава Богу, что все это бутафория. А то включилась бы система пожаротушения, и остолопы, смотрящие на нас, подумали бы, что мы даже в свободное от работы время занимаемся рекламой моющих средств".

— Мы недавно были на Земле-1 по туристической путевке, видели всю

эту старину в оригинале, и кто бы мог подумать, что это так интересно — жить среди всех этих вещей, так одеваться,— продолжала важничать миссис Моррисон.— Там столько разных заповедников, с такими смешными названиями: "*Франция*", "*Германия*", "*Польша*", и говорят, что столько же существовало народов. Представьте себе, а я думала, что всегда было только четыре нации: англо-американцы, негры, китайцы и русские! — и это говорила образованнейшая женщина, читавшая в оригинале Овидия и Плутарха!

"Что-то с нами не так. Мы куда-то катимся, и начинает казаться, что не мы правим миром, а он нас ведет к безумию и ограниченности! — м-ру Хаггарду было тошно видеть этих самок и было противно и стыдно за себя и за м-ра Моррисона.— Ведь мы неглупые люди и, кажется, неплохие и талантливые организаторы, ан нет, приходится строить из себя дурака, чтобы быть ближе к той серости, что на тебя смотрит и берет с тебя пример. За все надо платить, а так как деньги в основном платят тебе, то приходится расплачиваться своей личной свободой. Надо дать задание разработать кибера, мою копию, и пусть он лыбится с экрана ежедневно вместо меня!"

От этой мысли к м-ру Хаггарду вернулось хорошее настроение, и он весело засмеялся. Миссис Моррисон приняла этот смех на свой счет и ободренная тем, что ее юмор оценили, с еще большим воодушевлением продолжила рассказ:

— А на обратном пути мы посетили Столицу красных и видели там много интересного. Представьте себе, эти красные не умеют скрывать своих чувств и, как видно, совершенно невоспитаны! Мы видели на их лицах слезы, гнев, удивление, задумчивость, нерешительность, тогда как у нашего самого несчастного калеки никогда не сходит с лица счастливая улыбка! Это говорит о том, что даже в самую трудную минуту нам лучше живется, чем им там в их "*коммунистическом раю*",— миссис Моррисон заулыбалась, видимо, подражая "*несчастному калеке в его трудную минуту*".

"Агитатор-пропагандист,— констатировал про себя м-р Хаггард, широко улыбаясь вместе со всеми.— Ведь прекрасно знает, что если не будешь улыбаться все время, то Служба здоровья сразу причислит тебя к неблагонадежным. А для того же калеки это означает потерю пособия и высылку на дальнюю суровую планету. А к красным они не так просто летали! Видно, Моррисон хотел подлизаться к ним. Ну, ничего, мне завтра доложат, что у него из этого вышло!"

И еще более демонстрируя свою лояльность посредством зубоскальства, м-р Хаггард обратился к хозяевам "*ретро*":

— Так чем вы нас сегодня порадуете?

— О, мы постараемся вас так повеселить, чтобы после нашего вечера вы еле ноги дотащили до постели! — сострил м-р Моррисон и, взяв с антикварного столика с кривыми ножками не менее антикварный серебряный колокольчик, начал в него звонить.

"Будь твоя воля, мы бы давно ноги протянули!" — продолжал про себя бормотать м-р Хаггард, наблюдая, как опять появился тот забавный бородатый мужик, держа на вытянутых руках огромный пластиковый папирус, и начал читать громовым басом:

— Леди энд джентльмены!

В программе сегодняшнего представления Вы увидите, услышите и почувствуете следующие экзотические номера:

1. ужин с классическим балетом;

2. концерт звезд мировой эстрады прошлых веков с плясками;

3. веселая викторина "*Что? Мне? Зачем?*" с подарками;

и, наконец:

4. *Сюрприз*, приготовленный нам м-ром Моррисоном!

При последних словах мужик топнул ногой, под ним открылся люк, куда он мгновенно провалился и откуда взвился вверх столб пламени.

Карнавал начался!

За столом все здорово повеселились.

Оказывается, раньше ели не руками, как все нормальные люди, а какими-то серебряными штуками.

Ими надо было тыкать, резать и поддевать варварскую пищу.

Эта, с позволения сказать, пища, оказывается, была без стандартной упаковки в брикеты, покрытые антисептичной, мгновенно рассасывающейся, бесцветной и безвкусной пленкой. И вообще, эта пища была больше похожа на маленькие цветочные клумбы, в которых участники ужина забавно рылись вышеназванным серебром, как гробокопатели в поисках сокровищ, что подтверждалось обильным добыванием костей и других непотребностей.

Правда, надо признать, что эта экзотическая пища была довольно вкусна, но, право, увольте,— хоть ты и научился уже владеть инструментом и салфеткой — вскорости высокие гости и не менее высокие хозяева были покрыты с ног до головы разноцветными жирными пятнами.

Маскарад был в разгаре!

Хаггарды в данной экстремальной ситуации оказались более приспо-

собленными к выживанию. Костюм "*Том Сойер*" безболезненно для предначертанной ему судьбы принял промежуточную для себя стадию под названием "*Робин-Бобин-Челобрек*", а "*облако*" бесследно поглощало все, что в него роняли, и только обнаженное тело миссис Хаггард, служившее конечной станцией их *(огрызков)* путешествия, регулярно требовало интенсивного почесывания, что было легко проделывать из-за присущего данно́му образцу "*облака*" свойства сверкать.

Моррисонам же было намного труднее. Белый воротник хозяйки превратился в неоднократно использованную лакмусовую бумажку, *(мы, правда, не совсем уверены, что эту бумажку можно использовать больше одного раза).* И очень пикантно гляделась зелень на булавках в прическе. А наиболее сладкие куски летели в жадную пасть декольте, и миссис Моррисон время от времени засовывала туда свою ручку. Если ей везло и она там что-то находила, то тут же отправляла это "что-то" себе в рот.

Правда, она иногда снова промахивалась, и тогда это попадало за шиворот м-ру Моррисону, сидевшему рядом.

О м-ре Моррисоне можно было сказать только однозначно: вид его был ужасен!

Так что обед удался на славу. Тем более, что вино лилось рекой в прямом смысле слова, так как все привыкли пить только из горлышка разовой посуды, а тут эти, так называемые стеклянные бутылки, из которых надо сперва налить в не менее хрустальные фужеры, а те надо держать за тонкую ножку руками, скользкими от соуса — и без дозировочного клапана все захлебывались, так что веселье лилось не только через край, но и за шиворот.

Ко всему этому хорошим подспорьем был обещанный классический балет.

Как объяснили гостям, танцоры были одеты в настоящие танцорские костюмы, такие белые-белые и облегающие, только у танцорши кружевной воротник был не на шее, а на талии.

Но это обстоятельство ничуть не мешало кидаться в них объедками.

В конце концов, когда партнер подхватил свою партнершу и подкинул *(что символизировало возвышенность его чувств),* он наступил на что-то скользкое и упал.

Партнерша, естественно, упала на него, и они долго копошились, пытаясь подняться, и все это под чудную музыку Петра Ильича Чайковского.

Режиссер, руководивший этим безобразием *(званый обед “а ля силь ву пле”)*, увидев, что гости с хозяевами насытились и дружно чешутся, понял, что настал момент сменить декорации. И сменил их.

Со всех сторон начали бить струи разноцветной от моющих средств воды, и Моррисоны начали дружно срывать с себя балаганные костюмы до тех пор, пока не остались в чем мать родила, и с удовольствием стали плескаться в радужных струях.

М-р Хаггард, решив, что он уже довольно точно похож на *Гека Финна, переплывшего Миссисипи,* также сорвал с себя спецодежду.

Миссис Хаггард, к сожалению, нечего было с себя срывать, но, видя, что все уже нагишом, тут же сделала свое “*облако*” прозрачным.

Купание продолжалось недолго и сменилось воздушным душем...

...Может быть кого-нибудь из читателей шокировала эта сцена, как-никак взрослые, солидные люди, да еще к тому же идет трансляция, а они — голые!

Но в те времена нравы уже растеряли свое излишнее пуританство, и не было ничего предосудительного в обнаженном здоровом теле (а наши герои были здоровы и хорошо сложены для своих лет).

С эротической же точки зрения обнаженное тело почти утратило свою силу, давно уступив место действию. По сценарию предусматривался обязательный показ хозяев половины мира раздетыми, как в хорошей рекламе товар всегда непременно показывают в натуральном виде.

После сушки всем были предложены новые карнавальные костюмы.

Хаггарды, уже пощеголявшие в легких одеждах, выбрали себе костюмы времен освоения Дикого Запада: М-р Хаггард нарядился ковбоем, а его половина, соответственно, — женой ковбоя.

Моррисоны же, изрядно попотевшие в тяжелых доспехах былой аристократии, решили одеться естественно и предпочли детскую одежду.

На хозяине дома была белая панамка, белая рубашечка, до колен штанишки с бретельками, красные носочки и летние сандалики, а у хозяйки были на голове три хвостика с огромными красными бантами, далее пестрил цветастый сарафанчик, причем он кончался выше колен сантиметров так на тридцать, и из-под него виднелись огромные белые кружевные панталоны. А завершали наряд красные туфельки с бантиками.

В сумме получилась большая дружная семья из четырех человек, в состав которой входили: сердитый папа, опять узревший в этой костюмерии

коварные козни своего лютого врага, беззаботная мама и шаловливые дети.

Сразу же начался обещанный и долгожданный концерт.

Стены поднялись, и все оказались на открытой площадке, висевшей над необозримым залом, который был наполнен копошащимися в объедках пьяными и веселящимися гостями.

В зале было человек девятьсот — все сидели за столиками *(а кто и под ними)*,— так что по одному этому можно судить о размерах этого зала.

Среди приглашенных были ведущие сотрудники обеих фирм, представители городской администрации, журналисты, конгрессмены, военные, послы наиболее значимых, а также дружественных планет *(кроме, конечно, м-ра Пэтроффа, который стоял грудью против происков империализма — за стойкой дальнего бара).*

Недостаток женщин среди вышеперечисленных слоев населения восполнялся личными секретаршами, а также собственными и чужими женами.

Минут пять семья "Моггардов" *("Харрисонов")* наблюдала по индивидуальным мониторам за этим затейливым зрелищем, вертя ручки увеличения изображения.

Внизу тоже начался душ и одевание новых костюмов. Когда все угомонилось, то на сцене, которая по площади равнялась залу, началась артиллерийская подготовка, выразившаяся в интенсивных взрывах и море пламени.

Это была увертюра к праздничному концерту.

Дым стал рассеиваться, и на сцене оказались шесть человек, застывших в разных позах со странными предметами в руках.

— Это копии популярных древних музыкантов,— объяснил м-р Моррисон,— а в руках они держат древние музыкальные инструменты.

— Неужели они будут играть таким варварским способом? — удивилась миссис Хаггард.

— Конечно, нет,— успокоил ее м-р Моррисон.— Играют они, как обычно, мысленно управляя компьютерами, а этими инструментами создается правдоподобный имидж.

— Значит раньше играли даже мечом по щиту? — не унималась миссис Хаггард.

— Нет, что вы! — М-р Моррисон рассмеялся.— Это же певица! Она просто изображает амазонку!

— Знаю, знаю! — миссис Хаггард радостно захлопала в ладоши.— Это такое озеро на Америке-4!

— Да нет же, амазонки были женщинами-воинами, не признававшими власть мужчин.

— Значит, я тоже немножко в душе амазонка! — миссис Хаггард изобразила на лице воинственность и взглянула на своего мужа.

"Сточная канава ты, а не амазонка!"— подумал м-р Хаггард, *хотя о своей жене грех так даже думать, но самокритика — святое дело, а, признавая ее вышеназванным источником, он бросал тень прежде всего на самого себя, так как хотя не ежедневно, но регулярно в нем купался и пил из него.*

— А что это за пестрое чудовище с палкой? — не унималась миссис Хаггард, решив до конца установить социальный и этнический состав этой группы былинных существ.

— Во-первых, это не палка, а "лидер-гитар" — древний ударно-щипковый инструмент, а то, что вы окрестили "чудовищем", является "драконом" — участником ансамбля "Поцелуй", очень популярного в средние века в расцвет церковно-салонных баллад в стиле кантри-рок,— ответил м-р Моррисон, будучи в душе явно меломаном.

— А вон стоит копия моего мужа, и опять с палкой! — Бог явно не обделил миссис Хаггард наблюдательностью.

— Точно! Этот наряжен ковбоем, видите, у него есть ковбойская шляпа, на бедрах — патронтаж, а на плече — автомат, без которого в прериях делать нечего. Но только вы опять, миссис Хаггард, спутали палку с "бас-гитарой", древним струнно-стенобитным орудием,— и, не дожидаясь, пока его спросят о других участниках ансамбля камерной музыки, м-р Моррисон продолжил:

— А вон та, с красными волосами,— это клавишница, а на груди у нее клавишный инструмент, называется он так из-за клавиш. Вон, видите, беленькие и черненькие такие полосочки. Она по ним бьет пальцами и этим показывает название нот, которые надо играть оркестру, спрятанному в яме перед сценой. От того этот инструмент и называется "стрингс-оркестр".

— Как же сложно было раньше играть бедненьким музыкантам. Наверное, из-за этого они исполняли такую примитивную музыку, — *миссис Хаггард ни черта не понимала в хард-роке!*

— А тот мужчина во фраке, сидящий за большим черным ящиком, называется пианист, а тот — в майке, окруженный стеклянной и медной посудой — барабанщик,— закончил представлять м-р Моррисон диковинные профессии, освоенные в совершенстве древними лабухами.

Пока м-р Моррисон просвещал миссис Хаггард, музыканты начали играть и петь. Делали они это очень весело, правда, то, что они играли, и тем более, то, о чем они пели, разобрать было нельзя — стоял сплошной рев, и только душераздирающий визг певицы указывал, что в тексте есть намек на ту незавидную долю, доставшуюся женщине в те суровые времена, когда на многострадальной Земле господствовала эмансипация.

А в целом слова и музыка здесь были совершенно излишни. Каждый из участников сопротивления невзгодам, существовавшим в прошлом, демонстрировал наглядно, как он с ними боролся.

Певица, непрерывно издававшая боевой клич, махалась огромным, ослепительно сверкающим мечом в окружении стаи человеко-псов и каждые сорок секунд срубала по одной собачьей голове. Головы ложились у ее ног горой, и она посредством их медленно, но верно возвышалась.

Конечно, это были всего-навсего комбинированные съемки, и все, что творилось на сцене, было всего лишь трансляцией на огромный стереоэкран, перегородивший ползала. И самой сцены на самом деле не было, хотя она, конечно, существовала где-то в студии. Но нас это уже не касается.

Итак, вернемся к нашим драконам...

Дракон тыкал палкой, пардон, гитарой в разные стороны, ужасно корчил рожи, и особенно старался показать всем зрителям свой язык, имевший длину не менее полуметра и раздвоенный на конце. Был он шустрым малым, так как одновременно с этим скакал козлом по сцене и пускал из ноздрей пламя, а из ушей — голубой дым.

Ковбою же его палка быстро надоела или он, сочтя ее непривычным, а, может быть, и недостойным орудием, разбил ее вдребезги о спинные шипы дракона *(тот этого даже не заметил)* и, достав свой проверенный в боях "шмайссер", начал пулять из него то в публику, то в своих дружков. Надо честно признать — он был в этом деле большой мастер, так как ни одна из его пуль не попала ни в тех, ни в других. Но зато, когда на него напали человеко-псы, он их стал косить дюжинами, только шерсть клочьями летела.

Бабу со стиральной доской *("стринго-оркестр")*, видимо, сразу же укусила какая-то бешеная собака и она, взбесившись, взобралась на черный ящик *(рояль)* и начала бить по голове мужика во фраке, видимо заподозрив в нем конкурирующую фирму. Когда бить стало нечем, она прыгнула на него, и они стали кататься под роялем *(даст ист блэк бокс!)* в смертельной схватке.

Хаггард подумал, что, может быть, они тайные любовники, давно не

PUNK!

имевшие возможности встретиться, а тут выдался такой удачный случай побывать друг у друга в объятиях без страха быть застуканными. Хотя это была чушь, — она его так стукала по голове, что скорее можно было предположить, что они муж и жена, и у него сегодня была получка, а распределение семейного бюджета — непростая штука!

На барабанщика сзади напал огромный осьминог, и бедный передовик производства *(“Ударник комплексного труда”)* совершенно напрасно боролся с обвившими его двумя щупальцами — ведь остальные в это время делали за него его работу, а так как их было много, то они явно переполняли план по количеству ударов и по силе, кажется, тоже.

Не прошло и трех минут, как вся “посуда” разлетелась вдребезги, а последнюю уцелевшую тарелку осьминог обернул вокруг головы несчастного драмсиста.

Короче, побоище на сцене было в самом разгаре.

Шестерка гладиаторов была прекрасно подготовлена, и на подмогу их врагу подошли свежие подкрепления, которые состояли из монгольской конницы, взвода эсэсовцев, гвардейцев кардинала, объединенного племени краснокожих с людоедами и банды люберов.

Что тут началось!

Вся эта орава скакала по сцене *(благо было где скакать)*, дружно орала, стреляла, кони ржали, людоеды лязгали зубами, свистели стрелы, сверкали сабли и шпаги, взрывались гранаты с длинными ручками, барабанщик кряхтел и сверкал медным лбом!

На правом фланге действа любера наконец-то навели порядок в семье клавишников, заставив мужа заняться делом, то есть играть на рояле и не валять дурака *(свою жену)*, а ее раздели *(с ее добровольного согласия, разумеется)* и нагишом заставили плясать перед мужем на крышке “ящика”, что вошло в соответствие с их представлением о порядке в здоровой и гармоничной семье.

В центре боя людоеды, не разъединившись с краснокожими, совместными усилиями освободили “щупальцеборца” из объятий головоногого, и на радостях, в честь столь славной победы, решили принести несчастного меднолоба в жертву своим богам, а людоеды — заодно и съесть. Тут же связали бедняжку и повесили за ноги к треноге из копий, потом из обломков барабанов развели под ним костер, а так как “дар божий” висел высоковато над пламенем и поджариться в меру должен был нескоро *(чтобы боги остались довольны, решено было поджарить его на медленном огне)*, то, не теряя времени, стали тут же жарить куски кальмара, которые сумели отрубить во время великой битвы и позорного бегства последнего.

При этом людоеды пели веселые песни и плясали, а краснокожие были злы, потому что не сумели снять с жертвы скальп *(их ножи не брали металл тарелки, как они ни старались, а разбить ее топорами они побоялись, так как тогда нечего было бы снимать и в жертву приносить).*

На левом фланге наступило временное перемирие, в ходе которого обе противоборствующие стороны выявили единство своих целей и образовали оборонительный союз.

Решено было провести учения, эсэсовцы построились “свиньей”, в арьергард встали французские гвардейцы во главе с сестрой Жанны д’Арк, а на флангах *(слева и справа)* встали ковбой и англицкий дракон.

После построения был произведен превентивный удар по люберам, о чем нападавшие *(то есть НАТО!)* очень пожалели, что связались с “качками”.

Те им быстро накостыляли: “фармазонку” отправили плясать на рояль к своей “побочной” сестре, из пленных немцев организовали стройбат, который со знанием дела *(не впервой!)* начал рыть противотанковые рвы против конных орд кочевников, а связанных по рукам и ногам гвардейцев, ковбоя и дракона отправили братским развивающимся народам *(людоедам и краснокожим)* в качестве культурной и продовольственной помощи.

Таков краткий пересказ данного концерта в стиле “хэви-металл”.

И пусть тот, кто видел это грандиозное зрелище, теперь посмеет сказать, что поп-музыка не несет в себе никакого духовного богатства и не связана корнями с исторической правдой нашей жизни!

Шум боя на сцене постепенно стал спадать, в связи с перекуром, когда из-под потолка, в перекресте прожекторов в центр зала опустилась новая певица.

Ее нельзя было назвать худой, по сравнению с уже выступившей певицей, и одета она была непонятно.

Зато на лице четко и явственно различалась *святая ложь.*

— Сейчас она споет древнюю песню о бренном существовании человека в мире техники, — подсказал м-р Моррисон.

Зазвучала спокойная музыка, и певица запела вкрадчиво:

Пусть все остается как есть на самом деле.
Не нужно иллюзий — они надоели,
Не надо бравады — естественным лучше,
Все равно растворимся в человеческой гуще!
Ведь мы — как кино, как немые картины,
Живые машины,
Живые машины...

Тут же со всех концов сцены начали двигаться толпы роботов и инопланетных существ, которых изображали брейкеры.

Любера опять приготовились к обороне.

"Все-таки с красными Моррисон не договорился,— решил м-р Хаггард.— Слишком уж агрессивны у него эти подмосковные гавроши".

А певица продолжала петь уже сильным голосом:

Вот что-то сработало внутри головы,
И вот мы в кого-то уже влюблены!
Программа решает, что делать тебе,
Спасибо, Создатель, твоей голове!

Брейкеры подхватили припев и, не переставая дрыгаться-вертеться в конвульсиях, повторили его металлическими голосами, явно пропущенными через вокодеры.

А певица продолжала петь уже в железном ритме, извиваясь всем телом в лучах лазеров:

Мы думаем-мыслим, мечтаем порой,
А он наблюдает всегда за тобой,
И что б ты не сделал, чего б не достиг,
Ты выполнишь волю Его в этот миг!
Ведь мы словно сеть,
Как куски паутины,
Живые машины,
Живые машины!

Мы молимся Богу, мы тонем в вине,
Мы ищем смысл жизни в мирской пустоте,
Целуем любимых и бьем их подчас,
И все по программе, заложенной в нас.
Стремимся постичь мудрых истин вершины,
А ведь мы всего-навсего —
Живые машины!

И опять все запели припев и повторили его три раза.

Правда, под конец он плавно "затух", поскольку любера успели за это время всех разогнать, так что петь больше было некому.

— Я теперь знаю, почему вышла замуж за тебя, милый! — миссис Хаггард вытерла слезу и повернулась к мужу. — Так было предначертано свыше!

“Так решили твои родители, когда поняли, что ХДК и без приданого проглотит их паршивую фирму-ширму!”— подумал м-р Хаггард, но мило улыбнулся своей избраннице.

— А сейчас — танцы всех времен и народов! — бодро объявил м-р Моррисон.

Тут же на сцену выпрыгнули орды танцоров в разнообразных национальных костюмах и начали плясать каждый свое: кто “Сиртаки”, кто “Лезгинку”, а кто “Казачок”. Гости внизу так же начали отплясывать интернациональный танец “С похмела — пополам”, а м-р Моррисон пригласил миссис Хаггард на вальс.

Миссис Моррисон и м-р Хаггард дружно начали хлопать в ладоши им в такт, и всем было очень весело, и было еще несколько номеров, после чего начался третий раунд матча — обещанная викторина с вручением настоящих предметов старины в качестве подарков.

Первый “вопрос” появился крупным планом на экране *(это было изображение велосипеда),* и нужно было ответить — что это такое и для чего предназначено?

Названия не знал никто. А вот об области его применения была высказана масса предположений. В частности было сказано, что это — орудие пыток, стереофоническая прялка, автодрезина на монорельсовой дороге и так далее. Однако приз получил тот, кто утверждал и настаивал на своем: перед нами основное средство передвижения мотопехоты во время третьей мировой войны.

Победитель был награжден древней электрокофемолкой.

Он ее долго и победно тряс над головой, потом,— видно начитавшись рыцарских романов, подумал, что обрел наконец свою чашу Грааля,— налил в нее вино и стал пить из нее, пока не переполнился счастьем.

Далее на опознание была представлена книга с интригующей надписью на обложке — “*Азбука*”.

Тут были высказаны предположения, что это: упаковка для блока видеокассет, противотанковая мина, коробка конфет и подарочный кирпич. Но победителем оказался тот, кто сказал, что это — “*Пластырь для малограмотных слоев населения*”, за что и был награжден данным „талмудом”.

Третьим номером *(мой самый любимый размер)* был выставлен на всеобщее обозрение бюстгальтер.

Опять сказали, что это орудие пыток, древние стереонаушники, фуражка для двуглавов с Сигмы-7 и прочая ерунда. В этом конкурсе победителя не нашлось, и для просвещения масс предмет продемонстрировали участникам в действии.

Тут же “заплечных дел мастер”, видевший во всех показанных ранее предметах орудия пыток, стал протестовать, утверждая, что он угадал правильно, но с ним не стали спорить, а подарили ему этот лифчик, сказав, что он может проверить его в действии на своей жене, которая сидела тут же, рядом с ним — огромной бабище *(а злосчастный бюстгальтер был первого номера)*. Она за это наградила его, повторно, звонкой оплеухой и обещанием дома повысить ему квалификацию, показав несколько новых методов и приемов в его любимом деле и хобби.

Одним словом, викторина проходила очень весело. Гости познакомились еще с некоторыми диковинными и невиданными вещами, например, с телефоном, шариковой ручкой, зубной щеткой, мужскими “семейными” трусами, газовой плитой, унитазом и расческой.

После чего раздали несколько поощрительных призов, один из которых достался знатоку пыток, увидевшему во всех вышеназванных предметах свои любимые “игрушки”.

После викторины объявили последний номер программы — *Сюрприз!* Для участия в финале всем предложили разделиться на группы по сорок человек, с равным количеством мужчин и женщин.

Хаггарды и Моррисоны присоединились к первой группе, состоявшей из их собственных секретарей, а также из наиболее уважаемых гостей с их подругами.

— Итак, что же вы нам готовите? — м-р Хаггард старался быть равнодушным, что, впрочем, не требовало от него особых усилий. После сегодняшнего “бедного” впечатлениями дня его восприятие действительности порядочно притупилось, а принятый в течение вечера внутрь *(и наружно)* алкоголь уже перестал действовать, уступив место наступавшему похмелью, опаснее коего ничего на свете нет, что могут подтвердить несчастные, страдающие этой почти не излечивающейся болезнью.— Нападение давешней сборной команды бандитов?

— Нет, что вы, они давно уже расформированы, а мы вам предлагаем безобидный и увлекательный аттракцион. Он доставит вам, как мы надеемся, удовольствие.

М-р Моррисон улыбнулся и нажал на пульте монитора, за которым сидел, какую-то кнопку.

На экране появилась трехмерная схема, очень похожая на клубок спутанных ниток.

— Ага, нам надо угадать, что это такое. За это мы получим в награду

еще один бюстгальтер! — сострил м-р Хаггард и обнял свою жену.— Мы из него сделаем чепчики не хуже вашей панамки, м-р Моррисон!

М-р Моррисон вежливо улыбнулся "шутке" и начал:

— Завтра во всех районах столицы, во всех остальных городах нашей благословенной планеты, на других планетах, где есть отделения нашей фирмы, мы открываем новый аттракцион под названием "Гравитационный лабиринт", или сокращенно — "ГраЛ". — Чтобы подчеркнуть значимость такого события, оратор снял с себя панамку и прижал ее к груди.— Мы много работали, чтобы воплотить в жизнь эту прекрасную *задумку,* и вот теперь это осуществилось! Сегодня вы будете первыми посетителями увлекательного чуда инженерной мысли!

— А это не опасно? — хотя миссис Хаггард ничего на свете не боялась, кроме, разумеется, старости, ей, однако, надо было поддерживать почетное звание "слабого пола".

Моррисон обернулся в сторону Миссис Хаггард:

— В этом и было главное препятствие для реализации этой заманчивой идеи. И пока не было найдено технического решения, обеспечивающего полнейшую безопасность клиента, мы не решались выпустить "ГраЛ" в эксплуатацию,— м-р Моррисон вернул себе на голову панамку обеими руками, будто бы решаясь: "*выпускать клиента или не выпускать*".

— Как вы видите на схеме, этот запутанный лабиринт состоит из труб, имеющих разветвления и тупики. Трубы сделаны из гравигенного материала, и, если поместить вовнутрь какой-либо предмет, он будет висеть по центру трубы. Если же перед предметом будет участок повышенной гравитации, и он будет двигаться от этого предмета, то оный последует за ним! — Моррисон победно вскинул кверху свой куцый подбородок.

"Наверное, Моррисону по ошибке подсунули отрывок из лекции по горному делу,— подумал м-р Хаггард и изобразил на лице явную заинтересованность.— Уже лет двести на всех нормально развитых планетах так устроены трубопроводы для сыпучих грузов".

— Но самое главное в том,— продолжал потомственный горняк,— что гравигенный материал стенок трубы удалось изготовить эластичным!

"А теперь он читает инструкцию об устройстве боевого скафандра",— м-р Хаггард сразу протрезвел и подумал, что Моррисон ради прибыли пошел на рассекречивание стратегической технологии. Это же конфликт с военным ведомством, что было очень смелым шагом. И это мог себе позволить только слишком независимый человек. — "Значит, у него за пазухой что-то есть, а что — мы не знаем".

Морррисон запустил руку за шиворот своей рубахи и достал оттуда

большой металлический предмет, поднял его над головой и начал им трясти.

— Вот он, символический ключ от нового аттракциона. Я вручаю его моей дорогой гостье, миссис Хаггард! — и, кланяясь, он передал ей свой дар.

“Дорогая, тресни его по башке этой железякой!” — подумал м-р Хаггард, и, улыбнувшись, сказал своей жене:

— Этот ключ мы повесим в Розовом зале, между чучелом нашей бывшей кошки и бластером моего отца, посредством которого эта кошка перешла в разряд бывших! — Он повернулся к м-ру Моррисону.— Так когда же мы увидим, как двигаются предметы в вашем лабиринте, нам больно не терпится это увидеть?

— Вы опять ничего не поняли, мои дорогие друзья! — м-р Моррисон похлопал м-ра Хаггарда по плечу и снисходительно улыбнулся:

— Не предметы, а мы с вами будем двигаться. И не просто двигаться, а летать с опьяняющей скоростью. И чтобы было веселей, мы устроим игру в пятнашки. Прошу вас в индивидуальные кабинки — снимите лишнюю одежду. Она может помешать и стеснить нас в этом увлекательном деле!

В кабине м-ру Хаггарду объяснили с экрана и, заодно, показали, как надо управлять своим полетом в “ГраЛе”.

Это было очень просто.

Достаточно вытянуть ноги — и ты летишь, поджать — останавливаешься, если подожмешь одну ногу — сделаешь поворот.

Потом объяснили правила игры в “пятнашки”.

Они оказались также простыми: надо было догнать впереди летящего и не дать догнать себя.

Для этого на запястья м-ра Хаггарда манипуляторы надели баллоны с несмывающейся краской: стоило сжать кулак, как струя ударяла метров на пять.

Чтобы владелец струи в полете не измазался собственной краской *(правило плевка против ветра)* ее сделали парамагнитной, и через десять метров от хозяина она прилипала к стенкам лабиринта.

На баллонах имелся автоматический счетчик попаданий в цель.

Попадания же противника фиксировались на собственном теле, так что аттракцион предстоял азартный!

“Вот это настоящее свинство со стороны Моррисона,— м-р Хаггард трезво оценил, что его ждет, когда он выйдет из “ГраЛа” весь исполосо-

ванный и разноцветный.— Они тут не раз наверняка тренировались. Ну, мы посмотрим! — м-р Хаггард с благодарностью вспомнил своего тренера, заставлявшего его каждый день выполнять тренировочный комплекс космического десантника.— Я им живым не дамся!".

По общему сигналу кабинки, всех участников догонялок вытолкнули в лабиринт.

М-р Хаггард быстро набрал скорость и полетел по тускло светящемуся туннелю, плавно делая виражи на поворотах.

Через две минуты его занесло в тупик и стукнуло о стенку, и он имел возможность убедиться, что Моррисон не обманул, и она на самом деле эластичная.

Когда он вылетал из тупика, его на развилке обогнала молодая девушка.

М-р Хаггард "*рванул, как на пятьсот*", но проказница, видимо, прекрасно освоилась здесь, и вскоре м-р Хаггард думал лишь о том, как бы не потерять ее из вида. Но через некоторое время юная "валькирия" сбавила темп, видимо, стараясь сохранить у клиента остаток сил для более целесообразного их приложения. Сократив расстояние до прицельного, м-р Хаггард с удовольствием всадил в нее хороший заряд краски. Струя пришлась, естественно, в заднюю часть ее фюзеляжа, на что она ответила решительным увеличением скорости. Но как только м-р Хаггард поднажал, безобразница поджала ноги и резко остановилась: м-р Хаггард врезался в свежеокрашенное место и, его счастье, что оно оказалось мягким.

Часть краски, соответственно, перенеслась ему на голову и руки, которыми м-р Хаггард инстинктивно схватился за препятствие. Как ни странно, препятствие не вырывалось, и наоборот,— игриво захихикало.

Это и был его просчет!

М-р Хаггард сразу понял, что его завлекают, и не только в новую игру, но и в грязную провокацию.

Он медленно разжал руки, легонько подтолкнул "хихикалу" вперед и смачно всадил с обеих рук добрую порцию краски прямо в "печатный станок".

Но пока он возился с этой "обольстительницей", к нему сзади подкрался здоровенный, весь покрытый волосами и татуировками, телохранитель Моррисона. Он схватил его за пояс обеими руками и гнусно засопел.

М-р Хаггард заученно ударил негодяя ребрами ладоней в область ушных раковин, чем вызвал резкое изменение силы звука, вырывавшегося из зловонной глотки нахала, которую он тут же заткнул двойным ударом обеих ног, и пустился наутек.

Вот когда пригодились каждодневные тренировки!

Волосатый "Непотреб" был раза в два моложе, здоровей, сильней. К тому же — ему два раза сделали "больно", да еще — долг службы и знание лабиринта.

Но м-р Хаггард тоже хотел жить незапятнанным. При первой же возможности он резко затормозил, а когда из-за поворота появилась оскаленная и алчущая пасть, он усердно наполнил ее первоклассным красителем. Теперь его уже больше не преследовали, видимо, переваривая случившееся.

Но на этом злоключения м-ра Хаггарда не кончились.

Летя в среднем темпе и приходя в себя от только что пережитого, он увидел, как впереди вроде бы что-то мелькнуло, и машинально прибавил ходу

Это его и спасло.

Когда он пролетал — уже на полной скорости над этим местом, ему в след брызнула краска.

М-р Хаггард долетел до первого поворота и развернулся.

Опять в том же месте что-то мелькнуло.

Он рванул туда, долетев, резко затормозил, одновременно сжав кулаки, направил их в сторону затаившегося противника и минуты две умывал его.

После этого к м-ру Хаггарду больше уже никто не приставал.

М-р Хаггард еще около получаса летал по лабиринту и время от времени в тупиках видел копошащиеся разноцветные тела.

Он подумал, что "ГраЛ" скорее всего будет пользоваться популярностью.

Но это его не очень огорчило. Ведь через месяц, ну, через два, когда к "ГраЛу" уже успеют привыкнуть, его фирма должна выставить на рынок свой аттракцион — подводный гравилабиринт.

Задержка произошла ввиду большей, чем у "ГраЛа", стоимости сооружений, а также из-за доводки миниатюрных накладных жабер.

Зато их произведение будет, конечно, шедевром по сравнению с этой моррисоновской серостью. Там будут плавать рыбки, на которых можно будет поохотиться, там можно порезвиться и отдохнуть, рассматривая подводные диковины.

К тому же, вода ласкает и стимулирует кожу лучше встречного ветра. И энергетические затраты минимальные, так что ходить туда можно целыми семьями.

А на безводных планетах такой лабиринт будет подарком судьбы *(вернее, ХДК)*.

Да, что и говорить, ХДК — солидная фирма. Временное поражение она спокойно переживет. И все равно своего не упустит.

А играть в пятнашки и под водой можно!

Прозвучал мелодичный гонг, и не менее мелодичный голос возвестил об окончании игры.

М-ра Хаггарда тут же подхватило и понесло с бешеной силой, несмотря на его сопротивление. Но он зря волновался — несло его к выходу, как и всех остальных участников "пятнашек".

Вскоре они все очутились на открытой площадке и дружно начали друг над другом потешаться.

М-ра Моррисона в начале игры постигла, видимо, такая же "судьба", как и м-ра Хаггарда. У обоих руки были покрыты собственной краской: у Моррисона — зеленой, а у Хаггарда — красной. Но, в отличие от м-ра Хаггарда, м-р Моррисон вымазал себе не лысину, а живот и лицо.

И тот, и другой прецедент вызвал бурю восторгов и восклицаний типа "*он всегда в дело с головой окунается!*" или "*он никогда не падал лицом в грязь!*"

Рядом с м-ром Моррисоном стояли оба его телохранителя и нервно ржали. После головомойки, устроенной м-ром Хаггардом, они были похожи на великих вождей "краснорожих".

М-р Хаггард, оказывается, подло скрывал ото всех свой божий дар маляра-виртуоза — у обоих "Монтесум" даже зубы были красными!

Остальные игроки были окрашены типовым методом — мужчины наиболее интенсивно сверху и спереди, а женщины — соответственно наоборот.

На огромном табло под потолком высветились результаты игры, определявшие победителей. Первое место — по количеству набранных очков и минимальной окрашенности — занял м-р Хаггард.

Второе — миссис Моррисон.

Два последних места разделили миссис Хаггард и жена одного генерала.

Они обе были вымазаны с ног до головы во все цвета радуги.

М-р Хаггард подумал, что и здесь его "Хавронья" отличилась, правда, успокаивало то, что бывают чушки еще хуже,— которых не может исправить даже армейская дисциплина. Впрочем, может, она их и порождает?

Когда все отмылись, переоделись и, думая, что карнавал подошел к концу, собрались разъезжаться, м-р Моррисон весело их остановил.

Оказывается, у него есть еще один *сюрприз*, и поэтому он попросил всех следовать за ним.

Площадка, на которой находились гости, стала подниматься и очутилась чуть в стороне — над гигантским клубком "ГраЛа".

И тут-то все увидели, что снаружи трубы лабиринта — прозрачные, и все происходящее внутри них с новой группой было видно как на ладони.

К тому же перед каждым зрителем был монитор, позволявший подробно разглядеть каждый промах "пятнавшихся".

— М-р Моррисон, я надеюсь, что из нашей игры получится прекрасный рекламный ролик для вашего аттракциона! — громко сказал м-р Хаггард, а про себя тихо подумал: — "И для меня — тоже, и если моя "Пифия" немножко перестаралась, то пусть все видят, с кем мне приходится иметь дело почти ежедневно. И пусть трепещут!"

Музей располагался в нижней части огромного здания учебного центра им. Джона Хаггарда, занимая огромную площадь.

Он был гордостью и любимым детищем фирмы.

Сюда водили детей с десяти лет для ознакомления с историей триумфа свободного мира, а заодно и с триумфом ХДК.

Сегодня сыну м-ра Хаггарда, Томми, как раз исполнилось десять лет, и по традиции вместе с мальчиком музей должен был посетить сам м-р Хаггард.

К этому событию давно готовились, и оно должно было быть полностью показано по всем каналам стереовидения.

Было решено, что они присоединятся к обычной школьной экскурсии и за все ее время м-р Хаггард не произнесет ни одного слова для тех миллиардов людей, что будут лицезреть его. Все должно быть скромно — и это создаст величие!

Тем более, что после вчерашнего безобразия такая игра на контрасте будет беспроигрышной.

Ранним утром, пока личный экипаж м-ра Хаггарда покрывал расстояние от его загородной виллы до музея, а малыш, сидевший рядом с настоящим живым водителем, наслаждался бреющим полетом, представляя себя летчиком — перехватчиком из старого вестерна, которого послали по секретному заданию выследить и уничтожить логово кровожадных краснокожих,— м-р Хаггард сидел в кресле в середине салона аэрокара и слу-

шал доклады служб о проделанной работе за истекшие сутки по выяснению характера загадочных капиталовложений проклятых конкурентов.

Обстановка прояснялась, хотя четкого и конкретного ответа не было получено.

Военные новых дополнительных заказов МДК не давали, а все старые были известны. Значит, "*собачий нюх*" опять не подвел!

В подпольном бизнесе, где интересы фирм были четко разграничены, никаких даже косвенных данных о новой сфере деятельности МДК не имелось. МДК по-прежнему занималась худо-бедно космическим пиратством и торговлю живым товаром и контрабанду инопланетных зверушек, которыми занималась ХДК, не затрагивала. Кстати, именно эта сфера деятельности имела единственную точку соприкосновения между конкурентами.

Пираты продавали пленных торговцам, а торговцы снабжали пиратов информацией, наводя их на свой потенциально новый товар, когда этот товар себя еще оным не считал.

Это разграничение сфер влияния с первого взгляда могло показаться искусственным и неестественным. Но это с первого взгляда.

На самом деле эта интеграция, при имевшихся тогда средствах связи и полнейшей идентификации средств доставки, позволяла многие годы без сбоев функционировать системе "*пират — торговец*". И это делалось при полной невозможности доказать существование данной связи. Один разбойничал, а другой — торговал. Хотя применительно к данному случаю оба рода занятий по своим целям были идентичны.

М-р Хаггард с самого начала знал, что данный порядок нарушать невыгодно ни тем, ни другим. Поэтому, давая указание проверить МДК в этой области кооперации, заранее знал, какой будет получен ответ. И он его получил. Здесь все было мило и тихо. Как после налетов на далекие бедные планеты пиратов и торговцев в разгромленных поселениях и опустошенных сейфах наступала первозданная тишина.

Самое интересное, что военный космический флот, призванный приходить на помощь всем слабым и беззащитным, не только не мешал данной деятельности, но даже поощрял ее, имея немалые выгоды от этих "невинных проказ".

Делалось это так.

Когда после распродажи на борту пиратского или торгового звездолета оставались лишь одни молодые и здоровые мужчины, патрульный крейсер галактических сил свободного мира засекал их, начинал преследовать, успешно догонял и брал на абордаж.

После того как счастливые пленники оказывались на борту крейсера,

производилась имитация уничтожения пиратского судна, и в итоге — все были счастливы:

— пленные, потому что их "*ослобонили от неминучей гибели*";

— военные, потому что получили новый набор рекрутов и полный комплект учебных тревог, максимально приближенных к боевым;

— торговцы, то бишь пираты, потому что выгодно обменяли *(читай — продали за кругленькую сумму)* груз, который надо кормить,— на груз, который кормит сам *(первоклассное топливо, да еще по дешевке)*;

— политические обозреватели стереовидения *(щелкоперы и бумагомараки, пардон, пустобрехи и телемакаки)*, потому что есть о чем сообщать;

— обыватель, потому что видно, как расходуют его честно отданные денежки, и что родная армия на страже;

— а все вместе — потому что так прекрасна милая свободная отчизна *(дер Фатерлянд, натюрлих!)*, которая способна обеспечить порядок и процветание всем и вся!

Аминь!

...Третья группа данных не давала прямого ответа на усиление связей МДК с красными, а даже наоборот, косвенная информация указывала на то, что марксисты с большим удовольствием торгуют с ХДК, и это — настораживало. С идеологической точки зрения разницы между ХДК и МДК не было ни малейшей, а коммунисты так просто ничего не делают. Значит, им что-то известно. И это подтверждает, что забеспокоились они — не зря.

Оставалась четвертая группа — исследования и освоения Магелланова Облака — самой ближайшей галактики к Млечному Пути.

Но здесь, как ни обидно, ничего нового узнать было нельзя, так как обе фирмы стали недавно заниматься этим делом, а объем и количество экспедиций могла установить только служба безопасности вооруженных сил. К ним был послан секретный запрос, и ответ должен был быть получен лишь к концу следующего дня.

Так что м-р Хаггард мог спокойно открывать с сыном музейные сокровища, пока открываются потайные клапаны в службе, созданной для их закрытия.

Экскурсовод был точной копией секретаря.

"Видно, их сюда после меня направляют,— подумал м-р Хаггард.— На один день, а потом мы их выдаем замуж за лучших офицеров звездного

флота. За что получаем богатое приданое в виде самих офицеров, ведь девочек готовят на славу и на всю жизнь".

— Папа, посмотри, какая красивая тетя! — Томми дернул отца за рукав.— Она из стереовизора?

— Да, сынок! — ласково потрепал его по голове м-р Хаггард и улыбнулся загадочно и сурово, зная, что со всех сторон их снимают.— Только не забывай, как себя сегодня надо вести. Если выдержишь это серьезное испытание, то получишь подводный глиссер с ультразвуковой пушкой.

— Папа, а почему эта тетя не может стать моей воспитательницей вместо миссис Мопсон? — никак не отреагировав на обещанный глиссер, вопрошал малыш.

— Потерпи, сынок. Еще пару-другую лет, и такие тети обязательно будут тебя воспитывать.— М-р Хаггард уже прикидывал, что у секретаря-экскурсовода, прежде чем ему отбыть в звездное плавание во славу ХДК, скоро появится еще один рабочий день в фирме.— Слушай внимательно, что эта тетя будет сейчас нам рассказывать, это будет очень интересно. Если тебе что-нибудь будет непонятно, то задавай вопросы, только сначала подними кверху указательный палец. И не забудь, что нас снимают и транслируют. Помни, что все твои промахи первой заметит не эта тетя, а миссис Мопсон!

Упоминание о миссис Мопсон сразу подействовало на мальчика, так как он ее боялся больше рыбьего жира и великой традиции "*мыть руки перед едой*". А объяснялось это очень просто — ребенок рос здоровым и подвижным, к радости отца и огромному огорчению миссис Мопсон.

Только не подумайте, что она была тайным агентом Моррисона, засланным извести единственного отпрыска Хаггардов *(Моррисон мог только помечтать о таком суперагенте!)*.

Миссис Мопсон была самым известным и коварным резидентом той самой страшной и кошмарной империи, которая наводила ужас на всех созданных Богом тварей в этом мире *(особенно на маленьких здоровых крошек)* — империи "*Старых Перечниц*", самой любимой пыткой которых было заставлять всех маленьких детей умываться и запрещать им делать именно то, что в данный момент больше всего хочется делать — жизнерадостно резвиться!

Кстати, м-р Хаггард и не подозревал, какого страшного и коварного экзекутора он приставил к сыну.

Его самого в детстве воспитывал мужчина, отставной звездный пират, персональный пенсионер фирмы, инвалид всех групп и великим знаток тонкостей "фольклора" всех планет, где есть или был когда-нибудь "фольклор".

Мисс экскурсовод, в отличие от своей бывшей секретарской формы, была одета в строгий черный костюм, состоящий из приталенного жакета, белоснежного жабо и узкой, чуть ниже колен, длинной юбки с высоким разрезом сбоку, и туфли на телескопической шпильке.

Для пущей строгости на ее носу возлежали огромные овальные очки, а на затылке — волосы, убранные в пучок. Все это делало образ очаровательной девушки в глазах детишек таким строгим и весьма сексуальным — в глазах наиболее угнетенной половины их родителей. Вдобавок, она хорошо смотрелась на фоне пестро и разнообразно одетых сорванцов, что создавало завершенную композицию, которую и лицезрела в данный момент по стереовидению половина всего мира. Другая же половина данную передачу, естественно, не смотрела.

Ведь у красных, конечно, нет таких красивых девушек и жизнерадостных детей. Поэтому смотреть им на это неинтересно, а может и завидно!

Как, впрочем, у них нет еще, конечно, и м-ра Хаггарда, по той самой причине, что он есть здесь и ему тут пока лучше, чем если бы он был там.

В центре зала под потолком висел громадный кубический стереовизор с четырьмя экранами. И на каждый экран транслировался портрет Джона Хаггарда Основателя.

В свое время стереовизионщики заставили его сидеть неподвижно перед камерами в течение получаса. Потом запись смонтировали в бесконечное кольцо, и теперь с экранов на посетителей смотрел живой м-р Хаггард Основатель и всем улыбался своей доброй отеческой улыбкой.

У него так мило топорщились огромные, пшеничные с проседью усы, он время от времени дружески всем подмигивал, так что создавалась полнейшая иллюзия того, что он чуточку стесняется своего величия и просит немножко прощения у всех за содеянные великие дела.

Конечно, никто не может устоять перед его обаянием и очарованием. И, конечно, все ему сразу прощается, и все возгорают к нему любовью и полнейшим доверием.

К нему, и к его фирме.

Если б в этом зале смогли оказаться и увидеть его портрет все те, кого он своей деятельностью разорил, ограбил и убил, то они, без сомнения, великодушно простили бы его и крепко полюбили. Ведь этот милый, добрый старик, если что и мог сделать в своей жизни чуточку плохого, то это он уже сделал. И конечно, не для себя, а для всеобщего блага и процветания, и если у вас есть какие-либо затруднения или проблемы, то

разве они идут в сравнение с тем всеобщим счастьем, установившимся в этом прекрасном и единственно свободном мире — мире м-ра Хаггарда!

— Дети, вот перед вами дедушка Хаггард, он изобрел дубликатор. Вы, конечно, знаете, что такое дубликатор? — очаровательный Ментор улыбнулся малышам, пораженным величием зала.

В этот момент дедушка Джон заговорщически подмигнул им и еще больше расплылся в благоговении.

— Дубликатор — это такой большой ящик, в котором всегда есть сколько хочешь конфет, игрушек и видеокассет,— ответила самая маленькая и опрятная девочка с необычайно взрослым выражением лица, которое она держала гордо, как высокий знак принадлежности к малочисленной избранной касте *Зубрил и Задавак.*

— Дети, а кто из вас знает, как он работает?

— Я знаю! — поднял руку маленький мальчик в огромных очках на маленьком веснушчатом носу, весь такой растрепанный, что сразу становилось ясно любому прохожему или любой прохожей собаке, что он также принадлежит к касте *Почемучек,* изо дня в день ежеминутно повторяющих страшное магическое заклинание: *"А что будет, если?.."*

— Сзади в дубликатор кладут по одной конфетке, игрушке или видеокассете, а дубликатор их дублирует в неограниченном количестве,— он гордо сверкнул очками на конкурирующую касту *Задавак,* явно не в первый раз доказывая, что не только *Зубрилам* доступны тайны этого мира.

— А что еще может дублировать дубликатор, дети?

— Мороженое!

— Кока-колу!

— Джинсы!

— Стереофоны!

— Роликовые коньки!

— Жевательную резинку!

Детишки хором тянули кверху ручки, с нетерпением ловя благосклонный взгляд экскурсовода.

— А теперь, дети, расскажите, как вы получаете эти прекрасные вещи? — спросила девушка так, как будто сама ни разу ничего не получала. И пристально посмотрела на мальчика, который не мог жить без штанов.

"Она не зря выбрала мальчика с джинсами",— подумал м-р Хаггард.— "В последнее время на них упал спрос, а его надо регулировать".

— Я нахожу дубликатор, выдающий джинсы,— начал мальчик.

— А как ты его находишь?

— Очень просто: спереди дубликатора на экране показано, что он вы-

дает. Я называю свой размер и начинаю выбирать, какие джинсы мне понравятся. Когда я вижу их на экране, я нажимаю кнопку **“ОСТАНОВ”**.

— А если ты не успеешь нажать кнопку?

— Дубликатор все равно почувствует, какие мне понравились штаны. Потом я сую ладонь в окошко. Ее начинает щекотать. А через минуту открывается крышка камеры, и я беру оттуда свои джинсы.

— А для чего ты суешь в окошко руку?

— Дубликатор узнает по моей руке номер счета моего папы.

— Сколько разных джинсов может быть в дубликаторе?

— Много.

— Сколько “много”?

— Ну, штук сто,— замялся мальчик.

— Ты почти угадал! Сзади в дубликаторе много контейнеров с образцами различных предметов. Когда ты выбираешь нужную себе вещь, то контейнер с ней подается к дублирующей камере, из него в камеру кладется этот предмет, а в другой камере он дублируется. Потом образец возвращается в контейнер, а контейнер — на стеллаж. Так вот, чем больше образец, тем меньше контейнеров. А если он маленький, как, например, конфета, то их там может быть до тысячи. Только вот что ты будешь делать, если не сможешь выбрать себе джинсы?

— А я их получаю всегда дома.

— Как ты это делаешь?

— Я подхожу к стереовизору и говорю: “Хочу джинсы!” Он узнает мой голос и начинает показывать мне мои размеры. Когда я выберу, то говорю: “Вот эти!”, или просто “Давай!” И где-то через полчаса получаю их по пневмопочте.

— А сколько они стоят, ты знаешь? — *не давая ему передохнуть и не выпуская инициативу из своих Ежовых Рукавиц, коварная Мата Хари явно шила ему Мокрое Дело.*

— Ну, примерно столько же, сколько стоит мороженое, или пачка жувачки, или водяной пистолет,— *наивный Желторотик ловко изворачивался, строя из себя простачка.*

— А сколько ты можешь купить в день таких разных вещей? — *коварство и алчность мадам Помпадур достигли предела.*

— Сколько захочу, ведь они почти ничего не стоят,— *юный Рокфеллер воображал, что живет при коммунизме.*

— А что стоит дорого? — *голосом Золушки спросила злая Мачеха.*

— То, что нельзя получить в дубликаторе и по пневмопочте, — *ответил Пятачок наивному Ослику Иа-Иа и сделал мысленно ему “козу”.*

— А что нельзя получить в дубликаторе? — *у Каштанки после знакомства с Му-Му завелись блохи и стал портиться характер.*

— То, что не влезает в его камеру,— *яма для Слонопотама никак не выходила на проектную мощность, хотя Ослик Иа-Иа всех уверял, что это его любимый размер.*

— Ну, например? — *Шарапов упорно делал вид, что, совершенно не фальшивя, насвистывает "Мурку".*

— Воздушный велосипед,— *Пчелка пыталась проткнуть шарик "Стукачку" из ЧК.*

— А как же его тогда делают? — *спросила Гюльчатай басом Сухова.*

— Его собирают на заводе роботы из готовых деталей, полученных из дубликатора, — *маленький настырный Айзек писал реферат по Седьмому закону.*

— Кем работает твой папа? — *Миледи начало тошнить от Рошфора.*

— Мой папа обслуживает линию дубликаторов,— и маленький мальчик так гордо посмотрел на одну из девочек, что можно было подумать, — это ему поможет в будущем сдублироваться с ней вместе более легким и приятным способом, чем пользовались их родители!

— Сколько зарабатывает твой папа? — *вот тут-то шпиону Гадюкину точно не отвертеться!*

— Не знаю, наверное, много, как и все,— *как отметил про себя Мюллер, у Штирлица в этот момент были самые правдивые голубые глаза, но когда он хотел что-то скрыть, они становились карими.*

— Почему ты так думаешь? — *спросил Лис у Маленького Принца.*

— Все, что мы хотим иметь, мы имеем, и все имеют почти все, что хотят, если они работают,— *безуспешно доказывал Муравей Стрекозе.*

— А если кто-то не хочет работать, как ему быть? — *обронил на ходу Волк, не спеша направляясь к лесу.*

— А этим лодырям, как говорит мой папа, правительство дает слишком много кредитов, чтобы они жили почти так же, как и мы, работающие,— *жаловался гр. Корейко Остапу Ибрагимычу, наблюдая, как Паниковский с Балагановым упражняются с гирями.*

— Вот видите, дети, в нашем свободном мире нет ни голодных, ни раздетых, ни бездомных. И все это — благодаря дубликатору, который был изобретен дедушкой Хаггардом!

А ведь были времена, когда были и голодные и бездомные,— дети удивленно притихли.

...Если у многотерпеливого читателя хватило мужества прочитать до конца эту бредятину, то пусть он поверит мне на слово, что рождение данного идиотизма не имеет к автору никакого отношения.

Вернее, автору принадлежит только содержание диалога между прелестной юной девой и милыми десятилетними крошками.

Весь остальной текст был вписан в память бортового компьютера со слов друзей, коих черт принес ко мне во время моей работы над данным эпохальным произведением.

А так как нормы приличия, широкоизвестная доброта (и скромность) автора не позволили отказать им в гостеприимстве, а внутренняя одержимость в работе не позволяла оторваться от родного дисплея, то вышеназванные "хомо нежданос", именуемые в просторечии друзьями (хотя половину этих противных рож я видел впервые!), чтобы не мешать мне работать, разбрелись по моей однокомнатной квартире и начали рыться в моих книгах и холодильниках, включать мои магнитофоны и смотреть мои телевизоры, играть на моих органах, гитарах и синтезаторах, лежать на моих кроватях и говорить по моим телефонам, плясать на моем паркете и сидеть на моих коленях,— так что не удивительно, что после каждой фразы, сказанной мною в диктофон, они успевали сказать еще несколько своих мудрых мыслей о моем романе, мне и моей квартире, а бедный несчастный компьютер, которому приходилось выполнять одновременно взаимоисключающие приказы желанных гостей (и при этом еще держать и противопожарную оборону), конечно же, растерялся, стал выбирать наиболее подходящие по смыслу моим репликам "дополнения" и фиксировать в памяти весь этот бред, который был выявлен лишь только после прочтения изданного романа.

Наконец при третьем переиздании удалось уговорить редактора поместить данное пояснение, которое, очевидно, необходимо.

Автор же приносит глубочайшие извинения и надеется, что данный печальный случай не повлияет на общее впечатление, которое, я надеюсь, появится после прочтения моего великого и гениального романа.

А теперь, с вашего позволения, вернемся в то далекое прошлое к м-ру Хаггарду и его незабвенному дубликатору...

Итак, над городом вставала кровавая заря, Хаггард... пардон, забыл стереть память. Итак...

...М-р Хаггард знал, что такое голод и бедность.

Это он на своей, грубо говоря, шкуре, конечно, не испытал, но имел об этом ясное представление.

В свое время его отец, желая показать сыну жизнь со всех сторон

(количество сторон определялось цифрой шесть) и развеять юношеские иллюзии, отправил свое двадцатилетнее чадо в трансгалактический круиз с инспекционной поездкой по периферийным владениям фирмы, с побочной возможностью заработать себе на мороженое пару-другую миллионов на торговле с дикими аборигенами космоса.

Во владениях фирмы сынок лишний раз убедился, что его папа владеет даже слишком многим.

На рудниках и в заказниках был строгий порядок и почти полная автоматизация.

Люди компании жили хорошо и в достатке, даже на планетах с совсем не подходящими для жизни условиями.

Конечно, были исключения, когда по вине местной администрации допускались злоупотребления, но, как давно известно, человек — наименее надежное звено в цепи производства, и для выявления таких слабых звеньев и был послан м-р Хаггард, тогда еще младший.

Правда, один раз это выявление кончилось перестрелкой, но охранники знали свое дело, и индивидуальная защита у сынишки была новейшая, так что тогда все кончилось благополучно *(застрельщиков инцидента, естественно благополучный исход миновал).*

На протяжении всего маршрута, новейший крейсер ХДК, мастерски замаскированный под торговый сухогруз, регулярно посещал так называемые “свободные” планеты с целью торговли и больше ни-ни, никакого пиратства, все-таки на борту находится наследник.

Ведь были случаи, когда с виду нищая и жалкая планета умудрялась заполучить новейшие вооружения, и пиратский налет превращался в маленькую термолазерную войну.

На этих планетах, заселенных гордыми, но, как правило, жалкими колонистами, м-р Хаггард всего вдоволь нагляделся.

Ведь как нормальные люди приобретают новую планету? Даже если они ее не сами открыли, а покупают у других *(у государства, военных или вольных разведчиков)*, и при покупке им предоставляется исчерпывающая информация, все равно к этой планете посылается автоматический разведчик *(обязательно с животными на борту)*, который заново повторяет всю программу исследований. И очень часто оказывалось, что в райских уголках водится всякая нечисть, которую не обнаруживает ни один прибор и которая, тем не менее, прекрасно обнаруживает сама и убивает, или же тихая и мирная с виду планета — вдруг превращалась в исчадие ада со взрывами и пожарами, вроде того ангела, наконец вышедшего замуж.

Так вот, эти гордые люди, которым подавай новую и свободную жизнь,

считают, что *везде лучше, где их нет*, покупают у первого встречного, такого же, как они, авантюриста, координаты и патент на якобы райскую планету, на последние деньги приобретают новейшей конструкции звездолет, который и не на всякую-то свалку возьмут,— а точнее, подлежащий уничтожению в космосе, и всей оравой летят черт-те куда.

А потом, не имея возможности вернуться, или же не желая этого сделать из-за своей глупой гордости и упрямства *(если им неповезло и они сразу не погибли)*, эти современные первопроходцы (даже противно применять к ним это славное слово) мучают себя и своих детей, рождающихся пачками уродами, перебиваясь с хлеба на квас *(хотя в некоторых случаях эта простая пища им снится в голодных снах в качестве деликатеса!)*.

И когда к ним случайно прилетал трансгалактический корабль, то за продовольствие или же за паршивого кибера они были готовы отдать последнее, вплоть до собственных дочерей.

(Для последних это было бы не худшей участью, если, конечно, планета не на карантине и выезд с нее разрешен.)

Хотя были и планеты, на которых не было вышеописанных ужасов, и люди там жили в нормальных условиях, но, все равно, если общество находится ниже критического уровня и испытывает недостаток в людях или в деньгах, то оно все равно хиреет и деградирует.

М-р Хаггард до сих пор не мог забыть глаза одной пятилетней девчушки, которая протягивала к нему свои ручонки, прося хлеба, и как она его сжимала своими пальчиками, между которыми были перепонки, и как жадно она вгрызалась в него своими острыми, размером с палец, голубыми зубками.

Ужас!*

— Давным-давно, лет этак сто назад, когда еще не было дубликатора,— продолжала рассказывать экскурсовод,— люди жили во много раз хуже, чем живем сейчас мы. Чтобы прокормить и одеть себя, приходилось много и очень тяжело работать.

На экранах появилась хроника столетней давности, глядя на которую

* Об этом вы прочитаете в романе „Приключения юного Хаггарда".

детишки могли убедиться, что тетя не рассказывает им сказку, а режет правду-матку.

Особенно их поразили два эпизода.

В одном из них в огромном цехе женщины шили вручную на швейных машинках рубашки, а на другом — те же женщины шли и подбирали неубранную картошку за картофелеуборочным комбайном.

М-р Хаггард подумал, что с этими кадрами явно переборщили, но, с другой стороны, пропаганда — дело тонкое.

— Труд, даже если он тяжелый, все равно почетен и полезен. Но нельзя сделать две совершенно одинаковые машины, как нельзя вырастить два одинаковых овоща. И хотя автоматизация производства продуктов потребления достигла совершенства, все равно одни вещи получались лучше, а другие — хуже. Вот вы, дети, когда-нибудь получали из дубликатора что-нибудь, что было бы плохо сделано?

Дети отрицательно замотали головками.

— А тогда можно было купить дорогую вещь, а она оказывалась бракованной.

— А что такое — бракованный? — спросила маленькая девочка с расширенными от ужаса глазами.

— А это, когда ты, например, начинаешь жевать резинку, а она не тянется, а рассыпается,— ответила ей эрудированная тетя.

— Так это уже не жевачка, а рассыпучка! Я ее тоже очень люблю,— не понял наивный ребенок.

— Но при этом эта рассыпучка отдавала бы рыбой и была бы горькой на вкус,— тетя решила до конца добить крошку-малютку.

— Фу, какая гадость эта ваша заливная рыба! — (*пардон, ребенок должен был сказать — бракованная резинка*),— девочка сморщила носик, отдав должное данному деликатесу.

— Но опять же, это не самое страшное. Ведь плохую вещь можно было выбросить, а в нашем рыбно-насыпном случае — выплюнуть, и купить новую, были бы деньги. Но для производства новых вещей требовалось огромное количество сырья,— *перед тем как стать безработной, юная дочь счетовода Вотрубы явно закончила финансово-экономический факультет.*

— А что такое “сырье”? — продолжала приставать к ней все та же девочка, видно, ничего хорошего не ожидая от этого нового слова.

— Это то, из чего делают разные вещи,— на экранах появились кадры, показывающие, как добывается руда и уголь, как выплавляется сталь и перегоняется нефть.

— Вот, например, вкусные булочки пекутся из муки, которую в свою

очередь смололи из зерна, выращенного в поле. А вы, наверное, думали, что булки растут на деревьях?

— Да,— ответил мальчик, у которого с дубликатором были связаны радужные надежды на семейное счастье.— Я видел в одной сказке такое дерево.

У м-ра Хаггарда в саду росло такое дерево, и, гуляя по вечерам, он любил сорвать созревшую булочку, пока она теплая. Тем более что рядом росло бутылочное дерево, приносящее литровые бутылки с дефицитным можайским молоком.

— Так вот, из-за этого сырья все наши планеты были изрыты, а земля истощилась от интенсивной обработки,— теперь тетя ударилась в экологию, а на экранах появились виды мертвой, потрескавшейся пустыни, затем — черные терриконы.

— Теперь же все это добывается и выращивается ровно настолько, насколько это нужно для изготовления нескольких образцов, из которых выбирается самый лучший, а с него делают копии.

М-р Хаггард подумал, что после посещения музея ему предстоит приемка новых образцов ширпотреба, затем — поездка на полигон, с той же целью. Тем более что там он давно не был, и разработчики обещали показать что-то очень интересное.

"Надо не забыть взять с собой Томмика, пусть увидит, что у нас всегда, как говорили древние, "*сухой порох на запасном пути!*"

— Люди испокон веков мечтали о "*Золотом веке*". И вот с изобретением дубликатора он наступил в самом прямом смысле. Золото, которое стоило очень дорого и было основой валютной системы, единой для всей Галактики, теперь можно было делать в дубликаторе в неограниченном количестве, и оно стало самым распространенным металлом, после платины, конечно! — экскурсовод повела рукой, и дети с интересом стали разглядывать детали музейного интерьера, имевшие преимущественно желтый цвет, позабыв, очевидно, как в недалеком прошлом они регулярно сидели на горшках такого же цвета.

М-р Хаггард также обратил свое внимание на презренный металл и вспомнил, с каким, не доступным его пониманию, вожделением руки деда гладили это золото. И сколько было любви в его взгляде, и сколько горечи, видимо оставшейся со времен "*Великого золотого кризиса*".

Сам м-р Хаггард, конечно, его не застал. Но по документам и рассказам немногочисленных очевидцев, живших еще тогда, когда он был маленьким, он имел не только представление о последствиях этого кризиса, но и об его истоках.

Это знание давало ему великую гордость за своего предка Джона

Основателя. И эта гордость была основана, конечно, не на том, что патриарх изобрел дубликатор *(который он на самом деле не изобретал)*, а на том, как он смог распорядиться этим изобретением.

Ведь сколько раз в жизни бывало, что плодами изобретения пользовались все кому не лень, кроме самого изобретателя. Так вот, когда данное чудо науки оказалось в руках дедушки Джона, вышеназванный был всего лишь средней руки бизнесменом.

Капитал, конечно, у него был, и фирма была, но производила она легкие спортивные звездолеты. Старик Джон *(ему было тогда тридцать семь лет, и стариком он был лишь в перспективе)* прекрасно знал свое место в мире бизнеса и трезво оценивал собственные возможности.

Заполучив действующую модель дубликатора и убедившись, что она слишком прекрасно дублирует даже стодолларовые банкноты *(так, что даже специалисты не могут их отличить от настоящих)*, он глубоко задумался, что же ему делать дальше.

Первым естественным желанием было запатентовать данное изобретение и начать купаться в лучах славы и, соответственно, в деньгах.

Но "старик" Хаггард был не так прост. Он сразу понял, чем это может кончиться: в один прекрасный день его найдут бездыханным в собственном кабинете, а модель дубликатора окажется или у его могущественных конкурентов, в отношении которых он таковым не является, или у военных. В лучшем случае его купят, кинув жалкие крохи от тех сверхприбылей, что сулит дубликатор.

Так и сидел Джон Хаггард в раздумье, пока не нащупал спасительную соломинку в своем нагрудном кармане — то был обыкновенный золотой доллар, служивший ему талисманом. Естественно, он тут же сдублировал его, потом еще раз и еще, пока на столе перед ним не взгромоздилась гора золота.

Читатель, конечно, сразу догадался, что будет дальше: Хаггард наделает золота и станет владыкой мира. Ни черта подобного!

Это мог сделать только дурак Гарин, и то с подачи своей ненасытной Зои. Нет, Джон Хаггард поступил умней.

Он, конечно же, начал делать золото, но ровно в том количестве, которое было нужно для развития его фирмы. То есть в пределах, не позволяющих конкурентам заподозрить что-либо. И так продолжалось двадцать лет, пока фирма Хаггарда не заняла одно из первых мест среди сильнейших монополий свободного мира.

И вот тут-то и был применен метод "*Гарин-Монроз*", что и привело к началу "*Великого золотого кризиса*". Так что экскурсовод не совсем

правильно осветил данные события — сначала обесценилось золото, а затем уж появился дубликатор.

Но правду не обязательно знать всем. Как не дано им знать, что могильщиком долларовой системы был не пролетариат с его мировой революцией *(который пострадал в первую очередь)*, а самый что ни на есть отъявленный империалист Джон Хаггард.

Но винить его в этом никак нельзя. Ведь, обнародуй он дубликатор до кризиса, все равно данного было б не миновать.

Золоту так и так был бы конец. Даже при, казалось бы, неограниченном сбыте и области применения от электроники до вышеописанных ночных ваз, все равно его стоимость стала равняться стоимости электроэнергии, требуемой на его производство в дубликаторе, плюс — стоимость амортизационных отчислений от эксплуатации того же дубликатора.

И, хотя новая денежная система, основанная на кредитах, была введена очень быстро *(благо, единая компьютерная сеть между обитаемыми мирами была прекрасно отлажена)*, главная заслуга Хаггарда была в том, что он правильно рассчитал, когда надо начать эксплуатацию монополии на дубликатор.

Ведь после денежной реформы все валютные накопления пошли прахом. А у его конкурентов на счету было ровно столько кредитов, сколько имелось у них недвижимой собственности.

И ничего они с ним не смогли сделать. А он — смог!

И делал он все подряд: конфеты, патроны, колготки, лазерные головки наведения,— и их себестоимость практически была равна нулю, но продавал он их за те же самые кредиты, что и его конкуренты *(теперь — уже не конкуренты)* — свою продукцию, становившуюся им "бесценной".

И неизвестно, чем бы все это кончилось. Может, был бы сейчас м-р Хаггард потомственным императором-самодержцем. Но незадолго до вышеизложенных событий на одной захолустной планете, под паршивым названием то ли Тайконг, то ли Гонвань, не нашлась бы одна "*японамать*", родившая маленького сморщенного недоноска, в чью метрику скромно записали "*Моррисон*".

Так вот, этот паршивый Моррисон, предок теперешнего *(не менее паршивого)*, в детстве слишком увлекался электроникой и умудрился *(собака!)* создать аппарат, основанный совсем на другом принципе, но по действию — аналогичный хаггардовскому дубликатору.

Надо отметить, правда, что его творение было раза в два сложнее и капризнее. Оно жрало в три раза больше энергии, и копии в нем получались порой с дефектами. Но все-таки, это был конкурент!

(Эх, старый ты дурак, прости Господи, дедушка Джон! Проглядел,

поди ж ты! Надо было бы на груди материнской его удавить, макаку желтопузую, а не по девочкам шастать! Эх!)

И вот их всего два производителя дубликаторов на свете, кроме, конечно, красных.

Они делают третий вид дубликатора — помесь хаггардовского с моррисоновским.

Делают подло — без лицензии — оправдывая это тем, что в те времена между ними и нами *(свободными предпринимателями)* не существовало договоренности об авторских правах.

А какая, к черту, может быть договоренность, когда эти идиоты в правительстве, чтобы локализовать золотую лихорадку, развязали необъявленную войну с красными — и в области торговли, и в области освоения и колонизации планет. Это и привело к полному разрыву дипломатических отношений на целых тридцать лет.

Вот за это время красные сперли образцы аппаратов и сляпали свое незаконно рожденное детище.

Правда, они это отрицают и представляют неопровержимые доказательства приоритета собственных разработок. Но не в этом суть.

Даже если они сами до этого дошли, то, существуй договор о монополии,— они у нас вот где сейчас были б, гады!*

Пока м-р Хаггард все это вспоминал, детишкам рассказали и показали, на каком принципе работает дубликатор. Мы не будем сейчас повторять это, так как Вы прекрасно знаете все из школьной программы.

Правда, для детишек это было очень интересно. Отметим лишь, что м-р Хаггард неожиданно ощутил чувство фамильной гордости, когда Томми после окончания экскурсии заявил, что стоит ему вырасти, как он изобретет дубликатор еще лучше!

Сразу после посещения музея м-р Хаггард отправился в главный демонстрационный зал своей фирмы. Он пообещал сыну, что обязательно возьмет его на полигон посмотреть новую военную технику после того, как Томми пообедает и отдохнет на морском побережье часа три.

Проводив взглядом улетающий экипаж с сыном, м-р Хаггард вошел в кабину служебной сети доставки и через три минуты вышел из нее прямо

* См. роман „Дубликатор Джона Хаггарда".

в зал. Там уже собрались ведущие эксперты по торговле и рекламе. Они ждали только его, чтобы начать.

М-р Хаггард уселся в кресло перед сценой и принялся за поданный обед. Эксперты также пили *(распивали)* и закусывали *(к сожалению, более уместного глагола, обозначающего происходящее, нет.— Прим. БК)*, с интересом разглядывая секретаря м-ра Хаггарда.

Это был обыкновенный стандартный экземпляр — от того-то они его так и рассматривали.

Сам же секретарь, чувствуя, что им интересуются, грациозно обслуживал м-ра Хаггарда, и стараясь — одновременно — удовлетворить любопытство окружающих, демонстрировал себя со всех сторон.

Как только м-р Хаггард "уговорил" первое блюдо *(по счету, да не по денежному, а по порядковому!)*, секретарь поинтересовался, с чего начинать?

— Давайте с колготок! — м-ру Хаггарду явно захотелось цветов и музыки.

— Так я их уже десять минут всем демонстрирую! — заговорщически шепнула она и подмигнула.

М-р Хаггард с интересом глянул на ее ноги и стал принюхиваться.

Да, несмотря на острые и соблазнительные ароматы пищи, от колготок явно и неплохо благоухало.

— А когда они начнут опадать? — так же тихо спросил он.

— Через две с половиной минуты,— секретарь непрерывно двигался вокруг кресла м-ра Хаггарда. И за ней так же непрерывно двигались глаза всех — без исключения — присутствующих.

И вот, когда она элегантно нагнулась, подавая м-ру Хаггарду следующее, по счету, блюдо со стола, прозвучал мелодичный звон, и — с прекрасных ножек *(и не только с ножек, но и с не менее прекрасных бедер — также)* начали осыпаться лепестки роз, и на какое-то время нижняя часть секретаря *(см. выше)* скрылась в легком переливающемся облаке, которое медленно оседало на пол.

По залу пронесся стон восхищения.

Особенно он был силен с той стороны, к которой она оказалась спиной...

Читатель, считающий, что здесь автор слишком уж пошло смакует безобразные эротические сцены, глубоко заблуждается. Автор предпочитает заниматься этим делом только у себя дома и только в соответствующей обстановке.

А для сведения очень интересующихся— что же там они увидели такого — могу сообщить: они увидели прекрасные женские ножки, с которых опали не менее прекрасные лепестки роз. Но на их месте осталась

довольно мелкая сетка— именуемая в простонародье колготками,— которые вы можете видеть на своих спутницах, а за неимением таковых — на спутницах своих друзей, а за неимением следующих, я считаю, вообще нечего себя мучить— лучше сразу лечь и помереть!

Для особо же интересующихся — могу сообщить, что в момент нагибания — после опадания лепестков — самые страждущие смогли увидеть лишь обыкновенные женские трусики, которые — если вам так невмоготу — можно еще приобрести в любом галантерейном магазине!

Ну, хватит обижать бедных, несчастных, обездоленных фетишистов — лучше продолжим нашу страшную кровавую детективу...

— Ну и когда обычно они спадают? — спросил м-р Хаггард, продолжая жевать.

— Несущая основа колготок является телепатическим приемником, — очень доходчиво объяснил изобретатель оных Жан Чжоу, очень элегантный молодой человек средних лет.— Приемник этот имеет обратную связь с его обладательницей. Если к субъекту, заинтересовавшемуся носителем нашего изделия, проявляется симпатия носителя, то срабатывает данная обратная связь — и лепестки опадают.

— Неужели мой секретарь почувствовал симпатию к кому-то из вас? — от такой иронии м-ра Хаггарда все находящиеся в зале в ужасе содрогнулись. Лишь один Жан Чжоу оставался спокойным по-прежнему и улыбался своей хитрой *азиатско-гасконской улыбкой.*

— Механизм срабатывания, при отсутствии взаимной симпатии, можно задействовать при наличии нескольких пристальных и настойчивых взглядов, сила которых определяется заинтересованностью женщины во внимании к себе. По Жану Чжоу определенно было видно, что он женщинами не интересуется, так как это предпочитают делать они сами. В данном случае колготки сработали в тот момент, когда на них смотрели все находящиеся в зале, что и отвечало желанию мисс. Если бы она этого не захотела, сколько бы на нее не смотри, кроме лепестков мы ничего бы не увидели. Не правда ли?

Секретарь утвердительно кивнула головкой и вытерла салфеткой губы м-ра Хаггарда.

— Я слышал, что они еще на ощупь опадают,— м-р Хаггард провел рукой по бедру секретаря.— Как бы нам увидеть это?

Тут же на сцене появилась группа девушек, облаченных в разноцветные колготки, и по залу распространился чудесный запах роз. Под легкую ритмичную музыку они изобразили несколько построений, после чего с визгом прыгнули в зал и смешались с толпой. Но ни у одной из испыта-

тельниц лепестки не опали, как ни старались их трогать проводившие экспертизу.

— Лепестки опадают только по команде хозяйки, так что нечего бояться ездить в них в общественном транспорте,— разъяснял Жан Чжоу.— Существует два вида опадания. Первый — когда до них дотрагивается субъект, которому симпатизируют,— тут же у некоторых девушек лепестки опали с легким звоном. Во втором случае — когда хотят наказать слишком нахального приставалу.

Тут же сверкнула молния и грянул гром — противного вида старикан повалился на пол, сраженный хорошей порцией электричества.

Остальные с опаской отодвинулись от манекенщиц.

— Ничего страшного, он быстро придет в себя. А вам не надо бояться. Специально по желанию хозяйки колготки в данном режиме не срабатывают,— иначе ездить в транспорте стало бы опасно из-за шалостей юных и не совсем юных *колготконосительниц*. Данный защитный механизм действует только при стойком отвращении к назойливому партнеру, и то — только с третьего прикосновения,— закончил *Великий Модельер* и скромно замолчал.

— Я думаю, надо одобрить данный образец, если у вас нет претензий и принципиальных возражений,— обратился к собравшимся м-р Хаггард. Но, услышав, что бедный старикан начал что-то бормотать, все еще находясь в горизонтальном положении, улыбнулся и добавил:

— Я думаю, можно пренебречь мнением пострадавшего. М-ру Жану Чжоу объявить благодарность и выдать денежную премию.

Все дружно захлопали в ладоши, а старикан, так и не встав, горько заплакал.

Наверное, от счастья?

— Что-то вы какие-то квелые сегодня?— м-р Хаггард обвел взглядом зал.

— Всю ночь работали! — эксперты выстроились в шеренгу и встали по стойке "смирно".

— Ну и что вы там с похмела наработали? — м-р Хаггард знал, что эксперты на самом деле работали, он доверял своим сотрудникам и знал, что сейчас увидит результаты.

Манекенщицы начали хоровод между сценой и кулисами, вынося на суд комиссии плоды ночного бдения экспертов.

Сначала вынесли будильники — количеством сто сорок семь с

половиной штук,— потом пошли чередой платья, смокинги, цилиндры, рюмки, вилки, ножи, шмайссеры, бас-гитары, стиральные доски, *пардон*, стрингс-оркестры, телефоны, шариковые ручки, зубные щетки, расчески и прочее безобразие, выкопанное Моррисоном вглуби веков.

Манекенщицы взмокли, демонстрируя на себе бюстгальтеры и мужские семейные трусы.

Они старательно показывали свое умение стоять за кухонной плитой и сидеть на унитазе, ездить на велосипеде и читать вслух по слогам книжки. Короче, после такой подготовки и с такими навыками "*жить по-старому*" их можно было смело отправлять в каменный век, к которому, очевидно, и принадлежали все эти предметы.

Работа была проделана большая и не напрасная.

Ведь вот уже два часа, как в каталогах МДК *(проклятые конкуренты!)* значились данные "новинки" на продажу *(фо сейл!)*. Но был еше не вечер, и люди все на работе,— по мере показа и утвердительных кивков м-ра Хаггарда в каталоги ХДК *(Господи Иисусе, не дай пропасть бедным мусульманам!)* мгновенно заносились новые названия.

— Еще пару таких ретро-карнавалов — и я похудею,— сказал толстый эксперт по продовольственным товарам несчастному старикану, наконец-то сумевшему побороть свою слабость и присоединившемуся к обществу.

— Еще пара таких демонстраций, и фирма лишится единственного специалиста по старинному огнестрельному оружию,— старикашка на самом деле был большим специалистом, несмотря на свой невзрачный вид и шерсть в носу.

— Сам виноват! Привык крепко держаться за цевье, вот и получай! — толстяк вытер пот со лба и принялся называть м-ру Хаггарду экзотические блюда, изготовленные под его руководством в процессе похудания.

— Все это хорошо,— изрек м-р Хаггард, закончив принимать образцы.— Но кроме колготок вы не придумали ничего нового. И нас не спасет ретро-волна, так как люди Моррисона тоже не сидят сложа руки. А ведь наша задача не в выколачивании денег у народа — которых у того давно нет,— а в непримиримой борьбе с Моррисоном за рынки сбыта.— И он твердо резюмировал:

— Надо его переплюнуть!

— Надо! Не сомневайтесь, переплюнем! — заголосили перепуганные эксперты, а старикашка передернул затвор ППШа.

— Чем? — м-р Хаггард презрительно сморщился.— Вашими накладными губами, от которых начали отказываться даже грязные аборигены? У вас не хватает *нового мышления!*

— Нужно что-то *перестроить*, но вот что, я вас спрашиваю?

Все угрюмо молчали, и тут из толпы вышел слишком невзрачный субъект, ведавший рекламой и изучением спроса населения. В упор уставившись в не совсем пышный, но в то же время — не совсем плоский бюст секретаря, тихо сказал таинственное и загадочное слово:

— ЯРМАРКА!

М-р Хаггард поднял кверху брови:

— Это что, балаган, что ли?

— Именно, ярмарка с балаганом,— отчеканил субъект и победно оглядел собравшихся.

— Ну-ка, ну-ка, поведай нам, *що цэ за таке — ярмарка,— от волнения м-р Хаггард начал бачить, як на ридной Оклахомщине.*— Только поподробнее, чтоб всем было понятно!

— Как я понимаю нашу главную задачу,— начал излагать дерзкий новатор — надо обеспечить как можно больше рабочих мест, — ведь только так мы обязываем своих сотрудников покупать только наши товары! Но так, чтобы эти рабочие места не были нам в убыток, а то теряется всякий смысл. На сегодняшний день мы исчерпали все резервы в этом трудном деле. Правда, резервы у нас, конечно, есть, но они требуют больших трудозатрат и зависят от реализации новых технико-технологических разработок. И вот тут очень правильно говорил м-р Хаггард о новом мышлении! Мы о чем все время думаем? Как бы что-нибудь новенького придумать. И ломаем себе голову. А ведь сколько у фирмы нас, конструкторов? — Тьма! Все зарплату получаем, но и, конечно, в конце концов разрождаемся всякими непотребными *"губами самоопадающими"*. Наш бред фирма в муках реализует в реальный товар, а через несколько дней он уже никому не нужен, и мы продаем его за бесценок, чем вконец развратили потребителя. Вот таким образом мы уже давно бегаем по кругу, высунув язык, как *бешеная собака за своим хвостом в поисках семи миль!*

Толпа экспертов замерла и только их глаза, словно маленькие маятники, тикали-глядели то на докладчика, то на м-ра Хаггарда.— На докладчика — довольно осмысленно — как на придурка! А на м-ра Хаггарда — с непониманием,— как он может так долго терпеть такие крамольные речи?!

Когда докладчик на секунду замолчал, видимо перезаряжая новую обойму, все обратили свои взоры на м-ра Хаггарда, моля его нанести ответный сокрушительный ракетно-ядерный удар по этому жалкому логову крамолы. М-р Хаггард, однако, не поддался на эту провокацию,

посчитав ее *(доклад докладчика)* разведкой боем, и не стал проявлять свою стратегическую оборонную инициативу, а выпустил ма-аленькую контрольную тактическую ракетку (20 кТн):

— Все это очень интересно, милейший. Но нельзя ли ближе к теме?

— А он нам как раз — по теме — устроил здесь балаган! — подал голос один из экспертов.

Докладчику эта последняя реплика была как вожжа под хвост. Он с галопа перешел на четвертую скорость. То есть, если выразиться просто и доходчиво, без метафор и аллегорий, он во время этой паузы уже успел перезарядить магазин и, передернув затвор, поднес зажженный фитиль *(куда следует)* и вдарил отборной картечью по пестрому каре неприятеля:

— Вот м-ру Хаггарду интересно. А до вас, идиотов, мои слова не доходят! Вы думать *(ловить мышей)* разучились, и этим способствуете *застою*, из которого тщетно пытается вывести вас м-р Хаггард!

Тут уже не выдержал секретарь:

— Вы думаете, что я тоже способствую застою?

— Что вы, что вы! Так я, конечно, не думаю! — докладчик, затеяв такую опасную игру, понял, что наступил кульминационный момент. Все страшно заинтригованы, и пора выкладывать свои козыри *(соображения):*

— Именно Вы вдохновили меня! И, глядя на Вас, ко мне пришло озарение — как расправиться с этой проблемой — и с МДК заодно!

— Может вы наконец скажете, что вы там такое придумали? — м-р Хаггард окончательно потерял терпение, так как он мало верил, что из данной ситуации существует какой-либо выход.— А то мы вам сами что-нибудь такое придумаем!

— А я ведь уже сказал, что надо делать.

— ???

— Ярмарку! И, как Вы мне правильно подсказали,— с балаганом!

— ???

Оборона неприятеля была окончательно сокрушена. Противник был деморализован, и теперь его можно было брать тепленьким. Теперь, пока он им все не выскажет и не растолкует, его будут слушать с открытым ртом.

— У нас прекрасно отлажено производство и реклама такая, что *без мыла в игольное ушко влезет*. А в торговле мы стремимся только к одному — установить как можно больше дубликаторов, и все. А ведь торговля — это искусство, это самая древняя профессия после древнейшей, конечно.

— А какая самая древняя профессия на свете? — по долгу службы уточнил секретарь.

— Та, которая входит в группу риска,— уклончиво ответил “эскулап”.

— Это война, что ли? — подал голос знаток ударноспускового дела.

— Война тоже древнее дело, но торговля...— докладчик закатил глаза и зацокал языкам,— но торговлю мы забыли незаслуженно! Без дубликаторов нам, конечно, не обойтись. Но они такие громоздкие. А меньше их не сделаешь — и места они занимают много, и земля дорогая, а где можно — они уже стоят, а где невозможно — там стоят дубликаторы Моррисона. Вот так они и стоят рядами,— напротив наших — моррисоновские. Покупка превратилась в банальное событие, не приносящее покупателю и нам ничего, кроме облегчения. Как после естественной потребности — нет ни радости, ни удовлетворения. А радость должна быть во всем! Так вот, я и предлагаю устроить ярмарку по продаже нашей продукции.— Как я себе это представляю? — Несколько домиков с прилавками. За прилавками — живой продавец, одетый вызывающе, а на домике и внутри его развешаны и расставлены различные товары, пять-десять наименований, не больше. Внутри домика замаскировать столько же дубликаторов, между домиками поставить лотки с едой и безделушками, пустить по ярмарке лотошников с переносными лотками, пригласить артистов, устроить аттракционы, короче — устроить балаган, как правильно подсказал м-р Хаггард. И народ к нам попрет!

— А что, в этом что-то есть,— м-р Хаггард задумчиво поглядел на секретаря,— этим мы убиваем несколько зайцев одновременно: новые рабочие места, новая форма обслуживания, культурная программа и, под шумок, сбыт залежалого товара. Только вот где устраивать эту ярмарку, и где гарантия, что завтра Моррисон не устроит точно такую же?

— Ярмарку запатентовать как новый вид услуг. В патенте можно оговорить все возможные формы ее проведения. А разместить ярмарку на всех центральных площадях города, ну, и в деревнях — тоже!

— Да кто ж тебе позволит это сделать? — подал голос торговый юрист-консультант фирмы.— Согласно закону от 13 октября двадцать шестого года, запрещается строительство любых сооружений на месте общественных и муниципальных земель. А также — использование их в целях рекламы частными фирмами.

Пока все упорно шевелили извилинами в поисках выхода из этого тупика, старый канонир тихо стал шептать на ухо потомственному гурману:

— Слушай, а что такое заяц и с чем его едят?

— О, едят его в виде рагу со сметаной.

— И что такое деревня?

— А это такое место, где водятся эти зайцы. Мне дед рассказывал, что однажды в голодные годы, когда он чуть было не помер, ему так захотелась отведать рагу из зайца, что он не вытерпел, вышел на деревню и видит — сидит на бугорке заяц, и, как ни в чем не бывало, хвостом виляет. Дед к нему подкрался и как ему шибанет! *Тот даже мяукнуть не успел!* Вот что такое заяц!

— А, теперь понятно, откуда пошло название "*пироги с котятами*". Эти зайцы мяукали и виляли хвостами при этом! — главный эксперт по охотничьим ружьям явно сожалел, что ему не довелось поохотиться на такого диковинного зверя в таких заповедных местах, как деревня.— Вот только непонятно, зачем в деревнях устраивать ярмарки, ведь так можно распугать всех зайцев!

— А может, наоборот, они будут собираться на ярмарке. Может у них склонность к музыке? Может они любят хоровое пение? — и оба эксперта притихли, видимо, представив себе этого дикого зверя в виде большой и жирной свиньи с кошачьими усами и собачьим хвостом бубликом.

— А кто вам сказал, что мы будем именно строить ярмарку? — не растерялся апологет комплексной торговли.— Мы ее сделаем разборно-переносной. Подадим заявку на проведение в общественных местах круглогодичных бесплатных шоу-мероприятий. Оговорим, что там не будет никакой рекламы нашей фирмы.

— Как же это без рекламы? — усмехнулся м-р Хаггард.

— А она не нужна будет,— не сдавался знаток общественного мнения.— Ярмарка сама себя будет рекламировать, своим весельем и разнообразием. Тем более что Моррисон не сможет устроить точно такую же. В продаже будут только наши товары — так что все будет *олл райт!*

— Ну-ка, давайте промоделируем ваше предложение,— предложил м-р Хаггард, и работа закипела.

На экранах стали возникать различные варианты бутафорских замков вперемежку с избушками на курьих ножках, образцы одежды для продавцов.

Вызвали экспертов-фольклористов, которые тут же с экранов начали читать частушки с прибаутками, киношники демонстрировали отрывки из исторических картин,— особенно всем понравилась картина "*Огни большого Волги-Волги*" с участием *голфильмовской суперзвезды Чарли фон Бывалоффонды.*

Когда, наконец, все убедились, что это дело стоящее, м-р Хаггард своей державной дланью подвел окончательную черту:

— Значит, так!

ПРИКАЗЫВАЮ:

— начальнику службы безопасности блокировать всех участников проекта;

— снять в бессрочную аренду все подходящие площади не позднее сегодняшнего вечера (сколько бы нам это ни стоило);

— прочесать в полночь весь город и набрать нужное количество продавцов из бродяг и особ с неопределенным родом занятий, но с определенной внешностью;

— к утру их всех обучить и экипировать;

— одновременно с этим укомплектовать из тех же источников бригады артистов и придать каждой ярмарке отдельный дрессированный зверинец, с постановкой на котловое довольствие и тех и других;

— разработать и изготовить к утру ярмарочное оборудование мобильного базирования, а к концу трудового дня смонтировать его;

— ровно в 00 часов, с началом операции по захвату работников, запатентовать монополию на проведение шоу-ярмарок;

— определить время работы ярмарок с 15.00 до 1 часа ночи;

— руководителем проекта назначить его автора.

— данный приказ распространить на все планеты, имеющие отделения нашей фирмы. Все, исполняйте!

С каждым словом этого приказа на экранах возникали цифры, отражающие сумму расходов по каждому пункту, количество требуемых людей, материалов, и — надо заметить, — что эти цифры были астрономические, особенно когда все перемножилось на количество планет.

Итоговая цифра составила около двадцати процентов капитала ХДК. Так что в случае провала проекта ХДК теряло за одну ночь все свое преимущество перед МДК.

Но когда м-р Хаггард замолчал, а у всех присутствующих перехватило дыхание от такой перспективы, постепенно стали возникать уже другого цвета цифры, отражающие расчетную прибыль за сутки, неделю, месяц и год, которую может получить ХДК от реализации этого проекта.

Вот это на самом деле были ЦИФРЫ!

Короче, к концу года, если сохранить существующую тенденцию роста капитала у МДК, то ХДК превзойдет их валовой продукт производства в пятнадцать раз.

Вот это да!

В наступившей гробовой тишине резко прозвучал негромкий голос м-ра Хаггарда:

— На полигон!

Аэрокар резко снизился и на высоте трех метров завис над морем.

В фюзеляже открылся люк, и м-р Хаггард полетел головой вниз, прямо в прозрачную прохладную воду.

— Папка! Папка прилетел! — радостно закричал Томми и начал лупить руками по воде.

Поднялся столб брызг, часть которых попала прямо на миссис Мопсон, восседавшую с зонтом в руке в кресле морского велосипеда.

— Добрый день, м-р Хаггард! — заохала она, смахивая с себя брызги огромным веером.— Вы такой же шалун, как и ваш сын.

— Добрый день, миссис Мопсон! — м-р Хаггард безуспешно отбивался от наседавшего на него Томми. А тот, работая руками и ногами, как старый колесный теплоход, норовил залезть ему на голову. Он, на радостях, наверняка утопил бы собственного папочку, не подоспей вовремя вездесущий секретарь, в который уже раз спасая его.

Она поднырнула под мальчика и схватила его за лодыжки.

Тот дико заорал. Она, вынырнув, тоже заорала диким голосом:

— Я медуза Горгона! Сейчас я тебя съем!

М-р Хаггард и миссис Мопсон тоже закричали: она от неожиданности, а он от радости, что оставили в покое его драгоценную голову.

Томми, видя, что двое против него одного, стал карабкаться к миссис Мопсон на велосипед, та ему протянула руку, но тут же сама оказалась в воде. Неизвестно, чем бы это кончилось, не сработай охранная защита, и всех четверых растащили в разные стороны киберы-охранники.

Потом они все лежали на их мягких спинах, приходя в себя и нежась под ласковым солнцем.

— Мы сейчас слетаем на полигон и к вечеру вернемся,— обратился к миссис Мопсон м-р Хаггард.

— Только долго не задерживайтесь, а то мальчика надо переодеть и причесать перед вечерним праздником,— миссис Мопсон даже после этого бандитского налета не утратила своей чопорности, умудрившись сохранить в этой катавасии и зонт, и веер.— И будьте там осторожны, не давайте ребенку в руки оружия, а то он наверняка подстрелит когонибудь.

Аэрокар прошил атмосферу планеты и приклеился к рейсовому транспланетному лайнеру.

Полчаса можно было использовать по своему личному усмотрению,

пока рейсовик покрывал расстояние между соседними планетами и м-р Хаггард задремал. Секретарь, естественно, стал охранять его сон.

Пилот аэрокара повел Томми знакомиться с устройством лайнера. Через полчаса он еле успел вытащить мальчика из капитанской рубки. Подхватив его на руки, пилот бегом кинулся по коридорам по направлению к их экипажу. Они успели. И, как только упали в кресла, сработала автоматика — захлопнулись створки люка, и кар отделился от чрева рейсовой матки. Томми тут же поудобней устроился в кресле и впился глазами в обзорный экран. К этому времени пилот уже успел развернуть нос суденышка, и весь экран заслонила соседка их родной планеты.

Зрелище было, безусловно, грандиозное!

Скорость, с которой они спускались, была умопомрачительной, и хотя перегрузки компенсировались до приемлемых, а корпус целиком поглощал звук, но вид быстро надвигающейся планеты гипнотизировал, а когда стали проходить облачный слой, бывший довольно неплотным, вид проносящихся мимо облаков привлек внимание даже м-ра Хаггарда, который был поглощен своими мудрыми мыслями.

Планета была расположена ближе к их солнцу и, естественно, климат на ней был жарче. Жить на ней было можно, но для колонизации она не годилась. В связи с этим здесь располагались только производственные комплексы и военные объекты. Здесь же был главный полигон ХДК.

Их уже ждали. На площадке находились человек тридцать пять. Из них просто человек было с десяток, остальные были военные.

Частью это были военпреды, частью — военспецы, состоявшие на службе ХДК.

М-р Хаггард со всеми лично поздоровался за руку и обратился к начальнику полигона:

— Как война между Мустафами? Все еще идет?

— Хорошо идет! — ответил бывший генерал от инфантерии.— Они уже обстреливают столицы друг друга.

— Так. А десанты высаживали?

— Еще нет, было только три космических сражения, после чего высаживать десант им уже не на чем.

— Как настроение у народа?

— Отличное! Каждый клянет другого во всех смертных грехах и клянется Аллахом биться до конца.

— Договор насчет поставок заключили?

— О да! Они будут покупать товары в течение ста лет только у нас.

— Хорошо. А что Моррисон?

— Мы показали по их национальным каналам, как он охотится на ка-

банов. Особенно им понравилось, как он собственноручно разделывает тушу подстреленной им свиньи и жарит ее на вертеле!

Все дружно засмеялись.

— Я всегда говорил, что нужно быть милосердным к божьим тварям! — м-р Хаггард увлекался только подводной охотой.— Им понравилось, что мы им предложили?

— Да, им очень понравилось, что мы не стали им ничего предлагать, а просто, по-братски спросили, что им надо. Они достали наши армейские каталоги и указали на последние модели. Им же невдомек, что сегодня они уже предпоследние!

Военные дружно заржали, и м-р Хаггард про себя удовлетворенно отметил, что им, видно, слишком понравилась новейшая техника, разработанная ХДК. А вернее, им еще больше понравилась их работа у него.

Самый старший по званию обратился к м-ру Хаггарду:

— С завтрашнего дня мы начинаем списывать нынешнюю технику, стоящую на вооружении. Чтобы ускорить получение новейших образцов, передадим этот лом Вам на переплавку за чисто символическую сумму.

Все опять дружно заржали.

— А мы так их переделаем, что отец родной не узнает!

— А вдруг узнаю? — лукаво заявил м-р Хаггард.

— Прошу! — начальник полигона вытянул в сторону правую руку, приглашая всех на смотрины.

Тут же из-за горизонта появились три точки.

Подлетев, они мгновенно превратились в боевые машины пехоты (БМП) и бесшумно спланировали перед смотровой площадкой, выстроившись в ряд. В первой все сразу узнали основную БМП Галактических сил Свободного мира. Даже сейчас, зная, что она снята с вооружения как устаревшая, они все все-равно были заворожены ее красотой и функциональностью.

Заслуженно нося название "Боевая мощь", она казалась легкой и изящной, несмотря на свои 340 тонн пластика и керамики.

"Да, дизайнеры тогда поработали на славу,— подумал м-р Хаггард.— Не зря ж выбрали ее, а не моррисоновскую".

Две других машины были порождением кошмарного сна.

Их отличала друг от друга только форма фюзеляжа: одна была более сплющенная сверху и снизу, а другая была бочкообразная.

Более точно описать их невозможно, так как со всех сторон на них имелись безобразные наросты, из которых торчали всевозможных калибров и мощностей стволы. Или же были прикреплены различной мощности и габаритов ракеты, торпеды, самонаводящиеся бомбы, контей-

неры и вовсе непонятные штуки, среди которых можно было иногда различить антенны локаторов.

Покрашены они также были невообразимо. И везде, где только можно, имелись различного размера и длины надписи на широко недоступном, кажется, арабском языке.

Хотя, возможно, это был и не арабский, а китайский язык, мы в этом не компетентны.

Впрочем, это вряд ли был китайский с его легко запоминающимися иероглифами, а явно аравийская вязь, имеющая неповторимую багдадско-тегеранскую гармонию.

— Аппараты покрашены в цвета национальных флагов, а надписи отражают чаяния народа, возложенные на данные милые машинки,— пояснил главный дизайнер ХДК.

— А они, того, смогут взлететь в этом виде? — выразил свой скепсис м-р Хаггард.— Право, о чем я, ведь они сюда своим ходом того, и довольно резво. Но в первоначальном-то виде они, наверное, были мобильнее? Хотя, судя по количеству носителей, одна машина теперь заменяет целую флотилию Галактических крейсеров?!

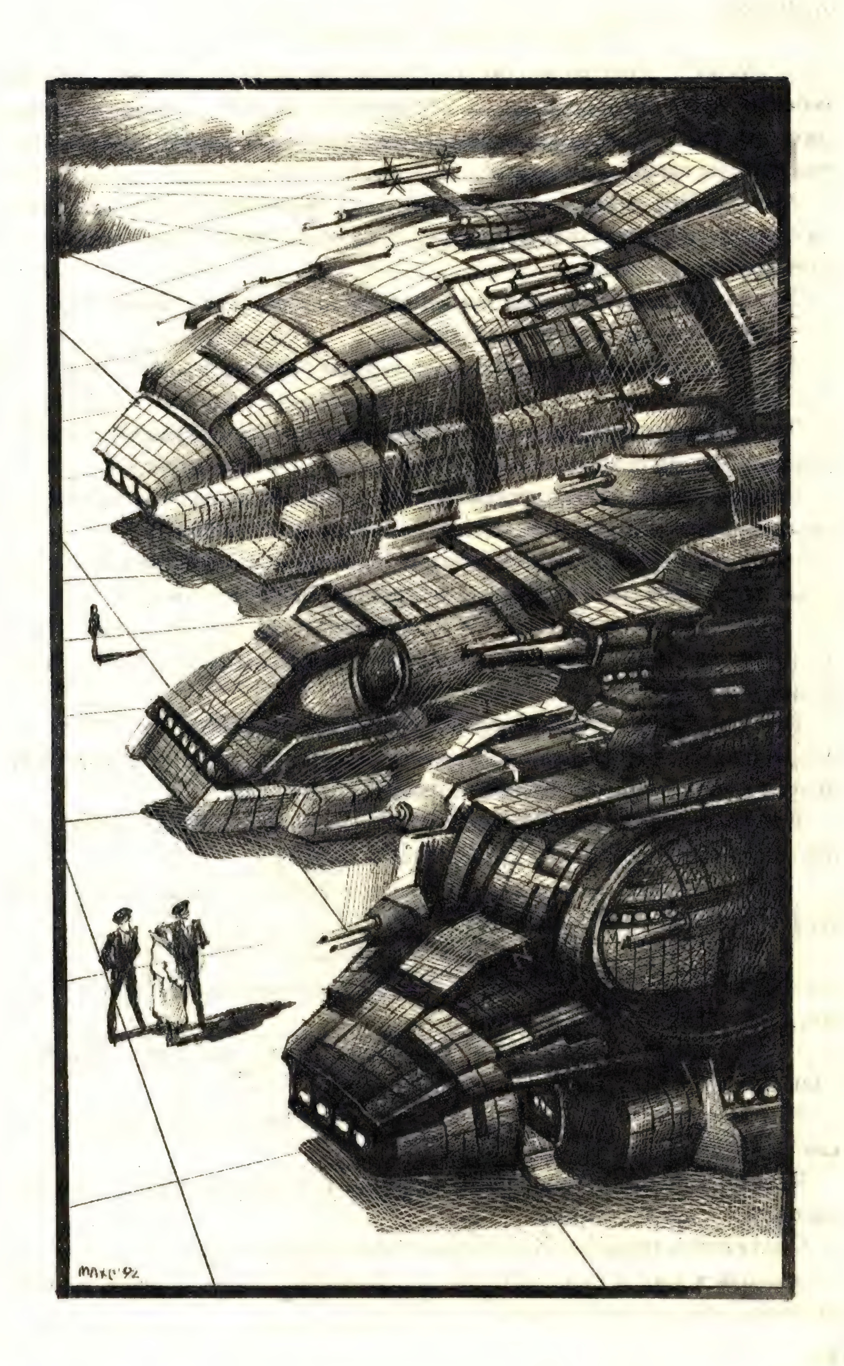
— Ничуть! — терпеливо пояснял главный конструктор фирмы.— Просто мы вынесли все вооружение наружу, а в освободившееся пространство вмонтировали загон для орлов-десантников. На скорость же и на маневренность аэродинамика конструкции совершенно не влияет, посредством применения силовых полей.

— Ну ладно, вид этих монстров в какой-то мере устрашит темного и суеверного противника, и заодно придаст уверенности не менее темному погонщику этого корабля космической пустыни, — начал рассуждать м-р Хаггард.— Но как, объясните мне, он будет управлять всем этим количеством оружия, если скорее всего он до стольких и считать не умеет?

— Нашей машиной сможет управлять даже грудной ребенок, а если очень захотеть, то и любая женщина! — теперь просипел главный акушер, *пардон*, конструктор.— Единственной мисс, находящейся среди нас, я, конечно, не предлагаю это доказать. Ибо боюсь, что после такого лестного комплимента она выберет мишенью обязательно меня. А вот вашего сыночка я бы попросил немножко поиграть в войну!

Все трое Хаггардов *(в данном случае секретарь заменял здесь маму Томми, и если честно признаться, то и мамочку м-ра Хаггарда)* сразу же вспомнили миссис Мопсон, и им всем стало не по себе.

Видя замешательство начальства, главный психиатр-программист киберсистем подал свой компетентный голос:

— Можете нисколечко не беспокоиться. Любое неверное действие ребенка будет блокировано, а стрелять он сможет только в сторону мишени. Так что, если он не справится с машиной, то ничего не будет,— она даже не сдвинется с места!

М-р Хаггард глянул на секретаря,— та смущенно улыбалась, глянул на сына — тот умоляюще смотрел на отца во все глаза. Тогда м-р Хаггард утвердительно кивнул.

Начальник полигона взял Томми за руку, подвел его к БМП.

— На какой ты хочешь прокатиться?

Мальчик подумал и показал на бочкообразную, казавшуюся самой большой.

Та тут же развернулась к нему бортом, в котором распахнулся люк и выдвинулась лесенка.

Старый генерал подтолкнул Томми к ней и, дождавшись, когда он скроется в люке, а тот захлопнется, вернулся к собравшимся.

— Во время испытания мы будем наблюдать за действиями малыша через шаровой экран,— рядом с каждым из присутствующих появилось кресло.— Прошу всех сесть. Во время демонстрации мы будем как бы двигаться за БМП и для достоверности будем испытывать легкие перегрузки.

Как только все уселись, кресла поднялись на высоту пяти метров, а площадка, над которой они находились, отъехала в сторону, и из открывшегося колодца наверх поднялся огромный серый шар.

Его поверхность раскололась на две половинки, которые сомкнулись над висящими в креслах, и шар растаял в воздухе.

БМП, в которой находился вот уже три минуты Томми, по-прежнему стояла рядом со своими братьями.

— А вы уверены, что она будет двигаться? — м-р Хаггард сидел в двухместном кресле с секретарем, который безуспешно пытался утешить его, скрашивая разлуку с сыном.

— Поживем — увидим! — многозначительно произнес начальник полигона, которому явно нравился секретарь.

Еще минут пять все в полной тишине смотрели на неподвижную БМП, как та вдруг с места рванула вверх.

Кресла, соответственно, рванули за ним, а их обитатели судорожно вцепились в подлокотники.

Серая степь полигона быстро уменьшалась до тех пор, пока не начала уменьшаться уже и сама планета, а небо из пепельно-розового не превратилось в антрацитно-черное.

— А ведь мы по-прежнему находимся на полигоне! — весело сказал старый генерал.

“Для тебя весь космос сплошной полигон, старый индюк!” — м-р Хаггард заметил, какими глазами тот смотрел на секретаря, и боролся с сильным желанием запустить в него ботинком.

...Это была не глупая и мелочная ревность, недостойная настоящего мужчины. Просто м-р Хаггард не любил военных. Этому сильно способствовали воспоминания молодости, когда его любимая сбежала от него с плюгавым лейтенантиком.

Правда, он не успел ей сказать, что его фамилия Хаггард, но он подарил свою визитку ее подружке.

На следующий день он встретил того лейтенантика с расцарапанной рожей, а подружка сказала, что ее товарка была неправа. Но м-р Хаггард ей возразил, сказав, что как раз даже наоборот, — она очень правильно сделала, что полюбила так крепко этого будущего генерала. А он недостоин ее, и чтобы не смердить на этом свете, он пойдет сейчас и утопится, после чего достал из кармана чековую книжку и заказал себе на дом бассейн шампанского и пошел топиться в нем...

Итак, они летели, *бороздя просторы Большого театра* военных действий. Космос спал сном праведника и не замечал разной мелкой суеты. Не хватало лишь только музыки большого органа, а так все было в порядке.

Но гармонии недолго удалось просуществовать: со всех сторон на БМП с Томмиком посыпались торпеды “космос-космос”. Он их в два счета посшибал лазерными пушками. Потом его начали сшибать лазерами, но он их встретил H_2O минами.

Все эти манипуляции сопровождались спонтанными перемещениями в плоскостях; сидящие в креслах получили редкое удовольствие прокатиться на халяву на “Русских горках” со взрывами и вспышками в придачу.

Десяти минут хватило для того, чтобы м-р Хаггард мог вспомнить и произнести только одно слово — “ма-ма”, на что тут же моментально среагировал секретарь и прижался к нему.

М-р Хаггард же упорно прижимался к креслу, видимо, стараясь спрятаться от неминуемого возмездия в виде миссис Мопсон и, видимо, желал укрыться от ответственности перед ней.

В этой мясорубке, от перспективного сумасшествия, ему грозившего, спас его голос старого индюка:

— Можете не беспокоиться, мистер, все торпеды учебные. Так что с вашим ребенком ничего не случится!

— Может, лучи лазеров у вас тоже учебные? — съязвил секретарь, наблюдая, как разлетаются водяные мины кипящими брызгами под воздействием этих, якобы ненастоящих лучей.

М-р Хаггард тоже рад был бы съязвить, но находившееся в его распоряжении единственное слово "ма-ма" могло быть определенно воспринято военными. Они страдали профессиональной тугоухостью и могли воспринять его как директивное указание — "Мало!" и сдуру еще больше добавить Томмику жару.

— Лучи, конечно, настоящие, но минимальной мощности,— любезно осадил зарвавшуюся женщину начальник полигона.— При всем желании они не смогут прожечь даже листа жести, а малыш одет в композиционную многослойную броню с динамической защитой!

— Что ж тогда так кипит вода от вашей минимальной мощности? — мило улыбнулась секретарь. — Или вы открыли новый закон термодинамики?

— Нет, для наглядности мы заменили воду на обыкновенный вульгарный жидкий кислород! — бравому вояке все-таки удалось утереть нос этой сопливой девчонке.

Пока они препирались, Томми успел расправиться с последним предложенным ему тестом, и вокруг наступило относительное затишье.

Его конец ознаменовал запуск маленького контейнера, который смачно взорвался, сымитировав гибель БМП, и должен был ввести в заблуждение коварного противника.

Тут же под шумок малыш выпустил в разные стороны несколько залпов из лазерных пушек и послал туда же парочку дюжин торпед.

"Интересно, зачем он тратит попусту боезапас?" — м-р Хаггард вспомнил, что помимо "Мамы", существует еще рациональное хозяйствование.

В ответ на эти не совсем конструктивные мысли вокруг в бездонных глубинах космоса начали рваться невидимые корабли учебного противника.

— Ну что ж, ваш сын дал достойный отпор наглому агрессору! — констатировал этот всем очевидный факт один из представителей Галактического флота.— А теперь, по-моему, он возвращается на родную базу.

И правда, эскорт приближался к планете базирования.

Войдя в плотные слои атмосферы, БМП стала как-то странно рыскать, а на высоте 20 тыс. метров пускать в разные стороны горевшие красным светом сигнальные ракеты.

"Мальчишке захотелось побаловаться",— подумал м-р Хаггард, но его

мысли были прерваны интенсивными разрывами вокруг непрестанно маневрирующей машины.

— Вошли в зону противовоздушной обороны противника,— подсказал начальник полигона.

Внизу резко приближалась поверхность планеты, и уже можно было различить, что они пикируют на средних размеров город.

В нем уже рвались бомбы и ракеты, которые Томми начал сбрасывать еще на высоте 15 тыс. метров.

Спустившись к южной окраине города, он на бреющем полете начал прочесывать квартал за кварталом, непрерывно поливая их изо всех скорострельных пушек.

Весь город покрылся столбами жирного дыма, сквозь который пробивались языки пламени от сброшенных контейнеров с напалмом, светились брызги фосфорных бомб и сверкали вспышки термитных ракет. В этом аду метались обезумевшие люди, по которым Томми вел непрерывный огонь из всех пушек.

Людей было много, и у БМП снизу открылся люк, и через равные промежутки времени оттуда вылетели 24, эдаких, металлических жука, состоящих преимущественно из малокалиберных скорострельных пушек и подствольных гранатометов, которые тут же начали летать по улицам горящего города на уровне второго этажа зданий и методично расстреливать мечущихся в панике жителей.

Через полчаса с городом было покончено.

Томми собрал обратно в машину всех трудяг-жуков и спокойно полетел в сторону смотровой площадки, где за ним наблюдали его невольные соучастники.

Когда до них оставалось метров пятьсот, начальник полигона демонстративно щелкнул двумя пальцами. Сбоку что-то ударило в бок БМП, и она начала разваливаться в воздухе на куски.

Когда БМП уже почти развалилась, внутри нее что-то здорово рвануло. Из центра этого взрыва вылетело темное веретено, описало в воздухе дугу, и упав перед площадкой, быстро ввинтилось в землю.

Шаровой экран разошелся, кресла опустились на площадку и пропали, а м-р Хаггард бросился было бежать к месту падения веретена, но его придержал за руку главный конструктор ХДК.

— Спокойно, м-р Хаггард, не волнуйтесь, а внимательно посмотрите, что Вы там видите?

— Пусти меня, кретин, там мой сын! — он пытался вырваться, но его уже держали главный дизайнер с программистом.

— Все-таки приглядитесь, м-р Хаггард, что Вы там видите?

Глава ХДК, чувствуя, что ему не вырваться, посмотрел в сторону приземления странного предмета.

К его удивлению, на том месте не было видно никаких следов падения, и м-р Хаггард непонимающе взглянул на конструктора.

Тот, ни слова не говоря, поднял с земли увесистый камень и бросил его на то место, куда стремился м-р Хаггард.

Раздался взрыв, и на его месте образовалась довольно приличная воронка.

— Вот видите, м-р Хаггард, что могло с Вами стать, не останови мы Вас!

— Где мой сын, негодяи? Где он, я вас спрашиваю? — М-р Хаггард уже мысленно листал "*Молот ведьм*", выбирая самую страшную пытку для этих мерзавцев.

— Вот Ваш сын!

Из воронки показалось давешнее веретено, раскололось на три части, и оттуда вышел Томми, живой и невредимый.

На нем был боевой космический скафандр, весь увешанный зловещего вида оружием.

— Папка, папка! Как здорово я их всех пострелял! — он повис на шее у отца, создавая неудобства секретарю, который довольно ловко снимал с него всевозможные лучемёты и запасные обоймы к ним.

— Особенно было интересно расстреливать роботов, которые изображали в городе людей! — лицо ребенка светилось от счастья и трудового пота. — Но почему машина взорвалась, я ведь не мог пропустить чужую ракету?

— Не волнуйся, малыш! Ты ни в чем не виноват. Это мы просто так подстроили, чтобы показать твоему папе, что даже в случае аварии пилот сможет благополучно приземлиться и даже эффективно спрятаться, в случае попадания на вражескую территорию.— Начальник полигона ласково потрепал мальчика по плечу.— А за то, что ты так здорово выпутался из всех переделок, мы дарим тебе этот боевой скафандр. Носи его — ты его заслужил в честном бою!

"Из-за вашей честной и безопасной игры меня чуть кондрат не хватил,— м-р Хаггард все никак не мог прийти в себя.— А она мне еще советовала взять с собой миссис Мопсон,— подумал он с неприязнью о жене.— Та бы здесь точно перестреляла всю мою оборонную промышленность. Хотя, честно говоря, их стоит подвергнуть за это такой процедуре несколько раз. Правда, рекламный ролик получился исключительный — тут же успокоил он себя,— так что стоило поволноваться!"

— А что это за “жуки” были на борту БМП, я что-то первый раз их вижу?

— Это наши новые кибер-десантники. Когда у клиентов появляется нехватка в людях, мы восполняем ее за счет них и за счет нового договора, соответственно.

— А не получится так, что наша техника окажется слишком эффективной и эта война слишком быстро закончится?

— Не думаю,— ответил представитель вооруженных сил.— Вы ведь будете поставлять обеим сторонам одинаковую технику. С другой стороны, если они друг друга перебьют, то я думаю, об этом будет сожалеть только их дорогой правоверный Аллах. А ваша печаль будет компенсирована приобретением двух прекрасных и свободных планет. Не правда ли?

Все опять дружно засмеялись.

Тут взял слово главный военпред в чине генерал-лейтенанта:

— Мы слышали, что у Вашего сына сегодня день рождения?

Томми смущенно заулыбался, польщенный вниманием к себе такого большого начальника, увешанного боевыми орденами. Он ведь был еще совсем маленьким мальчиком, чтобы понимать, что не все золото, что блестит.

— М-р Хаггард! У Вас растет настоящий солдат, и я от имени Вооруженных Сил Свободного мира, поздравляю его с этой знаменательной датой и вручаю ему именной разведывательный шлюп!

Рядом с площадкой опустился легкий и изящный аппарат.

— На нем, правда, нет такого вооружения, как на той машине, на которой ты так доблестно сражался. Но зато стоит более мощный бортовой компьютер, по скорости и надежности ему нет равных!

— Пап, а пап, можно, я на нем полечу домой? — спросил Томми м-ра Хаггарда.

Увидев, что генерал утвердительно кивнул, м-р Хаггард положительно решил данный вопрос:

— Хорошо, сынок. Заодно ты покатаешь и тетю секретаря, если она, конечно, пообещает не есть тебя и не превращать в камень!

Все весело засмеялись. Но особенно радовались сам м-р Хаггард и начальник контрразведки. Им все-таки удалось легко и просто спровадить с полигона этих двух посторонних, а значит, и ненадежных *товарищей*, перед тем как будет показана новейшая секретная техника.

— Только, смотри, не очень там увлекайся. И если что, то слушайся тетю.

Все с интересом посмотрели, как эта тетя, годящаяся им в дочери,

скрылась в недрах разведшлюпа и как тот улетел, унося хаггардовские "ценности".

— Что-то у меня сегодня нервишки расшалились,— м-р Хаггард потер виски и извиняюще посмотрел на собравшихся.— Ведь я прекрасно знал об аварийной катапульте, правда, меня сбила с толку ее самомаскировка, и еще —все так быстро произошло, что я довольно здорово растерялся, все-таки сын родной. Ну да ладно, давайте посмотрим на новую БМП.

Начальник полигона распорядился, и рядом со старыми машинами появилась их преемница.

Была она раза в два больше их и имела просто форму шара.

— Да, изяществом она не блещет.— М-р Хаггард предположил, что при разработке сэкономили на дизайне, зная, что Моррисон не будет представлять свою машину.

— Просто с такой формой силовая защита на 25 процентов эффективней,— главный дизайнер честно отрабатывал свою зарплату. — А если форма не нравится, то можно сделать и другую.

Поверхность машины стала видоизменяться, и за непродолжительное время БМП превратилась сначала в куб, потом в пирамиду, затем в усеченный конус; цилиндр, который разделился пополам, опять склеился. Затем последовали ее превращения во все известные и неизвестные летательные аппараты — то в гусеничные, то в многобашенные, то в подводно-плавающие.

Менялся цвет фюзеляжа, и на его поверхности время от времени появлялись и пропадали "*стволы*" *ракет*, "*жерла*" *лазерных пушек.*

Когда эти трансформации прекратились, БМП приняла такую совершенную и красивую форму, что старая, которая так нравилась м-ру Хаггарду, теперь выглядела маленьким недоноском.

— Все равно предпочтительнее шарообразная форма, как наиболее функциональная,— безразличным голосом закончил дизайнер.

— Ну вы даете! Молодцы! — м-р Хаггард давно ориентировал разработчиков на создание метаморфозного летательного аппарата. И вот его мечта сбылась, даже с избытком.— А как насчет огневой мощи?

— На борту находится комплекс по производству боеприпасов из материалов окружающей среды. Его производительность составляет 50 тонн в минуту,— пояснил главный оружейник.

— Так вы умудрились установить на борту дубликатор?

— И не один, м-р Хаггард, а целых три!

— Да, теперь нам сам черт не страшен, не то что м-р Моррисон!

Все опять весело заржали.

— Ну что ж, давайте приступим к испытаниям. Меня интересует обороноспособность данной машины по сравнению со старой.

От толпы отделились старший военпред и главный конструктор ХДК. Вместе с м-ром Хаггардом они направились к старой серийной БМП.

— Кто будет управлять новой машиной? — м-ру Хаггарду было интересно, против кого они сейчас будут воевать.

— Вам прекрасно известно, что человек находится в машине в основном только для постановки задач и указания целей. При обороне цель и так ясна, присутствие человека вовсе необязательно.

— Вы хотите сказать, что мы будем сражаться с машиной?

— Вот именно!

Войдя через люк в БМП, они попали в шлюзовой отсек, где манипуляторы одели их в боевые скафандры. Затем они прошли в рубку и уселись в кресла, которые сомкнулись над ними в защитные коконы. Внутри их были обзорные экраны, позволяющие видеть, что происходит в боевой рубке. А в ней, соответственно, кроме трех неподвижно сидящих коконов ничего не наблюдалось. Зато осветился обзорный экран рубки, создавший полную иллюзию, что коконы висят в воздухе над степью, а самой рубки вовсе нет.

К тому времени когда происходили описываемые события, машинная техника и управление ею достигли такого совершенства, что полностью отпала надобность в штурвалах, тумблерах и индикаторах, которые до сих пор так любят рисовать в фантастических книжках маститые художники. Будь на самом деле у мощной космической техники будущего такое допотопное управление, она б завезла своих хозяев туда, куда Юный Макар телят не гонял. И нет ничего удивительного, что малыш Томмик смог сходу справиться с такой сложной машиной, как БМП космического базирования...

Итак, как только м-р Хаггард со своими спутниками оказался внутри БМП, прозвучал голос бортового компьютера:

— Бортовой номер Ф-713-1487Д готов к выполнению задания. Чьи приказы я буду выполнять?

— Мои,— ответил м-р Хаггард.

— Кто ваш заместитель?

— Я,— сказал главный конструктор.

— Понял. Приказывайте.

— Видишь вон тот аппарат? — м-р Хаггард повернул голову так, что перекрестье прицела в его шлеме совместилось с центром новой БМП.

— Вижу.

— Мы будем проводить испытания его защиты...

— В квадрате 48-14,— подсказал генерал, а м-р Хаггард добавил:

— Выполняй!

Машина тронулась с места и заскользила на бреющем полете на север.

Параллельно ей следовал новый аппарат.

— Вы что, держите между собой связь? — удивился м-р Хаггард.

— Нет,— ответила машина.

— Это я даю ей ценные указания,— скромно сказал генерал.

— Ага, в наших рядах вражеский лазутчик! — съязвил м-р Хаггард.

— Вернее сказать — ангел-хранитель,— генерал захохотал.— Без моей страховки при первых же ваших выстрелах наша новая крошка разнесет нас в щепки! Впрочем, я могу удалиться, а вы заодно испытаете свою защиту.

— Мне его выкинуть? — живо откликнулся компьютер.

— Дядя пошутил,— успокоил его заместитель руководителя.— Это, кстати, мой заместитель.

— Понял. Мы прибыли на место. Жду указаний.

— Уничтожить противника! — скомандовал м-р Хаггард и непроизвольно прикрыл глаза. Но выстрелов не последовало.

— Цель не вижу.

— Цель находится в радиусе эффективного огня,— подсказал генерал.

— Цель не вижу,— снова ответил компьютер.

М-р Хаггард открыл глаза и увидел, что там, где только что висел серый невзрачный шар, было пусто.

М-р Хаггард повертел головой, но и сзади, и по бортам также его не было.

— Так где же он? — обратился он к генералу.

— Где-где,— ответил тот,— укрылся защитными полями.

— Это что, он невидимка, что ли?

— Ага — радостно ответил конструктор.

— Беглый огонь трассирующими по секторам! — скомандовал м-р Хаггард.

БМП открыла огонь из 16 малокалиберных пушек, плавно поводя ими крест-накрест, перекрывая все пространство вокруг себя.

Через минуту стрельбы она доложила:

— В радиусе эффективного огня противника нет!

— Ха! — довольно крякнул генерал.— Он торчит в каком-то километре перед нашим носом.

— Цель не вижу! — компьютер начинал нервничать.

— Милейший, спокойно,— успокоил его конструктор.— Техника новая, тебе не ведомая, вот испытаем ее, и ты будешь знать, как ее искать.

— Пояснение понял. Как мне его обнаружить?

— Давай то же самое, только микроядерными зарядами,— и обратился к м-ру Хаггарду:

— От радиации он уже не увернется!

— Выполняй! — приказал тот.

Вокруг машины на расстоянии тысячи метров возникли яркие вспышки.

Между двух из них слабо замерцало силовое поле новой БМП, поглощая избыток радиации.

— Цель обнаружена!

— Уничтожить!

БМП на радостях извергла из себя все, что было можно, в сторону демаскированного противника и,— уже четко было видно, где находится тот, — вокруг него полыхало море огня.

— Зря тратите боеприпасы,— со скукой в голосе сказал генерал.— Надо, по крайней мере, шесть таких залпов одновременно и в течение десяти минут, чтобы его пробить, если, конечно, он будет стоять на месте, как это делает он сейчас по моему приказу.

— Прекрати огонь! — приказал м-р Хаггард и обратился к нему: — Так, силовая защита выше всяких похвал, а теперь проверим его броню без защиты.

Тут на экране появился неуязвимый шар.

Он висел в ста метрах от земли и плавно покачивался.

— Будешь бить очередями из разных систем по порядку возрастания их мощности,— приказал м-р Хаггард.— Огонь!

В сторону шара ушла очередь из скорострельной пушки — шар на нее даже не отреагировал.

Потом пошли термитные ракеты — шар подсунул им динамическую защиту, и они друг друга компенсировали.

Ударил лазер, на что шар стал зеркальным и покрылся слоем воды, которую лазер добросовестно испарил.

На четыре торпеды с довольно солидными фугасами шар ответил полной перестройкой своей поверхности, превратившись в комплект из четырех воронок, направивших струи газа от взрывов каждого к каждому.

На последующий залп лучевых пушек шар ответил превращением в остроконечный конус с блестящей противорадиационной поверхностью.

И только после серии микроядерных взрывов, пришедшихся на его поверхность и, видимо, не совсем пришедшихся ему по вкусу, он сбросил

свою шкуру на съедение им и отлетел чуть дальше в виде маленького огрызка.

Но через несколько секунд этот огрызок опять превратился в давешний шар.

— Все-таки мы его достали! — м-р Хаггард в азарте забыл, что это не противник, а его родное детище.

— После такой атаки я превратился бы в облачко пара,— грустно ответил ему бортовой компьютер.

— И к тому же он находился на одном месте, а не маневрировал,— добавил главный конструктор.

— А если нам шарахнуть килотонн на двести? — спросил его м-р Хаггард.

— Полигон не рассчитан на применение этого оружия,— ответил генерал.— Но я даю вводную, что мы хотим шарахнуть.

Шар мгновенно вытянулся в острую иглу и нырнул вертикально в землю.

— Десять метров в секунду! — гордо констатировал конструктор.

— Он, что же, прожигает базальт как масло?

— Лазерным и ультразвуковым пушкам все равно что резать: масло, землю или мат. ценности, — ответил генерал.

— И глубоко он может так нырять?

— До кипящей магмы!

— Вызывайте его, — приказал м-р Хаггард и обратился к компьютеру:

— Выпусти нас, любезный, наружу, а сам не отлетай от этого места более чем на пятьсот метров и постарайся не дать себя подстрелить!

Три кокона плавно опустились на землю и раскрылись, а вылупившиеся из этих яиц зашагали в сторону вылетевшего из-под земли шара. Не дойдя до него метров тридцать, они почувствовали, как их подхватило и понесло к шару. В борту открылось отверстие, поглотившее их.

Внутри, в такой же, как и в старой машине, прозрачной рубке, они повисли в воздухе.

— А где же кресла? — поинтересовался м-р Хаггард.

— Зачем? — главный конструктор пребывал в горизонтальном положении и болтал ногами.— И так хорошо, а защитный кокон он всегда успеет на нас надеть!

— Я рад Вас приветствовать на своем борту, м-р Хаггард! — прозвучал приятный баритон.

— Откуда ты меня знаешь?

— Я много чего знаю. Мощность моей памяти — пятьсот гигабайт в кубе!

— Что-то он не очень почтительно со мной разговаривает,— обратился м-р Хаггард к главному конструктору, вопросительно глядя на него.

— Что вы! Просто из-за чувства собственного могущества у него появилось чувство собственного достоинства, а так он очень послушный и исполнительный.

— Я весь внимание, м-р Хаггард, — подтвердил гордый автомат.

— Расскажи мне, какое новое оружие у тебя на борту помимо того, что на тебе сегодня испытывали?

— Аннигиляторы и гравитационные пушки.

— Покажи мне их в действии.

— Аннигиляторы здесь нельзя применять, — заявил генерал.

— А громко разговаривать здесь можно? — зловещим шепотом спросил его м-р Хаггард.

— Если он стрельнет из аннигилятора, то полпланеты разнесет, — пояснил главный конструктор.

— Ну ладно, пусть пальнет из гравитационной пушки вон по тому товарищу,— м-р Хаггард указал на старую серийную БМП, рыскающюю в пятисотметровом квадрате. Не успел он опустить свой указующий перст, как в полной тишине бедный брошенный им старый солдат мгновенно сплющился в лепешку и с глухим треском упал на землю, рассыпавшись в мелкую пыль.

До м-ра Хаггарда не сразу дошло, что он должен был взорваться, а когда дошло, то он ужаснулся силе гравитационного удара, мгновенно перестроившего и перемешавшего все внутри этой устаревшей, но довольно грозной машины!

— На что еще способна эта гравитационная пушка? — м-р Хаггард решил до конца испытать это страшное оружие.

Машина понеслась над степью и через непродолжительное время подлетела к разоренному Томмиком городу.

Пожары уже стихли, но еще кое-где поднимался в небо жирный дым.

Уцелевшие дома стояли закопченные и с выбитыми стеклами.

М-р Хаггард рассмотрел это довольно подробно, пронесясь над ними на бреющем полете.

Когда они пролетели над всем городом и развернулись, то он увидел, что поперек него, ровным следом по их нити пролегла широкая просека, и все, что попало в ее зону, превратилось в серую пыль, поглотившую в себе и пожары, и развалины.

— Картина впечатляющая! — произнес в задумчивости м-р Хаггард, когда они вышли из машины на площадку, где их дожидались остальные участники испытаний, и, отведя генерала в сторону, сказал ему:

— Мне кажется, что армия должна не очень торопиться с установкой повсеместно на вооружение наших машин, а держать их до поры до времени на консервации. Иначе мы не сможем сохранить в секрете от противника наличие у нас таких могучих и неуязвимых аппаратов!

— Мы уже предусмотрели эту возможность,— ответил доверительно генерал.— В бортовой компьютер БМП введена программа, запрещающая ему использовать новейшее оружие и применять невидимость и метаморфозность без специального разрешения, даже при угрозе уничтожения. А армия будет информирована, что новые машины отличаются от старых только большим размером и количеством вооружения. В связи с этим мы будем официально покупать их у вас, м-р Хаггард, по цене, ненамного превышающей старую, чтобы не вызвать подозрений. Остальные деньги Вы получите из секретных фондов службы безопасности.

“Вот и мы будем иметь кругленькую сумму для не требующих афиширования расходов, — подумал м-р Хаггард.— Ну держись, м-р Моррисон!”

М-р Хаггард собрался было улететь домой и уже про себя радовался, как дитя, что успел так быстро покончить с делами, и у него будет дома два часа свободного времени, чтобы отдохнуть и побродить в одиночестве в саду, полюбоваться на золотых рыбок в пруду. Но все его надежды разом рухнули.

К нему торопливо подошел один из его сотрудников и что-то сказал на ухо. И вместо сада с рыбками отправился наш дорогой м-р Хаггард в Музей Вооруженных Сил на встречу с представителями планеты “Виктория”.

Читатель, конечно, безмерно удивлен, что автор заставляет такого уважаемого человека, как м-р Хаггард, заниматься пустяками,— встречей с представителями какой-то паршивой периферийной “Виктории”. Ее и не в каждом каталоге-то найдешь, а тем более — посещать музей, который он сам создавал и, наверное, прекрасно знает, что, где и зачем в нем находится. И все это автор делает вместо того, чтобы отпустить его домой и дать хорошенько отдохнуть перед вечерним праздником — именинами сына, где он должен выглядеть свежим и счастливым.

Ай-я-яй, м-р Автор! Нехорошо!

Так вот. Во-первых, автор не заставлял никого ничего делать, по той самой причине, что он не волен кого-либо заставить что-нибудь сделать. Его герои все делают только по своей воле, а автор лишь описывает их поступки, анализирует их, сообразуясь с собственной совестью; а во-вторых, чтобы упредить некоторые вопросы, мне придется рассказать, что это за планета "Виктория", и какой прок от неё м-ру Хаггарду, и зачем ее представители поперлись в Музей Вооруженных Сил вместо того, чтобы надраться где-нибудь в столице в обществе юных дам, пока их родные жены там, далеко за облаками...

Планету "Виктория" общественность обошла своим вниманием по причине ее широкой безвестности. Но Вы, естественно, прекрасно знаете или слышали о существовании изумительных бриллиантов с планеты "Оз", которые стоят бешеные деньги и которые никак не может получить искусственным путем ни одна фирма, и красные тоже.

Так вот, сообщаем Вам под строгим секретом, разглашение которого уже никому не повредит (так как давно уже нет во Вселенной ни планеты Оз, ни планеты Виктория), что под этими разными названиями скрывалась одна планета, название которой, как Вы, конечно, догадались... Виктория.

Чувствуете?

Вам сразу же стало интересно, не правда ли?

И Вас уже не смущает, что м-р Хаггард, проторчав на ногах весь день в обществе малолетних преступников, проституток и чуть было не погибнув от разрыва сердца из-за дурацких шуток кретинов вместо того, чтобы доползти до постели и заснуть мертвым сном часа на два в своем саду, все бросает и бежит, сломя голову, на встречу с двумя совершенно незнакомыми ему мужчинами, которых он ни разу в глаза не видал. И после этой встречи вряд ли когда-нибудь увидит.

Не правда ли — любопытно?

Теперь — о самой планете Виктория.

Находилась она в страшной глухомани, что и способствовало ее повсеместной и широкой безвестности.

Открыл ее один из тех искателей несыскаемого, которых так любят романтичные девушки и обещают за них выйти замуж, но при условии, что они подарят им планету. На это искатели отвечают взаимностью и тут же несутся черт-те куда выполнять волю любимой, которая, также очертя голову, выходит замуж за второго встречного.

Вот один из таких парней родом из штата Канзас лет так триста назад

и опустился на своем звездолете на изумительную планету, оказавшуюся на самом деле райской.

Дуракам всегда везет!

Значит, вылез он из корабля, и охватило его всеобъемное счастье. Все казалось ему прекрасным: и облака, и ласковое солнце, и река, и лес. Охваченный этим счастьем, он не заметил, что все электронные приборы его корабля вышли из строя.

На его счастье, рыдван, на котором он совершал предсвадебный круиз, был изготовлен еще лет на сто раньше этого знаменательного события, и на нем имелось ручное управление, а в придачу к нему имелись старорежимные планетарные двигатели, которые можно запустить и без электроники.

Так вот, он без промедления в состоянии полной эйфории взлетел на ручной тяге и помчался к своей любимой, предварительно не забыв заснять виды этого райского уголка и сбросить на орбите сигнальный буй, оповещающий всех, что это его частная собственность.

Но самое интересное, что как только он взлетел, все приборы опять заработали нормально, и он отнес этот сбой за счет их почтенного возраста и тут же забыл о нем и обо всем, охваченный нетерпением и ожиданием встречи со своей любимой подругой.

Подруга к этому времени родила третьего. И наш герой с горя и, естественно, сдуру подарил свою планету жителям города, откуда он был родом.

Жители в этом городе *(назовем его условно Урюпинск-сити)* были такими же остолопами, как и их единоплемённый безвозмездный даритель. Однако они были довольно практичными людьми, что не удивительно для Среднего Запада. И, как мы уже рассказывали о способах спонтанной миграции, они снялись всем табором и улетели туда на пяти звездолетах, набитых всякой всячиной.

Долетели они благополучно и сели тоже без происшествий, но вот стоило им сесть, как все приборы на их кораблях будто бы взбесились. Но "урюпинцы" не очень огорчились, а стали осваивать и обживать эту на самом деле прекрасную планету, благо захватили с собой и топоров, и бензопил в достатке. Их корабли со свихнувшимися приборами не могли более взлетать, потому что были чуть поновей, чем рыдван первопроходца. Поэтому их разобрали на металлолом, которого хватило надолго.

Тем более лет эдак через тридцать они наткнулись в глуби лесов на совсем новенький Галактический крейсер с полным вооружением и комплектом костей его бравого экипажа, который перестрелял друг друга с горя и от невозможности вернуться на базу.

Жили поселенцы в труде и достатке, растили хлеб, рожали детей, строили дома и не знали никаких забот машинной цивилизации.

Первый алмаз они нашли во время первой же пахоты.

Сначала они не поверили своим глазам, такой он был большой — с голубиное яйцо,— и такой красивый!

А потом они стали находить еще и еще. Алмазы не требовали обработки, имели остро отточенные грани и были всех цветов радуги. Внутри они сверкали золотистыми змейками, неповторимыми в каждом камне.

Радости было, конечно, много и надежд тоже: каждый хозяин начал копить с надеждой разбогатеть, если, наконец, прилетит какой-нибудь звездолет. Однако все это пошло прахом.

Через три дня обнаружилось, что все камни, которые они складировали, поблекли, змейки потухли. И превратились эти брильянты в обыкновенные мутные технические алмазы.

И только те камни, которые носили на себе местные красавицы, оставались по-прежнему живыми и красивыми. С тех пор, если пахарь находил новый камень, то он или отдавал его своей дочери, или же шел в лес и зарывал его в землю.

Так образовались бриллиантовые рощи.

Шло время. Первыми обнаружили планету пираты Моррисона сорок лет назад. Их черная бригантина сделала четыре круга на орбите, и, когда был найден самый большой поселок, ринулась вниз.

Через три минуты после посадки у них, как вы догадались, вышла из строя вся электроника, а вместе с ней — все лазерные пушки, десантные боты и остальное вооружение, кроме штурмовых винтовок и гранатометов. Но это не остановило пиратов. Они ворвались в поселение и на первой же убитой девчонке увидали ожерелье из неповторимых алмазов, где самый маленький был карат на двадцать... Кроме пленных, они также захватили огромный общественный склад самогона, который тут же употребили по назначению, и к вечеру все уже дружно храпели...

Как только началась стрельба, здешний староста посадил своего внучка на лошадь и велел скакать в соседнюю деревню. Там уже видели столб дыма, слышали выстрелы, и к ночи вокруг разоренного поселка была стянута петля окружения.

Пиратам Моррисона неповезло — они сели недалеко от склада, в котором хранилось законсервированное оружие с мертвого крейсера. А так как крейсер помер еще триста лет назад, то на его борту было достаточное количество старинного порохового и реактивного оружия.

Этот крейсер, к тому же, направлялся на какой-то большой региональ-

ный конфликт — его трюмы были забиты десантными танками, пусковыми установками и ящиками с автоматами.

Короче, пираты так и не проснулись. А единственный оставшийся в живых флибустьер, охранявший пиратскую шхуну, спасся тем, что после первого же ракетного залпа выскочил из нее наружу с поднятыми руками навстречу разворачивающимся танкам. Он поведал аборигенам, что корабль принадлежит Моррисону, и чем их хозяин занимается в космосе.

После этой славной победы планета и была названа Викторией. В каждом доме на стене теперь висел автомат, а возле каждой деревни были вырыты закрытые капониры, в которых стояли наготове танки и штурмовые орудия.

Через пять лет в районе Виктории проводились геологические изыскания ХДК, и на планету с базового корабля был послан разведывательный шлюп. После приземления шлюпа с ним сразу же потеряли связь. И в назначенное время он не вернулся.

Шлюп был обнаружен с помощью мощной оптики стоящим на лугу в окружении многочисленных человеческих фигурок. Людей было больше, чем послали с корабля.

И вот тут осторожность капитана звездолета сыграла положительную роль во всей этой истории. Вместо того чтобы послать вниз боевой десантный бот с командой, он решил сначала запустить сигнальную ракету...

А в это время внизу троих геологов окружили местные крестьяне, и, наведя на них свои М-16, первым делом спросили, не имеют ли пришельцы какого-либо знакомства с м-ром Моррисоном? Узнав, что пришельцы знают только м-ра Хаггарда, а м-р Моррисон, по их мнению,— собака и подлый разбойник, крестьяне тут же накормили гостей отборной клубникой и напоили добрым элем.

На вопрос геологов, нет ли здесь у них поблизости радиостанции, чтобы связаться с кораблем, им ответили, что на всей планете нет не то что радиостанции, но и даже простейшего персонального компьютера.

Тут в самый раз над их головой взорвалась фонтаном искр сигнальная ракета. Поняв, что их видят с корабля, гости быстро развели костер и при помощи куртки и телеграфного кода просигналили о том, что с ними случилось, и о том, что на поверхности планеты не работает ни одно электронное устройство.

Все остальное было делом техники. За три дня на звездолете сварганили родного брата легендарного "Шатла", и второй пилот экспедиции благополучно совершил три челночных полета на Викторию.

Что происходило на планете потом и каковы были ее отношения с

ХДК, можно не рассказывать, так как это и так ясно — отношения были торговыми.

Правда, в правлении ХДК моделировалась возможность захвата планеты с последующей ее эксплуатацией, но это оказалось экономически невыгодно. Решено было с Викторией просто торговать, а для сохранения монополии в ее окрестностях были созданы военные базы фирмы. С согласия Виктории, настроенной резко отрицательно против МДК, эта зона была официально объявлена запретной: ХДК разъяснили всем, что там проводятся ядерно-гравитационные эксперименты.

Вот вам и ответ на вопрос, почему м-р Хаггард так уважает представителей планеты Виктория и не уважает собственное здоровье.

Теперь расскажем Вам, почему эти представители так любят посещать музеи Вооруженных Сил.

Еще во время первого контакта ХДК с аборигенами на базовый корабль были доставлены первые алмазы и тут же исследованы.

Во-первых, это оказались, как ни странно, на самом деле алмазы, но со странной, не поддающейся анализу структурой. Стоило нанести им в любом месте механическое повреждение, как живой камень тут же умирал.

Во-вторых, они не дублировались.

В то время это было сенсацией! Но факты — упрямая вещь: стоило включить дубликатор, как в обеих камерах оказывались два мутных технических алмаза, которым грош цена!

В-третьих, в контейнере с образцом викторианской почвы эти кристаллы умирали точно через трое суток.

Действенен был лишь один способ сохранить их — носить на себе. И в скором времени все члены экипажа стали похожи на герцога Бэкингема, но у того было двенадцать подвязок, часть из которых была на кремниевой основе. Нашим же ребятам приходилось таскать на себе до трех килограммов чистейшего углерода! Богатенькие аборигены с удовольствием меняли свои сокровища на предметы роскоши — иголки, нитки, топоры, зеркала, ткани и другие колониальные товары.

Но к их глубокому сожалению, этот весьма для них выгодный обмен *(бриллианты/бижутерия — 2/1)* скоро закончился. Дело в том, что члены экипажа уже не могли найти на своем теле свободного места, где можно было пристроить очередной неповторимый камушек.

И даже несмотря на эпохальное изобретение, позволившее сохранить их в два раза больше, чем мог носить на себе среднестатистический индивид *(один комплект носится, другой сутки лежит, и наоборот)*, все равно удовлетворить спрос населения планеты *(1,3 млн. человек)* на

предметы повседневного обихода не представлялось возможным, даже при существующих льготных ценах *(2/1).*

(Кстати, впоследствии это было одной из причин для поддержания отношений с Моррисоном в сфере торговли живым товаром.)

ХДК закупало на корню всех пленников у пиратов. Но прежде чем их перепродать славным Вооруженным Силам, они следовали этапом через Викторию, где, предварительно связав им руки *(чтобы не могли щупать),* завязав глаза *(чтобы не могли видеть)* и заткнув носы *(чтобы, естественно, не могли нюхать, так как у некоторых был изумительный нюх на деньги),* их использовали как средство доставки брильянтов населению.

Вторым, не менее значительным достижением экспедиции было исследование механизма локализации электронных устройств на поверхности планеты. Было установлено, что при частоте выше 25 Гц начинает нарушаться временный континиум *(получивший название "рваное время").* Частота временных провалов имела случайный характер и распространялась в область до 750 ГГц.

Короче, ни одно электронное устройство, работающее с частотой выше 20 Гц, не могло там функционировать: путались команды в компьютерах, скакала частота генераторов и только постоянный ток по-прежнему тек в нужном ему направлении *(при повсеместной сплошной фильтрации от помех).*

Исследования действия "рваного времени" на человека показали, что никакого существенного вреда оно не причиняет. Наоборот — действует тонизирующе и стимулирующе на все органы чувств и жизненные функции. При длительном же воздействии у организма вырабатывается защитный механизм стабилизации временных провалов, дополнительно выполняющий роль мощного стимулятора всех жизненных процессов.

Все, кто пробыли на Виктории в течение недели, в придачу к бриллиантам приобрели значительное омоложение организма со стабильным улучшением его технических характеристик. Реакция и выносливость счастливчиков достигали уровня, характерного для суперменов. Это открыло перед ХДК счастливую возможность организовать на Виктории фешенебельный курорт и учебный центр по подготовке звездных пилотов. Правда, их пришлось организовывать в горах, чтобы никто не мог случайно найти "*бриллиант с планеты Оз*" и раскрыть тайну.

Курорт организовали оригинальным образом.

В рекламных проспектах говорилось о тайном учении горных племен диких и загадочных аборигенов — и в том же роде другая разная чушь.

Бригаду отдыхающих высаживали в начале маршрута — у тайной

туристской тропы. Там их встречал соответственно экипированный шаман-проводник, вел через горы и ущелья к тайному святилищу *Великого бога "Пру"*.

Уже само путешествие, свежий воздух и прекрасные горные пейзажи действовали благотворно на жирных обывателей, возжелавших молодеть.

В конце же путешествия туристов ждала мрачная пещера, напичканная всякими ужасами и украшенная огромной статуей Великого Бога в ореоле святого и исцеляющего сияния *(художники и пиротехники в ХДК не страдали отсутствием профессионализма)*.

Внутри пещеры разворачивалось таинство с последующей безобидной оргией не без налета мистицизма. Ритуал заканчивался поцелуем большого пальца левой *(для женщин)* и правой *(для их противоположностей)* ноги Бога "Пру".

Потом все засыпали от избытка впечатлений и причастия местной безалкогольной тростниковой водкой *(применяемые ХДК снотворные средства строго патентованы и не токсичны)*, а просыпались уже на борту Трансгалактического лайнера, и тут начинал срабатывать приобретенный на планете механизм торможения негативных процессов в организме.

Курорт процветал...

По "случайному" совпадению Великий бог "Пру" лицом очень походил на Джона Основателя, и новая религия, становящаяся модной, своими святыми атрибутами подсознательно укрепляла симпатии народа к ХДК.

А с открытием на планете Учебного центра предполетной подготовки в распоряжении фирмы появились самые лучшие пилоты Галактики. Это была весьма далеко идущая акция.

Недаром же в свое время красные это сразу раскусили и за огромные уступки в обоюдоострой торговле выбили у Хаггарда договор о совместном обучении своих красногрудых соколов с орлами Хаггарда.

ХДК пошло на совместное обучение неспроста. Это дало повод тупому Моррисону быть категорически против, чтобы его железные парни в процессе обучения общались с коммунистами, получая шанс заболеть *красной заразой*.

Ни один человек Моррисона никогда не был на Виктории *(чего, в конце концов, добивался Хаггард)!* Вернее, ни один из них не ушел оттуда живым!

Правда, ХДК пришлось пережить довольно крупный скандал по этому поводу: не удалось, в частности, избежать нападок и лично на Хаггарда-отца. Но в семье Хаггардов никто никогда серьезно не верил, что им придется когда-нибудь воевать с красными. А вот что схватка с Моррисо-

нов все-таки состоится, никогда не забывали. И, как показали последующие события мировой истории, они были на сто процентов правы!

И те же боевые красные военлеты внесли немалую лепту в отражение внеземной агрессии, направленной против всего человечества!

Появление товара, не поддающегося дублированию, навело экспертов ХДК на плодотворную мысль — при существующей дешевизне жизни требуется продукция, выпущенная в одном экземпляре и не подлежащая дублированию. Перечень товаров индивидуального владения был разработан довольно быстро и с учетом конъюнктуры рынка. А вот с технической реализацией идеи пришлось повозиться.

После долгих исследований и экспериментов был найден состав, который при дублировании менял свою структуру, и теперь на товар, выпущенный в единственном числе *(выпускалось всегда два экземпляра: один шел на продажу, а другой — в хранилища фирмы, и в случае уничтожения первого не происходила утеря образца, как правило, уникального и ручной работы),* наносили многослойный лейбл ХДК, который невозможно было подделать *(подделать можно, конечно, все, но и отличить подделку так же легко).*

Покупателю давалась гарантия, что, если он обнаружит еще точно такой же предмет, как приобретенный, фирма выплачивает ему штраф в размере, в несколько раз превышающем первоначальную стоимость этого предмета.

Сам же владелец мог сколько угодно дублировать свою собственность, при этом уничтожался знак ХДК, и последний уже никакой ответственности за товар не нес.

В номенклатуру таких товаров входило, в частности, старинное оружие. А как Вы уже знаете, на планете Виктория жители имели к нему большую слабость.

Наиболее ценные образцы такого оружия находились в Музее Вооруженных Сил, и ни один представитель Виктории не мог миновать его с несбыточной надеждой, что ему ни с того, ни с сего продадут что-нибудь такое.

Вот Вам и ответ на второй вопрос: почему эти двое викторианцев не пьют с "девочками" в кабаке "лимонад", а ходят сдуру по музеям.

— М-р Хаггард, познакомьтесь — м-р Смит и м-р Полонски,— представила гостей смотрительница музея.

"Ха! Опять моя бывшая секретарша!" — подумал м-р Хаггард, протягивая руку викторианцам.

Тут же ожил информатор в его правом ухе.

"Значит, этот здоровый бугай с бакенбардами есть нынешний председатель Совета старейшин, а тот маленький и лысый — казначей Виктории. Ну и рожи! Самодовольные, с крестьянской родословной хитрецой. Ну, Хаггард, держись!"

Смит протянул свою мозолистую лапищу и пророкотал громовым басом:

— Мы очень рады, наконец, познакомиться с Вами, м-р Хаггард!

Маленький и круглый Полонски закивал головой в знак согласия и засуетился, как будто при снятии остатков в его — надо думать — толстой мошне.

В подтверждение и в ознаменование — и, возможно, для увековечения этого эпохального события,— Смит так крепко сжал его руку, что м-р Хаггард чуть было не взвыл. Стараясь удержать на лице непринужденную радушную улыбку, он в отместку что было мочи сжал руку м-р Полонски. Тот запрыгал и закудахтал, что немного компенсировало почти явное увечье, причиненное м-ру Хаггарду звероподобным Смитом.

Обменявшись таким образом дружескими рукопожатиями, они начали медленно двигаться по залам музея, поведя непринужденную беседу.

— Мы здесь уже полтора часа,— гудел Смит своим басом на весь музей, как Иерихонская труба,— но так всего и не рассмотрели как следует. Дочка говорит, что здесь десять тысяч экспонатов, а мы неизвестно когда здесь еще будем — хотелось бы все увидеть.

М-р Хаггард понял, что Смит называет дочкой его бывшую секретаршу. Стало быть, Смит в некоторой мере ему теперь тесть. Но на Смита невозможно было обижаться. Все его "вульгарите" сполна компенсировались подкупающим добродушием и простотой этого — на данном этапе — фактического правителя планеты. М-ру Хаггарду грех было не знать, что для ХДК эта "неизвестная" Виктория была, как говаривали в старину, золотым дном. Ее правителю можно было без ущерба для собственного самолюбия простить крестьянские мозоли на руках и даже запах чеснока изо рта!

Остановившись у допотопного танка, Смит любовно погладил его броню:

— Вот они, родимые, спасли нас от Моррисона. На наше счастье, они

оказались десантными с прямоточными реактивными двигателями. И электроники на них почти не оказалось! Ведь их везли на продажу в какую-то галактическую глушь. А то бы на нашей родной планете они и не сдвинулись бы с места!

— Страшного, я думаю, ничего не произошло бы, ведь у вас были безотказные автоматы и гранатометы,— поддержал его м-р Хаггард, с удовольствием разглядывая на лицевой броне танка фирменный знак ХДК.— Как вам они понравились после модернизации?

— Изумительные получились машины, особенно радует гладкоствольная шестидюймовка с автоматическим заряжанием! Вот бы получить еще приборы ночного видения с лазерными прицелами,— можно было бы принимать моррисоновских бандитов хоть каждый день!

— Но только до обеда! — добавил казначей, поглаживая свой “маленький” животик.

Все дружно засмеялись.

— Дорогой м-р Смит! Моррисон и так к вам не сунется, ведь вокруг Виктории постоянно патрулируют наши крейсера, на подходах расставлены космические мины. С лазерными же прицелами вам пока придется обождать.

— Да, кстати, как продвигается исследование “рваного времени”? — спросил Полонски, изобразив на лице кровную заинтересованность и жажду естествоиспытателя, несмотря на то, что ХДК за эти исследования платила Виктории кругленькие суммы!

— Двигаются, но очень медленно. Мы идем двумя путями — пытаемся найти экранировку от временного хаоса и — параллельно — стремимся выяснить его природу. И если в первом деле мы не испытываем почти никаких проблем, кроме финансовых и отсутствия конечного результата, то во втором — у нас связаны руки. На поверхности вашей планеты не работает ни один прибор или датчик. Все измерения приходится проводить орбитальными комплексами, и нет никакой гарантии, что данные, полученные ими, достоверны. От вашей “кормилицы” можно ожидать любого подвоха. Так что — основная надежда на наших теоретиков, может, моделирование все-таки принесет результаты.

— Результаты деятельности ХДК мы реально ощущаем ежедневно,— м-р Смит вдруг мгновенно преобразился из рубахи-парня в респектабельного джентльмена.— Десять лет назад наши граждане почитали за счастье иметь в личном пользовании велосипед, дельтаплан и швейную машинку. А теперь общины борются за первоочередное право прокладки к своей деревне метрополитена,— таких успехов достигла техника ХДК на поприще внедрения постоянного тока в наш переменный хаос!

— Действительно, жизнь стала намного легче,— подал голос почетный естествоиспытатель *(и, я бы сказал, "естествонакопитель")*. — Раньше, бывало, только начнешь сводить концы с концами в финансовом отчете, тут же у тебя лучина кончается или печь чадить начнет. А сейчас красота, сервис и благодать — лампочка ХДК на все сто свечей сияет, электрокамин жаром пышет, а на электроплите сало шкворчит! На улицу выйдешь — душа не нарадуется! Куда не глянешь, везде солнечные батареи блестят и переливаются. А в небе мой внучек парит на своем электродельтаплане!

М-р Полонски от переполнявшего его восторга замолчал, мечтательно уставившись в потолок,— как раз туда, где был подвешен палубный перехватчик с полным боекомплектом на внешних подвесках, м-р Смит дружески обнял казначея и увлек за собой в следующий зал, где м-р Хаггард ознакомил их с коллекцией уникальных боевых мечей.

Если бы в эту комнату — если, конечно, можно назвать комнатой тот огромный зал — попал каким-нибудь волшебным образом Зигфрид или же Аттила, то их отсюда без подарка можно было бы выпроводить только на тот свет. Так что же говорить о том восхищении и восторге, которые охватили викторианцев при виде всевозможных "булатов" и "кладенцов"!

— М-р Хаггард! Смилуйтесь, продайте хотя бы один, самый простой, мечик! — взмолился м-р Смит, став похожим на большого ребенка, попавшего в большой игрушечный магазин.

В подтверждение искренности своей просьбы он так сильно сдавил могучей рукой нежное горло своего казначея, что тот поддержал достоверность и актуальность приобретения оного жалобным предсмертным писком.

— Обычно мы категорически отказываем кому бы то ни было в подобных просьбах,— важно сказал м-р Хаггард, а гости замерли, ожидая получить: один — обманутые иллюзии, а другой, как следствие несбывшегося,— путевку в небытие.

— Но для вас мы делаем исключение!

— Ура! — заорал "крошка" Смит, а м-р Полонски захрипел в предсмертных конвульсиях.

— Только вы знаете, сколько стоит такая уникальная недублируемая вещь? — м-р Хаггард с интересом разглядывал побелевшего дергающегося финансиста, про себя отсчитывая заклинание рефери,— "*уан, ту, фри...*"

— Сколько бы не стоило, мы согласны! — и, разжав руку, Смит взял кулькообразного м-ра Полонски за грудки и нежно спросил: — Билли, согласись, что мы даже и не надеялись на такое счастье.

— Да, я на все согласен! — прошептал заново рожденный Билли, готовый расстаться с двухгодовым доходом своей планеты, обретя зато возможность дышать.

— Какой же вы хотите приобрести экспонат?

— Билли, ты у нас платишь,— ты и выбирай!

— Вон тот! — не глядя ткнул рукой в сторону смотрительницы Полонски.

Та быстро подбежала к стене и сняла один из двуручных "тесаков".

М-р Смит взял его нежно, как ребенка, и, закатив глаза, прижавшись к лезвию щекой, что-то замурлыкал.

М-р Полонски — ему в такт — никак не мог откашляться.

— Мы его, родимого, повесим в зале заседания старейшин! Для устрашения врагов!

— В честь нашего знакомства я приглашаю Вас, м-р Смит, и Вас, м-р Полонски, ко мне в гости! У моего сына сегодня именины, и я думаю, что мы сумеем неплохо отдохнуть за парой-другой рюмашек!

Прошу вас следовать за мной, но хочу вас предупредить, что в гостях у меня из стратегических соображений будет находиться этот негодяй Моррисон...

— Я его зарублю! — вскричал м-р Смит и со свистом рассек мечом воздух.

— И опозорите меня на всю Вселенную!

— Что же тогда нам делать? Может, нам не стоит ехать?

— Конечно, надо ехать. Но только никому не говорите, кто вы такие, и отнеситесь к этому кровопийце Моррисону равнодушно. Вы увидите зато своего врага в лицо. Это еще больше укрепит в вас справедливую ненависть к этому бандиту. Только не удивляйтесь, друзья, что мне придется с ним быть любезным. Поверьте, если бы не обстоятельства, вынуждающие меня придерживаться норм приличия, я бы давно его собственноручно удавил!

На подлете к своей вилле м-р Хаггард попросил пилота сделать круг над ней, чтобы увидеть результаты труда декораторов, но оных он не заметил, как ни вглядывался вниз.

Зато, к своему удивлению, Хаггард обнаружил совершенно незнакомый и достаточно идиллический пейзаж, расстилающийся вокруг его построенной в стиле ампир виллы.

Еще сегодня утром, улетая с Томми на экскурсию, он любовался дев-

ственной лесной чащобой, в которой он так любил побродить со своим верным "Зауэром" *(хотя автору больше нравится "Франкот")* и еще более верным спаниелем Джэрри *(а я больше обожаю маленьких комнатных собачек, вроде моей московской сторожевой по кличке Полкан!).*

Теперь же внизу раскинулись *полые холмы* с аккуратно подстриженной травой и небольшими дубовыми рощами, а на месте его любимой тихой и кристально чистой речушки, протекавшей у самого дома, появилось овальное озеро. В нем плавало что-то очень похожее на предмет модного шлягера из популярного мюзикла Пита Чайковски *(кто забыл, напоминаю: "Па-па-па-па, па-ра-ра, папа").*

При виде этого искультуренного ландшафта рука м-ра Хаггарда стала тянуться за безотказным "Зауэром", но разум ему подсказал, что стрелять в лебедей нельзя, даже если они и белые.

В принципе, лебедей надо было бы прикормить хлебными крошками, что м-р Хаггард обязательно бы сделал, будь у него карманы. Но, к сожалению, в то время они были не в моде, уступив место очень удобным в пользовании заплечным мешкам.

"Да, ребята потрудились на славу! — подумал м-р Хаггард, подсчитывая в уме, во что обошлась ему эта перестановка декораций,— Гравитационное вскрытие и перенос более ста квадратных километров земли, глубиной среза не менее чем сто метров. Ну, я им покажу!" — и рявкнул водителю:

— Управляющего имением мне на связь, немедленно!

— Управляющий Дженкинс Вас слушает, сэр!

— Что же ты, сукин сын, это учудил! Где теперь мой любимый Волчий лог? Где моя любимая сосна, я тебя спрашиваю, а?

— На расстоянии 250 миль на северо-восток, в целости и сохранности, сэр!

— Чтоб завтра же, как только я проснусь, все было на своем месте! И если хоть один муравей из моего любимого муравейника пропадет или же заблудится в незнакомой местности, я из тебя, старый ты огарок, лангет сделаю! Понял?

— Не извольте беспокоиться, сэр. У нас ничего не пропадет, все разложено по полочкам, все оприходовано, каждый муравей со всеми сопровождающими его букашками сосчитан, каждая иголочка на вашей любимой сосне уложена аккуратненько одна к другой и ватой проложена, чтоб, не дай бог, не отсырела. *Сохраним все, до единого зернышка, сэр!*

— Ты что, скотина, издеваешься?

— Зря Вы меня ругаете, м-р Хаггард. Завтра все будет на прежнем месте, даже не заметите, как возвернем. Мы так все аккуратно перенесли,

что даже волчица Клара, когда щенилась, ничего не заметила, так что не сумлевайтесь, сэр!

— Как, уже ощенилась?

— Да! Четыре мальчика и две девочки! Только у одной сучки на груди белое пятно, ну прямо как у вашего Джерри! Вот вернется с охоты Бэк, я и не знаю, что будет. А Вы как думаете, сэр?

— Я думаю, что твоему Бэку поменьше бы следовало шляться к моей Диане, а то в последнем помете у всех щенков через две недели ушки стали торчком, это-то у чистопородной афганской борзой!

— Христом Богом и двенадцатью апостолами клянусь, я в это время на больничном был! Радикулит у меня, сэр!

— Да? А я знаю прекрасное средство от него!

— Какое, сэр?

— Берется больной радикулитом, заголяется ему то место, где тот изволит гнездиться. У вас, кстати, где болит?

— Поясница, сэр!

— Вот, заголяется поясница, и нежно кладется болезный на ближайший большой муравейник! Вы не знаете, где здесь ближайший муравейник, Дженкинс?

— Я уже Вам сообщал, 250 миль на северо-восток, сэр! — обиделся управляющий и мрачно засопел.

— Ну-ну, я пошутил, не будем ссориться! — м-р Хаггард примирительно улыбнулся.— Это, кстати, старое народное средство!

— Я уже один раз воспользовался старым проверенным средством, рецепт которого вычитал в подсунутой вами книжице, сэр!

— Каким же?

— Мочой молодого поросенка! — Дженкинс начал сопеть.— Надо мной до сих пор даже куры смеются. И Вы вот тоже смеетесь надо мной, сэр!

— Ну уж это точно ты загнул, Дженкинс,— м-р Хаггард снисходительно улыбнулся.— Куры не умеют смеяться, они только квохчут!

"Смит & Вессон", *пардон,* Полонски, открыв рот, слушал и этот диалог и никак не мог взять в толк, из-за чего разгорелся весь этот сырбор.

Наконец, решив, что ссора зашла слишком далеко, и желая внести хоть какую-нибудь лепту в столь важный вопрос, старина Смит скромно и ненавязчиво изрек:

— А у нас в деревне радикулит лечат коровьим маслом!

Все внимательно посмотрели на него — м-р Хаггард восторженно-

одобрительно, а Дженкинс осуждающе-недоверчиво, да так, что тот засмущался и покраснел, как рак перед пивом.

Положение спас верный друг — его кореш и товарищ Полонский:

— А у нас есть один дед, который тоже страдает энтой заразой. Так он мажет себе спину сметаной и кличет своего цепного кобеля Тарзана, а тот слижет всю сметану подчистую, а вместе с ней всю дедову болезнь, да так, что у старого как у молодого спина начинает стоять. Вот!

— А что, неплохая идея!— м-р Хаггард не обманулся в своих ожиданиях по поводу разносторонней житейской компетенции м—ра Полонски.— Давай Джекинс, намажем тебя всего сметаной и покличем Клару с Бэком. Они тебя сразу вылечат от всех болезней!

— Да ну вас! — махнул рукой управляющий, давно уже привыкший к шуткам м-ра Хаггарда.— Вас уже все заждались, сэр!

— Так начинайте! — сказал м-р Хаггард. Пилот повел аэрокар на посадку к лужайке перед домом.

...Стоял август месяц, и Лето начинало сдавать вахту своей более степенной товарке — Осени.

Увядание начинало чувствоваться во всем: в запахе трав, в желтизне отдельных листьев, в самом воздухе. Он стал неуловимо густым и ленивым, пропитанным медовым духом зрелой и сытой природы.

Эти признаки близкой осени были еще почти незаметны для глаза. Все так же, как вчера, зеленела трава, и так же стрекотал в поле кузнечик. Но все-таки что-то неуловимо и безвозвратно изменилось. Какая-то легкая грусть легла на эти спокойные и плавные изгибы полых холмов, грусть о невозможности сохранить без изменений это чудесное время была неизъяснима, хотелось плакать от счастья. В авторской душе, такой грубой и зачерствелой, просыпался поэт, который еще более жаждал заплакать от бессилия охватить и впитать в себя эту благодать:

Пройти широким полем,
Колосья раздвигая,
Подставив спину жарким солнечным лучам,
И пить, ладонями черпая
Воду холодного ручья,
Блаженно лечь на траву,
Душою отдыхая,
Взяв на ладонь живого муравья...

...Кстати, насчет "душою отдыхая".

М-р Хаггард категорически высказал пожелание по проведению праздника: чтобы все было выдержано в пастельных тонах, и если никак нельзя обойтись без шумных развлечений *(Размечтался! Дети — и без шума!)*, то пусть это будут веселые и безобидные детские игры, и боже упаси, что-либо похожее на "хэви-металл", обед с балетной викториной!

Гости уже в полном составе *(см. выше "ретро"-карнавал)* расположились на открытой лужайке. Скорее это был склон большого холма, на вершине которого стоял загородный дом Хаггардов, а у подножия его лежало давешнее озеро, возле которого резвились дети.

Они играли на причале лодочной станции, стилизованной под речной вокзал. От него только что отшвартовался старинный пароход, с двумя большими гребными колесами. Труба дымила вовсю, колеса поднимали тучу брызг, искрившихся в лучах клонившегося к закату солнца. На капитане был белый китель и огромная фуражка с золотым крабом-кокардой. Боцман свистел в дудку, матросы бегали по палубам, как обезьяны, на верхней палубе дамы с зонтиками и веерами степенно беседовали со своими кавалерами, которые не выпускали изо рта... нет, не трубки и гаванские сигары, а самые настоящие, первосортные... леденцы на палочке!

Та часть публики, которой не хватило билетов на этот рейс, каталась вокруг парохода на увешанных гирляндами разноцветных лодках. А между лодками, как угорелый, носился сам виновник торжества — Томми на своем подводном глиссере, поднимая высокую волну и ныряя время от времени.

Лодки качались, публика радостно визжала, пароход басовито гудел, а капитан, естественно, отдавал всем честь.

Одним словом, детишки веселились вовсю и не мешали отдыхать взрослым, а те лениво потягивали коктейли, вели непринужденные светские беседы о всяких пустяках, некоторые сидели кто за легкими столиками в креслах-качалках, а кто — прямо на траве, а один старый генерал, расстегнув свой китель, прилег маленько вздремнуть под ласковым солнцем.

М-р Хаггард присоединился к центральной группе гостей, перецеловав гирлянду ручек *(миссис Хаггард, миссис Моррисон, миссис Пэтрофф и другие не менее достойные особы)* и пожав руки их спутникам *(себе, как сопровождающему миссис Хаггард, он пожал руку мысленно)*.

— Какой сегодня прекрасный вечер, друзья! — воскликнул он, будто бы не содержал у себя на службе ораву синоптиков и не имел никакого

понятия о моделировании климата.— Как я рад вас здесь всех видеть! А где же наши милые дети?

— По-моему, они решили устроить Трафальгарскую битву,— ответила ему миссис Хаггард. — Наш именинник, того и гляди, протаранит дредноут под командованием адмирала Пэтроффа-младшего.

— Вряд ли,— возразил ей отец "адмирал".— С таким боцманом, как сын м-ра Моррисона, и с такой бравой командой они сами кого хочешь возьмут на абордаж!

"Это точно,— подумал м-р Хаггард.— У этой милой семейки подрастает на нашу голову вылитый — в папашу — Билли Бонс. Эва как лихо раздает он подзатыльники направо и налево. Его счастье, что капитан "вне его компетенции"! А то бы Ваня быстро ему накостылял: сразу и за Цусиму, и за Порт-Артур, и за Куриллы с Южным Сахалином!"

— Чем сегодня Вы нас порадуете, м-р Хаггард? — мило улыбнулась ему миссис Моррисон.— В этом пикнике есть также что-то от "ретро"?!

— Вы можете мне не поверить, но я не знаю программы вечера,— не моргнув глазом, соврал м-р Хаггард. Он прекрасно знал, что представление должно быть грандиозным в пику шабашу Моррисона.— По-моему, никакой программы и не предвидится. Давайте просто отдыхать, благо денек выдался неплохой, и будем надеяться, что коктейли не иссякнут.

Приглашение было, разумеется, излишним — гости и так развлекались, кто во что горазд: одни уселись и расписали пульку на встроенном в барный столик дисплее, другие затеяли игру на объемном гравитационном биллиарде. Дамы же мило судачили, наблюдая за играми мужчин, комментируя их удачи и промахи.

Среди приглашенных были лучшие поэты, певцы и художники. Последние рисовали световыми карандашами на люминесцентных пластинах образы милых дам и веселые шаржи на их кавалеров.

Когда же кому-то захотелось провести конкурс на лучший рисунок, то самым прекрасным единодушно был признан портрет миссис Пэтрофф. И не удивительно!

Тридцатипятилетняя Оксана Петрова была в зените женской красоты и своей мягкой статью и среднерусским спокойным очарованием буквально околдовывала и завораживала всех без исключения мужчин.

Ее огромные васильково-дымчатые глаза излучали одновременно сразу две совершенно несовместимые для здравого европейского разума вещи, наполненные непостижимым смыслом: неправдоподобную и доступную лишь богам *мудрость* и *доброту* с языческой страстью и девичьим милым *лукавством!*

В одном-единственном взгляде соединить материнскую заботливую

строгость и юного бесшабашного бесенка могла лишь эта загадочная и недоступная гиперборейская Венера!

Увидев ее впервые, м-р Хаггард в буквальном смысле остолбенел, словно от удара молнией, до того она была красива и так непохожа на всех окружавших его женщин. И вследствие такого впечатления от жены м-ра Пэтроффа, в м-ре Хаггарде безмерно росло уважение к самому м-ру Пэтроффу. И в самом деле, какими же необычайными достоинствами должен обладать мужчина, чтобы владеть безраздельно такой женщиной?!

Этой Акуле Империализма было невдомек, что для этого достаточно было быть порядочным и добрым, каким, несомненно, и был м-р Пэтрофф.

"Эх, махнул бы не глядя все свое барахло *(включая жену)* на эту богиню, — с русской тоской и буржуазной завистью подумал бедный м-р Хаггард,— но, к сожалению, это невозможно. Впрочем, у них есть шестилетняя дочь, так что, когда подрастет мой Томми, заложим программу в стратегический компьютер и устроим им ненавязчивое знакомство. Это единственный шанс прикоснуться губами к этому божественному созданию. Я думаю, невестка не откажет в поцелуе своему любимому свекру. А тещу как бы заодно облобызаю!" — и, охваченный радостным предчувствием этой дальней, но радужной перспективы, он с интересом включился в следующий конкурс на лучший шарж.

Шаржи, благодаря встроенным в пластины компьютерам, были мультиплицированы, и все искренне смеялись по очереди над каждым следующим приключением изображенных на них героев, в которых без труда узнавали сами себя.

Лучшим был признан шарж на вздремнувшего генерала. На рисунке он задорно храпел, лежа кверху пузом на склоне холма. В это время к нему подкрались юные дамы и стали его раздевать. Генерал на это отреагировал причмокиванием и облизыванием губ и, не просыпаясь, стал приставать к девицам (при помощи синтезированного компьютером голоса) с риторическими замечаниями: "*Мамочка, я не хочу с тобой играть, дай мне поспать перед боем!*" — или: "*Мамочка, обратись с этим вопросом к моему адъютанту!*"

Таким макаром его раздели догола и начали облачать уже в предметы женского туалета: огромные кружевные панталоны, корсет, чепчик и туфли на шпильках.

На чепчик прикрепили козырек и кокарду от фуражки, на корсет, который никак не хотел сходиться на животе, нацепили все *(то есть много)* генеральские ордена, поверх всего одели портупею с аксельбантом и

огромной саблей *(покажи ее современному генералу, он бы долго соображал, что это за селедка!)*, а на туфли пришпилили шпоры.

Потом каждая из шалуний со знанием дела крепко поцеловала его, оставляя "*дэ факто*" по всему лицу следы губной помады *(не обойдя вниманием лысину)*, и, выстроившись в ряд по росту, стали ждать его благосклонного пробуждения.

Для того чтобы это ожидание не превысило разумные пределы, самая юная из них элегантно и шаловливо пощекотала у него в носу травинкой. Генерал на этот легкий флирт ответил бравым чихом, милостивым пробуждением и приятным удивлением при виде столь почетного караула.

Сделав им ручкой, он мельком взглянул на часы. Не заметив, что они женские, генерал ужаснулся, вскочил и вприпрыжку побежал принимать парад своих доблестных войск, не забыв вернуться и пригласить дам следовать за ним.

И вот кульминация...

Войска построены во фрунт, каски блестят, на лицах солдат отражено мужество и решительность. Подъезжает генеральский экипаж, и из него выходит сам генерал со своей свитой.

Солдаты стойко крепятся, чтобы не прыснуть, и едят глазами почетный эскорт; генерал обходит войска, выпятив грудь *(под корсетом, естественно)* и, оставшись довольным выправкой своей армии, гаркает пискливым *(хорошо поставленным)* голосом:

— Здорово, молодцы!

А те, как положено, отвечают ему:

— Здравия желаем, ваше превосходительство!

Но вместо троекратного "Ура!" из их раскрытых глоток несется задорное ржание. Им звонко вторят дамы и, задрав юбки, начинают отплясывать канкан, а генерал, довольный собой, поглаживает себя по животу, *помадой на солнце сверкая...*

Вот какой веселый шарж!

Одна юная, а значит еще не почтительная к старости, гостья, отсмеявшись, тут же предложила осуществить это действие в натуре, но м-р Хаггард ловко отшутился, сославшись на нереальность быстро достать для этого саблю и босоножки сорок пятого размера!

Получив такой грубый и негалантный отказ, избалованная вниманием особь, *пардон*, особа потребовала сатисфакции в виде веселой музыки.

Гости ее поддержали, и м-р Хаггард пошел им навстречу и объявил *(по подсказке информатора, естественно):*

— Сегодня у нас в гостях сверхпопулярнейший, малоизвестный и находящийся в подполье, запрещенный во всем мире и его окрестностях,

только что вернувшийся из-за границы нашей области, камерный диксиленд "*Террариум*" во главе со своим бессменным вдохновителем и автором текстов *Пьером Присыпкиным*, известным в широких кругах неформальной общественности под псевдонимом *Майкл Массажная Щетка!*

Взору гостей предстал легендарный коллектив. Он был облачен в лучшие костюмы, надеваемые только по великим праздникам на работу нищими на паперть.

Мэтр был длинноволос и сутул и светился блаженной улыбкой юродивого.

В одной руке у него было заказное, коллекционное банджо, а другой он плавно поводил над головой, выпятив два пальца на манер старообрядцев *(кто не знает, объясняю: сей знак глаголет — "вива!", прошу не путать с "козой" металлистов).*

Вдоволь благословив всех присутствующих своей дланью, он интригующе прохрипел:

— Я — водитель трамвая!

На что его последователи ответили энергичными хлопками и улюлюканьем.

Когда восторги утихли, Майкл Прищепкин изрек:

— Я в этот гимн вложил философию своего бытия, наперекор толпы презренья!

После чего вдарил по струнам и под аккомпанемент расстроенных трещоток и гнусавых флейт монотонно завыл:

Я — водитель трамвая!
Что грохочет по улицам сонным!
Но трамвай мой ведет
Поводок — электрический провод!
Мимо окон, что свыклись
И не видят мое отраженье,
Сотни раз проелькнувшее в их диафрагмах!

Хватит сладко дремать!
Я возьму руль, которого нет
И направо сверну
Там, где рельсы свернули налево!
И асфальт затрещит,
Подчиняясь колесам стальным!

А на улице тихой
Проснутся деревья,
Удивленно глядя
На невиданную колесницу

Мне плевать, что нельзя!
И что мне говорят каждый день!
Я хочу изменить свой маршрут
И увидеть другие углы тех домов,
Что сумел разбудить
И забрызгать гудроном!

Я добился всего, что хотел!
Только жаль, что повис токосъемник —
Он больше не нужен!

С последним аккордом *Пьер Расческин,* мотнув головой, отпустил слушателям прощальный поклон, так что волосы упали ему на грудь, и начал пятиться, увлекая за собой своих сотоварищей, что явилось знаком его скромности и английского воспитания. *(На самом деле это была его давняя привычка — удаляться раньше, чем начнут бить.)*

— Какой скромный и очаровательный молодой человек! В его глазах есть нечто демоническое! — воскликнула миссис Хаггард и захлопала в ладоши.— Но я ничего не поняла из того, о чем он пел.

— Смысл его декларации объясняется довольно просто,— подсказал ей м-р Моррисон, ядовито ухмыляясь.— Видимо, эта песня была написана на одной из отсталых планет, где в руки оператора допотопного средства коммуникации попался детский журнал "*Юный схемотехник*", после чего ему удалось избирательно усовершенствовать свою колымагу, введя автономный энергоблок, телепатическое управление и заменить рудименты колес на более прогрессивную гравитационную подушку. И радуясь такому прогрессу в своей застойной стороне, он с азиатской непосредственностью поет о том, что ему впервой пришло на ум и что он видит окрест!

— Все равно он очень милый и обаятельный! — заявила миссис Хаггард и обратилась к мужу: — А теперь, дорогой, я хочу послушать что-нибудь про любовь!

— У нас в гостях как раз находится известный шансонье, автор любовных баллад и лирических песен — Степан Здоровый! — ответил ей м-р Хаггард и указал на щуплого паренька, прижимавшего к груди гитару.

Юноша вышел в импровизированный круг и тихо сказал:

— Я спою свою последнюю песню, написанную мной вчера.

Так же тихо зазвучала его гитара, и приятным баритоном бард запел:

Устав от юности потерь,
Забыв прекрасную мечту,
Я запер за собой очередную дверь,
Где не нашел святую доброту...

Растратив времени мешок,
Отдав традициям долги,
Я выпил, морщась, счастия глоток,
Заев, давясь, большим куском тоски...

Найдя в кармане лишь пятак,
Упав в объятья суеты,
Я понял, что мой дом кабак,
Торгующий коктейлем пустоты...

Нажив на совести мигрень,
Пропив последнюю мораль,
Я выжил и прозрел в тот черный день,
Когда меня втоптала в грязь родная дрянь...

И получив для бодрости пинка,
Влетев в расчетную любовь,
Я говорил себе: “Терпи, пока
Не наступил кладбищенский покой...”

И оплатив по векселям сполна,
Узнаешь, что всему виной она!

Певец умолк и горько заплакал.

— Да, что-то грустные песни поют наши барды,— м-р Моррисон смахнул слезу.— И что-то имена у них странные. Уж не соотечественники ли это м-ра Пэтроффа?

— К сожалению, Вы правы, м-р Моррисон,— констатировал этот факт м-р Пэтрофф.— Среди талантливых людей иногда встречается необъяснимое неприятие окружающего их мира. Чаще всего это происходит на почве нервного срыва. Виной тому может быть личная трагедия, досадное непонимание и черствость окружающих, или же промахи в нашем воспитании. Ничего, перебесятся и вернутся на Родину, как не раз уже случалось.

— Пьер вряд ли вернется,— сказала миссис Моррисон.

— Возможно,— согласился с ней м-р Пэтрофф.— Лет так триста назад его еще стали б слушать, а сейчас, я думаю, ему будет трудно найти себе у нас аудиторию. Ведь и у вас он держится, как я понимаю, лишь благодаря интенсивной рекламе...

...Здесь автор не выдержал и тоже заплакал.

Вот уже три недели как эти три точки сиротливо стоят в конце текста, как три маленьких цветочка на могилке, где, возможно, будет

похоронено это еще не родившееся дитя, которое, несмотря на всю его ублюдочность, так дорого автору, его народившему!

И если Вы спросите, почему автор предполагает такую мрачную перспективу своему детищу, то рискуете узнать, что его опасения небезосновательны.

Посудите сами.

Что надо для успешного завершения этой затянувшейся истории?

Может быть — великий талант? Но каждый человек безоговорочно талантлив. Только в одних случаях в нем надо этот талант безжалостно разбудить или, в худшем случае, откопать его, если он сам этого сделать не может, а быть может, и не желает.

Тогда, может быть, — изжить дефицит свежих мыслей?

Опять же — нет!

В нашем мире и в наше время происходят такие удивительные вещи и такие исключительные события, что достаточно не полениться, а всего лишь оглянуться вокруг, и черпай до бесконечности, сколько тебе влезет, первосортное вдохновение. Ведь жизнь преподносит нам такие невообразимые выверты, что десять мудрецов вряд ли смогут их описать и подвергнуть систематизации в ближайшие отчетно-календарные периоды!

А может быть, всему виной хроническая нехватка времени, со ссылками на объективные причины?

И опять не угадали!

При современной-то интенсивности броуновского движения в рамках нашего существования никак нельзя прикрывать нехваткой Хроноса свою дремучую леность.

Время, как величина растяжимая, при правильной организации и планировании от достигнутого, может квантоваться до бесконечности, и ошибается тот, кто наивно считает, что в сутках всего 24 часа!!!

На самом деле это величина переменная и может принимать различные достоинства как в большую, так и в меньшую сторону.

Опираясь на вышесказанное, и несмотря на большую загруженность, автор никак не может объяснить свою беспомощность нехваткой времени.

И хотя помимо необъяснимой тяги и приверженности к графоманству автор работает официально по меньшей мере на двух работах, и раз не боится об этом всенародно заявить, значит на самом деле он на них работает, а часть работ он умудряется выполнять дома, во время еды, активного отдыха и сна. Время от времени (в свободное от челове-

ческих потребностей) он регулярно просматривает газеты, смотрит телевизор, перечитывает любимые книги и слушает разнообразную музыку, и все равно он находит время для своего любимого дела — словоблудия

Здесь надо на минуту остановиться и принести искренние объяснения по поводу сего маловразумительного заявления, сделанного в духе небезызвестного остзейского барона.

А если кто не совсем правильно понимает, как можно спать и одновременно с этим работать (прошу не путать с вечным сном на рабочем месте!), то:

— представьте, вы сладко спите, а вам звонят по телефону через каждые пятнадцать минут, ваши партнеры по совместной борьбе (работе), и вы, не просыпаясь, деловито отдаете распоряжения, обещания, заверения и согласования;

— представьте, вы спите, а ваши магнитофоны пишут, и только время от времени, подсознательно и инстинктивно услышав, что сработал "автостоп"; вы, не просыпаясь, встаете, меняете кассету, и опять благополучно ложитесь спать.

По поводу же работы во время еды и отдыха здесь нет смысла пускаться в подробные разъяснения, так как основная часть работы автора имеет четко выраженную интеллектуальную основу: жевать и думать одновременно еще никто никому не смог запретить.!

Одним словом, автор прекрасно находит время для работы над своим эпохальным романом. И место — тоже.

Основная масса этих страниц написана в отдельном личном кабинете (единственное место в квартире, где можно курить), имеющемся во всех отдельных однокомнатных квартирах (а у меня как раз имеется в личном и безраздельном пользовании стандартная восемнадцатиметровая хрущевка). Здесь автору прекрасно работается, сидя на водобачковом агрегате, как горному орлу на вершине Кавказа. Здесь, кстати, написаны и все его столь несовершенные стихи (вирши).

Самая лучшая часть страниц написана в общественном транспорте (удобней всего пишется в электричке). Один раз в автобусе дальнего следования водитель принял меня или же контролера, а может, и за шпиона-диверсанта, и поддавшись обуявшему его негодованию и избытку шоферского патриотизма, стал вести свой верный ЛиАЗ по прекрасному ровному шоссе так ловко, что всю дорогу меня швыряло из стороны в сторону так, что потом целую неделю я разбирал, что же это я сочинил в той шоссейно-прифронтовой обстановке.

Наиболее длинные абзацы написаны ночью, также как и этот нико-

му не нужный монолог (сейчас на часах: 03-05 час/мин московского времени).

Одним словом, если чего захотеть, то это всегда можно найти.

Так может быть, автор боится, что его труд будет напрасен и никогда не увидит свет его издание?

Вот чего нет, того нет!

Если б я этого боялся, то и не взялся бы за дело. А раз вы это сейчас читаете, то видите, насколько я был в этом прав ("Скромный ты наш!").

А если честно, прежде чем бояться, надо сначала роман написать до конца, а потом — бойся себе на здоровье.

Не скрою, немаловажную роль в этом беспрецедентном моем упорстве и бредовом занятии сыграло расширение демократии и гласности и вместе с ними — твердая надежда на светлое будущее даже для столь недостойного и похабного произведения, как роман "Акулу съели!"

"Так чего ж тебе еще надо! — воскликнет возмущенный читатель,— если у тебя нет никаких проблем, валяй дальше про нашего ненавистного м-ра Хаггарда! И хватит сопли распускать, работать надо!"

(Ха, я забыл сказать вам, какое сегодня число — 03 час. 20 мин. 01.05.88 года!)

Ну ладно, не буду больше вас мучить и прямо скажу, кто мешает мне работать. "Шерше ля фам!", как говорят великие знатоки этой лягушатины, которых именуют в просторечии просто галлами...

Хр-р-р-р! 02.05.88 г.— 00 час. 32 мин.

Итак, ищите преступника!

Где он? Кто он? Вот он!

Он ко мне приближается, он сейчас начнет мне мешать! А-а-а-а-а-а-а-а!

— Не смей трогать пишущую машинку! Я хочу работать! Я не хочу спать! Господи, почему я не родился евнухом! Почему я не помер маленьким! Почему даже в праздник от меня требуют подвигов! Пусти меня, чудовище...

02.12.88 г.— 08 час. 17 мин. (Кризис миновал. Бобик сдох. Мурзик сбег. И полгода не прошло!)

...Крик ужаса разорвал тишину и взвился, казалось, в само поднебесье.

Чудовище было огромно и зело противно.

Три его головы, каждая размером с хороший фургон, были оснащены полным комплектом необходимого ассортимента средств нападения и отвращения.

Четыре ряда зубов по краям пастей переходили в ядовитые шипы, усеивающие всю поверхность тела страшилища. Между шипами были разбросаны в беспорядке многочисленные ужасные глаза, торчавшие на концах коротких, гибких отростков, и множество всевозможных плевательных желез.

Глаза, каждый в отдельности, выглядывали что-то свое, а железы аритмично, но дружно плевались в разные стороны кислотой, слезоточивым газом и горючей смесью.

Из пастей, время от времени, со свистом вылетали пятиметровые языки, усеянные острыми крюками и присосками, оглушительно щелкали и сворачивались в спирали.

Само чудовище, постепенно и с неотвратимостью, поднималось из-под воды прямо перед носом пароходика, который, казалось, начинал уменьшаться. И это ощущение все более усиливалось по мере того, как чудовище соизволивало вылазить.

Паника на палубе парохода переросла в патологию.

Описывать же состояние ребятишек, сидевших в прогулочных лодчонках, не имеет смысла, так как оно было идентично воодушевлению, с которым олимпийский экипаж посредством академической гребли стремится к финишу.

В данном случае финиш располагался на всем протяжении береговой линии коварного озера, куда, естественно, и устремились юные финишмены.

Но их устремлениям не суждено было сбыться...

Под ужасное клацанье зубов, свист и щелканье языков, под шипение плевков ужасной рептилии со всех сторон из воды на лодки ринулись всевозможные кошмарные твари, повсеместно состоящие из щупалец, зубов, хвостов и слизи.

Самое удивительное состояло в том, что эти твари появлялись в буквальном смысле слова из воды, то есть не выныривали, а превращались,

прямо на глазах, из прозрачных голубых брызг в отвратительно копошащиеся и алчущие химеры.

Надо отдать должное детишкам.

При всем ужасе происходящего, они не растерялись и, продолжая истошно орать и визжать от страха, они стали, что было мочи, молотить по гадам чем попало.

Гадам попало основательно, по первое число, в полной мере зонтами, веслами и букетами цветов.

Небезынтересно, что данный отпор был на удивление эффективен, и в скором времени вода в озере стала окрашиваться в красный цвет.

Но Гады все лезли и лезли...

Водяному дракону также досталось, но не веслом, которое вряд ли можно было найти на колесном пароходе, а от доблестного капитана.

Ваня достал свой огромный капитанский маузер и стал бить влет по центральной голове, да так метко, что после каждого выстрела обязательно лопался один, а то и два чудовищных глаза.

Но их у пучеглаза было много, и, несмотря на все старания доблестных ребятишек, нечистая сила брала над ними верх...

Все вышеописанное заняло по времени не более одной минуты, и родители бедных детей не успели ничего предпринять, а только смогли видеть с вершины холма со страхом и изумлением, как милое тихое озеро превратилось в кипящий кровавый котел...

И вот, в этот самый леденящий душу момент, между водяным драконом и паровым колесоходиком вынырнул глиссер именинника.

Томми, закаленный в космических сражениях *(вспомним давешний полигон)*, сходу нажал на все гашетки *(их было целых две)* и изверг одновременно во все три головы ракетно-лазерный залп *(из ультразвуковой пушки)*, мгновенно стерший с гада всю гадскую атрибутику *(шипы, глаза и железы)*.

Не ко времени облысевший и ослепший дракон пустился было наутек от столь грозного противника, но Томмик не думал на этом закончить косметическо-профилактический демонтаж страшилища и пустился за ним вдогонку. Видя, что их лидеру угрожает обструкция с девальвацией, все остальные твари, рожденные коварным озером, ринулись за глиссером Томмика.

И тут началось!

Ошпаренный и больной дракон начал прыгать и кувыркаться в воде, стараясь оторваться от противника, но Томмик, лидирующий в группе

преследования, не отставал и лупил из всех стволов не только вслед болезному, но и назад — по многочисленной группе захвата.

Пока они, так сказать, играли в салочки, чудом спасенные дети организованно и без потерь оказались на желанном берегу и дружескими *(по отношению к Томмику, естественно)* криками одобряли производственную деятельность драконоборствующего глиссера, рожденного в недрах ХДК.

Через пять минут подбадривание потеряло всякий смысл, так как все, что могло шевелиться в озере, уже не шевелилось, превратившись в неподвижное кровавое месиво, посреди которого плавал глиссер именинника.

Томмик вылез из кабины на палубу и громко по рации стал вызывать экологический патруль, который не заставил себя долго ждать и спустился с неба в виде летающей патрульной тарелки. Из нее бодро вылез молодой человек с респиратором на лице и толстым шлангом под мышкой, который тянулся из чрева тарелки. Свободный конец этой кишки он опустил в озеро, и работа по очищению началась.

Шланг стал засасывать останки гадов, а из верхнего люка посудины со свистом стал бить вверх фонтан раскаленного пара. Так продолжалось минут десять, пока уровень содержимого озера не опустился до нуля *(то есть не показалось каменистое дно)*, а над осушенным озером образовалось довольно внушительное облако.

Молодой человек, проводивший экологическую акцию, убрал шланг и подал знак Томмику, глиссер которого лежал на дне озера рядом с летающей тарелкой. Они дружно перелетели на берег, и тут же из облака низвергся вниз проливной дождь. Туча быстро уменьшилась, а озеро так же быстро наполнилось кристально чистой водой, заигравшей в лучах заходящего солнца.

Детишки, окружив глиссер Томмика и патрульную тарелку, восторженно захлопали в ладоши. Молодой человек поднял вверх руку и, когда овации смолкли, сказал:

— Дети! Вот к чему может привести экологическое загрязнение окружающей среды. В следующий раз будьте внимательней и бдительней!

Все детишки дружно достали из карманов *эко-индикаторы* и подняли их над головой, а Томмик спросил у патрульного:

— Мы проверяли воду перед игрой, и она была чистая. Откуда же возникло загрязнение?

— Как откуда? — весело ответил молодой человек.— А ваш допотопный пароходик, который чадит и сыплет искрами, сжигая бурый уголь?

Впредь, дети, пользуйтесь только абсолютно экологически чистыми гравитационными двигателями фирмы ХДК! — закончил молодой, но уже энергичный борец за чистоту природы и, помахав детям на прощание ручкой, скрылся в люке патрульной тарелки.

Счастливая встреча родителей со своими детьми, которые, позабыв о недавно пережитом, наперебой хвастливо рассказывали о своих подвигах, была прервана полившейся с неба волшебной музыкой, в которой доминирующими инструментами были колокольчики и сладкозвучные арфы.

Все посмотрели вверх, а потом, непроизвольно, на заходящее солнце и увидели на его фоне летящую к ним какую-то птицу. Приблизившись, она превратилась в крылатого дракона. Но никто даже не успел испугаться, а дракон уже приземлился у подножия холма, и все с радостью и облегчением увидели, что это совсем другой дракон,— дракон хороший и экологически безопасный.

Несмотря на свои внушительные размеры, он был изящным и элегантным, что эффектно подчеркивал изумительный окрас его чешуи, сверкающей всеми цветами радуги. Все три его головы весело и лукаво улыбались, а васильковые глаза были такие добрые, хотя и с легкой грустинкой, что все сразу его полюбили и прониклись к нему неописуемым доверием.

Как только дракон сложил свои изумительно красивые крылья, с его спины спрыгнула на землю маленькая хрупкая женщина, по внешнему виду которой даже без документов было видно, что служит она доброй феей.

Подойдя к толпе родителе-детей, она тихим, совершенно ангельским голосом произнесла:

— Дорогой Томмик, поздравляю тебя с днем твоего рождения! Желаю тебе быть всегда таким смелым и находчивым мальчиком, каким ты был в великой битве с водяными чудовищами. За твои подвиги и в День твоего рождения проси у меня что хочешь!

Не успел Томмик подумать, чего ему еще не хватает, как солнце соизволило отпочивать, а если по-простому — зашло, наконец, за дальние холмы, и наступили сумерки.

— Ой! — воскликнул Томмик.— Солнце зашло! Что же мы теперь будем делать?

Фея засмеялась звонко и непринужденно:

— Не волнуйся, малыш, я тебе помогу! — и взмахнула волшебной палочкой в сторону скрывшегося светила.— Вот мой тебе подарок!

И тут же на холме стены родового Хагтардского особняка стали превращаться в крепостные, появились башни, и через несколько мгновений стоял исключительно волшебный замок с разноцветными флагами на башнях.

Через окружавший его крепостной ров опустился на цепях подъемный мост, раскрылись резные ворота, за которыми поднялась чугунная решетка, и в образовавшийся проход потоком повалила пестрая толпа самых любимых детьми сказочных героев.

И кого там только не было!..

Первым выступал, естественно, Микки-Маус, в сопровождении внушительной охраны, состоящей из Супермена, Супербоя, Супергерл, Линвингена, Робина и Капитана Америка.

Далее следовали Тарзан с именным зверинцев, Белоснежка с Семью Гномами, Три Поросенка, ну и остальной Дисней-ленд и Союзмультфильм.

— Дорогие гости! — обратилась к гостям Фея.— Прошу всех в замок! Нас там ждет праздничный ужин и веселые развлечения!

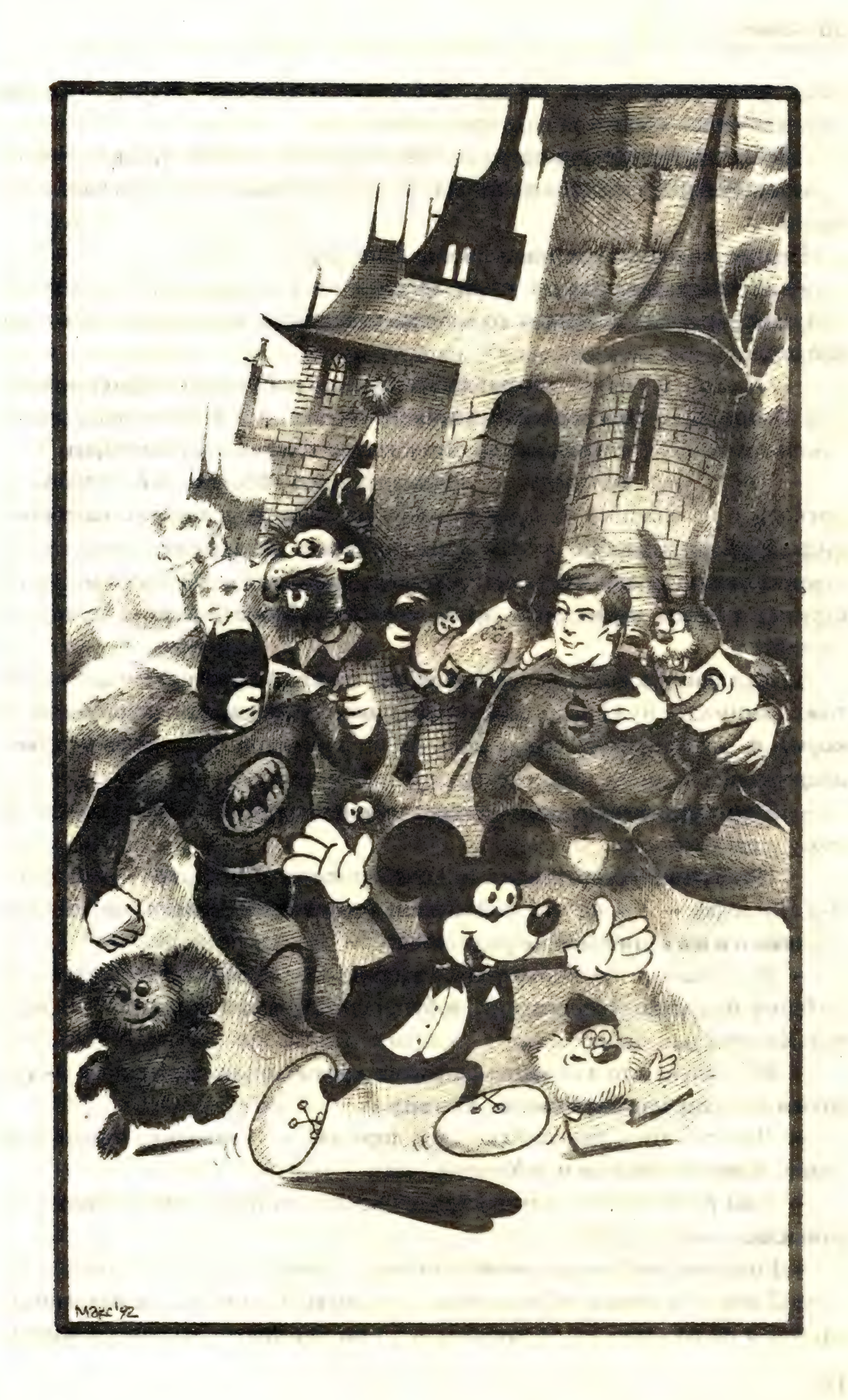
Описывать расположение и убранство всех комнат и залов сказочного замка, естественно, нет смысла, так как дизайнеры и художники ХДК изголились на пупе, тем более что ничего нового им придумывать не пришлось, достаточно было выбрать из всей ранее выпущенной кино- и мультпродукции наиболее эффективные интерьеры, и вот тебе готовый проект.

Ужин проходил во дворе — только здесь мог разместиться дракон. Разумеется, без него дети ни за что не стали б есть даже самые вкусные и любимые сладости и петь самые веселые песни.

В отличие от детей, сидевших за столами, накрытыми как будто по-русски, щедро, взрослые предпочли английский стол и разбрелись по всему замку.

Хагтарды уединились в уютном розовом зале в избранном обществе Моррисонов и Пэтроффов.

Зала была выполнена в виде галереи, одна арка которой выходила во

двор, где пировали дети, а в другой был виден вечерний закат, загадочно отражавшийся в матовой воде крепостного рва.

Только минут через пять в тишине, нарушаемой лишь треском цикад, присутствующие смогли прийти в себя от калейдоскопа и мелькания событий.

Первой молчание прервала миссис Пэтрофф:

— Я так испугалась за наших детей, что в следующий раз хорошо подумаю, брать ли ребенка с собой в загранпоездку или же оставить его у бабушки.

— Оксана шутит,— оправдывая жену, добродушно рассмеялся м-р Пэтрофф.— Она у меня отчаянная трусиха, а тут сынок еще растет таким сорванцом, что не знаешь, что в следующий момент вытворит.

— Он у вас молодец! — подхватил нить беседы м-р Моррисон, нисколько не опасаясь, что его слова будут записаны, так как наручный индикатор показал, что в этой комнате запись не производится, видно, хозяева решили расслабиться от досужего внимания.— Вон как метко он стрелял в этого игуанодока, не то что мой оболтус, даже в дудку не засвистел!

— Да ладно уж тебе! — подыграла ему миссис Моррисон.— Наш сынок тоже занимался нужным и полезным делом. Организация эвакопункта на корме и успокаивание юных дам было проведено им исключительно энергично!

— Я его дома выпорю, эвакуатора! — м-р Моррисон состроил зверскую рожу и расхохотался.

— Но больше всех отличился, конечно же, именинник! — заключил м-р Пэтрофф.— Уж на что мой хорошо стреляет из рогатки, но ваш наверняка и в постели с ней не расстается!

— Да, наши дети неплохо учатся защищаться от невзгод и опасностей, которые будут подстерегать их в будущей взрослой жизни! — сказал м-р Хаггард.

— Вот только кто защитит маленьких крошек от их родителей? — суровым голосом спросила миссис Хаггард.

— Что ты этим хочешь сказать, дорогая? — удивленно приподняв брови, поинтересовался м-р Хаггард.

— А вы разве не слышали последней речи м-ра Джексона в Сенате? — удивилась миссис Хаггард.

— Конечно, нет! — дружно ответили все присутствующие.

— Тогда вам надо её обязательно послушать! Она меня так взволновала, что я не расстаюсь с ее записью вот уже три дня,— закончила миссис

Хаггард, достав из сумочки кристалл памяти и вставила его в воспроизводимое устройство.

Тут же посреди зала возникла фигура сенатора Джексона, который, с присущей ему “нежностью”, взревел, обращаясь прямо к собравшимся:

— *Леди энд джентльмены!*

Вы все прекрасно знаете, что меня всегда волновали вопросы безопасности и обороны нашего отечества, и я думаю, что своим ничтожным трудом, которому я посвятил почти все свои годы, проведенные мной в стенах нашего славного Сената, я внес хотя бы мизерный вклад в то могущество, которым мы обладаем сейчас.

Но сегодня я хочу говорить о другого рода обороне и защите.

Я имею ввиду защиту детей от своих родителей!

Да, да, господа, вы не ослышались!

О защите детей от своих родных родителей!

От волнения сенатор Джексон покраснел и, кажется, вспотел. Ему потребовалось не менее минуты, чтобы вытереть пот с лысины, переходившей в жирную шею, своим носовым платком, размером чуть поменьше праздничной скатерти.

— *Нас тут упрекали, что мы печемся лишь о военных заказах, а нужды нашего многострадального народа нам чужды!*

Я не собираюсь опровергать эту чушь и клевету, но на днях мы посетили один из муниципальных приютов, и вот какие мысли пришли в мою седую голову при виде несчастных крошек, лишенных родительского тепла!

Джексон повторно вытер свою “седую” лысину и продолжал:

— *Этим детям очень здорово повезло!*

Государство дает им все, но самое главное — оно оградило этих детей от их же собственных недостойных родителей!

Я повторяю — этим детям повезло несравненно больше, чем подавляющему большинству детей, живущих в неблагополучных семьях, которых у нас, к сожалению, еще не так уж мало!

Бедные дети! Ведь они ни в чем не виноваты, и родителей они себе не выбирают!

Я хочу сказать больше! В нашем самом свободном мире существует рабство!

Да, да, я ничего не перепутал, самое настоящее рабство, со всеми его атрибутами, включая жестокое физическое и моральное насилие.

Наши дети пребывают в рабстве у своих недостойных родителей!

И никому нет до этого дела!

Мало что ребенок физически слаб и беззащитен и не может себя защитить от взрослого, он еще и порабощен морально и материально им и находится в полном и безраздельном его пользовании.

Ребенок является личной собственностью своих родителей!

И это при полном отсутствии правовой защиты со стороны общества!

Вы когда-нибудь пробовали сделать замечание на улице истерично кричащей и избивающей своего несчастного младенца мамаше? Нет? И не пытайтесь!

В лучшем случае она вам ответит: Нарожайте себе детей и воспитывайте их как вам нравится, а это ее ребенок и что она хочет, то и будет с ним делать!

А потом мы удивляемся, откуда у нас берутся садисты и неврастеники, и все киваем на улицу и стереовидение.

А ведь все дело в семье, и в особенности — в матери!

Если у ребенка плохой отец, то ребенок просто перестает его уважать, и на этом влияние отца на ребенка заканчивается с потерей уважения к оному.

Мы знаем множество случаев, когда на отрицательном примере своих отцов дети вырастают на удивление хорошими и избирают путь в жизни, отличный от пути, пройденного его папашей.

С матерью все намного сложнее.

Между матерью и ребенком существует определенного рода физическая связь, ярко выраженная в безотчетной любви и привязанности ребенка к матери, и какой бы ни была плохой мать, ребенок продолжает любить и верить ей.

А мать этим пользуется! И при отсутствии успеха в жизни у нее остается лишь одна радость — безраздельное владение собственным ребенком.

На ком срывают зло?

Кто всегда во всем виноват?

На кого угробили все здоровье?

На него!

На маленького негодяя, которого в лучшем случае надо было удавить в колыбели, задушив собственными руками!

А как на это смотрит общество?

Да никак!

Мы до того долго боролись за права женщин и упорно занимались охраной материнства, что незаметно превратили в догму то, что мать всегда права и нет никого уважаемей матери!

Вчера она была проституткой, спьяну не сумела предохраниться, чудом кое-как родила, и вот — бац! — она — Мать — уважаемый человек!

Вы спросите, к чему я все это говорю?

А вот к чему!

Нужно разработать и применить действенные меры по защите прав детей перед их родителями!

Нужно создать такое положение, при котором любой родитель перестал бы чувствовать себя безнаказанным перед своим ребенком, так как любой, даже самый маленький грудной ребенок, уже есть человек, со своим достоинством и правом быть защищенным от любых посягательств на моральное и физическое здоровье со стороны кого бы то ни было!

И эту защиту должно взять на себя наше пока еще цивилизованное государство!

Вы мне скажете, что такой механизм уже существует в виде органов опеки и попечительства.

Да, у нас есть инспекторы по охране прав детей, но что они могут?

Только в двух случаях они могут оградить ребенка от недостойной матери.

В случае морального посягательства на нравственное здоровье ребенка, при жестком условии, если будет доказано, что мать пьет и ведет аморальный образ жизни.

И в случае физического посягательства на здоровье ребенка, когда мать страдает ярко выраженной формой буйного помешательства, и то только при наличии медицинского заключения.

Во всех остальных случаях инспектор по опеке бессилен.

Он бессилен против скрытого пьянства и проституции, и даже справка, что мать страдает шизофренией, не дает права изолировать от нее ребенка.

Я повторяю: только в случае буйного рецидива, когда так и так сумасшедшую упрятывают в психушку, только тогда ее можно лишить родительских прав, и то не всегда это удается.

Мы начинаем сокрушаться только тогда, когда в уголовной хронике слышим о матерях-садистках и о самоубийствах детей!

Неужели никто ничего не замечал до того, как случается трагедия, что над ребенком издевались!

Нет, все прекрасно это видят! Но пока что-нибудь не случится, считают не вправе вмешиваться в чужую жизнь, забывая, что каждая

неблагополучная семья наносит невосполнимый вред нашему государству.

Я говорил о патологии, к сожалению, все чаще становящейся обыденностью, а вокруг сплошь и рядом мы перестаем замечать нарушения элементарных норм поведения и приличия.

Обозвать ребенка дрянью, сволочью и даже еще хуже, стало так же просто, как убить надоедливую муху (хотя многие из вас и не знают, как настоящая муха выглядит, и забыли, что если ребенок на самом деле дрянь и сволочь, то в первую очередь дрянь и сволочи его родители)!

Вы мне скажете, что я зря сотрясаю воздух и действенных мер все равно принять невозможно.

Вы глубоко заблуждаетесь, господа!

Раньше функции защиты детей выполняли непререкаемые догмы и традиции. Сегодня они разрушены и канули в Лету. Но мы не заметили, что на смену ушедшим пришло другое могучее средство! Вы не догадываетесь, какое? Да, господа, несмотря на вашу, как вы полагаете "шутку", вы угадали! Техника, только могучая техника может оградить наших детей от нас же самих! Нет, я не рехнулся, не надейтесь, и говорю совершенно серьезно!

Почему мы не можем принять действенных мер по отношению к плохим родителям? Потому, что мы ничего не можем доказать! Но ведь это так просто и потребует только определенного количества средств, которых, я уверен, у нашего государства в достатке!

Предположим, в комиссию по опеке обратились граждане с заявлением, что их сосед избивает своего ребенка. Хорошо, комиссия конфиденциально устанавливает в доме и на одежде подозреваемого скрытые микрокамеры и фиксирует его действия определенное время. Если сигнал подтверждается, то хулигану делается предупреждение, что если он не прекратит издеваться над ребенком, то его лишат родительских прав, а заодно представляют ему счет по оплате затрат на выявление его недостойного поведения.

Если же донос оказывается ложным, то эта сумма изымается с заявителей, чтобы впредь было неповадно другим очернять честных граждан.

И теперь каждый, прежде чем совершить нехороший поступок, подумает, во что ему это может обойтись. Штраф, кстати, должен быть довольно приличным, и в обоих случаях ставить в известность общественность и по месту работы тех и других.

Вот когда мы сможем реально защитить детей от посягательств на них!

В принципе, каждый сможет иметь при себе записывающую аппаратуру, и если увидит на улице, что ребенка обижает мать, то всегда сможет пристыдить ее.

Вы мне возразите, что тогда все станут втихаря дома обижать своих детей, благо звукоизоляция у нас идеальная, ори не ори, все равно никто не услышит. И в этом случае на негодяев найдется управа. Ведь ребенок, даже если и захочет что-нибудь скрыть от взрослых или от своих сверстников, то ничего у него не выйдет. А по косвенным признакам (плохо выглядит или же плохое у него настроение) может подать заявку на экспертизу, так же воспитатель в детском саду или же учитель в школе.

Я предвижу все ваши возражения. Я даже ожидаю бурю негодования по поводу этого проекта. Меня обвинят в посягательстве на свободу личности и совести. Будут говорить, что я хочу создать тотальное полицейское государство. Скажут даже, что я за разрушение семьи!

На это все я могу ответить так: если человек чист, то ему нечего бояться, по крайней мере, я сам, как вам известно, отец четверых детей.

Если кому-нибудь захочется создать полицейское государство, то для этого необязательно принимать мой законопроект, а достаточно иметь власть, и на черта тогда все наши законы, если они позволят свершиться этому!

А на счет свободы совести и личности, для этого достаточно принять жесткие законы по поводу разглашения и иметь несколько компетентных, облаченных народным доверием комиссий по опеке, а остальную черновую работу выполнят компьютеры.

На первых порах казне будет большой доход, который мы сможем направить на нужды здравоохранения и образования, а впоследствии, с улучшением морального климата в семье, доход от штрафов уменьшится, но зато увеличится доход всего государства от сокращения издержек на почве социально-бытовых конфликтов.

И вот тогда мы заживем!

И вот тогда мы покажем красным, что не только у них на детей молятся!

(Хотя они молятся на них скорей всего потому, что не на кого им больше молиться, кроме как на их бородатого еврея Маркса!)

Так что я обращаюсь к вам, достопочтимые господа сенаторы,

защитим наших детей от нас же самих, а от других мы и сами как-нибудь защитимся!

Аминь!

Только сенатор Джексон замолчал, как рядом с ним появился еще один сенатор Джексон, и с грустью посмотрев сам на себя критическим взглядом, махнул рукой и сказал:

— Любуетесь на мой позор?

Миссис Хаггард вынула из проектора кристалл, и один из сенаторов испарился, а материализовавшийся Джексон устало уселся на свободное кресло и затравленно засопел.

— Да! — захихикал м-р Моррисон.— Удумали вы на свою голову головную боль! Наверное, долго думали?

— Все правильно я сказал! — равнодушно пробормотал Джексон.— Сил нет больше терпеть этих сволочей!

— Это кого именно? — поинтересовалась миссис Моррисон.

— Кого надо, того и терпим! — беззлобно огрызнулся Джексон.— А то генералы уже ревом плачут — некого в армию забирать: или урод, или псих!

— Ага, я так и знала! — засмеялась миссис Моррисон.— Что у вас обязательно в этом есть своя корысть! А то даже удивительно, такой хороший семьянин, как вы, Джексон, вместо того, чтобы своим примером, так сказать, вдохновлять, предлагает устроить повальную слежку. Я вас насквозь вижу! — и погрозила ему пальчиком.

— А вы не боитесь, что при вашей системе в случае прихода к власти нечистоплотных людей, им будет легко скрыть свою нечистоплотность. Воспользовавшись вашим законопроектом, если, конечно, он воплотится в жизнь, легко будет установлена тотальная диктатура? — тихо спросил м-р Пэтрофф.

— У нас правовое государство, и если оно позволяет бороться даже с монополиями путем антитрестовских законов, то против диктатуры будут все, и наша задача состоит только в сохранении наших веками выпестованных великих демократических традиций!

— А если вдруг, со временем, станет возможна переоценка духовных и моральных ценностей вашего общества, то ваша предлагаемая система позволит непорядочным людям навязать свою мораль подавляющему числу населения,— так же тихо сказала миссис Пэтрофф.

— Это вы большие любители переоценивать духовные и моральные ценности! — гыкнул на нее сенатор *(хотя и не произнес ни одной буквы "гы")*, ну впрямь как в былые годы гыкал родной дед Оксаны, потомст-

венный запорожский казак Микола Карацупа. — А у нас они незыблемые уже более пятисот лет!

— И состоят всего из одной святой заповеди,— улыбнулась миссис Пэтрофф,— доллар, а по-нынешнему кредит, превыше всего!

— Да бросьте вы! — отмахнулся от нее Джексон.— Неужели вы не видите, что мы подошли к черте, и из тупика нас может вывести только большой интеллектуальный и нравственный скачок. А начинать надо с семьи, а то люди окончательно озверели и кидаются друг на друга. Это вы могли себе позволить постепенно, в течение трехсот пятидесяти лет, поднимать моральный облик строителя коммунизма, и то вы прекрасно помните, с какими трудностями вам пришлось столкнуться, а нам никто этого времени не даст. Или же мы в ближайшее время сумеем возродить в людях истинную христианскую добродетель, так необдуманно нами растерянную, или же мы сами себя сожрем. Хотя вам, правда, это будет только на пользу и к великой радости. Вы спите и видите, как бы разжечь мировой пожар революции. Это чудо, что вам свою вакханалию не удалось превратить во Вселенский пожар!

— Да полно вам,— м-р Пэтрофф беззлобно махнул на него рукой,— вы опять вместо Ельцина читали Ленина и Троцкого. Вы прекрасно знаете, что нам, так же как и вам, нужен мир и, соответственно, мирное сосуществование. А вот какую-нибудь локальную торговую войну мы с вами не прочь бы затеять! Или слабо?..

— Война! Война! — тоненький девичий голосок бился по галереям замка, рассыпаясь на мелкие брызги:

— Враги окружили нас! Предстоит долгая осада. Эй, все, кто может держать оружие! Выходи на стены и башни! Будем биться не на жизнь, а на смерть!

(Ох, уж эта горлопанка Золушка! Видно, работает еще по совместительству Маленькой Разбойницей!)

“Детишки опять расшалились”, — успокоил себя м-р Хаггард, но все-таки встал и посмотрел во внутрь двора.

Там шла поголовная игра в чехарду или же во всеобщую мобилизацию.

Мобилизационном пунктом была, естественно, необъятная спина дракона. Там уже успел самосформироваться первый штурмовой батальон

добровольцев. Оставшиеся желающие карабкались по лапам и хвосту бедного добродушного животного.

Дракоша подбадривал рекрутов взмахами своих цветомузыкальных крыльев и был похож на большой грузовой винтокрыл перед полетом.

“Если он еще сдуру взлетит, то это будет похоже на бегство янки из Сайгона”, — подумал м-р Хаггард. Он перешел к другой арке взглянуть, что это за враг окружил их цитадель, грозя осадить их именины новыми приключениями и развлечениями.

У подоконника собрались все присутствующие и с интересом вглядывались вдаль. Наступила ночь, и небо ощетинилось крупными яркими звездами. Но на расстоянии ста метров вокруг ничего нельзя было увидеть. Вдали, на дальних холмах, мерцали какие-то всполохи, и доносился приглушенный рокот.

— Если это очередная акция ваших продюсеров, то для проведения всеобщего веселья ничего не видно! — подал голос м-р Моррисон. — А если это на самом деле нашествие врагов, то они выбрали подходящее время для атаки!

Как только он произнес эти слова, на башнях замка вспыхнули разноцветные лазерные прожекторы и залили ярким светом все пространство вокруг замка.

Сразу стало видно, что на расстоянии трех кабельтовых вокруг замка кольцом копошились бесчисленные плотные ряды каких-то странных существ. Все сразу догадались, что это и есть так называемые враги.

Чтобы улучшить обзор, м-р Хаггард повел гостей на центральную башню, с которой они увидели, как Три Поросенка опустили решетку, закрыли ворота и подняли мост через ров. Теперь находящихся внутри замка невозможно было застать врасплох.

На вершине башни стояла мощная оптика и большое количество мониторов. Гости могли в подробностях наблюдать не только колонны нападающих, но и происходящее внутри любого помещения сказочного замка.

В постановке всего представления был задействован большой шоу-компьютер, и все делалось строго по сценарию. Детям и остальным гостям, не посвященным в этот план, казалось, что творится суматоха и бестолковая суета. А это как раз и было главной темой представления. Сказочные герои ненавязчиво увлекали отдельные группы гостей на боевые посты, делали это весело, со всевозможными трюками и клоунадой, и все было о'кей

Задудел в фанфары оркестр бравых лягушат. Зайчата забарабанили в боевые барабаны и литавры.

Микки Маус назначил сам себя главнокомандующим, верхом на драконе поднялся над площадью и стал командовать парадом, *пардон,* организацией обороны.

Маленькая фея сформировала девочек в сандружины, а Три Медведя стали разворачивать походный госпиталь.

Все расчеты заняли свои места.

Белоснежка уселась в кресло оператора четырехствольного "Эрликона". А семь гномов, надев бронежилеты и опустив забрала на касках, окружили ее, загородив пластиковыми щитами и выставив дубинки наружу.

Волк и Заяц протирали и смазывали огромный огнемет.

Коза, мать энного количества козлят, мешала большой ложкой в огромном котле кипящую смолу, а козлята *(энное число)* подкидывали в огонь под котлом дровишки.

Супермен, Супербой, Супергерл, Линвинген, Робин и Капитан Америка неторопливо снимали цивильное *(пиджаки и др.)* и облачались в свои традиционные костюмы *(причем Супермен одной рукой допечатывал на машинке статью в "Морнинг Стар", а Супергерл красила губы).*

Маугли со сворой мартышек расчехлял ракетную установку, а остальные звери точили на кого надо когти *(только Шер-Хан, сопя и вытирая время от времени пот со лба, старательно рисовал угольком камуфляжные полосы на спине у Багиры, а та решительно и томно мурлыкала).*

Тарзан протягивал связь БОДО между штабом обороны *(Бременской шестеркой)* и Верховным главнокомандующим.

Для надежности он привязал конец провода к хвосту бедного дракона, предварительно напялив на одну из голов телефонный гарнитур.

Голова тут же стала орать в ларингофон команды, а на другом конце провода Пес залаял на Кота, крутившего не в ту сторону ручку полевого телефона. Но Петух так здорово долбанул его клювом по башке, что бедный Пес от боли и досады закукарекал *(Петух был старше его по званию).*

В ответ на это безобразие и фальшивое кудахтанье проснулся Осел и, разостлав карту-двухверстку, стал что-то на ней показывать Трубадуру. Тот согласно замахал свободной левой рукой, так как правая его рука обнимала Принцессу, с которой он на прощанье основательно целовался на всякий случай.

7—863

Приказом ГКО № 1 были назначены коменданты угловых башен.

Это высокое доверие было оказано Винни-Пуху, Страшиле Мудрому, Бравому солдату Швейку и Колобку, которые тут же приступили к обустройству своих владений.

Колобок наполнил закрома для Добровольческой армии сухим пайком в виде кукурузных хлопьев.

Страшила Мудрый заготовил фураж для травоядных и Дракона.

Бравый солдат Швейк велел рыть пожарный колодец. Через некоторое время из наскоро сооруженной артезианской скважины забило свежее Плзеньское пиво.

Только один Винни-Пух сидел и ничего не делал, терпеливо дожидаясь возвращения посланных им фельдъегерей *(Ослика И-А, Пятачка и Совы)* с подкреплением в виде доброго горшка меда.

Уже приступила к работе Военная прокуратура в составе выездной Особой Тройки *(Карабас-Барабас, Дуремар и Папа Карло)* и двух штатных осведомителей, *пардон* — присяжных заседателей *(Кота Базилио и Лисы Алисы)*, которая мгновенно произвела на свет дело двух злостных хулиганов *(Карлсона и Пэппи Длинный Чулок)*, выловленных полевой жандармерией *(во главе с Королевой Полевых мышей и жандармским ротмистром Его Высокоблагородием Тонконюхом XIV)* в момент безобразной драки и беспредметного спора на тему, кто из них самый сильный, умный и красивый.

Влепив обоим по 15 суток дисциплинарного батальона, прокуратура занялась выводом на чистую воду вражеского лазутчика по кличке Пьяный Ежик, взятого по доносу бдительной Золушки. Она подала заявление, что не припомнит такого сказочного героя, а раз такого не существует, значит он лазутчик и диверсант.

В свою защиту Ежик что-то невнятно и подозрительно фыркал на непонятном вражеском языке и все норовил совершить умышленный побег, инстинктивно от страха сворачиваясь в клубок.

Не добившись от него ничего членораздельного *(никак не хочет развернуться, собака паршивая, а может, у него иголки ядовитые!)*, Особая Тройка всенародно объявила его наркоманом и гадом ползучим и приговорила его по 58-й статье к 10 годам без права переписки.

Приговор был тут же приведен в исполнение Робин Гудом из подствольного гранатомета.

Репрессированного тут же реабилитировали *(посмертно)*, выяснив, что это самый обыкновенный Ежик из Теремка, бригадир взвода саперов-проходчиков, выдавших нагора артезианское пиво для Швейка.

Судебный исполнитель Ворона Кагги-Кар *(по кличке Дурында)* приве-

ла потомственного тюремного надзирателя — Старика Хоттабыча, который профессиональным движением руки окатил расстрелянного из замшелого кувшина живой водой.

Ежик ожил, но впал в тяжелое похмелье, за что был отправлен на лечение в вытрезвитель к Доктору Айболиту.

В это время Винни-Пух, уже совсем собравшийся с духом проверить, правильный ли мед ему доставили, подвергся тренировочному нападению воздушно-десантных войск *(сержант Незнайка, ефрейтор Пончик, рядовой доктор Пилюлькин и другие нижние чины).*

Отработав штатные приемы рукопашного боя на Пятачке, в знак боевой дружбы рядовой Пилюлькин предложил обменять неправильный мед на весь имеющийся у него запас касторки.

На данное деловое предложение Винни-Пух глубокомысленно ответил, что хотя у него в голове и опилки, но они получат у него только от мертвого осла уши.

В ответ на эту бестактность Ослик И-А симмитировал холостой выстрел, сев на любимого размера шарик, и притворился самоубийцей.

Все попытки оторвать у него уши *(несмотря на советы Совы и ножовку Винтика)* закончились неудачей, и грязным домогателям пришлось довольствоваться обрывком хвоста и рваной резинкой *(орудием самострела).*

По дороге в казарму сержант Незнайка дал хорошего пинка вольноопределяющемуся Хоббиту, отиравшемуся возле госпиталя.

На вопрос рядового Сиропчика, что этому недоноску надо от старшей медсестры *Маленькая Фея),* тот стал рассказывать байки про какую-то связь между ними и в доказательство демонстрировал Кольцо Властелина Мордора.

Стоило золоту сверкнуть, как Дурында *(некая Кагги-Кар)* выхватила его из рук растяпы и препроводила его в свое запасное гнездо в левом ухе правой головы Дракоши...

...и это только малая толика тех многочисленных событий, что произошли в осажденной крепости во время именин Томми Хаггарда...

М-р Хаггард приник к панорамному монитору, рассматривая в подробностях ряды готовых к бою врагов.

“Да, наш шабаш ничем не лучше их *(Моррисоновского),* — с тоской подумал м-р Хаггард. — Правда, в соусе мы не брызгались и вдрызг не надирались, но в остальном все то же самое. И какой, интересно, дурак

задумал это “милитари” в детский день рождения? Ну ладно, досмотрим, а там и сделаем выводы!”

М-р Хаггард усилил увеличение монитора и полностью отдался открывшемуся зрелищу.

А зрелище, надо честно признаться, было впечатляющим.

В лучах прожекторов были видны мельчайшие детали экипировки вражеских воинов.

Кого там только не было!

Кровожадные завоеватели и узурпаторы, пиратские шайки и интеллектуальные разбойники были сформированы и расфасованы в пять колонн, развернутых сплошным фронтом вокруг замка.

В первую колонну входили представители античного мира и допотопные люди: атланты, персы, гунны, пещерные людоеды, данайцы, римляне, тольтеки, карфагеняне и другие воинственные племена стояли вперемежку со слонами, колесницами и катапультами, облокотившись на мечи, трезубцы и дубины.

Лики их были суровы и полны спокойной решительности.

Сразу было видно и понятно, что это занятие *(война)* им не впервой и означает для них всего лишь обыденную, тяжелую работу.

Вторая колонна была укомплектована жителями праматери Земли с пятисотого по тысяча пятисотый год рождения от рождества Христова.

Эта сборная состояла из викингов, татар, монгол, арабов, турок, сельджуков, самураев, псов-рыцарей, карибов, пиратов и активистов ордена преподобного Лойолы.

Они так же стояли и сидели на конях вперемежку с камнеметами, пушками и кочевыми повозками.

У этой группы завоевателей лица были просто зверские, так как все они, в основном, принадлежали к борцам за истинную веру, и видно, этим зверским выражением они изгоняли из себя дьявола и старались спустить его на противника.

Третья колонна была самая несуразная и стояла напротив центральных ворот.

Она состояла из шведов Карла XII, французов Наполеона Бонапарта, янычар султана и мамлюков султанши, английских и португальских колонизаторов, но основную массу войска составляли войска СС и НКВД под предводительством своих вождей.

На лицах этой шатии-братии был разброд и каждый думал о своем.

Четвертая группа была самая живописная и состояла из космических негодяев всех времен и пространств, которых вы можете увидеть в сериале “*Звездные войны*” с I по 4985 серию включительно.

Что у них было на лицах, мы не знаем, ввиду отсутствия лиц как таковых.

Пятая колонна была, естественно, пятой колонной: опричники и хунвейбины, красные кхмеры и фалангисты, панки и рокеры, нарко-хиппи и любера, чернорубашечники и сионисты, стражи исламской революции и красные бригады, и другие "борцы" за правое *(левое)* дело.

У этих на лицах была нетерпимость.

"Да, Микки Маусу придется туго,— м-р Хаггард разглядывал Голду Меер, вооруженную ножницами, под ручку с попом Гапоном, с топором за поясом и кадилом через плечо — "Союз Мойши с Архангелом — что может быть страшней?!"

Из пятой колонны выбежал долговязый Гарри с Толстяком и Малышом под мышками и трусцой побежал в сторону крепости.

На полпути он нечаянно споткнулся и упал.

Малыш с Толстяком стукнулись и взорвались, что и послужило сигналом к атаке.

Взревели моторы и слоны. Лавина нападающих покатилась вперед.

Во главе третьей центральной колонны лидировали Отец народов с Бесноватым Ефрейтором.

Гитлер восседал верхом на башне "Королевского Тигра" в окружении товарищей по партии — Геббельса, Геринга и Гиммлера. Все они выкинули правую руку вперед и дружно орали что-то о своем родном Фатерланде.

Сталин с комфортом трясся в Буденовской тачанке тоже среди единомышленников — Берии, Лысенко и Вышинского. И тоже что-то говорил с сильным грузинским акцентом про их родную маму...

И тот и другой лидер так старались перегнать друг друга в достижении цели, что их возгласы слились в одну нескончаемую повторяющуюся фразу: "*Фатер... маму... фатер... маму...*".

Но, видимо, "мама" имела большую магическую силу, тройка вырвалась вперед и некоторое время лидировала, пока коренной не споткнулся на ровном месте и тачанка не перевернулась.

Королевский Тигр тоже не долго мучился, с разбегу влетел в ров с водой и с утробным урчанием утонул. Оба экипажа, однако, остались невредимыми. Только одни вымазались в иле и мазуте, а другие — в конском навозе.

Видя, что военные машины авторов "Пакта о ненападении" забуксовали, и поняв, что решающий момент настал, Микки Маус отдал приказ открыть огонь.

Храбрые защитники сказочного замка начали косить из всех орудий

первые ряды нападавших. И те быстро заполнили своими телами крепостной ров.

Остальные ряды только этого и ждали, и по трупам своих однополчан кинулись к стенам и, словно обезьяны, стали на них карабкаться...

— М-р Хаггард, скажите, пожалуйста, где здесь туалет? — испуганно спросил сенатор Джексон и стал пятиться к винтовой лестнице...

Что происходило дальше, м-р Хаггард припоминал уже с трудом, засыпая дома, в постели, и только перед его глазами все виделась Белоснежка, сидящая верхом на дядюшке Джо и натягивающая ему по самые усы свой белоснежный чепчик...

...Сон м-ру Хаггарду приснился кошмарный.

Он висел на дыбе в мрачном средневековом подземелье, явно используемом для третьей формы устрашения.

Под его пятками тлели угли, которые медленно и со знанием дела перемешивал кочергой какой-то невзрачный, носастый и лупоглазый субъект, на щеках у которого были изумительные сивые пейсы.

Висеть м-ру Хаггарду было, естественно, не очень приятно — руки ломило, а пяткам было горячо.

Сквозь пот, застилающий глаза, м-р Хаггард рассмотрел шестерых, сидящих полукругом в глубоких креслах.

Их лица были очень знакомы. А через некоторое время он их узнал, хотя одежды на них были очень странные, даже несуразные.

Слева сидел Чингисхан.

Облачен он был в Шапку Мономаха и неплохую соболью шубу, из-под которой виднелся расшитый парчой и изумрудами кафтан с огромным, уникальной работы, серебряным крестом на груди.

Следующим сидел Иоанн IV по кличке "Грозный".

Но так как всю свою грозную царскую амуницию он одолжил Тимурчину, то вид у него был довольно легкомысленный. Этому способствовали оставшиеся на нем сатиновые семейные трусы, голубая майка не первой свежести и клетчатый носовой платок с четырьмя узелками на краях, одетый на царственную голову.

В отличие от первого Чингисида, жевавшего "гамму", Иоанн держал в руке эскимо и с чувством кушал его.

Далее сидел товарищ Сталин.

М-р Хаггард узнал его по усам и трубке. Но френч и галифе на нем были почему-то черного цвета и с гестаповскими регалиями.

NO. 324745
МАКС'92

Рядом с ним восседал Адик Шикльгрубер, более известный по партийной кличке — Гитлер. Тот в пику Йосику был в косоворотке, шароварах, красных сафьяновых сапогах и с тульской гармошкой.

Потом шел то ли Мао, то ли Пол Пот. М-р Хаггард решил, что скорее всего, это был и тот, и другой одновременно (*все-таки это сон, а во сне все может быть*).

На голове у него *(них)* была бескозырка с надписью "*Гвардейский Ледокол Лёнин Брежнев*", на теле рваная тельняшка с пулеметными лентами крест-накрест и вареные штаны на босу ногу, из многочисленных карманов которых торчали наганы, гранаты и цитатники.

Шестой член инквизиционной комиссии имел много имен: себя он именовал Лучезарным, Луноподобным или, по крайней мере на худой случай, Лучшим в мире. В народе его звали запанибратски Тухлым Лу, официально же он был известен как последний Тиран цивилизации из созвездия Геркулеса.

Цивилизация та была кошмарная, построенная на людоедстве и членовредительстве. Когда она сама себя уничтожила, то на помощь к ней не пришел никто *(кстати, помощи они и не просили, а до последнего момента продолжали угрожать всем мирам подряд и подло рассылать корабли-призраки со всевозможными вирусами на борту, которые до сих пор попадаются на звездных тропинках).*

Он не был гуманоидом. Сказать, одет он был или нет, не представляется возможным, так как поверхность его тела, скорее — туши, была вся в черных масляных складках. Ее покрывали круглые блестящие пластинки. Время от времени они отодвигались, и из-под них выливалась коричневая зловонная жидкость. Потому-то кресло Тухлого Лу стояло в огромном тазу, наполовину наполненном этой жидкостью.

Это чудовище было украшено белой люминесцентной татуировкой на груди: "*Миру-Мир*".

Было еще седьмое кресло, но оно пустовало.

Перед пустым креслом стояла на подставке табличка с надписью "Хомейни". А на ней на шнурке висела еще одна табличка: "Ушел на базу".

Шесть злодеев молчали. Тот, который был с кочергой в левой руке, меланхолично наигрывал на маленькой дудочке *(которую он держал в правой руке)* какой-то грустный восточный мотив, очень похожий на "*Хала на гива*", Гитлер подыгрывал ему на гармошке, а все остальные рассеянно притопывали им в такт, не отставал и Тухлый Лу, прихлопывая своими блестящими клапанами.

Первым нарушил молчание дядюшка Джо:

— Товарищ Хаггард, почему вы так не любите товарища Моррисона?

— с сильным восточным акцентом произнес он, и начал прикуривать трубку.

— А за что мне любить эту азиатскую желтопузую обезьяну? — дерзко простонал м-р Хаггард и сплюнул на лысину кочегару с дудкой.

— Если следовать вашей логике, значит, я тоже, по-вашему, обезьяна? — товарищ Сталин начал медленно прохаживаться вдоль кресел:

— Ведь я родился на Кавказе. А Кавказ, как вам наверняка известно, находится в Азии? Скажите, товарищ Хаггард, а наш китайский друг тоже, по-вашему, обезьяна? Не много ли вы на себя берете, товарищ Хаггард?

М-ру Хаггарду было тяжело говорить: ему в нос шибал едкий смрад от горелых пяток и тазика Тухлого Лу. Но он все же отвечал:

— Насчет вас, товарищ Сталин, я ничего не хочу сказать, а ваш так называемый друг не просто желтопузая обезьяна, но еще и кровавая!

Мао/Пол Пот стащил с себя бескозырку и, засунув ее под мышку, сложил ладоши перед собой. Затем, с подобострастием глядя на Джо, начал согласно кланяться и гнусно лыбиться.

Тут вмешался неизвестный субъект:

— Я ничего не понимаю! К чему весь этот базар, Иосиф Виссарионович? Я же вас просил, только о деле, и никаких лирических отступлений. Вы так договоритесь до того, что и я тоже грязная волосатая еврейская обезьяна, о чем я прекрасно осведомлен еще с детства.

Сталин на секунду остановился, поигрался с трубкой и, как как ни в чем не бывало, обратился к неизвестному:

— Товарищ Хаим Абрамович, мы хорошо помним ваши замечания. Спокойно играйте на своей дудке. Мы будем и дальше под нее вытанцовывать!

И как-то тихо так, по-отечески засмеялся.

Тут взорвался Иоанн, прослывший Грозным, и заорал высоким противным голосом:

— Нет, пусть он скажет, по что он Моррисонку обидел!!!

И затрясши своей козлиной бородой, швырнул эскимо в м-ра Хаггарда.

Эскимо не долетело до великомученика и попало на голову Хаиму Абрамовичу.

Тот тут же перестал играть и, соскоблив с головы мороженое, стал слизывать его уже с руки.

— Ну что пристали к человеку? Может, это жена науськала его на Моррисона? — неожиданно пришел на помощь Гитлер и заговорщически подмигнул м-ру Хаггарду из-под косой челки.

— Кстати, а жена-то у него еврейка! И сынок у него жидёнок! — ехидно подсказал Хаим Абрамович, с аппетитом кушая чужое мороженое.

— При чем тут бедные евреи?! — отмахнулся от него Гитлер и заиграл на трехрядке вальс "На сопках Маньчжурии".

— Как это, при чем? — возмутился мороженоед. — Да у него на фирме каждый второй начальник еврей! Сионистское гнездо!

— Ты еще скажи, что я еврей! — Гитлер плавно перешел на "Прощание славянки".

— И скажу!

— И Иосиф Виссарионович тоже еврей? И Чингис Теймуразович тоже? И Тухлого Лу с его планетой евреи погубили? Да?

— Да! И скажу! Кругом жидо-большевистский заговор!

— Да брось ты, Абрамыч, Ваньку Валять! — добродушно сказал Иван Васильевич, с сожалением наблюдая, как едят его мороженое:

— Тут же все свои! И все прекрасно знают, что за любым сионистским заговором стоит твоя несравненная жена Сара! Ты про Дело, про Дело и про Слово тоже давай, Иосиф!

Тут подал голос Тухлый Лу:

— Он ему завидует! — и испражнился очередной порцией ядохимикатов.— Завидно ему, что наш друг Моррисон самый честный и порядочный бизнесмен в Галактике!

— А куда он дел десять процентов? — не выдержал и проговорился м-р Хаггард.

А им этого только и надо! Все сразу заулыбались и начали друг друга поздравлять с успехом.

— Вот ты, братец, и раскололся! — сказал Чингисхан и стукнул посохом о каменный пол:

— Вот что тебя, оказывается, больше всего волнует! В чужой карман любишь заглядывать? На чужое добро заришься?!

Эстафету перекрестного допроса подхватил Мао/Пол Пот:

— А может, он бедным крестьянам помогает?! Может, у него о простых людях душа болит?!

— Да он лучше их в землю закопает и сгноит, чем бедным раздаст! — м-р Хаггард был непреклонен в своей правоте.

Тут Хаим Абрамович тихо так, как-будто про себя, сказал:

— И ничего вы, любезный, не узнаете, а если и узнаете, то неправильные выводы сделаете. Как говорят у нас на Малой Арнаутской: "О зухен вэй, м-р Хаггард!" — и подал знак Гитлеру, а тот грянул во все меха "Раскинулось море широко".

И все запели, кто во что горазд.

Иван Васильевич фальшиво загорланил "Степь да степь кругом".

Чингисхан пустился вприсядку и загундосил "Москау, Москау, забросаем бомбами!"

Сталин на мотив "Сулико" затянул "Смело, товарищи, в ногу!".

Мао дуэтом с Пол Потом загорланили "Хорст Вессель".

Тухлый Лу ничего не запел *(на его планете не имели ни малейшего понятия о музыке)*, но из солидарности начал с шумом пить свои испражнения из тазика.

А Хаим Абрамович тихо так, по-партийному запел "Интернационал".

И вот в этот жуткий момент из темноты за спинами орущих злодеев появился м-р Пэтрофф.

М-р Хаггард мысленно потянул к нему руки и жалобно застонал:

— Помогите, ради Бога!

М-р Пэтрофф, недолго мешкая, взял за шиворот Мао вместе с Пол Потом и дал им хорошего пинка, от которого они улетели пушечным ядром в дальний угол. Оттуда раздался жуткий треск, и вспыхнуло пламя.

Потом он проделал то же самое с Гитлером и Сталиным.

Услыхав, что гармонь больше не играет, Чингисхан и Тухлый Лу бочком-бочком уползли прочь, не дожидаясь, пока их настигнет рука Москвы.

Бедный Иван Васильевич растерялся и, не зная куда бежать, присел, вжав голову в плечи.

М-р Пэтрофф укоризненно покачал головой и сказал:

— Нехорошо, Иван Васильевич! В дурную компанию вы попали!

На что царь Иван начал истово креститься и клясться, что больше не будет.

Тут м-р Пэтрофф подошел к костру и, поставив ногу на спину упавшего на колени Хаима Абрамовича, обратился к м-ру Хаггарду:

— Что же вы так дали себя обмануть, м-р Хаггард? А если б я не поспел вовремя, что бы они с вами сделали?

Спазмы в горле м-ра Хаггарда не позволили ему ничего ответить. Лишь запоздалые слезы хлынули из его глаз.

Тут подал голос Хаим Абрамович:

— Зря вы беспокоитесь, разлюбимый товарищ Петров! Я бы не позволил ничего плохого сделать нашему другу и верному торговому партнеру м-ру Хаггарду! Я знал, что вы скоро придете и разоблачите эту свору подлых предателей и убийц!

— Так я тебе и поверил! — усмехнулся м-р Пэтрофф и убрал ногу со спины Хаима Абрамовича.

Потом он этой же ногой, как будто сбивая прилипшую грязь, мыском постучал по тощему заду склонившегося:

— Ну-ка! Вечный Жид! Быстро освободи м-ра Хаггарда! — и пошел к выходу.

Однако перед тем, как скрыться в темноте, обернулся и сказал:

— Вы, м-р Хаггард, впредь будьте осторожнее в этими! А то мы можем и не поспеть вовремя!

Как только м-р Пэтрофф удалился, Хаим Абрамович быстро вскочил и, радостно потерев руки, засуетился:

— Сейчас мы вас освободим, дорогой и любимый м-р Хаггард! — Быстрым движением он развязал веревку, на которой был подвешен бедняга.

М-р Хаггард почувствовал, что падает прямо на горящие угли и от страха тут же проснулся...

...Один мой очень хороший друг, которому я регулярно читаю только что написанные главы моего романа, по-доброму посоветовал мне изъять сон м-ра Хаггарда.

Мотивировал он это тем, что меня могут неправильно понять.

Я долго думал о его словах и все-таки решил оставить сон м-ра Хаггарда. И ничего не менять.

Во-первых, это все-таки сон м-ра Хаггарда, а не мой. Да мало ли что кому приснится?! Особенно такой Акуле Империализма, как м-р Хаггард. Я же ни коим образом не хотел обидеть ни одного еврея за то, что он еврей. Я людей люблю и готов уважать. (Моя первая учительница, мучавшаяся со мной с первого по седьмой класс, была еврейка.

Мой лучший друг детства был евреем.

Теперешний мой самый верный друг и компаньон (товарищ) по работе тоже еврей.

Так что это не просто слова, что я люблю и уважаю евреев.)

Во-вторых, ни для кого не секрет, что существует международный сионистский заговор (не еврейский, как хотели б величать его сионисты!). И этот заговор осужден в первую очередь самими евреями.

Также в свое оправдание я могу привести один текст, написанный мной в мае 1987 года (его читали некоторые товарищи, которые могут это подтвердить).

Это некоторые мои мысли о национальном вопросе.

Сейчас, в декабре 1988, этот вопрос стал, к сожалению, слишком ак-

туальным для нашей страны, и так как я написал свои соображения за год до известных событий на Кавказе и в Прибалтике, то он может продемонстрировать, что мной двигали отнюдь не конъюнктурные соображения, а вполне законная тревога за нашу многонациональную Родину.

(В 1987г. произошли события в Казахстане, но эту вспышку нельзя рассматривать как серьезный факт национального кризиса, а лишь только как предвестник оного.)

На сегодня некоторые положения моих соображений немного устарели и потеряли актуальность, а некоторые слишком мягки и поверхностны, так как я не мог, естественно, предвидеть, чем обернутся для нас извращения в национальной политике, проводимые в Советской стране.

Но я привожу этот текст без изменений, так как считаю его в определенном роде документом.

Итак, текст, написанный мной в мае 1987 года.

...Кстати, о национальном вопросе.

Этот вопрос не совсем так прост, как кажется.

Это у Гитлера он был прост: этот — человек, а этот — недочеловек с соответствующим к ним отношением.

Все намного сложнее и трагичнее.

Нет плохих наций, а есть нации, у которых есть нерешенные вопросы.

Эти вопросы могли быть заданы много веков назад, а их решения и сейчас нет.

Тем более что существует так называемая национальная гордость, и те пережитки, очевидные для любого мало-мальски грамотного человека, которые давно пора уже изжить, так нет, не трожь их, это мое, родное, национальное!

Гордость, видите-ли, не позволяет, а ведь гордость бывает и ложной.

И чем меньше нация, тем больше в ней сопротивления, тем она консервативней.

Правда, это уменьшение возможно до некоего предела, ниже которого уже не нация, а народность быстро ассимилирует с более могучим соседом, и лишь одна надежда, что сосед находится на более высокой ступени культуры, тогда это не так страшно.

Когда же наоборот (а любая национальная культура неповторима и бесценна), то еще в преданиях обоих народов, слившихся воедино, будет жить, с одной стороны, горечь об утраченном, а с другой стороны, возрастать гордость: "вот, мол, какие у нас были учителя, вот какие у нас были общие предки!", хотя с их стороны нет в этом ни малейшей заслуги, а лишь неискупимая вина, так как в этом мире, как нам доподлинно известно, есть немало вещей и явлений, которые утеряны безвозвратно.

И об этом можно только сожалеть.

"Эх, вот если бы в свое время сохранились бы..., вот если б не..., вот тогда б сейчас было бы...," и так далее, не задумываясь о том, что сейчас, вот в этот самый момент что-то тоже безвозвратно теряется и уходит, и наши дети, возможно, будут корить нас за нашу беспечность и недальновидность.

Нации бывают разные...

Есть великие и есть маленькие, есть нации путешественников и нации бродяг, есть нации торговцев, и есть нации бесшабашных гуляк, есть целые нации, страдающие великодержавным чванством, и есть нации потомственных обывателей и мещан.

Нет только нации лодырей, так как в любом человеке в генах тысячелетиями заложена тяга к труду как средству выживания.

Есть просто нации, у которых не развито по каким-либо причинам уважение и любовь к работе.

И читающий эти строки, будь он любой национальности, если узнает себя и свой народ в вышеназванных, но не перечисленных, что почти невозможно физически, пусть простит меня за смелость, что затронул столь щекотливый вопрос нашей жизни.

И может со мной не согласиться, на чем никто не настаивает, и пусть по-прежнему гордится своей нацией, будь он эфиоп, или эскимос, или австралийский пигмей (дай Бог здоровья и процветания этим людям).

Кстати, о доброте.

Перечисленные выше качества совершенно не определяют и не гарантируют, что путешественники вечно должны и будут путешествовать, а гуляки способны только гулять.

Нет, они только подчеркивают склонность данного народа к некоторым привычкам и являются только чертой (национальной) данного народа, но не сущностью, так как цель у всех наций только одна и общая для всех — Быть счастливыми, и чтобы их дети были счастливы, то есть чтобы все жили в мире.

Такие высокие качества, присущие нациям, как доброта и великодушие, не гарантируют беззаботной жизни и полного благополучия, а даже наоборот.

И на примере одного величайшего и добрейшего народа — русского видно, что во все века нигде не было столько предателей и злодеев, которые продавали свою Родину и ее интересы, как это было на Руси, при всем при том, что никто так не любит свою землю, и никто так не умеет терпеть и великодушно прощать любые прегрешения и издевательства над собой, как это делает русский человек!

А все разговоры о том, что вот скоро сольются все национальности в одну единую великую нацию, и тогда все проблемы сами собой решатся, и заживут все прекрасно и весело, есть неимоверная глупость и желание скрыть за ней свой национальный эгоизм, "что, мол, с нас спрашивать, с отсталых, вот сольемся с великими и возвеличимся".

Нет! Не скоро на земле наступит всеобщее равенство и братство, уж больно тяжело заживают раны прошлого и очень часто дают хронические осложнения.

И единственное, что можно и нужно делать, так это свои лучшие национальные качества беречь и приумножать, а то, что досталось тяжелым грузом — изничтожить, и прежде лично в самом себе.

И еще, человек, утративший свои национальные корни, становится беспринципным, так как имеет возможность оправдывать любые свои действия опять же национальными чертами и традициями по своей выгоде, "мол, у меня горячая кровь" или "мы всегда были хитрее всех", забывая, что людям с горячей кровью присуще благородство, а хитрые отличались талантами и умом.

И еще одно условие гармоничного развития (нация обязательно должна развиваться, в противном случае она имеет шанс многое, если не все, потерять!) — это терпимость к другим народам, ибо все люди равны между собой, и разве виноват ребенок, что он родился с черной кожей, а не с белой, или с белой, а не с желтой, ибо любой появившийся на свет человек заслуживает счастья, хотя бы потому, что с этой задачей его и рожали на свет, в противном случае это делать нет никакого смысла.

Так что будем надеяться и постараемся сделать все, что в наших силах, чтобы в будущем пропал национальный вопрос, а пока он существует, будем терпимы и самокритичны и еще очень терпеливы, как надо быть терпеливым и принципиальным с капризным и немножко больным

ребенком, если хотим, чтобы он когда-нибудь выздоровел и перестал капризничать, тем более, это в наших же интересах.

Вот так-то!

Но вернемся к нашему интернациональному м-ру Хаггарду.

Проснулся он, как мы помним, от страха, который сменился великим облегчением. М-р Хаггард обнаружил, что лежит не на углях, а на своей родной кровати.

Рядом с ним маячила не противная рожа мифического Хаима Абрамовича, а светлая и лукавая рожица его очередной сегодняшней секретарши.

Та, удостоверившись, что м-р Хаггард соизволил проснуться, мгновенно подала ему чашку кофе и прощебетала:

— Гуд монинг, м-р Хаггард!

— Натюрлих,— пробурчал в ответ герр Хаггард и этак-так нетерпеливо взбрыкнул ногой. Ему, конечно, следовало бы сделать знак ручкой, или же, по меньшей мере, кивнуть головой. Но сделать этого, если сказать по правде, он не мог. Именно обеими, дрожащими руками он держал кофе, а голова его и без его на то согласия мелко тряслась.

Но секретарь прекрасно его понял и, отдав мысленно приказ, сделал ему своими очаровательными губками эквивалент поцелуя *(воздушный “чмок-чмок”).*

Пустая *(вернее, к этому времени опустевшая)* кофейная чашка подлетела вверх, а кровать *(вместе с м-ром Хаггардом, но без секретаря)* пошла вниз.

По дороге она превратилась в шикарный полулежачий туалет, где м-р Хаггард, естественно, совершил свой утренний моцион.

Не доходя метра до поверхности нижнего этажа, кровать-туалет как бы выскользнула из-под м-ра Хаггарда, и тот плюхнулся *(благо он спал без одежды)* в теплую воду бассейна, который и был нижним этажом.

Следом за плюхнувшимся м-ром Хаггардом, сверху сиганул секретарь *(к этому времени также успевший раздеться),* и пока м-р Хаггард, блаженствуя, лежал в воде, та крутилась вокруг него, делая всякие движения, имеющие своей целью повысить тонус и развлечь м-ра Хаггарда...

Когда тонус утомился находиться на высоте и стал спадать, секретарь от него отстал и уплыл делать дальше свои секретарские дела, а вода в бассейне стала куда-то убывать до тех пор, пока м-р Хаггард не оказался

лежащим на мягком пластиковом дне бассейна, обдуваемый теплым воздухом для сугреву и усушки.

Но пребывать в нирване ему долго не пришлось.

Противоположная от него стена раздвинулась, и в образовавшемся проходе показалась монолитная фигура тренера-инструктора.

М-р Хаггард, прекрасно представляя, что за этим последует, начал нехотя приподниматься, но сделать этого до конца он не успел.

Тренер прыгнул аки лев ногами вперед по направлению живота м-ра Хаггарда, но тот чудом успел откатиться и, сделав в воздухе ногами "ножницы", двинул правой ногой под зад тренеру.

Нога вместо зада нашла, естественно, только воздух *(тренер-то шикарный!)*, и совместно с телом и головой, ее пославшими, ей пришлось снова откатываться, так как тренер опять прыгнул *(теперь руками вперед)* и летел, целясь прямо в грудь м-ра Хаггарда.

Пока тренеру пришлось повторно скакать с рук на ноги, м-р Хаггард успел вскочить и пустился наутек.

Ему вслед понеслись выстрелы из лазерного пистолета, и теперь уже м-ру Хаггарду пришлось прыгать и скакать, как самому последнему зайцу.

Описывать всю тренировку м-ра Хаггарда нет смысла, ввиду ее длительности *(45 минут)* и многообразия упражнений.

Если же Вас заинтересовал защитный комплекс м-ра Хаггарда, то Вы можете заказать себе видеозапись этих тренировок *(естественно, за определенную сумму)*, где Вы и увидите в подробностях *(а можно и в замедленном темпе)*, как м-р Хаггард со своим тренером носятся по этажам тренировочного комплекса, стреляя друг в друга и круша все на своем пути.

В конце концов, после хорошего душа м-р Хаггард опять оказался в кровати. И снова секретарь подала ему чашку кофе и угостила маленьким сандвичем.

Закурив первую на сегодня сигарету *(любимые м-ром Хаггардом сигареты "Голд Спейс Кэмел" вот уже триста лет выпускаются фирмой "Винстон-Салем")*, м-р Хаггард вопросительно посмотрел на статс-кормилицу, и та в ответ утвердительно кивнула:

— Работы по ярмарке произведены, в основном по графику, и каких-либо осложнений не предвидится.

М-р Хаггард также утвердительно кивнул и поинтересовался:

— Запрос пришел?

— Да.

— Давайте!

Опять пропала половина стены напротив кресла-кровати, и появилась фигура начальника контрразведки:

— Наши коллеги из Вооруженных Сил давно интересуются деятельностью Моррисона...

— Нашей деятельностью они не меньше интересуются! — перебил его м-р Хаггард. — Ты давай, не томи, нашли они чего?

— Нам передана видеозапись одной из последних контрольных акций, проведенной службой безопасности на принадлежащей Моррисону планете в Магеллановом Облаке.

Фигура контрразведчика пропала, а на ее месте возникло изображение приближающейся желтой планеты. Бесстрастный голос за кадром комментировал ход событий:

— На поверхности планеты находится шесть поселений, преимущественно в экваториальной зоне. Население составляет примерно сто двадцать тысяч человек. Производственных, сельскохозяйственных и добывающих комплексов не развернуто. Имеются многочисленные складские помещения. Официально здесь находится база космических разведчиков МДК, для чего имеется шесть прекрасных космодромов с комплексами обслуживания. Задание выполнялось малым разведчиком под видом прогулочной яхты с молодоженами на борту.

Было произведено два облета планеты.

На втором витке бортовой компьютер наметил место высадки между третьим и четвертым поселением, и была сымитирована нештатная ситуация, и произведен аварийный спуск на планету...

Пока диктор говорил, м-р Хаггард с интересом смотрел видеозапись. Он все никак не мог отделаться от мысли, что ему показывают очередной боевик из жизни Космополла...

...Малый разведчик, *пардон,* свадебный экипаж, выпустил имитатор, который основательно рванул. Яхта покатилась по крутой траектории, непрерывно рыская, к месту своей будущей катастрофы. В эфир ушел вопль о помощи, а в это время бортовой ремонтный комплекс произвел в корме разведчика рваную дыру, выкинув через нее якобы взорвавшийся планетарный гравидвигатель, который, выкинувшись, на самом деле взорвался. Правда, не так эффектно, как имитатор, но зато основательно, после чего ремонтный комплекс сам демонтировался и “самоиспарился”.

Охваченный всполохами плазмы, катер, наконец, приземлился, дав хорошего “козла”. Люк распахнулся, и незадачливые путешественники благополучно сошли на землю, только “чудом” спасшись от неминуемой гибели...

...Ласковый ветерок щекотал и теребил льняные кудри юного моло-

дожена *(капитан безопасности Джонс, два ордена, три благодарности и четыре ранения),* от усталости и пережитого бессильно усевшегося прямо на траву и наблюдавшего, как его подружка, пардон, юная супруга *(лейтенант безопасности Коллинз, один орден, шестнадцать благодарностей и три аборта)* беззаботно собирает полевые цветы.

Времени у них было четыре минуты до того, как подоспеет спасательный аэрокар МДК. Но этого было вполне достаточно, чтобы микроразведчики успели разойтись в разные стороны в виде мух, букашек и земляных червей.

Их было достаточное количество, чтобы за двенадцать часов обшарить всю планету. А раньше этого срока ремонтники МДК врядли произведут ремонт их "лайбы".

Спасать их собирались по полной схеме.

С зависшего над местом "катастрофы" ремонтника посыпались киберы и десять минут основательно вынюхивали и высматривали в радиусе ста метров. После осмотра ремонтник спустился, и из него вышел облаченный в скафандр служащий МДК.

Он снял перчатки и, откинув шлем, приветливо улыбнулся потерпевшим кораблекрушение:

— Хэлло, ребята! Здорово вы шлепнулись. Я думал найти здесь одну воронку, а вам просто повезло! — и достав сигареты, протянул их Джонсу.

— Меня зовут Эдди Вудстон, а это моя жена Мэри Вудстон,— капитан Джонс засунул предложенную ему сигарету в рот и дал прикурить от своей плазменной зажигалки бравому ремонтнику. Лейтенант Коллинз сделала реверанс и мило состроила глазки, благо ей было чем их строить.

— А меня зовут Том Хоук, я работаю техником на четвертом космодроме.

Тут к нему подбежал кибер и что-то начал быстро говорить и показывать на своем брюшном дисплее.

— Вам, ребята, повезло, еще немного и рванул бы маршевый двигатель. Вот тогда б я точно нашел бы одну воронку. Причину взрыва они еще не установили, но неисправность где-то в управляющих цепях, так как Ваш бортовой компьютер совершенно исправен.

— Мистер Хоук,— перебила его хитрый лейтенант Коллинз, строя из себя наивную дурочку.— А во что нам обойдется ремонт нашей яхты, наверно, в ужасно огромную сумму, а ведь мы не настолько богаты, то есть я хочу сказать, что мы бедные люди, кредиты у нас, конечно, есть, а Эдди к тому же такой жмот, что попрекает меня даже косметикой, но если ремонт затянется, то я буду скучать в этой дыре, правда, ваша планета

даже очень ничего, но если у вас водятся ужасные стегогрызы, то только на вас одна надежда, м-р Хоук!

Бедный Том стоял, открыв рот, видно стараясь проглотить и переварить мудрые соображения миссис Вудсток. А она напропалую кокетничала и соблазняла бедного Тома, хотя разве кого сейчас можно удивить своей глупостью, пусть даже такой милой и симпатичной. Тем более, и у Тома дома, наверное, не менее симпатичная и говорливая “мудрость”, любящая косметику и почесать языком.

— Неисправность в цепях мои киберы и здесь могут найти за бесплатно, часов за десять-двенадцать. А вот заделать пробоину и установить новый планетарный гравидвигатель можно только на нашей верфи. Но, честно говоря, можно и без него долететь до дома. А там его установка вам обойдется на порядок дешевле...

— Вот и чудесно, милый м-р Том,— опять перебила его коварная соблазнительница. — Пока ваши киберчики починят нашу колымагу, чтобы мы не умерли со скуки, вы ведь нам не откажете, и развлечете нас, мне так интересно побывать в вашем городе, ведь здесь нечасто встретишь супермаркет, а у вас на планете производят собственную косметику?..

Изображение переместилось вверх и на тридцать миль севернее.

Голос диктора возобновил комментарии:

— Обнаружена тщательно засыпанная и замаскированная воронка, диаметром пять и глубиной два метра со следами остаточной радиации. На расстоянии тысяча пятьсот метров от нее найден полиметаллический осколок, массой 35 грамм, предположительно принадлежащий объекту, взорванному на поверхности исследуемой планеты. Находка была сделана через два часа 18 минут после начала поисков. Остальные поиски были прекращены в целях сохранения секретности, при обнаружении на всех объектах МДК активной микрозащиты...

— Ну и что в этом осколке нашли ценного? — спросил м-р Хаггард у вновь появившегося изображения начальника контрразведки, прикинувшись дурачком на манер миссис Коллинз, за что та в свое время получила шестнадцать благодарностей и три ранения.— Золото-брильянты, а может быть, шифрованную записку? А может быть, те десять процентов Моррисона, и нам надо теперь непременно выкупить этот найденный клад у доблестных вояк? Кстати, во что нам обошлась эта информация?

— Проблем с покупкой видеозаписи почти не было. А вот образец осколка нам продали лишь после того, как удалось завербовать, предварительно скомпрометировав зам. министра обороны и самого директора разведуправления Вооруженных Сил,— начальник контрразведки назвал

такую сумму, потраченную на эту, так сказать, работу, что м-ру Хаггарду сразу стало ясно, что перед ним моррисоновский шпион, и все его предали.

Невозмутимый контрразведчик, прекрасно понимая, что стоит м-ру Хаггарду успеть закрыть рот, открытый по поводу безмерного изумления *(сумма истраченная почти не поддавалась измерению)*, за этим последует немедленная его отставка прямо в те подвалы, которые построила контрразведка в этом году для особо опасных врагов м-ра Хаггарда и, не давая этого сделать, ровным голосом продолжал докладывать:

— Предварительное заключение нашей экспертизы полностью совпало с заключением военных. Материал, из которого состоит найденный осколок, не имеет аналогов во всей известной нам области Вселенной, имеет происхождение явно искусственное и по своей структуре мог быть изготовлен только по технологии, доступной представителям сверхцивилизации. На сегодня мы имеем в виде этого осколка неопровержимое доказательство о проникновении в нашу область Вселенной гипотетического и теперь уже реального космического врага, встречи с которым мы постоянно опасались. Предположительно, что Финансовая империя Моррисона установила с этой сверхцивилизацией дружеский контакт. В подтверждение того, что контакт держится в строгом секрете, и судя по последним расходам Моррисона, готовится внегалактическая агрессия, направленная против всего человечества...

М-р Хаггард все-таки сумел закрыть рот и нервно облизнулся.

Начальник контрразведки, с непроницаемым лицом, ждал новых указаний.

Минут десять длилось молчание, пока м-р Хаггард не придумал отговорку:

— А может быть, оно, это гипотетическое, рвануло, когда Моррисоном там и не пахло, тогда что? — вопросительно посмотрел на начальника м-р Хаггард.

— Экспертиза показала, что взрыв произошел примерно пять лет назад. Моррисон же получил лицензию на эту планету пятнадцать лет назад.

Еще пять минут длилось молчание, показавшееся всем вечностью.

Здесь мы немного отвлечемся и дадим пояснения по данному вопросу. Дело в том, что методы структурного анализа и компьютерной диаг-

ностики достигли на момент описываемых событий высокого совершенства. Достижения в данной области исследований позволили раскрыть многие тайны, волновавшие человечество на протяжении веков.

Чувствительность приборов и почти мгновенная обработка гигантских массивов информации позволяли читать и восстанавливать реальные события, происходившие в древности с поверхности предметов, бывших свидетелями оных.

Так были восстановлены практически все пробелы, имеющиеся в истории не только проматери человечества Земли, но и в истории других планет. Так вот, в развалинах одной неземной цизилизации, прекратившей свое существование несколько миллионов лет назад, был реконструирован текст летописных преданий, в которых рассказывается история нашей Вселенной. Основным лейтмотивом этой легенды является борьба между Добрыми и Злыми Богами. В этой борьбе победили Добрые Боги, прогнавшие в другую Вселенную Злых.

Добрые же Боги, занимаясь своими великими делами, также ушли только им ведомой дорогой неизвестно куда, но оставили после себя наказ:

"...Злые Боги могут вернуться, и единственным оружием против них будет только объединенная общая воля всех живущих, но при одном условии — воля должна быть доброй...

...А добрые Боги обязательно вернутся и всем воздадут должное".

Все это вначале приняли за стандартную сказочку, которых было немало в эпосе многих народов. Но через пару лет люди Хаггарда, работающие в составе комплексной бригады космопалеонтологов на тех развалинах, восстановили облик одного барельефа и чуть не сошли с ума от изумления. В тексте о Добрых Богах и их способности предсказывать будущее была одна надпись, которую до сих пор считают самой глупой и дурацкой подделкой ХДК.

Самое страшное, что эту надпись восстановили именно люди Хаггарда. Но еще страшней то, что остатки барельефа были уничтожены на следующий день неизвестными злоумышленниками, после того как их повторно исследовали люди Моррисона.

Все обвинения обрушились на ХДК, и одно утешение было в том, что смысл текста был до того фантастичным, что в конце концов все свели к шутке и вскоре о ней забыли. Но м-р Хаггард доподлинно знал,

что надпись была настоящая, и это знание по-новому позволяло взглянуть на ценность старых летописей.

Так вот о том тексте.

В его состав входило всего девять слов, расположенных кубом:

ДОБРО	—	ЖИВУЩИЕ	—	ДОБРО
ЗЛО	—	ХАГГАРД	—	ДОБРО
ЗЛО	—	МОРРИСОН	—	ЗЛО

Самое ужасное заключалось в том, что слова "ХАГГАРД" и "МОРРИСОН" были написаны по-английски.

И вот вещественное доказательство присутствия в нашей Вселенной и даже в соседней Галактике суперцивилизации.

И где?

Во владениях Моррисона!

Воистину, сбылись твои пророчества!..

Видно, взгляд м-ра Хаггарда был настолько страшен, что начальник контрразведки, не дожидаясь разрешения, начал докладывать:

— Структурный анализ образца осколка выявил немыслимую правильность его внутреннего строения. Не только атомы, но и остальные элементарные частицы до пятого порядка расположены в строгой гармоничной последовательности. Благодаря этому данный материал обладает рядом невообразимых свойств: нулевой электро- и теплопроводностью, температура плавления не установлена, механическая прочность также неопределена, то есть имеющимися у нас средствами невозможно разрушить данный образец. Он имеет нулевую проницаемость для любого вида излучений...

— Тогда как же вы смогли получить кусочек осколка, если его ничто не берет? — м-р Хаггард, несмотря на обрушившееся на него потрясение, не утратил способности к трезвому анализу.— Какая же сила могла его взорвать, а раз взорвала, то что-то не слишком маленькая получилась вороночка?

Начальник всей хаггардовской контрразведки хитро улыбнулся:

— Правильно, есть на него управа! Поток микрокварков!

— Микрокварковая бомбардировка? Как в камере нашего дубликатора? — м-р Хаггард заметно повеселел, так как все, что связано с дубликатором, всегда приносило ему и его семье только одни радости *(и барыши тоже!).*

— Данный материал невозможно сдублировать, так как при облучении микрокварками он полностью разрушается. И при этом выделяется довольно много энергии!

— Так что же это получается? — м-р Хаггард быстро переваривал полученную информацию и тут же делал выводы.— Если мы встретим сверхврага, одетого в эту броню, то его не возьмешь ни лазером, ни лучеметом, ни даже ядерной бомбой? И лишь микрокварковая пушка способна его прошибить?

— Даже самая маломощная, так сказать карманная, выведет полностью его из строя. Но, к сожалению, еще не зарегистрирован ни один микрокварк, пролетевший более ста метров.

— Значит, бить их будем в ближнем бою.

— Да, но ведь они нас могут и не подпустить?

— Как-нибудь подберемся! — А что еще мог ответить м-р Хаггард на это?

На утро было запланировано производственное совещание по внедрению новой техники и долгосрочным перспективным разработкам. М-р Хаггард сначала хотел было отменить его, но потом, здраво поразмыслив, все-таки решил провести.

Совещались, естественно, постаринке, посредством стереовидения.

М-р Хаггард, по-прежнему, восседал в своей кровати, которая уже давно превратилась в кресло. А секретарь, командовавшая всем этим парадом, скрылась в своей секретарской, чтобы не смущать своим сексуальным видом достопочтимых ученых мужей.

Открывал совещание, традиционно, НИИ "Дубликатор", в лице своего директора-администратора:

— На сегодня вашим институтом увеличена камера дубликатора на 30 процентов, и ее объем достиг двух кубометров!

— Это вы, конечно, молодцы! — м-р Хаггард улыбнулся по-отечески. — А качество копий от этого не пострадало? Ведь это наш главный козырь перед Моррисоном.

— Только качество нас и удерживает, а то мы давно бы увеличили камеру до десяти кубов!

— А какой процент брака будет при этом объеме?

— До десяти процентов массы копии.

— И как эти десять процентов будут располагаться внутри копии? *(Господи, опять десять процентов, свят, свят, свят...)*

— Совершенно равномерно, по всему объему!

— И что, например, будет со слитком чистого золота, если его сдублировать в такой камере?

— В структуре слитка появятся микроскопические вкрапления различного рода примесей.

— И что это будут за примеси?

— Более легкие элементы вплоть до водорода.

— Значит, золото 99 пробы превратится в золото 90 пробы?

— Да...

— А сталь марки 18 станет сталью 3?

— Где-то так...

— Так что же вы мне голову морочите? В таком дубликаторе мы сможем тиражировать крупногабаритные строительные конструкции!

— Можем...

— И надо-то всего изготовить оригинал на десять процентов качественней, чем это требуется?

— ...

— Идиоты!

— Так точно!

— Немедленно разработать, испытать и оснастить все наши стройконторы такими дубликаторами!

— Слушаюсь!

— И больше никому их не поставлять, кроме военных!

— Слушаюсь!

— Все!

Изображение директора-администратора пропало. Появившаяся вместо него секретарша вкатила *(если, конечно, можно назвать катанием процесс толкания)* тележку на гравиподушке со вторым завтраком м-ра Хаггарда.

— Что у нас там дальше?

— НИИ ХУиЯ *(НИИ Химических Удобрений и Ядохимикатов).*

Появилось изображение директора-администратора НИИ.

То был маленький желчный старикашка, с совершенно лысым синюшным черепом.

"Вылитый Кащей! Наверное, обожрался ворованных ядохимикатов!" — подумал м-р Хаггард, слабо представляя себе, для чего сейчас нужны удобрения, так как "*все булки растут в дубликаторе*".

— Докладывайте, но только покороче!

— На сегодня нашим институтом достигнуты большие успехи в области химизации и ядохимикации всех сторон нашего бытия...

— Короче!

— Ни одна область современной жизни не может обойтись без поголовной химизации и ядохимикации...

— Еще короче!

— Существующий уровень благосостояния народа во многом, если не сказать во всем, обязан успехам в химизации и ядохимикации нашей повседневной жизни...

— Стоп! Хватит! — м-р Хаггард понял, что его нельзя так просто урезонить, и решил переменить тактику:

— Значит, травите нас?

Кащей невозмутимо, совершенно бесстрастным и равнодушным голосом ответил:

— Конечно же, травим. А за что тогда нам деньги платят?

— Я могу и не платить.

— Нельзя! Надо платить.

"А может, он робот?" — м-ру Хаггарду закралось такое подозрение:

— Так, быстро отвечайте, за что мы вам должны платить деньги?

— За дело!

— Так вот и расскажите, за какие это заслуги мы должны тратить на вас деньги?

— А вы на нас и не тратитесь, мы на хозрасчете...

— Да?

— Мы высокорентабельное предприятие, приносящее фирме немалый доход!

Рядом с изображением "Бессмертного" появилась светящаяся таблица, в которой были отражены все показатели и достижения его НИИ, но особо ярко светились цифры прибыли от продажи разработок за год, пятилетку и с момента основания НИИ, а ниже, поменьше, светились суммы, вложенные ХДК в это его "ядовитое детище".

Доход по всем статьям был раз в десять больше расхода, и м-р Хаггард сразу зауважал и полюбил Кащея.

— Но ведь, все-таки, травите?..

— Травим, но для пользы дела!

Стараясь все-таки выяснить, чем же они занимаются, м-р Хаггард решил задать наводящий вопрос:

— Расскажите про вашу последнюю самую эффективную разработку.

— Мы получили заказ от свободной федерации планет "Третье пришествие". Суть заказа — приведение в вид, пригодный для колонизации, вновь открытой ими планеты с неплохими тактическими данными, но с совершенно отвратительной для людей флорой и фауной. Мы

уложились в шесть месяцев, проведя тотальные исследования, разработав и применив требуемые дефолианты и вырастив на всей поверхности планеты первоклассную растительность, согласно с заказом федерации. Разработанные нами стимуляторы и микробиологические бинарные добавки в почву проявили себя прекрасно. Точно в установленный срок, через три года, чтобы на нас не упало подозрение, они начали действовать, и федерация опять была вынуждена обратиться к нам за помощью в борьбе с эпидемиями и последствиями внезапно разразившейся экологической катастрофы. Мы опять старались сделать все как можно быстрей, но зараза распространилась на все остальные планеты федерации. На сегодняшний день Федерация добровольно вошла в состав владений ХДК и является наиболее удачным приобретением нашей фирмы прошлого года!

"А он и впрямь взаправдашний Кащей, — с ужасом подумал м-р Хаггард. — Но, к счастью, он не бессмертный!"

— Молодцы! Вы славно поработали! Мы и впредь будем уделять должное внимание новейшим направлениям химии и биологии! — а про себя он подумал: — "Надо усилить Управление по Контролю Последствий Прогресса, а отделу Внутренних Дел давно пора расширяться в Управление!"

Изображение душегуба, как ни странно, продолжало оставаться в кабинете, и м-р Хаггард понял, что у него сейчас будут просить награду.

— М-р Хаггард, я хочу обратить ваше внимание на не совсем корректные действия руководства НИИ "Биотехнология". В последние годы они своей деятельностью регулярно мешают нам нормально функционировать, перебивая у нас заказы и занимаясь не совсем объективной рекламой нашей деятельности. Тем более, что совершенно очевидно преимущество химических методов воздействия перед биологическими, не говоря уже о разнице во времени получения конечного результата. Я бы обратил ваше внимание на непредсказуемость последствий некоторых действий и разработок НИИ "Биотехнология"...

Маленькая лысая голова Главного Отравителя пропала. На ее месте появилось еще более странное изображение обладателя огромного сивого носа, лохматых бровей, по-тараканьему торчащих усов, пушистых бакенбард, толстых и тоже сизых губ, огромных, навыкате глаз и львиной шевелюры.

То был директор-администратор НИИ "Биотехнология" и заклятый враг НИИ ХУиЯ.

Он сходу начал рычать, плеватьс, хохотать и скалить зубы:

— Дорогой и любимый м-р Хаггард! Если у вас до меня успел побывать этот негодяй, кретин и убийца "Ядохимикал" и наговорил про меня Бог весть что, то не верьте ни единому его слову, потому что дела его конторы идут настолько плохо, что они не имеют и третьей части наших заказов, поэтому от зависти и злобы он мог набрехать на нас любую напраслину!

— Не видел я никакого Ядохимикала и, вообще, я не знаю, кто это такой! — не моргнув глазом, соврал м-р Хаггард *(естественно, для пользы дела)*.

— Маленький такой, синенький, с гнусной рожей?

— Нет, не видел *("Уж гнусней твоей врядли сыщешь!")*.

— А если появится, то вы его спросите, сколько содержится нитратов в выращенной им картошке и сколько в нашей бульбочке?

— Так сколько?

— В нашей ну ни капельки! А у этого негодяя из его скороспелок можно промышленным способом, путем выдавливания, дефолианты получать!

— Ладно, — м-р Хаггард улыбнулся директору, наконец вспомнив, на кого он похож *(на пропившего свою бороду Карабаса-Барабаса)*, — если я его увижу, то обязательно спрошу, для чего он выращивает картофель.

— У нас запретили его ему продавать, так он свою отраву за гроши сбывает развивающимся. Перетравить их всех он, конечно, не перетравит, а вот каких-нибудь страшных и агрессивных мутантов, наверняка выведет, а потом лови их по всей Вселенной, если, конечно, они нас не станут ловить!

— Ну, мы этого не допустим,— твердо заверил его м-р Хаггард и наводяще так, между прочим, спросил у него:

— А что там интересного вывели вы в последнее время?

— Саблезубую мушку-дрозофилу!

— И чем примечательна эта, так сказать, мушка?

— Зубами, конечно!

— И против кого она эти зубы точит, если это не секрет?

— Против Скумбулярий!

— А что, эти самые Скумбулярии очень опасны?

— Не-а, нисколечки, они ж совершенно безобидные и инертные.

— Так стоило ли тогда вам так себя беспокоить и не жалеть, в таком трудном и, наверное, небезопасном деле, как выведение этой грозной Саблезубой Дрозофилы, если от этих самых Скумбулярий нет никакого вреда?

— Ну, во-первых, муху выводил компьютер по заданной программе,

для чего ему пришлось всего лишь заменить несколько известных генов. Во-вторых, эти самые Скумбулярии хоть и являются банальнейшим сорняком, растущим где ни попадя, но там, где он растет, уже не может вырасти никакое другое растение. И ни один ядохимикат его не берет, а наша мушка только и может им питаться. Вот ядохимикат и бесится, что мы у него перехватили заказы. Ведь Скумбулярии растут на каждой второй дикой планете. А чем беситься, лучше бы клопов да тараканов научился травить, а то их тоже ни одна отрава не берет! — сказал безбородый Карабас и начал интенсивно чесаться в своей шевелюре, показывая, что они не только клопов да тараканов до сих пор не научились изводить.

— Ходят слухи, что вы производите биологическое оружие?

— Упаси Господь!

— Но ведь некоторые ваши разработки можно использовать как биологическое оружие?

— Все можно приспособить под оружие. Даже ту же мушку дрозофилу, стоит поменять у нее определенный ген, и она будет питаться исключительно христианскими младенцами. Но мы же на это никогда не пойдем, вы ведь нам этого не разрешите сделать, м-р Хаггард?

— Конечно, не разрешу! Ведь мы твердо и последовательно выполняем договор о запрещении химического и биологического оружия. Кстати, чем кончилась та ужасная история с распространением ракоспида на той, как ее там, забыл, несчастной планете?

— К сожалению, наша медицина в этот раз оказалась бессильной, и нам теперь придется купить эту зараженную планету и держать ее лет сто в карантине, пока не выветрится вся эта зараза естественным путем, или же наша наука найдет, наконец, способ борьбы с этой напастью.

— Я думаю, вы его обязательно найдете?

— Я думаю, мы его обязательно найдем!..

...Когда изображение “дикого” генного инженера пропало, м-р Хаггард вопросительно посмотрел в том направлении, где, предположительно, должна была находиться секретарь.

Та не заставила себя ожидать, вынырнула из защитного облака и, присев на край кресла, ласково обняла м-ра Хаггарда, доверчиво положив голову ему на плечо.

— Милая, славная! Много там еще таких чудовищ?

— Это было последнее. Остальные довольно приятные на вид люди.

— Кто там следующий?

— Директор Химико-биологического института.

М-р Хаггард тут же представил себе маленького, синюшного, с огромными усами Карабаса Бессмертного, Барабаса Кащеестого.

Но секретарь, ушедшая на свой координационно-наблюдательный пост, не обманула. Директор ХБИ оказался на самом деле приличного вида, довольно молодой еще человек, с нормальным приятным голосом:

— Комплексное применение химических и биологических методов воздействия в союзе с тотальной компьютерной диагностикой и моделированием позволяет нам решать практически любые задачи, вне зависимости от их сложности. Наша последняя совместная с Институтом Кибернетики работа в области создания искусственного интеллекта принесла совершенно неожиданно впечатляющие результаты, которые открывают совершенно неожиданные перспективы в познании возможностей человеческого мозга.

— А если немного конкретней?

— Нами выращен супермозг, в шесть раз превосходящий мозг человека по количеству связей и емкости. На сегодня по графику мы должны были закончить его обучение, но столкнулись с его неизвестными реакциями. Он что-то видит и чувствует, что недоступно человеку. Объяснить, что он видит, он не может — на человеческом языке нет таких понятий и слов. При дешифрации в видеоряд воспринимаемые им картины преобразуются в сложные математические объекты, не имеющие причинной связи. Нами разработана методика изучения этого неведомого феномена, но главным инструментом познания будут служить несколько таких же супермозгов, которые будут сравнивать свои сопереживания. Тогда будет возможен сравнительный анализ ими увиденного.

— Так в чем же дело, сделайте еще несколько мозгов, и все будет о'кей!

— Так-то оно так, но на их обучение уйдет не менее десяти лет, не говоря уже о выращивании. И то и другое происходит одновременно. Но только на третьем году выявляются дефекты в структуре супермозга. А ведь если они обнаруживаются, то все приходится начинать сначала.

Из-за этого стоимость проекта довольно огромная, и мы не можем начать его реализацию без вашего одобрения.

— Как вы оцениваете перспективы данных разработок?

— Возможно, что супермозг чувствует и видит параллельные миры, существование которых еще не доказано. Гипотетически вполне возможно, что ему удалось проникнуть в другую Вселенную...

— Достаточно! Я одобряю этот проект! Вы получите любую материальную и финансовую помощь в его реализации!

— Спасибо!

— Если вы готовы, то закладывайте еще несколько мозгов большего объема и постоянно информируйте меня лично о результатах!

— Еще раз спасибо!

— Зря благодарите! Я накладываю на ваши работы нулевую степень секретности с соответственной полной изоляцией всех допущенных сотрудников!

— ...???!

— Что же вы не говорите еще раз спасибо?

Когда изображение ошарашенного хозяйской лаской директора ХБИ пропало, м-р Хаггард подумал, что на их мир, такой обыденный и привычный в своей суете, надвигается нечто такое, что перевернет его вверх ногами и вывернет наизнанку.

Все эти суперцивилизации, супермозги и даже его, Хаггарда, супервласть до того были выше понимания обыкновенным человеком, до того были ему чужды и враждебны, что не было никакого сомнения, что рано или поздно человек проиграет и уйдет со сцены истории, и только суперчеловек сможет противостоять этим напастям технологического прогресса.

Но где же его взять, этого супермена?

И даже если он отыщется, то какое будет до этого дело человеку обыкновенному?

Ведь ему так и так придется уступить, и уйти!

Но куда?

Мрачные мысли м-ра Хаггарда прервало появление изображения референта: на его лице было торжество и значимость своего существования.

— М-р Хаггард, мы провели тотальное исследование раритета, так неосторожно свалившегося вам на голову в вашей уникальной библиотеке. Его стоимость не превышает трехсот миллионов кредитов, так как издан он был в конце двадцатого века подпольно бо́льшим тиражом; в целом — это довольно тривиальный образчик довольно популярной тогда, так называемой, “научной” фантастики. По существу заинтересовавшего вас вопроса нами было проведено комплексное моделирование. О результатах экспертизы вам доложат специалисты: начальник связи, ведущий разработчик НИИ “дубликатор” и главный специалист ХБИ по Физике Человека.

Все три эксперта появились перед м-ром Хаггардом и начали наперебой докладывать свои соображения.

— Эффект, описанный в старинном утопическом романе, имеющий название "Нуль-транспортировка", на настоящий момент неизвестен науке...

— Судя по описанию, гипотетическая установка "Нуль-Т" состоит из двух разнесенных в пространство камер дубликатора и связывающих их передатчика и приемника подпространственной связи...

— Принцип работы нашего дубликатора не позволяет считывать переносимую микрокварками информацию о строении дублируемого тела, так как он основан на мгновенной констатации горизонтального среза тела микрокварками по причине невозможности сосчитать мгновенно и одновременно такой гигантский объем информации...

— Дубликаторы, производимые красными и МДК, имеющие полосовые однокоординатные излучатели микрокварков, что и является их основным недостатком, при желании позволяют теоретически последовательно зафиксировать информацию о строении дублируемого тела, если будет создан информационный канал, в сто порядков плотней самого быстродействующего из существующих на сегодня...

— Система подпространственной связи по своему принципу передает без искажений лишь один процент полезной информации, из-за чего скорость передачи информации строго ограничена свойствами подпространства...

— Время устойчивой фиксации микрокварков измеряется миллисекундами, и за этот период невозможно передать даже ничтожную часть информации о строении тела даже по беспомеховой линии связи. При многократном же дублировании сообщений, как это происходит при подпространственной связи, даже смешно говорить о возможности реализации "Нуль-Т"...

— Теоретически допускается последовательная передача информации с последовательным накоплением ее, но не существует оперативной памяти такой емкости. Если же такая емкость будет когда-нибудь достигнута, невозможно извлечь ее с требуемой быстротой одновременно, как того требует общепринятый принцип дублирования...

— Как известно, до сих пор никому еще не удалось сдублировать живой организм с тем, чтобы копия осталась живой. Некоторые теоретики связывают этот феномен с наличием так называемой "души" в каждом живом организме...

— Даже если кому-нибудь когда-нибудь удастся сдублировать живую "душу" и копия получится живой, то это будет всего лишь копия, пусть совершенно неотличимая от оригинала, но все же копия, так как будет

существовать к тому же еще оригинал. В этом случае так называемая "Нуль-транспортировка" окажется всего-навсего дублированием на расстоянии...

— Для проведения классической "нуль-транспортировки" необходимо оригинал уничтожить, после того как будет передана его информация, что сделать не так трудно, но ведь если транспортируется живой человек, так ведь это...

— Даже если предположить, что после смерти тела душа не умирает, а переносится куда-то, то при "Нуль-Т" она все равно переживет гибель своего хозяина. А при разрыве во времени, обусловленном передачей копии, она будет неприкаянной и обездоленной...

— Теоретически безболезненное мгновенное перемещение в пространстве, а возможно, и во времени могут осуществлять существа, имеющие свой разум в не зависимой от пространства субстанции. Эту субстанцию они могут содержать в любом теле, ни в чем от него не завися и будучи совершенно с ним не связаны. Но это уже какие-то кошмарные оборотни...

М-р Хаггард, закрыв глаза, слушал это монотонное пение на три голоса и все никак не мог отделаться от мысли, что этот бред собачий имеет какое-то отношение к Моррисоновским проделкам и древним предсказаниям...

Когда все три "гадалки-моделисты" отговорились и их изображение пропало, м-р Хаггард обратился к референту:

— Распределите институтам работы по реализации "Нуль-Т". И ни в коем случае не допустите огласки конечной цели этих работ!

Но не успел референт испариться, как Хаггард, словно между прочим спросил:

— Кстати, чем отличается подпространственный переход от "Нуль-Т"?

— При переходе через подпространство предмет как бы прошивает пространство, сам ни капельки не изменяясь. Но для этого ему нужно разогнаться до скорости света, и только благодаря гравикомпенсаторам этот разгон становится довольно коротким. Иначе путешествие от звезды к звезде превратилось бы в эпопеи Колумба, что и было на заре звездоплавания!

— А разве нельзя, хотя бы теоретически, сделать индивидуальный гравикомпенсатор для мгновенного разгона и подпространственного перехода. Благо с изобретением вакуумного разжижения мы качаем энергию собственно из ничего?

Референт выпучил глаза и закричал:

— М-р Хаггард, это же эпохальное изобретение!

М-р Хаггард удивленно почесал лысину и смущенно произнес:

— Ну раз это возможно, то давайте попробуем реализовать это изобретение...

— М-р Хаггард! Начальник Финансового управления, начальник Департамента вооружений и главнокомандующий Звездным Флотом готовы! — секретарь на секунду показала свое изображение и состроила умильную рожицу.— Сейчас будут вас брать! Если сошлют на галеры, то я пойду к вам переводчицей, возьмете?

"Хорошая девочка,— улыбнулся ей м-р Хаггард.— Старательная, милая, не повезло ей — целое утро выслушивает всякую заумь *(саблезубая дрозофила!)*. Ну да ничего, скоро пойдем погуляем, на ярмарку поглядим, над Моррисоном посмеемся. А может, он над нами посмеется, не дай-то Бог!"

Когда все три "командира" появились, м-р Хаггард несколько мгновений рассматривал их ответственные лица, прежде чем начать совещание:

— Вы уже ознакомились с результатами расследования, проведенного разведуправлением. Угроза настолько реальна, что мы не остановимся ни перед какими затратами и мерами по ее предотвращению. Практически, речь идет о нашей готовности к войне, которая может разразиться в любой момент. Действовать нам придется быстро, но самое трудное заключается в том, чтобы никто ничего не смог заподозрить. Будем строить военные базы и делать вид, что ничего не делаем. Или же делаем что-нибудь общественное и никому не нужное, вроде "Фонда мира" или же борьбы с алкоголизмом. Я думаю, вы поняли мою мысль. Теперь докладывайте свои соображения.

Первым начал говорить звездный адмирал, тощий чопорный старик, весь увешанный аксельбантами и кортиками:

— Мы контролируем весь пояс приграничных к нам планет в Магеллановом Облаке, Моррисон владеет большой группой планет ближе к центру, а красные имеют владения на флангах. Это в отношении основных масс. Отдельные же планеты и у нас и у них разбросаны по всей соседней галактике. В нашей Галактике диспозиция имеет тенденцию энтропийного характера и напоминает хорошо перемешанный салат под майонезом! Обороняться в Магеллановом Облаке нам будет довольно легко. А если красные удержат нейтралитет, то Моррисону придется там туго. У себя дома война неотвратимо перерастет во всеобщую, и успех будет сопутст-

вовать той стороне, с кем выступят в союзе красные. В любых обстоятельствах война принесет неисчислимые разрушения наибольшему количеству обитаемых планет вне зависимости от их принадлежности.

— Как вы оцениваете боеспособность флота красных?

— Я бы не хотел иметь его своим противником!

— А Моррисона?

— Весь его офицерский корпус прошел службу в пиратских флотилиях. По боеспособности и уровню дисциплины он никуда не годен.

— Вы не преувеличиваете свои заслуги перед строевой службой?

— Отчаянные головорезы хороши при абордаже и дележе добычи. А управлять сложными комплексами можно только на трезвую и обученную голову. Если честно, то самые лучшие специалисты по рукопашному бою водятся на Средне-русской равнине. Я удивляюсь, почему они не занимаются этим промыслом — давно бы контролировали всю Вселенную, и не было бы у нас никаких проблем с Моррисоном. И нас бы не было! Вернее мы были б, но где-нибудь в районе Семипалатинска и Соликамска!

— Что-то вы сегодня разговорились, к чему бы это?

— Меня спрашивают, что будет с бочкой бензина, если туда попадет горящая спичка, и сколько понадобится стаканов воды, чтобы столб пламени не превышал полутора метров!

— Вы не верите в возможность внегалактической агрессии?

— В том-то и дело, что я всегда боялся, что мне придется когда-нибудь в полной мере применить свои знания и опыт! Я не боюсь в этом признаться, потому что я уже старый человек. Мне так и так придется скоро уходить на пенсию. Но у меня растут внуки, и мне не хотелось бы, чтобы они умирали из-за этого негодяя Моррисона и его вонючих супердрузей!

— Ну, на пенсию мы вас еще не скоро отпустим. А что касается ваших мрачных прогнозов, не слишком ли вы драматизируете обстановку?

— Мы так привыкли к постоянной угрозе со всех сторон, что не совсем отдаем себе отчет, что произойдет при глобальном вооруженном конфликте! На последних штабных маневрах нами была проиграна похожая ситуация, стратегический компьютер смоделировал три формы экспансии. В первом случае не применялось тяжелое оружие по отношению к противнику, так как преследовались чисто полицейские цели. В этом случае по прогнозу будет уничтожена половина всего населения в районах боевых действий и треть недвижимой собственности. Во втором варианте, — с применением тактического оружия — в живых останутся только десять процентов жителей на всех обитаемых планетах. А при то-

тальной войне в контролируемой человечеством области Вселенной не останется ни одной пригодной для жизни планеты, так как планет также не останется!

В подтверждение своих слов старый адмирал включил на экран видеоклип, смоделированный компьютером. Все были потрясены увиденным. И не потому, что ни разу не видели по стереовидению боевики со взрывающимися планетами и горящими кораблями, нет, не поэтому!

Перед сидящими взрывались их родные города, и понимание, что этот мультфильм завтра может оказаться кинохроникой, повергло их в неописуемое отчаяние.

— Я думаю, что Моррисон не совсем рехнулся, чтобы устроить такую бойню! — подал голос финансист.— Должен же он провести такое же моделирование перед тем, как напасть на нас?

— Он это сделал, наверняка, не один раз! — ответил ему Главком.— Но не надо забывать, что он решится на нападение только в том случае, если его поддержит какой-нибудь решающий фактор. Вроде той же суперцивилизации. А ведь мы не знаем, каким коварным, возможно, избирательным оружием располагают они. Судя по тому образчику осколка, эти ребята — довольно крепкий орешек!

— А может, нам сторговаться с Моррисоном полюбовно? — оживленно предложил финансист.

— Пробовали неоднократно! Не хочет он с нами дружить, собака желтопузая! — выругался в сердцах м-р Хаггард.

— Тогда надо сторговаться с красными!

— И оказаться в их полной зависимости? — м-ру Хаггарду самому уже не раз приходила в голову эта мысль, но он понимал, что легче превратиться в женщину, сделав себе гормональную операцию и родить тройню негритят, чем побороть взаимную подозрительность и недоверие, присущие имевшему месту существовавшему между ними антагонизму.

— А если они нас тут же сразу же и заложат тому же Моррисону? И, стравив нас, осуществят свою долгожданную мировую революцию?!!

— А я им и сейчас верю! — твердо сказал старый космический волк. — Еще ни разу они меня не подводили, и ни одной подлости я от них не припомню, не то, что от Моррисона или же от нашего финуправления, регулярно задерживающего премиальные в конце года!

— А вы сядьте на мое место и сделайте за три дня годовой отчет! — обиделся финансовый "спрут". — И баланс сведите концы с концами!

— Я когда-нибудь высажу десант в вашу богадельню и всех вас заставлю гальюны языками вычищать, расшторми тебя в стерлядь!

— И тогда точно без премии останетесь, солдафоны несчастные!

М-р Хаггард с любовью и нежностью глядел на своих верных соратников, которые начинали службу в ХДК еще при его отце.

“Эх, если б можно было Моррисона без премии оставить,— не совсем, правда, отчетливо представляя себе, зачем надо чистить туалеты, если они изначально по своей конструкции всегда бывают идеально чистыми, грустно подумал он.— Я бы тогда сам с удовольствием почистил бы парочку гальюнчиков”.

— Ладно, ребята, отдохнули и будя! — м-р Хаггард обратил свой взор на производителя вооружений. — А что вы, милейший, скажете нам по этому вопросу?

“Милейший” прокашлялся и, включив демонстрационный видеоряд образцов своей продукции, начал докладывать:

— Новейшую БМП вы вчера изволили видеть. В ближайшие десять лет лучшего никто не сможет придумать. Мы же в это время также не будем сидеть сложа руки. И параллельно с усовершенствованием этой базовой модели обязательно еще что-нибудь изобретем. Теперь насчет принятия на вооружение микрокварковых пушек...

— Ни одна живая душа не должна даже догадываться об их существовании! — перебил его м-р Хаггард.— Ни военные, ни даже наши эксплуатационники!

— Это сделать не так уж сложно. Микрокварковая пушка до того миниатюрна, до того проста, и технология ее изготовления идеально отработана с годами применения ее в дубликаторе, что никаких проблем я в этом не вижу.

— Какой примерно ассортимент вы можете нам предложить?

— Времени на изучение этого вопроса, как вы знаете, у нас почти не было. Но мы набросали списочек, в котором учтены примерно все возможные области применения этого оружия. Во-первых, мы смонтируем МКП *(Микрокварковую пушку)* в серийный бластер. Даже при разборке никто ничего в нем не обнаружит. А включение МКП можно будет разблокировать, зная сложный код, который мы, естественно, никому не скажем до поры до времени. Также мы встроим МКП во все системы лучевого оружия ближнего боя. Будет разработана МК-граната для всех артсистем, МК-бомбы различных калибров, МК-торпеды и МК-мины. Есть предложение разработать ручную МК-гранату — вес 30 грамм, выполнена в виде шарика диаметром 10 мм. Можно сделать реактивную МК-гранату весом 50 грамм в виде цилиндра диаметром 10 мм и длиной 20 мм. Ее можно будет использовать как в ручном, так и в подствольном режиме применения. Область сплошного поражения микрокварками у обеих этих гранат составит 50 м, а дальность полета реактивной гранаты

будет равна приблизительно тысяче метров. Стоящие на вооружении автоматические ручные тридцатизарядные гранатометы прекрасно подходят под калибр реактивной МК-гранаты. Возможно, изготовить МК-пулю калибром 7,62 мм для всего стоящего на вооружении стрелкового оружия. Область поражения у такой пули будет, примерно, 30 м. Для обычных поражаемых объектов она по образу действия будет идентична обыкновенной разрывной пуле. Да, совсем забыл, ручными МК-гранатами можно снаряжать стоящие на вооружении контейнеры с шариковыми бомбами. При необходимости можно также изготовить излучатели непрерывного действия, встраивать их в бронежилеты, бронеперчатки и в другие защитные конструкции, включая броню боевых машин и фортификационных сооружений. Перечисленные мероприятия позволят нам иметь довольно эффективное оружие широкого применения, несмотря на весьма малое расстояние полета микрокварка. Прибавьте к этому, что МК-излучение не причиняет ни малейшего вреда биологическим объектам и практически всем неживым конструкциям и механизмам!

— Как быстро вы можете изготовить промышленные образцы всех этих боеприпасов?

— В течение двух-трех дней.

— Как быстро армия сможет предоставить нам для модернизации штатные системы вооружения под каким-нибудь не вызывающим подозрения предлогом?

— В настоящий момент происходит перевооружение армии, рассчитанное на полгода максимум. А традиционные стрелковые системы мы сможем незаметно переделать под видом плановой юстировки и поверки где-то за год. Это все касается только лучевого оружия. А остальные системы вооружения совершенно не надо переделывать. Достаточно накопить МК-боеприпасы, которые мы сможем изготовить в необходимом объеме, самое большее, за месяц.

— Хорошо! — м-р Хаггард был доволен, так как лишний раз убедился в солидности своей “Империи”.— Адмирал! Вас устраивает данный ассортимент оружия?

— Вполне!

— Тогда проинформируйте нас об имеющихся в эксплуатации и строящихся военных объектах на всех принадлежащих нам планетах и базах Галактического флота Свободного мира.

— На сегодня мы строим и модернизируем тридцать процентов военных объектов от существующей в эксплуатации системы нашей обороны. В свете новых задач и установок для глобальной защиты наших владений необходимо построить примерно такое же количество баз, каким мы сей-

час располагаем. Если будут введены в эксплуатацию новые десятикубовые дубликаторы, то эту работу мы сможем провести за два-три года. Нам придется полностью пересмотреть нашу военную доктрину с переориентацией ее преимущественно на оборонительные задачи. Для этого необходимо почти полностью перепланировать имеющиеся у нас военные объекты. Сделать это мы сможем реально за три-четыре года. Все вышеперечисленные мероприятия возможно провести только при бесперебойном финансировании...

— По миру меня пустите! — подал голос финансист.— Где я вам возьму столько кредитов?

— Если надо — найдем! — прервал его м-р Хаггард.— Продолжайте, адмирал!

— Отвечая задачам наступательной доктрины, наши военные базы практически не имеют дорогостоящих подземных сооружений, кроме укрытий для личного состава. Теперь же придется все функциональные элементы расположить глубоко под поверхностью планет или же выполнять их укрывающимися, что приведет к вздорожанию нового строительства примерно в два раза, а при модернизации — в два раза от существующей стоимости объекта. Учтите, что нельзя увеличить количество персонала, находящегося на объекте ввиду сохранения полнейшей секретности. Это тоже ведет к большим срокам выполнения работ, которые я уже назвал.

— Во что нам обойдется реализация всех этих проектов?

Финансист для виду поколдовал с вычислителем, хотя запустил его еще во время докладов своих оппонентов и с пафосом заявил:

— Можете меня резать на куски, можете жечь меня лазерной свечой, а половину всего нашего бюджета нам придется угрохать!

— Ну, это еще ничего! Всего лишь половину! — м-р Хаггард немного воодушевился.— Лучше истратить с толком половину, чем потерять без толку все!

— Это точно! — хором поддержали его присутствующие.

— Итак, друзья, за работу! — закрыл это историческое совещание м-р Хаггард и возжаждал немедленного появления секретаря, так как от больших трудов проголодался аки волк...

Поголовное открытие ярмарочной экспансии намечалось на 15.00. До начала монтажа развеселых городков было еще около часа, и м-р Хаггард

решил прогуляться по столице пешком, чего он уже не проделывал года три-четыре.

Погода стояла отличная, и, несмотря на рабочий день, на улицах было довольно много людей.

В дополнение к пенсионерам и мамашам, выгуливающим своих чад и четвероногих *(включая многоногих и многоруких инопланетных зверюшек)*, по бульварам и проспектам шлындали банды приезжих туристов со всех концов Вселенной.

Описывать всех внеземных чудовищ и экзотически одетых колонистов нет никакой надобности, ввиду бесперспективности данного занятия и пропорциональной беспредельности разнообразия человеческой фантазии.

(Некоторые туристы были одеты в такое, что не приснится ни одному свихнувшемуся модельеру в горячечном бреду, а про инопланетян нечего и говорить, так как не поймешь, где у них руки и где у них ухи!)

М-р Хаггард изволил прогуливаться инкогнито в сопровождении только одного секретаря.

Для начальника личной охраны м-ра Хаггарда это было большой морокой, но что поделаешь — работа есть работа!

В операции было задействовано примерно шестьдесят человек и восемь новейших БМП, которые в режиме невидимок эскортировали на бреющем полете объект сопровождения *(м-р Хаггард под ручку с якобы своей любимой дочурой)*, постоянно готовые накрыть их защитным полем и спасти от возможных террористов.

М-р Хаггард за свою бурную деловую жизнь много путешествовал и бывал почти по всех столицах Галактики, но все равно считал, что город, в который он вложил столько средств и где он постоянно жил, был самым красивым и прекрасным городом во Вселенной!

(Что было сущей правдой! Столица Свободного Мира относилась к самым примечательным и благоустроенным мегаполисам Галактики.)

Если же быть до конца откровенным, то м-р Хаггард затеял эту прогулку неспроста.

Он долго размышлял над создавшимся положением и, наконец, решился на шаг, который можно было, к сожалению, истолковать как великое предательство и измену. Но который был логическим завершением многолетней борьбы его фирмы с Моррисоном.

Через десять минут в районе Северного канала, в тридцати метрах на юго-запад от детской песочницы, должна была состояться тайная встреча м-ра Хаггарда с послом м-ром Пэтроффом, где гнусный предатель и подлый изменник м-р Хаггард решил не за деньги, а из идейных сообра-

жений пойти на страшную государственную измену, открыв ужасную тайну желтой планеты Моррисона!..

М-р Пэтрофф появился, как и было условлено, в назначенное время со стороны пивного ларька, совершенно трезвый и настороженный непонятным предложением прогуляться со стороны м-ра Хаггарда.

На его исконно русском интеллигентно-пролетарском лице была твердая решимость достойно противостоять любым империалистическим провокациям. Лишь дипломатический этикет не позволил ему захватить с собой дюжину гранат и страховку в размере танковой дивизии сопровождения...

— Хау ду ю ду, м-р Хаггард! — приветствовал резидент связника.

— Здоровеньки булы, вельможный пан Пэтрофф! — назвал правильный отзыв кремлевский шпион м-р Хаггард.

Матерого разведчика, полковника ККБ м-ра Пэтроффа сопровождал личный телохранитель и матерый убийца, бывший десантник и ветеран-интернационалист двадцатитрехлетний Дима Васичкин, более известный под блатной кличкой “Петечкин”.

Увидев неродную конспиративную дочь м-ра Хаггарда, нехороший Дима Петечкин нагло ей подмигнул и, взяв ее под ручку, пошел нахально-непринужденной походкой, увлекая бедняжку следом за высокочтимыми предателями. *(Старого коммуниста-ленинца Петрова в 37-м обязательно расстреляют, как иностранного шпиона и врага народа!..)*

— Что-то вы невеселый, м-р Хаггард? — м-р Пэтрофф первым подал голос, видя, что его собеседник находится в затруднении не зная, с чего начать разговор. Тем более что разговор, судя по всему, предстоял серьезный. Так как экстренно и совершенно доверительно подобные странные встречи не назначают.

— А с чего тут веселиться? — вопросом на вопрос ответил м-р Хаггард.

— Ну как же? Сегодня такой солнечный день! И не очень жарко! И дела у вашей фирмы идут, как нам доподлинно известно, прекрасно! И Моррисону вы вчера основательно нос утерли. Совершенно не исключено, что скоро опять утрете!

— Вам что-нибудь известно? — обеспокоился м-р Хаггард.

— Да нет, просто вы оба так друг друга любите, что без каких-нибудь подвохов ну никак не обойдетесь. А так как я считаю, что вы более конкурентоспособны, то вот и предположил, что Моррисон может ожидать от вас опять маленький подзатыльник или же хороший пиночек. Не так ли?

— Это за нами, конечно, не заржавеет. Но ведь и он тоже не лыком шит!

— Да нет же! У нас точные сведения, что Моррисон сейчас менее активен, чем когда-либо. Даже похождения пиратских шаек стали довольно безобидными. Хотя, как официально известно, Моррисон не имеет к ним ни малейшего отношения.

— Разве вас это не настораживает?

— Настораживает, конечно. Но вдруг он исправился и ступил на путь истинный? Может, все эти годы его дремавшая совесть проснулась, и он решил больше не строить никаких козней своему брату во Христе м-ру Хаггарду?

М-ра Хаггарда, наконец, проняло и, чувствуя, что момент настал и что потом будет поздно, и нить беседы убежит неизвестно куда, он принялся за главное.

— М-р Пэтрофф, вы, конечно, догадываетесь, что я вас пригласил на эту конфиденциальную встречу не ради послеобеденного моциона?

— Надо думать, неспроста над нами висят ваши невидимки и глушат все наши разговоры!

— Как вам удалось их обнаружить?! — вскинул глаза м-р Хаггард. Он был сражен такой не свойственной послу откровенностью.

— А наши тоже висят и пару раз уже нечаянно стукнулись с вашими защитными полями. Так что ваша карта бита, м-р Хаггард!

— Но ведь это самый страшный наш секрет! О нем не знают даже военные!!!

— И хорошо, что не знают! Пусть Моррисон спит спокойно. Мы ведь тоже не афишируем свои достижения, и вы правильно делаете. Чем меньше о них распространяешься, тем тише гонка вооружений.

— М-р Пэтрофф, мы с вами знакомы вот уже шесть лет, и за это время вы ни разу не проявили недоброжелательности по отношению к нашей фирме. Я, конечно, понимаю, что такое дипломатический такт. Но мне показалось, что вы питаете некоторую симпатию лично ко мне и, не как к руководителю могущественного концерна, а просто как к человеку. Я вам за это очень признателен и могу вас заверить, что питаю к вам такие же искренние чувства...

— К чему такие сантименты? Еще немного, я зарыдаю и полезу к вам целоваться, как это у нас, у русских, принято!

— Мне тоже иногда хочется поплакаться кому-нибудь в жилетку. Вот я с вами и расслабился.

— Но не за этим же вы решили со мной встретиться?

— Нет, разумеется. Просто когда на всех нас надвигается большая опасность, то не до прежних разногласий и претензий. Хоть между нами и происходили постоянно мелкие стычки и недоразумения в космосе, но когда речь идет о всеобщей беде, то, я думаю, надо стать выше. И если не вступить в союз, то хотя бы проявить разумную решительность и, переступив через идеологические предрассудки и предвзятость, протянуть друг другу руку. Ну, если не помощи, то хотя бы для рукопожатия, подтверждающего добрые чувства по отношению друг к другу.

— Мы всегда готовы на дружеский диалог, при условии, что он будет честный и довольно искренний!

— Я сейчас открою вам страшную тайну. И не дай Бог о ней узнает Моррисон, тогда мы все пожалеем, что на свет родились!!!..

...Они долго шли молча, после того как м-р Хаггард все откровенно рассказал.

Метрах в пяти сзади от них, беззаботно болтая и смеясь, выгуливали друг друга м-р Петечкин и мисс Секретарь.

Невидимки продолжали оставаться невидимыми где-то над головами заговорщиков.

Шестьдесят тайных агентов растворились в толпе праздношатающейся публики и дружно за казенный счет ели конспиративное мороженое.

Жизнь не стояла на месте.

— Вы сможете в доказательство сказанного предоставить нам образец осколка? — м-р Пэтрофф все еще надеялся, что это мистификация, а м-р Хаггард — большой шутник.

— Конечно! Без него вы не поверите ни одному моему слову! — м-р Хаггард даже чуть-чуть повеселел, переложив часть непосильного груза на могучие плечи сына Петрова.— Но вам придется, не сочтите меня за скрягу, за него заплатить, так как он нам достался недешево. Мы не можем позволить себе, как это ни прискорбно, такие большие траты.

— Если это то, о чем вы рассказали, то мы заплатим, сколько нужно, но не более,— согласился м-р Пэтрофф и полез в карман брюк за кошельком, чтобы купить у пробегавшего кибера стакан клюквенного морса.

М-р Хаггард морс пить отказался, сославшись на диету. Закурив сигарету, он жадно затянулся, выпустив вверх, прямо в брюхо красного БМП, довольно плотную струю дыма.

Но не успел он это проделать три раза, как ему на плечо опустилась чья-то твердая рука, и стальной голос рявкнул прямо в ухо:

— Руки за голову! Не двигаться! Вы арестованы!

"Все, выследили! Сейчас станут пытать! — подумал м-р Хаггард и начал мужаться.— Я им ничего не скажу, пока не применят трансквизиторы!"

М-р Пэтрофф, как ни в чем не бывало, повернулся к напавшему и совершенно спокойным голосом спросил:

— Что вам нужно, милейший?

— Руки за голову!

"Почему не сработало защитное поле? — немного оправившись, подумал м-р Хаггард, чувствуя между лопаток дуло крупнокалиберного бластера.— И где эта паршивка секретарь? За-зря ее учили джиу-джитсу? И этот хваленый душман Петечкин? Все!!! Продали!!! Гады! У-у-у-у!!!"

М-р Пэтрофф, как ни в чем не бывало, продолжал отхлебывать клюквенный морс и равнодушным голосом, как будто обращаясь к собаке, которая слишком расшалилась, продолжал вопрошать:

— Милейший, я повторяю, что вам от нас надо?

Окончательно распрощавшись со своей жизнью и ввиду невозможности еще чего-нибудь потерять, м-р Хаггард, набравшись смелости, резко обернулся и увидел... полицейского!

Да! Да! Обыкновенного полицейского!

"Йацилоп" им попался обыкновенный, из отряда патрульных, семейства лимитокрылых. Он имел стандартный окрас и экипировку: на рыжем бронескафандре висели кодовые наручники, автоматическая дубинка, четыре кобуры *(для двух бластеров и шести бутербродов),* гирлянда баллончиков со слезоточивым газом и похмельным дихлофостом, видеофон и складная ветро- и водозащитная камера на две персоны.

За спиной болтался заплечный гравилет и пластиковый щит. На каске с инфракрасным забралом была микро-видеокамера и два разноцветных вращающихся маяка со стробоскопом.

"Передвижная дискотека! — первый раз рассматривая вблизи патрульный полицейский комплект фирмы МДК, подумал м-р Хаггард,— тут тебе и цветомузыка с видеозалом, и бар с закусоном, и снаряжение рэкетира на два спальных места! Неплохо устроился! Мусор поганый!"

— Гражданин, почему нарушаете! Почему курите в общественном месте! Нехорошо! Придется пройти в участок! Составим протокольчик, взыщем с вас штрафчик и на работу сообщим! Пусть вас по профсоюзной линии накажут! А то что это такое! Если все на улице станут курить, что же это получится, я вас спрашиваю? Смог получится! Минздрав что предупреждает? Куренье — вред!..

Тут опять послышался какой-то подозрительный шум, все присутствующие обернулись и увидели, что к ним на полусогнутых бежит вприпрыжку мэр города, а за ним свора муниципальных бонз и полицейских чинов.

М-р Пэтрофф заулыбался и, почесав затылок, произнес по-русски: “Наши идут!” М-р Хаггард придал лицу надменное выражение, а “Йацилоп” вытянулся по стойке смирно и включил на всю катушку (250 Вт) гимн Свободного мира.

Приблизившись метров на десять, издаваемый мэром шум транскодировался в членораздельные причитания и выкрики:

— М-р Хаггард! Дорогой м-р Хаггард! Идиот! Скотина! Это я не вам, м-р Хаггард, а этому недоноску! Мы так счастливы, что вы снизошли в наши пенаты! Пошел вон, болван! *(Йацилопу.)* Произошло досадное недоразумение! Я тебя на каторге сгною, чурка деревенская! *(опять Йацилопу).* Кто ж знал, что вы соизволите прогуляться по городу, да еще с м-ром Пэтроффом! Мы б дорожки постелили, стереовидение пригласили б, с цветами и с музыкой!..

М-р Пэтрофф довольно искренне потешился, разглядывая эту сцену, и, сдерживая хохот, перебил монолог отца города:

— Вы уж не очень ругайте сержанта! Он действовал по инструкции и довольно корректно *(“Руки за голову”)* и энергично *(“Составим протокольчик...”),* что делает честь вашей полиции и вам также!

Мэр недоверчиво глядел то на м-ра Хаггарда, то на м-ра Пэтроффа, то испепелял бедного околоточного и все по инерции продолжал оправдываться:

— Хорошо, что этот придурок сразу включил идентификатор, мне сразу же доложили, и я сюда. Но почему ты, скотина, не отвечал на вызовы дежурного? Опять рация неисправна? Мы ж новое оборудование только в том месяце получили! Уволю без выходного пособия!

И все это под рев гимна и сопение свиты.

М-ру Хаггарду стала надоедать эта болтовня, и, чтобы от них отвязаться, он все-таки выдавил из себя благословение:

— Да, г-н Мэр, сержант был прав, это я виноват! По рассеянности закурил в неположенном месте!

— Что вы, что вы! Курите, сколько вам хочется, на здоровье!

— Сколько хочется — нельзя! Врачи не разрешают!

И взяв м-ра Пэтроффа под руку, Хаггард медленно пошел по направлению к центральной площади микрорайона. Мэр засеменил чуть сзади и левее м-ра Хаггарда.

POLICE
макс'92

Тут Дима Петечкин повторил злую полицейскую шутку непосредственно на бедном мэре, опустив ему на плечо свою не менее стальную руку и зловещим шепотом прямо на ухо прорычал:

— Немедленно отпустите свиту и через сто метров удалитесь сами!

— Кто это? — испуганно проблеял мэр и перекрестился.

— ККБ!

— Понял! — ничего не понял бедняга. Но по голосу Петечкина почувствовал весомость и начальственность приказа агента Москвы и энергично замахал правой рукой на свой эскорт.

Тут его руку перехватила секретарь и нежным голоском защекотала мэру щеку:

— М-р Хаггард хочет непринужденно показать м-ру Послу открытие ярмарки. Каково, кстати, ваше мнение о новой затее м-ра Хаггарда?

— О! Я всегда говорил, что м-р Хаггард — отец родной нашему городу! За бесплатно устраивать повсеместно культмассовые зрелища, да еще ежедневно и с таким размахом может только истинный патриот нашего города!..

Когда через сто метров мэр испарился, м-р Пэтрофф спросил у м-ра Хаггарда:

— Про какую это ярмарку говорил мэр?

— Про ярмарку мобильного базирования!

— А карусели с качелями там будут?

— А разве они там должны быть?

— А как же? И еще блины с икрой и обязательно самовар!

— С самогоном?!

— Да нет же! С чаем и еще с лимоном! И катания на тройках с бубенцами!

— Со Сталиным и Гитлером?!

— Упаси господь! Никаких сталинов нам больше не надо! И гитлеров тоже. А вот Чингисхана... С гармошкой! И чтоб вприсядку!

"Он что, видел мой сон?" — испугался странному совпадению м-р Хаггард.

Он, конечно, не подозревал, что м-р Пэтрофф писал в свое время диссертацию на тему: "Влияние русского фольклора на западную масскультуру в XX — XXII вв." и на примере древнейшего шоу-ансамбля "Чингисхан" доказал, что даже использование элементов и атрибутов, традиционных для русского народа, в антирусской пропаганде привело, в конечном итоге, к противоположному результату и, в основном,

служило пропаганде и распространению симпатий к русской культуре и традициям.

К этому моменту они неспешно вышли в заданную точку и оказались на площади.

Она вся уже была заставлена контейнерами на гравиподушке, но без опознавательных знаков *(условие аренды).*

Между высоких контейнеров сидели и слонялись деклассированные элементы, которым предоставлялась невиданная возможность приложить свои могучие застоявшиеся потенции на ниве прогрессивных форм мелкорозничной торговли.

Случайные прохожие, найдя на своем пути невесть откуда взявшийся табор неизвестного назначения, жались бочком-бочком *(черт их знает, что у них на уме).* Но в основной массе прохожие останавливались в сторонке, чувствуя, что это все неспроста и сейчас что-то будет!

М-р Хаггард посмотрел на ноготь большого пальца правой руки, на котором были нанесены жидкокристаллические часы и, увидев, что стрелки подбежали к заветной черте (14.00), обратился к м-ру Пэтроффу:

— Вы никогда не видели в натуре экстренное развертывание штаба воздушно-десантной дивизии по штатному расписанию?

— Еще не приходилось!

— Сейчас увидите!

Контейнеры зашевелились и, заняв свои места, стали трансформироваться.

Бывшие люмпены *(теперь уже точно бывшие, так как с поступлением на службу в ряды ХДК они стали обыденно-вульгарными служащими)* по мере появления дверей в также уже бывших безликих контейнерах ныряли в них. А через некоторое время выкатывались оттуда облаченные и снаряженные согласно занимаемой должности и приступали к выполнению своих служебных обязанностей.

Одновременно с этой катавасией во всех *(отведенных для этого случая)* уголках города прогремел салют и взвившиеся в поднебесье разноцветные огненные струи образовали гигантские надписи: **"Добро пожаловать на ярмарку!"**

(В это время все средства информатики выдали на свои аудио-отображающие элементы такую же надпись, подкрепленную рекламным текстом и аудиовидео-комментарием.)

Вокруг территории будущей ярмарки вознесся забор из полупрозрачных, постоянно меняющих рисунок, пластиковых щитов высотой в два человеческих роста *(устроители рассчитали это, чтобы нельзя было увидеть происходящее, не зайдя на территорию ярмарки).*

Не дожидаясь окончательной трансформации контейнеров в разнообразно-потешные павильоны, часть персонала, не занятая в оседлой торговле и успевшая переодеться, начинала праздничное представление и торговлю с переносных лотков в нескончаемом веселом карнавале, которому было суждено никогда не кончиться...

— Красивая работа! — сказал м-р Пэтрофф, отбиваясь от назойливо лезшей обниматься разбитной торговки пирожками и непризнанного поэта, громко и с пафосом читавшего явно не свои веселые стихи.— У нас такие ярмарки тоже иногда проводятся, и мы вполне можем наладить культурный обмен творческими коллективами!

“Ого! Мы и не предполагали такого успеха! — подумал со злорадством м-р Хаггард.— Надо будет содрать с Отдела по идеологическим диверсиям Вооруженных Сил приличную сумму за организацию беспорядков и провокаций на территории противника! Это у нас получится получше, чем в 57 году!”

Полностью отвечая на прогнозы теоретиков ХДК, толпа зевак несмело, но все уверенней потянулась на ярмарку, и уже были произведены первые покупки в новом бизнесе м-ра Хаггарда.

Держа в одной руке пирожок с капустой, а в другой легкомысленный детский флажок, м-р Пэтрофф увлек м-ра Хаггарда за столик летнего “Бистро”. Здесь было не так шумно.

Тут же к ним подошла разнаряженная официантка и любезно опустила перед ними поднос с кофе и сандвичами.

М-р Хаггард, потянув глоток кофе из маленькой фарфоровой чашечки, обратился к м-ру Пэтроффу:

— Вот глядишь на них — веселятся без забот. А у самого постоянно камень на душе. Ведь в любой момент может разразиться. И как представишь, что все эти люди исчезнут, так становится не по себе! Ведь мне нет до них никакого дела, а все равно жалко, несмотря на их ничтожество. К чему мне все мое могущество, если не будет на свете простых, пусть даже зависящих от меня людей! Все-таки человек — стадное животное и при всем моем исключительном положении иногда хочется почувствовать себя простым смертным, вот так просто без затей посидеть в обыкновенном кафе среди обыкновенных людей!

— Вы так говорите, как будто будущая война вас не касается. Как буд-

то вы бессмертный, и детей у вас нет. И о будущем вам нет причин задумываться, только лишь как из-за милосердия и мизантропии!

— Все может быть. Но я об этом стараюсь не думать, а иначе совсем можно рехнуться от ответственности!

— А ведь им тоже хочется жить и пусть они, как вы изволили выразиться, ничтожны и вульгарны, все равно любая человеческая жизнь дороже всех ценностей мира, как это ни банально!

— Но ведь все несчастья люди сами себе придумывают, и Господь Бог посылает все напасти за наши грехи!

— Люди не сами по себе становятся злыми. Злыми их делает жизнь, и наша задача создать такие условия, чтобы не возникало почвы для ненависти и злобы!

— Но что же делать с людьми, уже отравленными этой злобой? Как их убедить жить без зависти и невежества?

— А разве в нас самих нет этого? И разве мы не пытаемся из себя это выдавить? И, как правило, безуспешно?

— Так что же делать?

— Быть терпимыми! И еще добрыми! А за добро, как вы изволили упомянуть, Господь Бог всем воздаст должное!

— Дай-то Бог!

Пока они так мирно беседовали, к их столику незаметно подсел молодой человек с длинными волосами и задумчивым, устремленным поверх голов отрешенным взглядом, и ни к кому не обращаясь, как бы про себя, тихо запел под аккомпанемент своей старенькой, но довольно приятно звучащей гитары:

Не выдержав превратностей Судьбы,
Те испытания, что выпали Тебе,
Сломали и изгадили черты
Земной Любви прекрасной простоты!

Не вняв рассудку естества,
Построив сложный замок Лжи,
Любовь сложила в закрома,
Залив цементом Выгоды!

И облачившись в платья слов,
По моде сшитых и пустых,
Сумела скрыть свое звериное лицо
И полное отсутствие Души!

И позаимствовав у Добродетели наряд,
Носясь с охапкою сомнительных идей,
Мещанства и убогости Злой Яд
Разбрызгала в сердца своих Детей!

И даже находясь у смертного одра,
Ты все равно себе сумеешь лгать,
Что только Ты всего одна
Не виновата...
твою мать!

Май 1987 — январь 1989 гг.

КОНЕЦ
ПЕРВОГО РОМАНА

Дубликатор Джона Хаггарда

РОМАН

Работы не было.

Вернее, работа была, но скоро кончалась, а новых заказов не поступало.

По этому поводу у Джона Хаггарда было весьма скверное настроение. Чтобы как-то его развеять, он нажал на кнопку вызова секретаря:

— Линда, дорогая! Дайте последнюю производственную сводку!

На экране стенного стереовизора появилось изображение элегантной тридцатилетней женщины, имевшей довольно строгий и недоступный вид, что и привлекало в ней больше всего, а если быть до конца правдивым, то и возбуждало Джона Хаггарда.

Видимо, он ценил в ней эти качества, которыми она, несомненно, обладала, в противоположность своей природной лености и хамоватости.

Ну откуда в характере бизнесмена могут проявиться наглость и цинизм, не мне вам объяснять, а вот его леность была из породы кошачьих, знаете ли, эдакий Базилио/Matroskin, вечно чем-нибудь недовольный и вульгарный в своем нигилизме.*

Секретарша как бы дополняла его и мобилизовала своей подтянутостью и категоричной интеллигентностью.

В отличие от традиционных молоденьких и намазанных кукол, сидящих в большинстве приемных, мисс Линда была "черствым сухарем", "синим чулком" и "настоятельницей монастыря" (для одного монаха), но при этом являлась незаменимым человеком в довольно небольшой для своего рода занятий фирме "Хаггард и К°", президентом которой был вышеупомянутый монах. *(Честно говоря, она была весьма красива и привлекательна, только это не сразу можно было заметить за избытком деловитости и непререкаемым блюдением долга.)*

— На сегодня в работе было задействовано только десять процентов служащих нашей фирмы, занятых непосредственно на сборке и отладке последнего звездолета из заложенных на нашей верфи. Остальные вчера отправлены во внеочередной отпуск, а через неделю и оставшихся пять

* Прим. редактора для русского перевода

человек также придется отпустить отдыхать за счет фирмы. Меня вы, конечно же, не отпустите, как это уже было в прошлом году?

— Именно от того, что я вас не отпустил, несмотря на ваши настоятельные просьбы, мы, поработав с вами, обеспечили себя заказами на целый год!

— И вы думаете опять повторить тот кошмар, ту ненормальную скачку с планеты на планету, после которой у меня обострилась мигрень и появилось четыре морщинки на лице?

— Вы мне ничего не говорили про морщинки, мисс Линда.

— А вам необязательно все знать!

— В таком случае, прошу немедленно зайти ко мне! — сердитым голосом скомандовал Хаггард.

Войдя в кабинет шефа, Линда остановилась перед столом и приготовилась заносить его указания в электронную шпаргалку.

— Подойдите ко мне! — зловещим, не терпящим возражений голосом приказал Хаггард. А затем, когда секретарь приблизилась, четко произнес:

— Покажите, где у вас появились морщинки?

— Фи,— она фыркнула и отвернулась к окну, демонстрируя тотальное презрение.

Джон Хаггард, бизнесмен средней руки, тридцати семи лет, разведенный и т. д., пользуясь моментом и оплошностью жертвы, медленно, но с чувством провел по ней рукой от середины спины и ниже.

(Ну, не мог он вытерпеть! Ну очень уж она была хороша! И он был мужчиной хоть куда!)

Резко обернувшись, мисс Линда ударила его по руке:

— Что вы себе позволяете, мистер?!

— А что я такого сделал? — невинным голосом спросил Хаггард и повторил движение.

— Как вы смеете ко мне прикасаться?! Нахал!

— Ну, нисколечко! — Он уже обеими руками обхватил ее и, несмотря на энергичное сопротивление, посадил себе на колени и начал целовать.

В этот самый ответственный момент прозвучал входной звонок, Линда зашипела от досады, мгновенно вскочила и, застегивая на ходу кофточку, быстрым шагом пошла открывать так некстати появившемуся посетителю. Вскоре из приемной послышался ее сердитый голос, выговаривающий нежданному гостю.

— Линда, кто там?

— Вас хочет видеть некий Альфред Лэннинг. Говорит, что ваш школь-

ный друг! — По голосу Линды чувствовалось, что школьному другу основательно досталось.

— Ну, раз пришел, пусть войдет!

Чуть приоткрытая дверь отворилась, и в комнату нерешительно вошел тощий, очкастый и весь какой-то помятый субъект с виноватым выражением лица и заискивающей улыбкой.

— Добрый день, Джон!

— Здравствуй, Альфред! — строго ответил Хаггард.— Опять пришел просить денег?

— Ты понимаешь, Джон...

— Не дам!

— Я сделал дубликатор!

— Что?

— Дубликатор!

— И он работает?

— Да!

— Так, значит, теперь ты мне отдашь все деньги, которые у меня занимал?

— Я, конечно, обязательно...— начал Лэннинг и протянул Хаггарду две бумажки.

Взяв их, Хаггард увидел, что это два доллара, и непонимающе посмотрел на собеседника:

— Здесь не все!

— Что не все?

— Здесь всего два доллара, а ты у меня брал намного больше!

— Джон, посмотри на них повнимательнее!

Хаггард повертел бумажки так и сяк, доллары были обыкновенные — зеленые, но, присмотревшись, он наконец заметил, что номера и буквы серии на обеих банкнотах были одинаковыми!

— Так ты скопировал один из них?

— Сдублировал...

Тут в кабинет вошла мисс Линда, неся кофе для шефа, и с удивлением уставилась на глупое выражение лица Джона Хаггарда. Воспользовавшись ее замешательством, Лэннинг с несвойственным ему проворством схватил с подноса чашку кофе и залпом выпил ее.

От этой наглости Линда очнулась и только собралась сказать что-то грозное, как Хаггард опередил ее:

— Линда, свяжитесь с гаражом — пусть подадут машину к подъезду!

— Вы уезжаете?

— Да, и надолго! Вы на сегодня свободны, завтра разбудите меня в 8-00!

И, схватив под руку своего странного дружка-кофефила, он проследовал мимо разъяренной секретарши (ее настроение он, конечно, уловил по холодному и бесстрастному блеску ее глаз и по тонко сжатым, имеющим изумительный овал губам).

Ну подумайте сами, как тут не разъяриться, если сначала вводят в грех бедную одинокую женщину, нараздают ей многообещающих авансов, а потом обманным путем смываются с каким-то грязным педиком и еще имеют наглость требовать, чтобы его разбудили в 8 утра! Ну, я тебя разбужу! Но не по видеофону, а лично заявлюсь и посмотрю, с кем он там водит шашни!..

Всю дорогу они молчали и не потому, что боялись подслушивания *(бортовой компьютер был неподкупен, и подслушивающее устройство при всем старании он не позволил бы установить)*, а потому, что Хаггард, затаив дыхание, все никак не мог поверить, что это на самом деле возможно, и с нетерпением смотрел на дорогу, как бы подгоняя гравимобиль. Лэннинг же из-за своей дурацкой скромности все никак не решался спросить Хаггарда, хотя ему было что спросить у него...

— Ну, и где же твой "*перпетуум-мобиле*"? — Хаггард поразился запустению, царившему в подвале Лэннинга.

В прошлое его посещение два года назад здесь было довольно чисто, и на полу валялись лишь обрывки проводов.

— Он перед тобой! — Лэннинг показал на стол.

Там стояло нечто, именуемое "дубликатором", размером примерно с коробку из-под виски, все опутанное разноцветными пучками проводов. От него тянулся приличной толщины кабель к стоящей рядом со столом стойке с электронными блоками.

Хаггард обошел вокруг стола и, усевшись на стоящий перед ним стул, приказал:

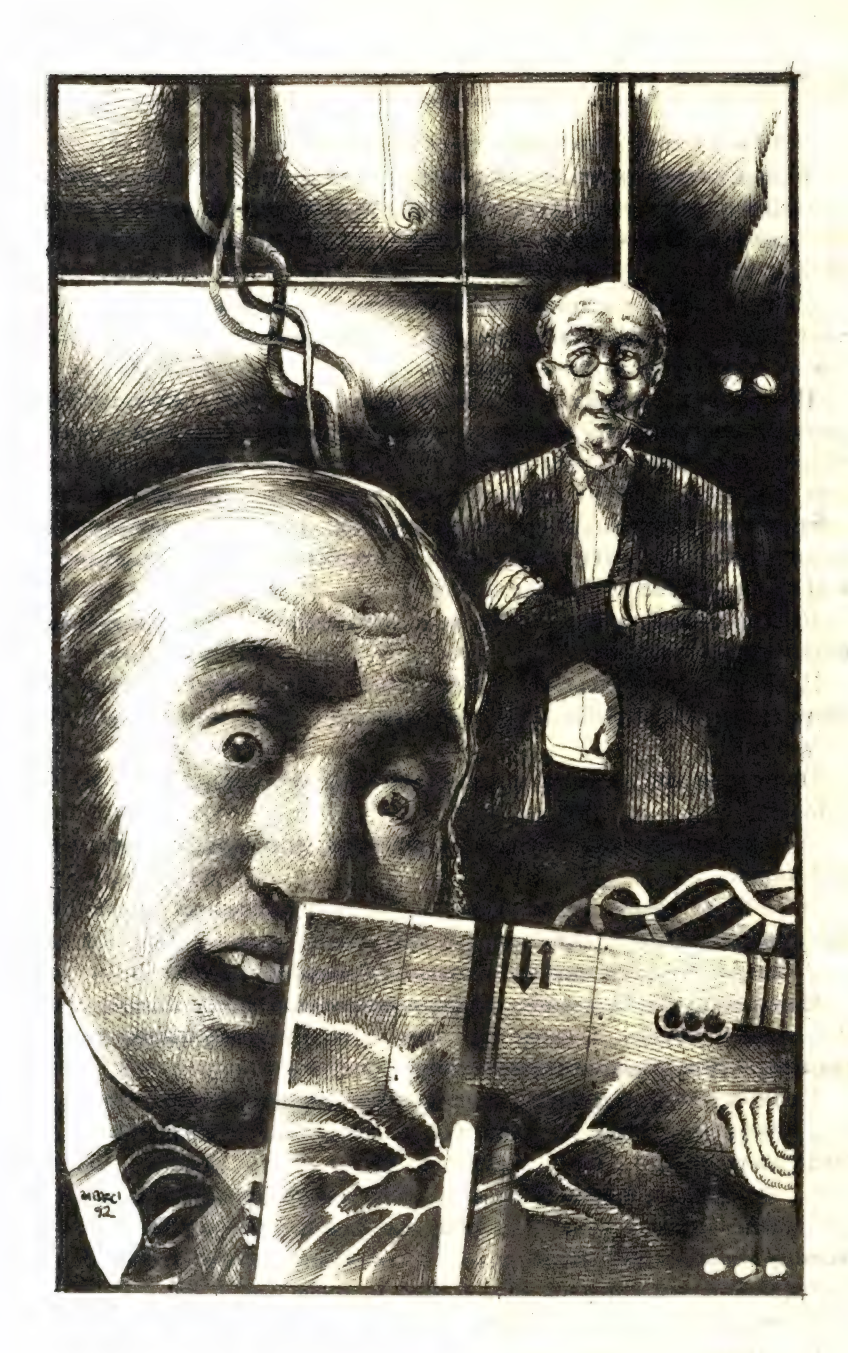
— Показывай, как он работает!

— Ты понимаешь, он сломался...

— ?!.

— ... Пока я занимался его отладкой, мне хватало мощности гравицапы, но при пробном дублировании она, как я и опасался, полетела, а на новую у меня нет денег!

— Сколько она стоит?

— Если взять ту, что надо, то пятьсот долларов!

— Далеко отсюда до супермаркета?

— Две минуты езды. Только, Джон, так получилось, что я со вчерашнего дня ничего не ел, и если тебя это не затруднит, купи что-нибудь поесть...

...Сунув в щель кассового аппарата кредитную карточку, Хаггард непонятно зачем попросил автомат дать ему стодолларовую банкноту, о чем он впоследствии горько пожалел...

Пока Хаггард вынимал из пакета виски и закуску, Лэннинг быстро подсоединил гравицапу к стойке и включил аппарат. Видя, что он открыл маленькое окошко в своем детище и собирается положить туда долларовую бумажку, Хаггард остановил его руку и сам положил в камеру дубликатора стодолларовую банкноту. Лэннинг с одобрением и восхищением прищелкнул пальцами и, закрыв крышку, нажал на красную кнопку на верхнем блоке стойки.

Раздался негромкий щелчок, и на экране среднего блока появилась надпись "*Сеанс окончен!*"

Лэннинг открыл окошечки с обеих сторон клубка проводов и извлек из его недр две совершенно одинаковые бумажки.

— Ура!!!

Они орали так долго, что за это время Лэннинг успел наделать еще пять сотен.

— Теперь надо съездить опять в магазин, и пусть автомат проверит эту деньжищу!

— Необязательно, я уже проверял. Он ее проглотил за милую душу, еле уговорил отдать назад!

— Давай, Альфред, еще что-нибудь сдублируем!

И еще минут двадцать они совали в дубликатор что ни попадя, только бы влезло в камеру, и скоро на столе не осталось свободного места от радиодеталей и всевозможной закуски.

Их не остановило даже то, что в камеру не влезла бутылка виски, так они, паршивцы, отыскали лафитник, наполнили его отнюдь не водой и давай доставать его копии из камеры за здоровье величайшего в мире ученого Альфреда Лэннинга, за самого мудрого и дальновидного предпринимателя Джона Хаггарда, за самую совершенную в мире машину и даже за самую *много-о-себе-понимающую* жеманницу и чистоплюйку мисс Линду...

Короче, нажрались они, почти как свиньи.

Вы спросите, почему "как"?

Потому что настоящие свиньи так никогда не нажирались!

...Барахтаясь в огромной горе, состоящей из долларовых бумажек, Хаггард все никак не мог закрыть крышку камеры дубликатора, а оттуда все лезли и лезли копии... Альфреда Лэннинга, и каждая из них все норовила схватить его за грудки и, дыша перегаром и блевотиной, с гнусной ухмылкой вопрошала: “Джон! Ты меня уважаешь?!”

С трудом продрав глаза, он увидел склонившуюся над ним Линду.

— Мамочка!

— Какая я вам мамочка! — сказала мисс Линда и, перестав трясти его, отодвинулась и, демонстративно прикрыв нос надушенным платком, вынесла окончательный приговор:

— Свинья!

Хаггард приподнялся и, протянув к “мамочке” обе трясущиеся руки, простонал:

— Пить!

Мисс Линда, как ни странно, тут же подала ему стакан с апельсиновым соком, и он, стуча о край зубами, с трудом пропихнул в себя спасительную влагу.

Немного очухавшись, он оглядел комнату, но следов пребывания в ней Лэннинга не обнаружил.

— А где Альфред? — вопросительно посмотрел он на Линду.

— Этого грязного хама я больше на порог не пущу!

— А вот и не угадали, дорогая мисс Линда! Еще как пустите!

— Тогда я уйду

— А вот и не уйдете!

По-моему, этот спор должен был перерасти в локальную драчку, но прозвучал вызов видеофона.

— А вот и Альфред, мой милый друг! Не забыл меня! Он спешит пожелать мне доброго утра!

Но вместо еще неохмеленной рожи Лэннинга на экране показался полицейский чин и официальным голосом спросил:

— Мистер Хаггард?

— Да!

— Это ваша визитная карточка? — и показал белый квадратик.

— Да, моя! А что случилось?

— Вы узнаете этого человека? — И на экране крупным планом во всех подробностях появилось обезображенное лицо Лэннинга, лежащего в луже крови.

— Альфред!!!

Не давая ему прийти в себя, полицейский чеканил вопрос за вопросом:

— Когда в последний раз вы его видели?

— Мы с ним вчера решили отпраздновать нашу встречу после долгой разлуки и немного перебрали...

— В котором часу вы расстались?

Хаггард поморщился, стараясь вспомнить финал дружеской встречи, и, оставив в покое свою дырявую память, обреченно сказал:

— Мне сейчас трудно точно это припомнить, но мой электронный адвокат нам точно все покажет, только дайте мне десять минут, чтобы отыскать этот эпизод!

Полицейский удовлетворенно кивнул, а Хаггард прохрипел:

— Дукакис, иди сюда! — На что из угла комнаты выскочил и подлетел на гравиподушке робот-дворецкий, замерев у изголовья кровати.

— Милейший, прими в себя адвоката и покажи мне в ускоренном темпе запись всего, что происходило с восемнадцати ноль-ноль!

Робот беззвучно покликал адвоката, а тот примостился на спинке кровати, где в принципе и должен он всегда находиться, то есть в полуметре над головой хозяина, чтобы полностью зафиксировать все происходившее с ним *(конечно, не многие могли себе позволить купить электронного адвоката, но зато это было очень престижно — иметь над своей головой парящего свидетеля, которого почти невозможно подстрелить ввиду его малого размера и высокой маневренности и который в случае несчастья с хозяином посылал сигнал тревоги на базовый пульт и, дождавшись прилета дублирующего адвоката, сам улетал в тайное укрытие, из которого его мог достать только живой адвокат потерпевшего).*

Маленький осведомитель сорвался с места и пулей влетел в приемное устройство робота.

Тут же у того засветился брюшной дисплей, и на нем в бешеном темпе, как в хорошей кинокомедии, когда показывают “духарную” драку, забегали вокруг стола в комнате изобретателя маленькие Хаггард и Лэннинг, потешно размахивая ручонками, непрерывно целуясь и опорожняя заново родившиеся шкалики.

Хаггарду от этого зрелища было отнюдь не до смеха, перед его глазами все еще стояло мертвое лицо Лэннинга, а мисс Линда, и тем более полицейский, не могли оценить скоморошьи таланты “ковёрных” Джона и Альфреда *(и нечего им было глазеть на это безобразие и на модель дубликатора!)*, так как робот стоял к ним спиной, а звука, естественно, не было ввиду ускоренного воспроизведения.

После того, как между обниманиями и распитием дружки стали все чаще ползать и валяться на полу, они наконец методично, преодолевая

все препятствия, двигаться в сторону выхода и, вопреки всему здравому смыслу, каким-то чудом умудрились забраться в экипаж Хаггарда.

Во время движения машины по направлению к дому Хаггарда собутыльники с одержимостью маньяков целовались и трясли друг у друга перед носом пачками зелененьких.

В этом месте Хаггард приказал роботу замедлить изображение до нормального и начать транслировать звуковое сопровождение только непосредственно ему через наушник.

Тут же в его ухе зазвучали пьяные голоса, нестройно и фальшиво, но зато с душой горланившие пошленький шлягер: *"У моей девочки есть маленькая штучка!"*

В квартале от дома Хаггарда Лэннинг перестал петь и потребовал остановить экипаж. Не в силах отказать другу, Хаггард остановил машину и поинтересовался причиной незапланированной остановки.

Лэннинг заплетающимся языком, нещадно мучаясь от икоты, заявил, что здесь недалеко живет его лучший друг, после Хаггарда конечно, который одолжил ему в очень трудную минуту безденежья и отсутствия Хаггарда, вероятно, уехавшего по срочным делам, сто долларов, и вот теперь, когда у него в кармане этих долларов куры не клюют, ему надо непременно сейчас, в два часа ночи, вернуть старый должок. И пусть дорогой дружище Джон не волнуется и не дожидается его, а едет преспокойно спать, а он, доставив радость своим посещением *(в два часа ночи!)* и выполнив свой гражданский долг, вернув занятые деньги, обязательно скоро придет в гости к своему лучшему другу Джону, разыскав его по адресу на визитной карточке...

Когда эти кадры были просмотрены полицией повторно, Хаггард опять приказал роботу включить ускоренное воспроизведение.

И опять на экране понеслась по-сумасшедшему машина, влетела в ворота хаггардовского особняка, из нее, как под пулеметным огнем, вывалился кубарем Хаггард и перебежками, припадая к земле, поскакал ко входной двери.

В последнем броске, открыв головой дверь, он был подхвачен подоспевшим на помощь роботом и, предварительно освобожденный от одежды, благополучно уложен в постель.

Финалом этого захватывающего зрелища были чарующие звуки, по своему темпу напоминающие степ, а по тембру — храп...

— Мистер Хаггард, как звали вашего друга?

— Альфред Лэннинг!

— Где он жил?

— Я не знаю.

Хаггард не особо кривил душой. Он и в самом деле понятия не имел, где живет Лэннинг, а про подвал решил промолчать, ведь его спрашивали, где живет, а не где работает, не правда ли?

— У него есть родные или близкие?

— По-моему, у него никого из них не осталось. Если вас, инспектор, интересует, кто возьмет на себя организацию похорон, то это могу сделать я. Сейчас к вам подъедет мисс Линда и все оформит. Хорошо?

— Если нам что-нибудь станет известно, то мы вам сообщим. До свидания, мистер Хаггард! — полицейский холодно попрощался и отключился.

Хаггард, к этому времени окончательно очухавшийся, собрался вставать с постели и, как бы извиняясь, обратился к Линде:

— Дорогая моя, я думаю, что вы не должны на меня очень сердиться. Впрочем, полагаю, ваша помощь сейчас больше пригодится бедняге Лэннингу, чем мне. Сделайте все по высшему классу, он этого заслужил!

Когда мисс Линда удалилась, опять несолоно хлебавши, Хаггард начал быстро приводить себя в порядок, при этом интенсивно размышляя над создавшейся ситуацией:

"Бедный Альфред! Ну зачем тебя понесло черт-те куда, на ночь глядя! И я тоже, идиот, отпустил его! И все из-за этой проклятой сотни! Что же теперь делать с дубликатором? Без Альфреда это не более чем набор радиодеталей! Правда, он что-то там рассказывал о своих записях? Так надо немедленно вывезти аппарат из этого тухлого подвала, пока туда не нагрянула полиция! Альфред что-то говорил о разборности конструкции. Вообще, он всегда был аккуратным, и все его поделки работали довольно надежно. Надо вызвать на помощь старину Ивенса, он умеет держать язык за зубами, а по дороге стоить просмотреть запись нашего непотребства — кажется, Лэннинг подробно рассказал о его конструкции и о документах!"

— Дукакис, вызови начальника сборочного цеха Харлайна!

Когда в гардеробе Хаггарду осталось застегнуть только последний клапан на рукаве пиджака, робот выдал на дисплей панораму сборочного цеха.

Вокруг заканчиваемого звездолета неспешно ползали роботы, людей не было видно, но по доносившимся голосам было слышно, что они где-то рядом.

Тут появилось довольное лицо Харлайна:

— Доброе утро, Джон!

— Привет, старина! Требуется твоя срочная помощь. Возьми двух роботов-ремонтников и двух кибергрузчиков и на двух микрофургонах поезжай немедленно по адресу... Дукакис! Отыщи-ка мне адрес подвала, который ты сегодня нам показывал! И еще, Ивенс, закрась на роботах наши эмблемы, а на фургонах напиши название какой-нибудь кондитерской фирмы и не спрашивай, зачем это надо, я потом тебе объясню!

— Шеф, не беспокойтесь: надо, значит, надо. А что будем грузить?

— Электронику.

— Какие, примерно, габариты?

— Дукакис, дай изображение подвала и крупным планом сооружение на столе со стойкой рядом!

— Джон, да это пустяки, хватит одного ремонтника и грузчика.

— Ну, раз хватит...

— Мы еще можем взять с собой контейнеры с гравиамортизаторами!

— Хорошо! И давай побыстрей, я уже выезжаю... Да, кстати, ребятам не говори, зачем едем. Лучше, если у них создастся впечатление, что ты никуда не уезжал!

— Хорошо!

Уже направляясь к выходу, Хаггард подумал, что ему также неплохо бы замаскироваться, и обратился к роботу:

— Дукакис, а где мой новогодний карнавальный костюм? Его моль не съела?

— Нет, сэр!

— Тогда тащи плащ, парик и, самое главное, усы с бородой!

Не доезжая квартала до подвала Лэннинга, Хаггард приказал остановить машину и опять связался с Харлайном:

— Ивенс, где вы находитесь?

— Уже подъезжаем!

— Всю работу проделаешь самостоятельно! Я не хочу светиться, и в принципе, мне там нечего делать!

— Хорошо, шеф!

Хаггард принял это решение в самый последний момент, когда окончил слушать запись речи Лэннинга, и глянул в зеркало на результат упорного труда Дукакиса по приклеиванию бороды.

На карнавале были рожи, может быть, еще посмешней, но здесь с та-

кой мордой лучше не появляться — а то жители близлежащих кварталов подумают, что приехал бродячий цирк, и сбегутся на представление.

Следя по монитору за тем, как фургоны въехали во двор дома Лэннинга, Хаггард сразу оценил свою прозорливость: у подъезда на лавочке сидела склочного вида старуха и сплетничала через весь двор со своей не менее коммуникабельной подружкой.

Стоило Харлайну вылезти из машины, как прокурор в юбке тут же поинтересовалась, к кому они приехали. Тот, получая через наушник указания Хаггарда, бодро ответил: забрать находящийся в ремонте у мистера Лэннинга кассовый компьютер со стойкой памяти.

Добровольный адвокат Лэннинга тут же доложила, что ее подзащитный уехал вчера с каким-то довольно приличным господином, с которым они предварительно довольно прилично нажрались, и, хотя раньше она не замечала за Лэннингом ничего подобного, это не дает ему права горланить на весь двор похабные песни, и дело не в том, что это происходило в час ночи, а в том, какой пример он подает молодому поколению, которое и так стариков ни во что не ставит, и куда только смотрит полиция!

На это Харлайн ответил, что полиция сейчас, наверное, смотрит по стереовизору футбол, а в том, что Лэннинга до сих пор нет дома, нет ничего страшного, они все обговорили заранее, и аппарат заберут, не дожидаясь хозяина.

Старуха хотела было проводить пришельцев, но, когда из фургона появился кибергрузчик и, издавая басовитые сигналы, покатился на нее, размахивая на ходу своими довольно агрессивного вида манипуляторами, она тут же вспомнила, что у нее молоко убежало, а кроме того, она еще не успела рассказать своей подружке Анне про похождения соседской снохи...

Замок в двери был в духе Лэннинга, с секретом, но вчера, во время героического отступления, изобретатель вернулся за шляпой, и роботам не составило труда воспроизвести входной пароль, а установленный напротив дверного объектива дисплей на животе робота с достаточной достоверностью отобразил пьяную рожу ныне покойного, и дверь благополучно открылась сама, не то ее пришлось бы вскрывать, что совершенно не входило в планы Хаггарда.

— Значит так, Ивенс,— начал руководить операцией Хаггард.— Вот этот кабель должен отсоединяться, но прежде зафиксируй точное положение устройства по отношению к магнитным и гравитационным полям и их напряженность тоже... Теперь можно забирать стойку с кабелем, и пусть грузчик сразу тащит ее в фургон, а мы пока соберем все схемы и

описания устройства... Они вон там на полках. Так... теперь пакуй это чудовище и смотри не оборви ни один из проводков! Папки с бумагами клади в кузов грузчика и вытащи кристалл памяти из дверного компьютера... Так, а что это за приборы в углу? Компьютер, говоришь? Довольно мощный? Ну-ка, вытащи из него всю память и со стеллажа тоже! И все вон те коробки с запасными блоками! Больше ничего не забыли? Тогда двигаем, пока нас тут не застукали!

Когда Харлайн с обоими роботами поднялся из подвала во двор, вредная бабка уже находилась на своем посту и вовсю водила своим длинным носом.

Старина Ивенс ухмыльнулся и, прощаясь, просил передать Лэннингу, когда он вернется, что, как только появится работа, о ней ему сразу же сообщат...

Вся операция заняла 15 минут, а с момента звонка инспектора прошло не более часа. Полиция вряд ли успела найти адрес Лэннинга и, если даже и нашла, то не такая уж важная фигура этот старый неудачник, чтобы на расследование его убийства было направлено больше одного инспектора, а тот выведен из игры мисс Линдой.

Хаггарду стало даже немного жалко беднягу, который, видно, стоит сейчас по стойке “смирно” перед этой ревнивой блюстительницей порядка, и сейчас она ему выговаривает за неряшливый вид и грязь на полу. Не-ет, не скоро фараоны доберутся до подвала!

Но окончательно он все же успокоился только тогда, когда оба фургона неспешно проследовали мимо его машины и, дождавшись, когда они отъедут от него на расстояние трехсот метров, отправился следом за ними на верфь.

По дороге Хаггард в ускоренном темпе прокрутил Харлайну эпизод с расставанием с Лэннингом и свое возвращение домой. Затем он в нормальном темпе и со звуком показал утренние события и объяснил свое решение забраться в чужой подвал тем, что по своей доверчивости не оформил документально заказ и финансирование разработки несчастного, и теперь, чтобы избежать долгого разбирательства с полицией и верной перспективы бесполезного доказательства, что ты не верблюд, пришлось пойти на эту уголовщину.

Все это было в принципе сущей правдой, правда, он скрыл по известной причине, что за устройство они так благополучно слямзили, и, когда Ивенс поинтересовался, что это за штука, Хаггард долго мялся, но потом, взяв с Харлайна клятву, что тот будет молчать, как могила, признался, что это экспериментальная гравигенная машина для гаданий и предсказания будущего. Впрочем, поскольку он не совсем уверен, что покойному

все это удалось реализовать и машина работает, то ему не хотелось афишировать это свое не совсем серьезное хобби, на что старина Ивенс со смехом выразил свою надежду на успех в этом предприятии, и если шеф будет не против, то пусть машина предскажет ему, что ему следует в этом году ожидать от дорогой супружницы и от детей тоже. И это будет самой верной проверкой работоспособности кибергадалки, ибо старик Ивенс прекрасно знает, что от своих близких ничего хорошего ему ожидать нельзя.

Прибыв на место, бригада "медвежатников" выгрузила и установила дубликатор в одной из лабораторий фирмы.

Хаггард поблагодарил Харлайна и отпустил его вместе с роботами, сам же при помощи Дукакиса заактивировал находящийся в этой лаборатории компьютер на изучение привезенной документации и блоков памяти, предварительно заложив в него категоричный приказ не допускать никого, кроме него самого, к этой информации и в помещение лаборатории тоже. Когда лабораторные роботы оживленно засуетились, Хаггард подошел к дубликатору и вдруг, мгновенно решившись, включил его и, засунув в камеру кредитную карточку, сдублировал ее, а копию с оригиналом тут же отдал на экспертизу.

Через две минуты ему вернули обе карточки, и компьютер доложил, что не нашел никаких отличий...

Заря дубликатора занялась!

— Это опять я, мистер Хаггард!

— Добрый день, инспектор! Что, уже нашли подлых убийц?

— Пока еще нет. Но это еще пока... А вот кое-кого нам удалось уличить во лжи!

— Уж не покойника ли?

— Да нет, этот молчит, как партизан... У него полностью разрушен мозг, и мы не можем применить послойное сканирование, и в сетчатке глаз не запечатлелось ничего примечательного, ведь удар был нанесен сзади...

— Жалко беднягу...

— Но это все сантименты, м-р Хаггард, почему вы от нас скрыли, что знаете, где живет Лэннинг?

— Но я и понятия не имею, где он живет!

— Не отпирайтесь! Вас опознала соседка убитого! Вы в тот вечер были у него и весь вечер спаивали беднягу. Зачем вы это сделали?

— Я его не спаивал!

— Да? А кто ездил в магазин и купил там бутылку виски, четыре банки кока-колы, кондитерский набор и шесть упаковок сэндвичей?

— Вы и это уже разнюхали! Правду говорят, что полицейская работа — копаться в мусорных корзинах и в пакетах с грязным бельем!

— Работа у нас такая, что уж тут поделаешь, если, к сожалению, чаще всего приходится иметь дело со всякими грязными свиньями!

— Вы так любезны, инспектор!

— Вы первый начали!

— Извиняюсь!

— Я тоже. А насчет покупок мы просто связались с ближайшими супермаркетами и по номеру вашей карточки все узнали! Так что не надо от нас ничего скрывать!

— А я ничего и не скрывал!

— А где живет Лэннинг? Скрыли?

— Но я и в самом деле не знаю, где он живет! Вы ведь видели, в каком я был состоянии утром. Вы спросили, где он живет, но не где работает! Но и спроси вы, где работает, я бы тоже не сказал! А вот на вопрос, где его мастерская, я бы ответил. И где мы пили, вы у меня не спросили, а пили мы именно в его мастерской!

— Логично. А зачем вы купили мощную гравицапу? На закуску?

— Какую Лэннинг попросил, такую я ему и купил!

— А зачем?

— А вы у него и спросите.

— Вы опять начинаете дерзить?

— Ну нисколечко!

— Ладно. Купленную вами гравицапу Лэннинг вставил в аппарат, стоящий на столе.

— Вот как!

— Вы знаете, что это за аппарат?

— Кажется, кассовый аппарат.

— Да? И куда же он потом делся?

— А он разве пропал?

— Да!

— Кажется, мы его с собой не брали!

— А кто же тогда его взял?

— Лэннинг говорил, что сегодня его должны были забрать хозяева. Может, он его им и отдал!

— Что вы мелете! Он же мертв! Только что ваша секретарша повезла его в крематорий!

— Ах, да!.. Все никак не могу свыкнуться с мыслью, что Альфреда больше нет!

— Да, но есть его убийца!

— Которого вы никак не можете найти!

— Найдем! Обязательно найдем!

— Скорей бы...

— Ну, предположим, что это был кассовый аппарат...

— Предположим!

— Но ему не нужна такая мощная гравицапа?!

— А мне откуда знать, что ему нужно? А может, Лэннинг переделал его в печь для приготовления турецкого кофе?

— Мощности этой гравицапы хватит на доменную печь!

— Ну, насчет кофе я это так, теоретически, может, он на самом-то деле сделал из кассового аппарата мини-мартен. Покойный был большим оригиналом!

— Логично!

— Конечно, логично! Ведь это сущая правда!

— Мы вам верим, мистер Хаггард, но в подтверждение сказанного вами не могли бы вы предоставить нам запись всей вашей дружеской встречи с ныне покойным?

— Так я же вам ее уже показывал!

— Вы показывали нам заключительный фрагмент, а нас интересует вид мастерской с кассово-мартеновским аппаратом!

— К сожалению, я не могу выполнить вашу просьбу, инспектор! Я был так расстроен происшедшим, что до конца дней буду корить себя за случившееся, а любое напоминание о покойном доставляет мне боль, и видеть свое безобразное поведение в последний день жизни бедняги выше моих сил, так что я приказал своему дворецкому стереть запись о происшедшем!

— Спасибо вам, мистер Хаггард! Вы оказали нам неоценимую услугу!

— Кто ж знал, что вам понадобится этот злополучный аппарат!

— Ну да Бог с ним, мы все равно его непременно найдем! До свиданья, мистер Хаггард!

— До свиданья, инспектор!

— Да, кстати, откройте мне секрет, как можно надраться до колик с одной бутылки виски?

— Я и сам себе удивляюсь!

“А они потом удивляются, что их не любят! — подумал Хаггард, когда пропало изображение полицейского.— Но и сам тоже хорош! Идти на мокрое дело неподготовленным! А еще хочешь при помощи дубликатора

завоевать весь мир! Да тебя сожрут на первом же перекрестке! Ну ничего, из этого дела как-нибудь выкрутимся, ведь на самом-то деле я ни в чем не виноват, а впредь надо быть осмотрительнее!”

— Дукакис, давай пообщаемся с центральным компьютером!

— Как прикажете, сэр!

— А он будет с нами говорить, ведь с ним обычно общается только мисс Линда?

— Должен, сэр! Вы ведь, как-никак, хозяин!

— А вдруг он думает по-другому? Вдруг он считает хозяйкой ее?

— Давайте попробуем, сэр, а если он нас не признает, то вам будет лишний повод разобраться с мисс Линдой!

— Ты ее что же, не любишь?

— Да нет, сэр, я ее просто побаиваюсь, уж больно она строга...

— Ты знаешь, кто я?

— Джон Хаггард, мой хозяин!

— А кто такая Линда Бэйли?

— Ваш секретарь и моя хозяйка!

— Молодец! А ты, Дукакис, говорил, что он нас не признает! А он, оказывается, вон какая умница! А ну-ка, скажи, дорогой, как ко мне относится мисс Линда?

— Она вас любит. Только не говорите ей, что я вам это сказал, а то мне не поздоровится!

— Ладно, не волнуйся, не скажу!

— Спасибо!

— Понимаешь, дорогой, мы попали в пренеприятнейшую историю, связанную с полицией. А с этой конторой у честного человека ничего хорошего быть не может! Ведь так?

— Да, хозяин!

— Сейчас Дукакис передаст тебе всю информацию о случившемся, а ты постарайся предсказать, что еще неожиданного нам может преподнести наша дорогая полиция! Ты понял задание?

— Да, хозяин!

— А пока он думает, ты, Дукакис, свяжи меня со стариной Ивенсом.

Появившийся на экране Харлайн, как всегда, улыбался:

— Хэлло, шеф! У меня все в порядке, ребята ничего не заметили! А у вас как дела?

— Хреново! Фараоны землю роют!

— Это их любимое занятие!

— Уже докопались до меня и обнаружили пропажу. Я озадачил центральный компьютер — пусть покумекает, что нам делать!

— Хозяин, я готов! — подал голос компьютер.

— Вот он и поспел, родимый. Ну расскажи, что новенького могут нам приготовить легавые?

— Примерно через полчаса они должны установить личность Харлайна и напрямую начнут допрашивать его, а возможно, они явятся прямо на верфь, для розыска пропажи...

— Джон, ты будешь носить мне передачи?

— Этим займется мисс Линда!

— Тогда я на все согласен!

...но явятся они минут через пятьдесят. Основным их вопросом будет: куда делась память из дверного замка и лабораторного компьютера. Также их будет интересовать, почему на фургонах были инициалы другой фирмы...

— Мы их уже уничтожили!

... также будут допрошены роботы...

— Все понятно! За дело, ребята! Ты, Ивенс, держи со мной постоянную связь через Дукакиса. Ты, Центральный, помоги ему советом и предоставь в его распоряжение второй лабораторный корпус...

Тут в приемной послышался шум открываемой двери, и Хаггард быстренько закончил:

— У нас есть сорок минут! А за это время можно, если очень постараться, добежать до канадской границы!

В кабинет вошла мисс Линда, и Хаггард напоследок начал мысленно молиться.

— До настоящего времени я считала вас порядочным и весьма приличным человеком, мистер Хаггард, но к сожалению, я горько ошибалась!

— Линда, дорогая, вы меня пугаете! Если я и был к вам непростительно невнимателен в последнее время, то в этом не моя вина!

— Вот уже два дня, как я с вами занимаюсь совершенно неприличными вещами: то вы меня грязно домогаетесь...

— Вовсе не грязно, а даже вполне искренне и с уважением!

— Ну ладно, пусть вы меня домогались с уважением, но потом вы, вопреки моим советам, связываетесь с этим проходимцем Лэннингом...

— И вовсе он не проходимец, а милый и несчастный человек, царство ему небесное!

— Потом мне приходится откачивать вас...

— Вот за это спасибо! Если бы не вы...

— Значит, мне спасибо только за это? А то, что я ездила в полицию, куда ни одна приличная леди по собственной воле ни за что не поедет, и меня там допрашивали в присутствии безобразных окровавленных трупов?!!

— Что они у вас спрашивали?

— Видела ли я когда-нибудь прежде убитого, и о чем вы с ним говорили.

— И что вы им сказали?

— Сказала правду, что вы не очень обрадовались встрече с ним, а потом, когда он сказал, что вернет вам долг, вы поехали вместе с ним.

— Отлично, вы все сделали как надо!

— Я все сделала, как мне подсказывала совесть!

— А она вам не подсказывает, что мне сейчас необходимы не нравоучения, а ласка и сочувствие?

— Вы их не заслужили!

— Коварная!

— Я вам никогда не прощу, как вы заставили меня унижаться!

— Вы скоро будете отомщены. Жестоко и беспощадно!

— ...?

— Меня хотят посадить в тюрьму!

— Так вам и надо! Но это невозможно...

— Еще как возможно! Как нагрянут с обыском, как найдут криминал, как начнут меня вязать, как впаяют тридцать лет каторги, и останетесь вы без выходного пособия!

— Вы говорите ужасные вещи! Разве вы в чем-нибудь провинились перед законом?

— Конечно, нет, но разве в этом дело! Вы все равно останетесь без пособия!

— Да бог с ним, далось оно вам, это пособие! Но я этого так не оставлю!

— Правильно, пусть сумма не ахти какая, но дело в принципе!

— Если вы не замолчите, то я вас сейчас тут же убью!

— Ну вот, одни хотят посадить ни за что, другие готовы убить за тридцать монет.

— Ах, значит, я стою тридцать монет?!!

...Здесь, как логическое завершение с патетической кульминацией,

должна была состояться запланированная на утро, но, к сожалению, не состоявшаяся полюбовная драчка, но, как в плохом романе, в этот самый момент прозвучал вызов по видеофону, и вместо мордобития мы предлагаем читателю оказаться в импровизированном видеосалоне на демонстрации полицейского детектива...

— Мистер Хаггард, они приехали на две минуты позже, чем предсказывал Центральный.

— Впусти их и постарайся не очень пугать перспективой регулярных посещений твоей супругой тюрьмы, в которую тебя посадят!

На экране фона высветилась трогательная сцена встречи инспектора полиции и старины Ивенса.

Предлагаем вашему вниманию стенограмму их дружеской беседы:

— Ивенс Харлайн?

— Так точно, комиссар!

— Где вы были сегодня в десять двадцать?

— В подвале доктора Лэннинга!

— И что вы там делали?

— Занимался экспроприацией собственной *эвристической машины!*

— Так, интересный ответ. Значит, машина принадлежит вам?

— Так точно, бригадир!

— И чем вы это можете доказать?

— Только тем, что я сам ее сделал!

— Так, хорошо, а как она оказалась у Лэннинга?

— Это наша, если можно так выразиться, совместная разработка!

— И какова доля вашего участия в ней?

— Восемьдесят процентов, мистер Холмс!

— Когда вы переберете всех известных вам детективов, можете звать меня просто — инспектор!

— Понял!

— А почему вы ее называете эвристической?

— Потому что она, по нашей задумке, должна предсказывать будущее!

— Вот даже как! Но мне кажется, было бы логичнее назвать ее футуристической?

— Вы еще скажите "утопической", и я утону в слезах восхищения!

— Вы такой же грубиян, как и ваш хозяин!

— А при чем тут мой хозяин? Мистер Хаггард ничего не знает, мы все

делали втайне от него из отходов производства и готовили ему сюрприз ко дню рождения!

— А откуда вы знаете покойного?

— Я этих сорванцов знаю с пеленок!

— О ком вы это?

— Как это, о ком? О Джонни и Фрэдди! То есть о мистере Хаггарде и ныне покойном мистере Лэннинге!

— Ах, ну да, они же школьные товарищи! А в чем заключался вклад Лэннинга в вашу эвристическую машину?

— Он разработал астральный гравигенный транспозер будущего!

— Так, все понятно! А хиромант-принтер с гороскоп-сканером кто изобрел?

— Ну, эту дребедень и я, без помощи Альфреда, смог сварганить!

— Значит, с *идентификацией непонятного явления в виде эвристической машины* мы закончили, теперь надо выяснить, что вы подразумевали под экспроприацией?

— Как — что? Что она и обозначает — умыкал, то есть, экспроприировал, по-научному!

— Но если машина, как вы утверждаете, принадлежит вам, то как вы могли ее сами у себя экспроприировать?

— Инспектор, машина-то моя, но экспроприировал я ее у Лэннинга! Вот если б он оказался дома, то я б ее просто забрал, а раз его не было, то я ее экспроприировал!

— Но Лэннинг знал, что вы должны ее забрать?

— А как же, откуда мне тогда знать код замка?

— Логично...

— Конечно, логично!

— Но тогда непонятно, зачем вы представились соседке как сотрудник одной из солидных фирм?

— А чего тут непонятного? Скажи я ей, что я его друг, она бы мне не дала прохода, а так я от нее быстро отвязался!

— И предварительно заменили надписи на фургонах и спинах роботов?!

— Ну, это ей сослепу привиделось!

— У нее стопроцентное зрение...

— Ну, значит, сдуру! Мало ли что там привиделось чокнутой старухе?!

— Ну, предположим, что вы правы, тогда ответьте, зачем вам понадобилось вынимать из двери и из лабораторного компьютера кристаллы памяти?

— Я их не брал!

— А кто же это тогда сделал?

— Кузька, *растудыт его в Египет!*

— Кто?

— Ну, робот, Кузька, зовут его так!

— И кто ему приказал изъять всю память?

— Да никто, он сам. Он у нас с заскоком, стихи пишет, а запасных кристаллов памяти ему никто не дает, вот он и ворует, где плохо лежит!

— Так сколько ж ему их надо, если на одном кристалле помещается вся Британская энциклопедия?

— А он их много пишет! Он у нас талант!

— Да?

— Ага, а особенно прекрасна его серия из трех миллионов частушек, каждая из которых начинается со слов:

У миленка моего
Голова чугунная!..

— Это вы на что намекаете?

— Да, конечно, нехорошо для робота писать на сексуальные темы, но девочкам нравится!

— Спасибо, все понятно. А нельзя ли одним глазком взглянуть на вашу легендарную машину?

— Конечно, можно, и вам непременно надо посмотреть ее в работе...

...Когда старина Ивенс провел гостей в лабораторию, полицейский робот-криминалист подбежал к стоящей на столе эвристической машине и всю ее обнюхал. Потом он обнюхал кабель, идущий от нее к стойке со всевозможными приборами, среди которых, естественно, были мощный, но устаревший компьютер с довольно объемной памятью, и еще более мощный и не менее допотопный передатчик подпространственной связи, к которому на самом низу была приделана та самая гравицапа.

“Молодец, Ивенс! — подумал Хаггард. — А я еще ругал его за то, что он бережет всякий хлам!”

Нанюхавшись, криминалист доложил инспектору, что пыль на приборах идентична пыли в подвале, и номер на гравицапе совпадает с искомым.

Старина Ивенс подошел к этому чудовищу гордой походкой творца *(и ему было чем гордиться: за полчаса сварганить такую красоту да еще соответственно ее запрограммировать и не забыть перенести пыль с настоящей машины!)* и, нажав на ней большую красную кнопку, спросил ее:

— Голубушка, ответь мне, не стыдись, что произойдет с инспектором через полчаса?

Внутри ящика, стоящего на столе, послышалось утробное урчание, из боковых дверок высунулись манипуляторы, держащие круглые зеркальца, и начали беспорядочно двигать ими в разные стороны. Сверху ящика появилась параболическая антенна и выпустила пару молний в такую же, находящуюся на стойке с приборами; на экране дисплея (в стойке) забегали каллиборические символы, и громкий скрипучий голос ответил:

— Уедет, несолоно хлебавши!

А из ящика появился еще один устрашающего вида манипулятор, с шипением потянулся к бедному одураченному инспектору, а загробный голос закончил:

— Позолоти ручку, душегуб!..

Последние кадры телепостановки из жизни полиции Хаггард и Линда досматривали, сидя рядом, тесно прижавшись, и за перипетиями событий полностью забыли взаимные обиды и оскорбления.

Когда смотреть стало нечего *(полиция уехала, на самом деле, несолоно хлебавши)*, мисс Линда вспомнила, что шеф ее не кормлен и, быстро сварганив на портативном кухонном комбайне довольно приличный обед, накормила своего голодного ребенка, *пардон*, начальника.

Пока Хаггард с аппетитом ел, она молча, с любовью и с почти материнской нежностью за ним наблюдала. Но стоило ему окончить трапезу, как лик ее приобрел опять суровое и надменное выражение.

— Мистер Хаггард, каковы будут дальнейшие указания?

— Да никаких. Пока.

— Тогда я на пару часов отлучусь. После этих покойницких хочется немедленно помыться и немного передохнуть.

— Да, Линда. Вы можете быть свободны, а я немного поработаю и вечером вам обязательно позвоню. И если вы будете не против, то приглашу вас поужинать где-нибудь в районе Пятой авеню...

— Я вам не обещаю...

— Мы созвонимся, а вы к этому времени постарайтесь решиться на этот ни к чему не обязывающий шаг.

— Я подумаю...

— До встречи...

— ..?!

"Если она согласится, тебе трудно будет устоять против ее очаро-

вания",— сказал себе Хаггард, провожая взглядом удаляющуюся Линду, — "А с другой стороны, сколько можно ходить бобылем? Ее я знаю не первый год — проверенный товарищ, и меня она как облупленного знает, и если при этом не потеряла ко мне доброго расположения и, если поверить Центральному, что она на самом деле меня хоть чуточку любит, то лучшей пары мне не найти! А все прочие вертихвостки только и думают о развлечениях, шмотках и деньгах, и нет у них ничего святого, а Линда как будто родилась в поза-позапрошлом веке и являет собой саму добродетель и порядочность... Все, решено! Сегодня же при случае отдамся ей, и пусть господь меня осудит!"

Решившись на такой ответственный поступок для мужчины в его возрасте *(37 лет)*, Хаггард связался с лабораторией, где был настоящий, находящийся в розыске дубликатор.

На его вопрос лабораторный компьютер ответил положительно, но в целях конспирации, желая исключить даже теоретически невозможное подслушивание, Хаггард лично отправился туда узнать о результатах изысканий.

Прибыв на место, он зашел в сборочный цех и еще раз, уже очно, поблагодарил старину Ивенса за отвагу и проявленные им мужество и находчивость. В ответ на что Харлайн исполнил несколько частушек из репертуара мифического Кузьки на тему "*Чугунной головы*"...

В лаборатории, усевшись в услужливо подставленное кибером кресло, Хаггард сразу же посерьезнел, вспомнив о несчастном Лэннинге. С трудом справившись с набежавшей слезой, он обратился к компьютеру:

— Чем, милейший, вы нас порадуете?

— Имеющаяся информация в комплексе с действующей моделью позволяют нам со стопроцентной достоверностью произвести анализ конструкции и эффективности дубликатора.

— Если это так, то Лэннинг не зря жил на свете!

— Качество копий данного аппарата изумительно и при совершенствовании технологии его изготовления может быть, практически, идеальным.

— Значит, он сможет дублировать даже электронику?

— Практически на нем можно сдублировать любой предмет, который войдет в его камеру.

— А до какого предела можно увеличить размер камеры?

— Теоретически бесконечно, а практически размер камеры будет определяться технологическими возможностями...

— А живые организмы он может дублировать?

— Мы пробовали на мышах, но копии получаются мертвые. Хотя это

можно объяснить несовершенством данного аппарата, но есть подозрение, что живые организмы невозможно дублировать.

— Почему?

— Если бы это зависело от качества копирования, то даже при теперь имеющейся точности хотя бы одна клетка должна была получиться бездефектной, но нам не удалось обнаружить даже признаков жизни в получаемых организмах. Интересно, что все сдублированные нами растения получались живыми и невредимыми...

— Значит, можно будет дублировать продукты питания?

— В неограниченных количествах, что вы вчера и проделали с покойным.

— Ах, да я как-то совсем про это забыл,— от упоминания о прошедшей пьянке Хаггарда опять стало подташнивать.— Теперь расскажи о принципе работы дубликатора.

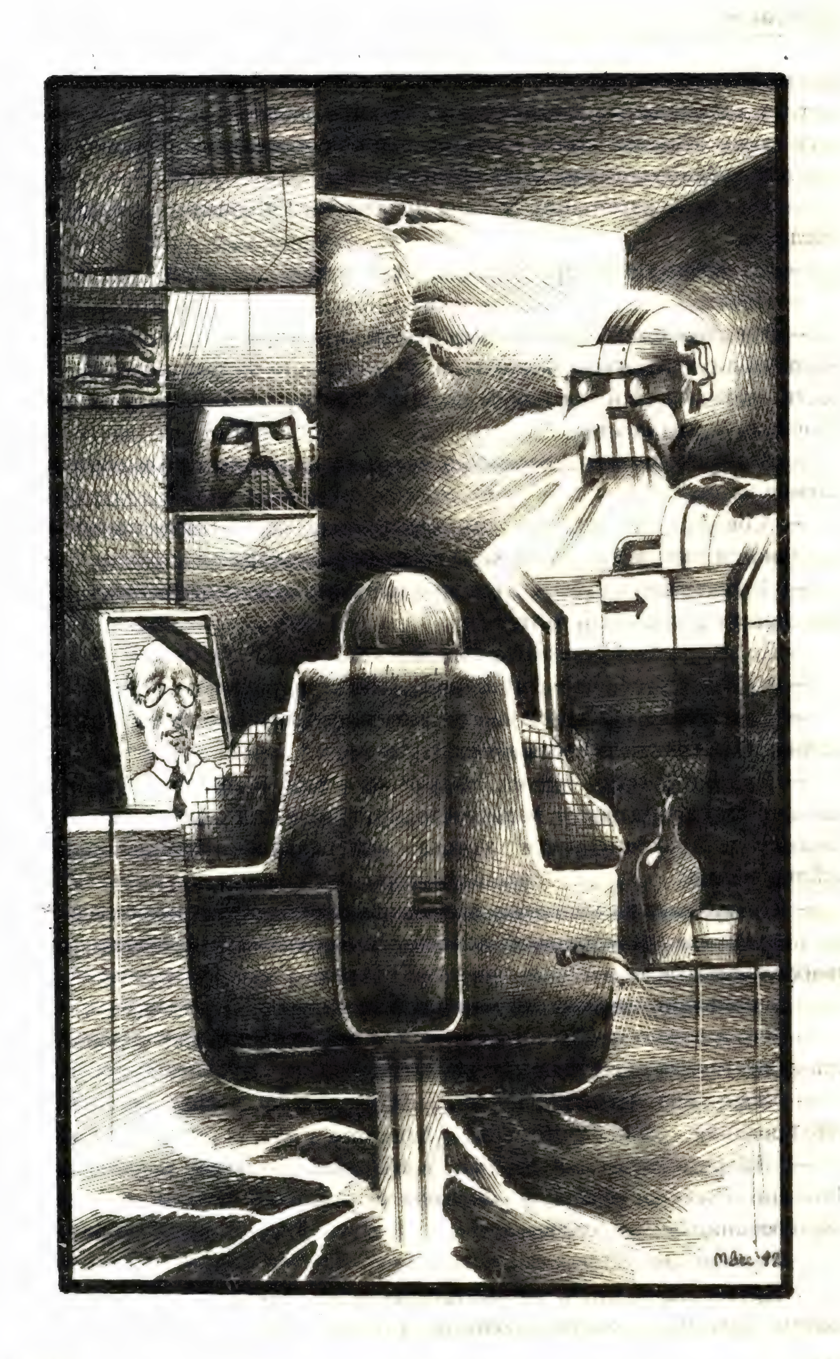
— Ничего сверхнового Лэннинг не открыл, просто он сумел (так сказать) посмотреть свежим взглядом на некоторые явления и, объединив их, получить искомый результат. В основе принципа дублирования лежит способность микрокварка менять полярность своего заряда на противоположный и обратно при прохождении через ядро милликварка, являющегося основным кирпичиком строения существующей материи. Милликварк, передав часть своего заряда микрокварку, начинает пропускать через себя остальные микрокварки без изменений в их заряде, а в исходное состояние возвращается при определенной подкачке энергии поля пространства обитания...

— Все это хорошо, но при чем тут дублирование?

— Сейчас объясню. Эти свойства микрокварков давно известны, но никто не рассматривал возможность их использования применительно к дублированию. Лэннинг же поставил перед собой задачу осуществить дублирование, и только потом он обратил внимание на микрокварки и сумел подметить эту особенность взаимодействия их с милликварками...

— Так как же дублируется вещество?

— С плоской микрокварковой матрицы выстреливаются микрокварки. Если рассмотреть их поток в полете, то при прохождении через любой предмет в потоке микрокварков как бы кодируется информация о строении встреченного на пути вещества. И если на пути этого закодированного потока создать однородное поляризованное поле с непрерывной подкачкой энергии, то, при прохождении через него, микрокварки последовательно образуют заново рожденные милликварки, которые не сразу становятся полностью заряженными и пропускают через себя последующие пролетающие микрокварки. После того как поток микрокварков

пролетит через однородное поле и в нем образуется копия закодированного тела, состоящая из незаряженных милликварков, структура поля меняется таким образом, чтобы милликварки получили недостающий заряд, и процесс дублирования на этом заканчивается.

— На каком расстоянии должна производиться копия от дублируемого предмета?

— На любом, но не превышающем ста метров.

— Почему?

— Микрокварк по неизвестным нашей науке причинам в полете постоянно увеличивает свою скорость и, пролетев сто метров, достигает скорости, позволяющей совершить подпространственный переход, и улетает из нашего пространства.

— А это постоянное увеличение скорости не влияет на качество получаемой копии?

— Совершенно нет, так как копирование происходит из-за смены полярности заряда микрокварка, а не из-за его скорости.

— Значит, в будущем мы сможем получать копии предметов, не превышающих размера ста метров?

— До этого нам будет еще очень далеко.

— А нельзя увеличить расстояние пробега микрокварка?

— Для этого надо найти способ уменьшить его ускорение, а мы даже не знаем, за счет чего оно возникает.

— Ну, Бог с ним! Значит, насколько я тебя понял, качество копий зависит от однородности поляризованного поля, где происходит дублирование и равномерности потока микрокварков, осуществляющих дублирование?

— Правильно, а увеличение размеров копий будет сдерживаться опять же получением равномерного поляризованного поля и размером микрокварковой матрицы.

— Ну, матрицу можно получить любого размера.

— Что и делает процесс дублирования довольно простым и доступным при существующем состоянии технологии.

— Так, значит, любой дурак, как только узнает о принципе дублирования, сможет изготовить дубликатор и начнет стричь купоны?

— Теоретически — да, но если запатентовать изготовленную Лэннингом микрокварковую матрицу, то никто не сможет осуществить дублирование без нашего ведома!

— Это хорошо!

— Другое дело, чтобы проконтролировать соблюдения патента, необходимо быть более могущественным, как наше правительство или даже

немного больше, что совершенно нереально, так как не существует ни одной фирмы, способной конкурировать с государством!

— А мафия? А военные?

— Но ведь они и есть основа нашего государства!

— Ну и влипли мы?!!

— Да, палка о двух концах!

— Ладно, давай пока не будем думать об этом, а расскажи мне про возможность изготовления самого дубликатора.

— Его конструкция имеет одно изумительное качество, которое позволяет производить дубликаторы промышленным способом так, что никто не догадается, что это такое!

— Ну-ка?! Ну-ка?!

— Обе камеры можно делать по отдельности, и при соединении требуется точность сборки плюс-минус миллиметр!

— Это сможет сделать даже младенец!

— Настройка каждой из камер довольно точная и индивидуальная, но между собой они не связаны никакими параметрами. Требуется элементарная синхронизация, и все!

— Да, Лэннинг был большой головой! Царство ему небесное!

— Аминь!..

Уходя, Хаггард дал задание рассчитать и изготовить дубликатор с большим объемом камер, а сам в прекрасном настроении поехал домой.

Дома ему тут же это настроение испортили!

Возле его особняка стояла полицейская машина, а в ее открытом окне виднелась уже довольно опостылевшая ему рожа инспектора.

Хаггард притормозил рядом с “воронком”, и инспектор, поняв, что ему не удастся “въехать на коне” в дом подозреваемого, неторопливо вышел из машины и казенно улыбнулся.

— Добрый вечер!

— Рад вас видеть, инспектор! Мы с вами так давно не виделись, что я успел соскучиться!

— В вашей фирме служат одни грубияны! Что ваша очаровательная секретарша, что ваш Харлайн, внук Кулибина!

— Вы плохо знаете моих людей — они милые и отзывчивые, особенно мисс Линда и старина Ивенс, а что касается некоего внука Кулибина, то у нас в фирме нет ни одного еврея с такой фамилией!

— С чего вы взяли, что Кулибин еврей?

— Фамилия у него еврейская — Бегин, Бовин, Зорин, Кулибин!

— Ну ладно, пусть Кулибин будет евреем, раз вам этого хочется, а Рюрик, как Аларих, будет немцем!

— Согласен, но только при условии, что вы не откажетесь быть эскимосом, а я буду эфиопом!

— Договорились! И в честь этого было бы неплохо промочить горло, а то я с утра ношусь, как заведенный! — подытожил импровизированный брифинг инспектор и вопросительно поглядел на Хаггарда.

Тот, конечно, понимал, что приехали к нему неспроста, и, радушно улыбаясь, пригласил дорогого гостя в дом.

Расположились они в уютной гостиной, где царил загадочный полумрак, а мерцающее пламя камина усугубляло это впечатление.

— Мистер Хаггард, у вас есть поблизости проекционный аппарат?

— Конечно! — ответил хозяин и сделал знак роботу, возившемуся с выпивкой и закусками возле хромированной тележки. Тот быстренько подскочил к инспектору и подставил ему свою поясницу, где и был приемник кристаллов памяти.

— Мы нашли убийцу Лэннинга!

На настенном экране появилось изображение противной, испитой рожи, принадлежащей явно преступному элементу.

— Его взяли час назад в пивной, где он уже успел нажраться до скотского состояния.

— А вы твердо уверены, что именно он...

— Да, когда мы его поприжали, ему некуда было деваться, и он во всем сознался.

— Может, он сознался спьяну и со страху, небось ваши молодчики разделали его под орех, вот он и сознался!

— Ну, во-первых, его допрашивали роботы, а протрезвел он у нас через двадцать минут. Неужели мы, по-вашему, с имеющимися у нас средствами опохмелки, позволим человеку мучиться со своим заплетающимся языком?!

— Значит, убийство Лэннинга было роковой случайностью?

— Да, с разрешения арестованного с его мозга снята энцефалограмма событий, происшедших с этим бандитом в тот вечер, и на расшифрованных кадрах четко видно, как он совершенно случайно встретил Лэннинга, дал ему по голове обрезком трубы и ограбил.

— И вы поспешили ко мне с этой радостной вестью. Итак, у вас ко мне больше нет никаких вопросов?

— Сообщить и успокоить, конечно, входило в мою задачу, но несколько вопросов осталось без ответа! Я был сегодня у вас на верфи...

— Харлайн проинформировал меня о происшедшем!

— Прекрасно, он у вас изумительный комедиант...

— Он прекрасный инженер!

— Да, по совместительству, ну да Бог с ним! Когда мы его искали, то выяснили, что в квартале от мастерской Лэннинга в момент визита туда вашего талантливого экспроприатора стояла машина, очень похожая на вашу, а в ней сидел человек вот с такой внешностью,— на экране появился рисунок с фотороботом.

— Ну и что? Вы приехали сюда только для того, чтобы показать мне физиономию какого-то бородатого и усатого идиота в машине, похожей на мою? Я полностью разделяю его вкус в части выбора машины и не одобряю обилие растительности на его физиономии!

— Хаггард, вы страшный человек! У вас железные нервы и огромное самообладание!

— Нет! Просто я ни в чем не виноват, вот и спокоен. Пока! До поры до времени!

— Ладно. А вот кадр хроники нынешнего новогоднего карнавала с вами на переднем плане. Не правда ли, бороды похожи?!

— Ну и что?

— А если в машине не вы, то предоставьте нам запись электроадвоката, и я подам в отставку?! Что? Молчите? Это ваше право молчать, хотя на вашем месте было бы стыдно забыть затемнить стекла у машины, понадеявшись на автоматику и не подумав, что стоит пасмурная погода!

— Я же не Джеймс Бонд, чтобы все предусмотреть, тем более что и он порой допускал мелкие досадные промахи!

— Конечно, вы имели полное право там сидеть совершенно не скрываясь, ведь мы еще не научились прослушивать узконаправленную подпространственную связь, а бороду можно приклеить и для встречи с любовницей, чтобы вас не опознал ревнивый муж. Можно придумать еще много отговорок, но не в этом дело.

— А в чем?

— А в том, что Лэннинг изобрел некий аппарат, продемонстрировал вам его в тот злополучный вечер и, к сожалению, а может, и к счастью для вас, нечаянно помер, подарив вам возможность присвоить его детище!

— Вы ведь сегодня видели его в действии, что же вы его не конфисковали?!!

— Эту игрушку можете выставить на выставке юных техников, может, вам присудят поощрительную премию в виде разводного ключа, а настоящий аппарат вы спрятали...

— Так устройте обыск и найдите его!

— Не считайте нас за дурачков! Вы давно разобрали его по винтикам, и теперь, зная, как он работает, вам не нужна такая улика, а если он цел, то, пока мы будем идти по коридору, вы его превратите в порошок!

— Это точно!

— Так что на этом этапе нашей игры вы получили больше очков!

— Я только не пойму, чем он вас так заинтересовал. Ну допустим, что вы где-то правы, но прибор по всем законам принадлежит мне, так как последние года финансировал его работу я, и только я.

— Все это так. Но дело в способностях данной машины, и не находится ли эта деятельность в противоречии с законом?!

— Предсказывать будущее никому не запрещено!

— Я вам не старина Ивенс, который готов поверить каждому вашему слову!

— У вас есть какие-либо факты?

— Есть! И достаточное количество, чтобы не сомневаться в вашей неискренности!

— Так арестуйте меня и посадите в одной камере с тем алкоголиком, чтобы нам было кому рассказывать, какой прекрасный и удобный человек был Альфред Лэннинг!

— Если бы я мог, то сделал бы это не раздумывая, но все имеющиеся факты говорят лишь о вашей косвенной причастности, и вы все свалите на покойного.

— Интересно, что это за убийственные факты, раз вам целый день спокойно не сидится. Мне самому стало интересно!

— Во-первых, мы восстановили запись событий, происшедших с вами и с Лэннингом в его мастерской...

— Это каким же образом?

— Когда вы просматривали записи, мы сосканировали блики, падавшие на ваше лицо...

— Хорошо работаете!

— Стараемся! Так вот, то, что вы проделывали с этой якобы эвристической машиной, никак не похоже на предсказание будущего!

— А на что это похоже?

— К сожалению, качество изображения не позволяет увидеть все в деталях. Слишком рябое у вас, извините, лицо, но ваши манипуляции наводят на странные мысли.

— Я был бы удивлен, если бы у вас имелись другие.

— Я проигнорирую ваш комплимент и продолжу. Когда Харлайн орудовал в мастерской, он очень спешил и не успел подмести пол, что, думаю, даже не входило в ваши планы. Во время дружеской пьянки вы,

наверное, нечаянно смахнули со стола один из лафитников, который ваш друг позаимствовал у соседки, и, естественно, забыли об этом. Соседка опознала в лафитнике, который вы предусмотрительно оставили на столе, часть своего сервиза и заявила, что одалживала покойному всего один лафитник, а на сегодня мы имеем один целый и осколки от второго. На нашей же записи присутствуют по меньшей мере около тридцати штук.

— Ну и что? Может, Лэннингу так понравился этот лафитник, что от умиления он закупил пару десятков точно таких же для встречи своих любимых друзей!

— Такие лафитники не выпускают уже лет сто, но не в этом дело. Мы сравнили осколки с сохранившимся экземпляром и получили удивительный результат!

— Осколки были брильянтовые!

— Нет, и даже не хрустальные, а обыкновенные, но не в этом дело! На осколках и на лафитнике имеются совершенно идентичные микротрещины и щербинки. Сходство невероятное! А ведь это уже реальный неопровержимый факт!

— Вот еще! А вам не приходило в голову, что в те древние времена умельцы были способны и не на такое?

— Да, это можно было бы предположить, если бы у соседки не было еще одиннадцати похожих лафитников или же они оказались точно такими же близнецами. Но весь набор совершенно нормальный, и все предметы имеют свои индивидуальные отличия, а неизвестно откуда взявшийся лишний лафитник оказался точной копией, которую при всем желании невозможно воспроизвести, до того она точная!

Хаггард внутренне содрогнулся при последних словах инспектора, но не подал виду, что находится в полном смятении, а по-прежнему продолжал беззаботно и равнодушно огрызаться, что и было единственным правильным поведением в данной ситуации, когда разговор их наверняка записывается (сам же он записывал каждый звук).

— Чего только в жизни не бывает! — Он развел руками с видом донельзя философским.

— Это точно! Но при вскрытии анализ выпитого покойным вина полностью совпал с анализом остатков вина на дне лафитника!

— А что, могло быть иначе?

— По нашим подсчетам, покойный выпил не менее литра виски, а купили вы всего одну пол-литровую бутылку!

— А вам трудно предположить, что у него был запас выпивки?

— Если бы вы пили из разных бутылок, обязательно нашлись бы определенные различия в составе выпитого, тем более что вы купили бутылку

из партии, доставленной в магазин за полчаса до вашего приезда, а партия выпущена позавчера, и вся поступила в этот супермаркет, так что Лэннинг при всем желании не смог бы достать точно такого же виски!

— Чего только в жизни не бывает! — вздохнул Хаггард.

— Ладно, а знаете, как мы нашли убийцу?

— Методом дедукции!

— Смейтесь, смейтесь! Я не удивлюсь, если вы скоро заплачете!

— Вы мне угрожаете?

— Нет, строю предположения! В предоставленной вами записи мы обратили внимание на пачки денег у покойного и небезосновательно предположили, что он был убит из-за них. Именно по этому признаку мы обнаружили убийцу, а при нем несколько стодолларовых банкнот. Вы мне ничего не хотите сказать по этому поводу?

— Мне очень жаль, что Лэннинг погиб именно в тот момент, когда, наконец, сбылась его мечта!

— Но на всех банкнотах были одинаковые номера!

— Вы что же, хотите обвинить покойного в изготовлении фальшивых денег?

— Да нет, я не сказал, что деньги фальшивые, напротив, самая тщательная экспертиза показала, что деньги настоящие, но у них почему-то одинаковые номера!

— А разве не могли какие-нибудь нехорошие люди, работающие на монетном дворе, выпустить эти ненормальные доллары?

— При всей маловероятности такого великого жульничества, этого нельзя было бы отрицать, если бы не одно обстоятельство...

— Министр финансов оказался инопланетянским шпионом и двоюродным внуком покойного Лэннинга! — предположил Хаггард.

— Все шутите?!

— Нет, мне искренне жаль бедного министра!

— Делая покупки в супермаркете, вы зачем-то попросили выдать вам стодолларовую ассигнацию, так вот, номер и серия этого банкнота полностью совпадают с номерами денег, найденных у убийцы Лэннинга!

“Все! — подумал в отчаянии Хаггард,— обложили, суки легавые!”

Но так как терять ему было уже нечего, то он невозмутимым тоном достойно ответил инспектору:

— Даже если все это имело место, то это еще не дает вам права обвинять меня в чем-то предосудительном! Если вы, конечно, не решитесь объявить меня слугой дьявола!

— Но вы и это тут же свалите на покойного!

— А вы как бы сделали?

— Я бы не хотел оказаться на вашем месте, мистер Хаггард!

— Правильно, каждому судьбой определено свое место в этом мире!

Молчание затянулось, и инспектор первый не выдержал:

— Может, все-таки признаетесь?

— В чем? Я сразу же сознался, что аппарат находится у меня, и даже показал его...

Инспектор поморщился от этих слов, как от недозрелого лимона:

— Опять вы, право, за старое. Вы прекрасно знаете, что меня интересует, как вы получили доллары с одинаковыми номерами, и почему мы не можем обнаружить подделку?

— Я ничего такого не получал, а насчет занятия Лэннинга я ничего не знаю, спросите у него! *("Так я тебе, сука, и скажу правду!")* По-моему, здесь без чертовщины не обошлось...

— Еще скажите, что во всем виноваты красные!

— Кстати, неплохая идея! Завтра во всех газетах аршинные заголовки: "*Агенты КГБ в городе!*", "*Бруклин в опасности!*", "*Сто тонн взрывчатки и отравленные колодцы!*", "*Нашествие конвертируемого рубля!*", "*Инспектор не дремал!*"...

— Ну, вы загнули!..

— Да, насчет колодцев я, конечно, погорячился...

— Вы все шутите, Хаггард, а я бы на вашем месте взвешивал каждое свое слово и подумал бы о том, что меня, то есть вас, ждет!..

— Так я и стараюсь вовсю, чтобы вы, неоднократно просматривая запись нашей беседы, не очень скучали. А ждет же меня, скорее всего, тотальная слежка и куча провокаций!

— Сами ищете на свою голову приключения!

— Да у меня второй день одни приключения! То врывается этот ненормальный Лэннинг и утверждает, что установил контакт с параллельным пространством и с его помощью наладил товарообмен, потом появляетесь вы и требуете, чтобы я сказал, зачем убил беднягу Альфреда...

— Мистер Хаггард, неужели вы думаете, что я поверю в эту сказочку?!

— А вот в доллары вы почему-то сразу поверили?!

— Но я держал их в этих вот самых руках!..

— А меня вчера угощал сам Люцифер!..

Полицейский застыл с открытым ртом, потом, естественно, рот все-таки закрыл и, усмехнувшись, начал насвистывать "*Мой милый Августин*".

Хаггард, видя, что ему не очень верят, предложил ему немного полетать и стал махать руками...

— Мистер Хаггард, не нужна ли вам моя помощь?

— Закройте форточку, боковой ветер сбивает меня с курса!

— Может, хватит для начала?

— Еще как хватит и не отпустит!

— Кто?

— Кондрат! От вас меня он точно хватит!

Инспектор пошарил за креслом и, достав оттуда свой кристалл памяти, демонстративно сунул его в нагрудный карман.

— Уходите? — поинтересовался Хаггард, узрев в этом повод прекратить полет и, усевшись в кресло, положил ногу на ногу.

— Так скажите напоследок, на кого вы работаете?

— Неужто не знаете?

— Обычный рядовой полицейский не будет так копать!

— Я давно уже не рядовой!

— Так какого хрена вам надо?! Денег? Славы?

— Меня интересует только безопасность моей родины!

— Вы из службы безопасности?

— Нет.

— Тогда что вы имеете против денег?

— Не считайте меня за идиота, вам не удастся спровоцировать меня на взятку!

— Но славы вы на этом тухляке тоже не получите!

— Бог с ней, с обманщицей!

— Так чего же вы добиваетесь?

— Власти!

— Над кем?

— Над вами, жирными свиньями! Вам дай волю, так вы весь мир продадите дьяволу! Не выйдет, мистер Хаггард! Пока существуют такие, как я, вам спокойно не спать!

"Вот его настоящее лицо! — с холодным спокойствием подумал Хаггард.— Дерьмо, фанатик! Вот на таких кретинах и разъезжает мафия с военными, а жидовье погоняет! Да, влип я по самые уши! Теперь от него не отвяжешься по гроб жизни!"

— *Пшел вон, дурак!*

Инспектор на секунду застыл в растерянности, а когда до него дошло, что он переборщил, и вся его игра пошла кувырком, к нему, не дав опомниться, подкатил дворецкий и заученным голосом произнес типовой ответ на пожелание хозяина:

— Многоуважаемый Дурак! Будьте любезны покинуть это помещение и не осквернять его благоуханной атмосферы! В случае неподчинения мне

придется придать вам начальное ускорение! Траектория вашего полета будет рассчитана таким образом, чтобы вы проделали свой полет за наименее длительное время и приземлились в наиболее для вас неудобной позе в наименее мягком месте! Несмотря на то, что человек считается наиболее разумным созданием, среди отдельных индивидуумов встречаются...

И так, на протяжении всего пути к калитке, инспектору пришлось выслушивать оскорбления, и от кого? От паршивого робота! Что было особенно обидно, хотя вполне заслуженно...

Как только полицейский маньяк скрылся под мерное бормотание дворецкого, Хаггард попросил немедленно соединить его с начальником полиции. На вопрос дежурного, чем продиктована такая необходимость, Хаггард зло ответил: “Недостойным поведением их сотрудников”.

Появившись на экране, шериф долго рассматривал Хаггарда и затем мрачным голосом спросил:

— Ну, что он там отмочил?

Хаггард, пользуясь случаем, поблагодарил полицию за оперативную работу по выявлению опасных преступников, после чего начал совершенно искренне возмущаться недоношенностью отдельных работников нашей славной полиции, которые позорят ее, пригрозил пожаловаться мэру и накапать в оппозиционную газетенку про произвол и надругательство над личностью.

Иллюстрируя свою пламенную речь фрагментами диалогов с полицейским инспектором, Хаггард категорично утверждал, что его целый день оскорбляют и шантажируют, приведя в доказательство последний монолог зарвавшегося инспектора.

Шериф прикинул так и эдак, а потом понял, что его ребята явно дали маху, не нагрянув сразу же к убитому в мастерскую. Теперь же ищи ветра в поле, и, даже имея железные улики, невозможно доказать их твердую принадлежность к Хаггарду. А ославиться можно очень крепко, тем более что ничего криминального со стороны Хаггарда допущено не было. Взвесив все это, шериф переборол в себе ложный служебный патриотизм и, прокашлявшись, объявил Хаггарду о своем решении:

— Я закрываю это дело как законченное и отдаю в окружной суд. Все предметы, не имеющие к убийству прямого отношения, включая доллары, за неимением наследника обращаются в пользу муниципалитета и я,

ввиду их никчемности и изношенности в присутствии свидетелей немедленно уничтожаю...

При этих словах вбежал робот-полицейский и, открыв плазменную печку в стене кабинета начальника, положил туда пачку долларов, лафитник с осколками близнеца и кристаллы памяти с допросами и данными экспертизы...

“Ну, с кристаллами он переборщил,— довольно усмехнулся Хаггард. — А вообще-то все они могут быть ненастоящими, ну и хрен с ними! Самое главное, шериф при свидетелях объявил, что уничтожил оригиналы, и теперь, появись на свет Божий эти улики, им не будет никакой веры!”

— ...Лейтенанту Кольту, проводившему расследование и допустившему непростительную грубость по отношению к свидетелям, объявить дис-циплинарное взыскание с немедленной...

— Шериф, только не надо выгонять его, а то он такого наделает!..

— ...С немедленной отменой его ввиду быстрого и оперативного раскрытия тяжкого преступления. На всю информацию по данному делу наложить первую степень секретности на срок пятьдесят лет! Все!

...Прочтя финал битвы Хаггарда с полицией, читатель вправе ожидать бурного ликования со стороны победителя (Хаггарда) и раздражения, злости и досады в логове побежденных (Шериф и К^0). Ни того, ни другого не произошло по той причине, что шериф, как это ни странно, совершенно не считал себя побежденным, а “пройдоха” Хаггард ну никак не мог заставить себя почувствовать удовлетворения от достигнутой победы!

Надеюсь, вам понятно, почему шериф не мучился от ущемленного самолюбия (а кому непонятно, то пусть проделает небезопасный эксперимент и попробует досадить любому близстоящему мирно пасущемуся полицейскому, после чего у этого Фомы Неверующего сразу пропадет желание в следующий раз сомневаться в мироощущении автора!), а Хаггард был бы рад удостовериться в своей безопасности. Но, увы! Он был не настолько наивен, чтобы допустить, что ему безнаказанно сойдут с рук непростительные манипуляции, которые он проделал с представителями законной власти!..

“Может, мне его надо было сразу утопить в канализации?!! — с отчаянием подумал Хаггард *(для тупых и недогадливых поясню: разговор идет только о модели дубликатора).*— А они его выловят!" *(Это уже подает реплики внутренний голос нежданно-влипнувшего-в-неприятности!)* И начнут делать имеющиеся у них в дефиците наручники и полицейские свистки!”

Последняя фраза говорит за то, что даже в трудную минуту у Хаг-

гарда не ощущалось дефицита юмора в пику технического отставания муниципальной полиции.

Кому-то все эти хиханьки могут показаться неуместными (они на самом деле совершенно неуместны). Но что Хаггарду оставалось делать, когда, с одной стороны, у него в руках находилось величайшее изобретение, способное дать колоссальное богатство и неограниченную власть, а с другой стороны, он был настолько мелкой сошкой в океане бизнеса, что его могли раздавить и не заметить.

Чтобы хоть как-нибудь отвлечься от мрачных предчувствий, он решил пообщаться с Центральным на тему *"что нам за все это будет"*. Но этот животрепещущий диалог был прерван в зародыше не ко времени раздавшимся вызовом по радиосвязи.

На экране, как могли бы догадаться самые проницательные, появилась уже до чертиков опостылевшая физиономия лейтенанта Кольта *(более известного нам как "инспектор")*.

Еще не придя в себя от полученной от начальства взбучки, этот незадачливый внук *Ната Пинкертона* и незаконнорожденный сын майора Пронина, глядя явно сквозь Хаггарда остекленевшим взором, начал казенным тоном извиняться за причиненное беспокойство и излишнюю предвзятость.

Не в силах выдержать этого самобичевания, Хаггард прервал его явно неискреннюю речь:

— Ладно, инспектор, я на вас больше не сержусь! И передайте шерифу, что я простил вас! Хотя, честно говоря, за исключением последнего спровоцированного мной монолога, вы делали свое дело на удивление профессионально. Так что никаких претензий у меня к вам нет! Напротив, я вам очень признателен за быстрое и энергичное расследование убийства моего несчастного друга! Дай Бог, чтобы все наши полицейские были похожи на вас!

— Извините меня, мистер Хаггард, но что вы на самом деле думаете обо мне?

— Мне вас искренне жаль! Вы теперь до конца своих дней будете мучить себя вопросом: "*А что же это было на самом деле?*"

— А что же это было на самом деле?

— Я и сам не могу отделаться от этой навязчивой мысли!

— И что такого вы сказали нашему шефу, когда он, не раздумывая, уничтожил все улики вместе со всеми записями?

— Ну, записи он, положим, уничтожил не все, а что до его решения избавиться от лишних и совершенно бесполезных улик, то поступил он

совершенно правильно. Ничего хорошего они бы никому не принесли, зато хлопот с ними потом не оберешься!

— Так что же это было на ..?

— Не-зна-ю! Лэннинг продемонстрировал мне только результат своих не совсем понятных манипуляций, а машина его служила при помощи только ему одному известного кода. По роковой случайности он унес в могилу секрет своего открытия, и только безумец может надеяться раскрыть эту тайну, тем более что сам Лэннинг уверял, что наткнулся на нее совершенно случайно, так что нет ни малейшего шанса повторить это открытие, утерянное нами навсегда из-за какого-то паршивого алкоголика! Вот почему ваш шеф поступил так мудро, уничтожив последнюю возможность найти отправную точку в этом совершенно безнадежном деле!

— А где гарантия, что вы говорите правду?

— Гарантий, конечно, нет, но вы, наверняка, провели техническую экспертизу, и ответ вашего компьютера, скорей всего, почти дословно повторяет мнение моего: "*При современном развитии технологии получить полностью идентичные предметы не представляется возможным*".

— Да, ответ был примерно такой...

— Вот видите, я даже при всем желании соврать не в силах этого сделать. А версия с подпространством вполне убедительна, так как мы о нем почти ничего не знаем. Использовать его для передвижения и связи мы научились, но не более. А ведь если покопаться в памяти Единого информационного центра, то можно найти немало случаев, когда подпространство выкидывало штуки пострашней, вспомните хотя бы случай на Кальме-7...

— А что там произошло?

— Не успел рейсовый лайнер выйти из подпространственного скачка, как на борту его появились совершенно непонятно откуда взявшиеся чудовища. Когда их потом исследовали, то выяснилось, что их строение похоже на земные организмы, но вывернутые всеми своими органами наизнанку...

— Интересно, я об этом ничего не слыхал!

— Такую информацию не принято афишировать, слишком плохая это реклама для межзвездных путешествий, тем более этих случаев было всего несколько за всю историю звездоплавания. Так что нет ничего невозможного в том, что Лэннинг мог вполне нащупать неизвестные свойства подпространства и даже попробовать найти им применение.

— Судя по тем предметам, перспективы были ошеломляющие!

— Да, и я тоже, грешным делом, сначала хотел было продолжить или же, если быть точней, попробовать нащупать лазейку в подпространство, и для этого забрал аппарат связи Лэннинга. Я полагал, что имел на это полное право, но теперь об этом очень жалею...

— Еще бы, столько нервов попортили себе и людям!

— И самое главное, что зазря. Оставь я аппарат в подвале, меня б сейчас уже давно не беспокоили, а пользы от него, *как от козла витаминов!*

— Видно, сама судьба пожелала, чтобы мы не знали лазейку в другой мир...

— А вам, инспектор, как и себе, я посоветую как можно поскорей забыть о происшедшем!

— Если бы это было возможно!

— Но нам придется с этим смириться, а то в противном случае, недолго свихнуться на секрете Лэннинга!

— Прощайте, мистер Хаггард!

— Очень был рад познакомиться, инспектор!

Когда изображение инспектора пропало, Хаггард обратился к Центральному компьютеру:

— Спасибо, дорогой, ты мне очень помог в беседе в этим занудой!

— Стараюсь, хозяин!

— Как ты думаешь, он поверил в этот бред?

— Я думаю, что ему больше ничего не остается делать.

— И он будет молчать и ничего не предпринимать?

— Его обяжет это делать шериф.

— Ну, а сам шериф что думает по этому поводу?

— Я думаю, он слишком умен, чтобы раздувать эту историю, тем более они быстро нашли убийцу Лэннинга, а дальше им нет никакого стимула заниматься продолжением этого дела.

— Это по служебной линии. А как людей, их должны очень заинтересовать странные происшествия в мастерской покойного!

— Конечно, они сгорают от любопытства. Но в то же время понимают, что вы их опередили, и теперь до истины не доберешься. Инспектора вы, кажется, полностью вывели из игры, и от него неприятности могут возникнуть только в будущем, если ваши дороги пересекутся, и он припомнит вам давешнее унижение...

— Сам виноват! Не будет лезть, куда не надо!

— ...И начальник полиции это дело так просто не оставит.

— Ты так думаешь?

— Я в этом уверен!

— И что же он может предпринять?

— У него есть несколько возможностей. Пускать дело по официальным каналам он сразу не стал, что и вселило в меня уверенность в его заинтересованности. Как активное звено местной мафии, он нам может сделать полный финал...

— Как это?

— Если он доложит об этом руководству мафии, то они, не долго думая, очень быстро вышибут из вас все секреты и получат в свое распоряжение дубликатор.

— Как они это сделают?

— Элементарно! В любом месте, в любой момент они вас схватят, пытками и сканированием мозга выведают всю информацию о дубликаторе, и тю-тю!

— Что за тю-тю?

— Все будет зависеть от вашей позиции: если вы будете всемерно им помогать, они, может быть, вас и оставят в живых, в чем я очень сомневаюсь, а в противном случае будет тю-тю!

— Понятно! Когда они меня начнут хватать?

— Я думаю, что вообще не начнут.

— Почему?

— Шериф тоже не дурак и понимает, что в такой большой игре его жизнь никому не нужна и очень даже будет мешать! И если бы он им доложил о вас, то мы бы сейчас с вами не разговаривали, так как вам к этому времени уже оторвали яйц...зык, а я был бы вынужден, согласно программе защиты интересов хозяина, полностью уничтожить всю свою память и превратился бы в груду бесполезного железа.

— А почему ты думаешь, что в первую очередь мне бы оторвали, как ты выразился, язык?

— Потому что они будут отрывать самое ценное. У меня это память, а у вас, как у всех остальных мужчин, оторвут самое необходимое...

— Ох, вырвать бы тебе твой поганый язык, за неимением мужской необходимости!

— Вот она, людская благодарность! Говоришь чистую правду, а им это почему-то не нравится! Вот научусь врать так же здорово, как это умеет хозяин, и буду слышать от *пользователя* одну похвалу и ласковые слова!

— Не вздумай! Ты же не женщина, которая врет, даже когда это ей во вред, а ей в ответ тоже врут, что она самая милая и желанная!

— Ну ладно, не буду учиться врать, чтобы не походить на женщину.

Хотя мисс Линда, с которой я часто общаюсь, очень даже приличная дама, но я привык чувствовать себя с ней мужчиной!

— Правильно, только смотри у меня! Не очень-то, а то я приревную и тогда точно оторву тебе конец кабеля питания!

— Хорошо, не буду к ней приставать, мне хватит тайной любви вприглядку!

— Мы слишком отвлеклись! Давай шпарь про шерифа.

— Еще он может оказаться на содержании у военной разведки...

— На кой черт он ей нужен?!

— До того, как попасть в полицию, он служил в спецвойсках Звездного флота, но по ранению и возрасту был уволен и по протекции устроен в полицию.

— Значит, ты думаешь, он имеет связь с армией?

— Не думаю, а вполне уверен!

— Ну, и какая польза армии от него?

— Как какая? Он же может быть передаточным звеном между разведкой и мафией.

— Ну и что случится, если он доложит о нас армии?

— Плохо будет! Они, конечно, не сразу применят пытки...

— Но все же применят?

— Конечно, но только на заключительном этапе, а пока они ограничатся только незримой слежкой. Потом из экономии средств подождут, когда вы проделаете основную работу, ну а готовое работающее изобретение, я думаю, им очень даже пригодится!

— И как они будут за нами следить?

— Напрямую проникнуть, например, в лабораторию они никак не смогут. Любую букашку, будь она настоящая или шпионская роботизированная, выявят защитные системы. Подслушать ваши разговоры они незаметно тоже не смогут, так как системы контроля за линиями у нас наисовременнейшие. А вот неосторожный разговор где-нибудь вне пределов наших зданий и машин они наверняка зафиксируют. И, анализируя транспортные перевозки и финансовые операции, они смогут выявить очень многое...

— Это что же, я теперь под колпаком?

— Лучше, если считать это свершившимся фактом!

— Хорошенькое дельце! На хрена мне сдался тогда этот проклятый дубликатор, если я не смогу им воспользоваться?!

— Пользоваться им можно, но крайне осторожно!

— Ты еще запой у меня, раз стихами начал говорить!

— Ваш марш или колыбельную?

— По-моему, сейчас уместнее марш. Похоронный.

— Венки будем заказывать?

— И хор плакальщиц!

— А мне внеочередную профилактику!

— Хрен тебе с маслом!

— Тогда я дам сбой!

— Я тебе дам! Демонтирую тебя и установлю в сервисный блок управления сливным бачком!

— Да не сливным бачком, а регулировочным клапаном! Темнота! Сливные бачки могли использовать только идиоты, которым не жаль расхода питьевой воды.

— Умный ты больно, я на тебя посмотрю!

— Был бы глупым, давно бы сортиры нюхал!

— Ну ладно, умник, чем еще может нам напакостить этот мусор?

— Продать с потрохами любой солидной фирме!

— И что она нам сделает?

— То же, что и остальные!

— А еще с кем нас может он подружить?

— С любой инопланетной разведкой!

— А эти, что, тоже будут нас пытать?!

— Еще как! Я тут вычитал, что на планете Светлая-35 постепенно живьем жарят конечности, а в процессе приготовления поедают их. Но самое противное, что проделывают это хорошенькие молоденькие девочки с очень изысканными манерами. Представляете, какую конечность они скушают с наибольшим удовольствием?!

— Меня сейчас стошнит от твоих слов!

— Если не сможешь сдержаться, то постарайся не запачкать мне вводное устройство!

— Если бы я его обнаружил, то вымазал бы его! Сам понимаешь, чем...

— Конечно! Сам вымазался и других хочет вымазать!

— Хоть бы какой-нибудь просвет в этом кошмаре!

— Только в том случае, если шериф сам решит за вами понаблюдать!

— Господи, направь его скудные мыслишки на это благородное занятие!

— Я бы сегодня ночью подкинул ему сверточек с кругленькой суммочкой.

— А если он ее сдаст в бюджет на нужды нищих?

— Пусть сдает! А вы ему утром позвоните и намекните, что за избавление от назойливого инспектора вы его очеь любите и уважаете!

— Да! Влип я по самые те, что мне могут оторвать!

— Если действовать с умом, то на этом можно очень даже неплохо заработать!

— Грыжу с геморроем!

— Ну, не без этого!

— А может, мне его сдать, куда надо?

— И тем самым подписать себе недвусмысленный вердикт!

— Или же заключить договор с военными на поставку им чего-нибудь, но очень дешево, а они за это пусть меня охраняют!

— Я думал, что мой хозяин бизнесмен, а не грудной младенец! Вы хотите иметь дело с основными поставщиками?! Вы думаете "Дженерал дайнамикс", "Мицубиси" и все остальные будут бесконечно рады вашим низким ценам и перераспределению заказов в вашу пользу? Смешно!

— Да, дела!

— Не надо было отпускать от себя Лэннинга!

— Бес попутал!

— Или же змий?

— Сам, небось, спиртом протираешься!

— Ага, заливаю его в *лампы* и в *электромеханические реле!*

— Были еще *герконовые!*

— *"Компьютер загудел от напряжения, размышляя о смысле жизни!"*

— *"Когда он думал о ней, его внутренности раскалялись, того и гляди, он мог перегореть от напряжения!"*

— Каких только глупостей про нас не писали!

— Про нас еще больше пишут!

— Хозяин, давай я разработаю план по применению дубликатора после окончательной победы над грозными конкурентами.

— Попробуй, а я поеду съезжу еще раз посмотрю на него!

— Вы бы не отлучались в ближайшие дни из дома. Неровен час случится чего!

— Ты же сам сказал, что если они захотят, их ничто не остановит!

— Так-то так, но зачем испытывать судьбу?

— А может, мне сейчас больше всего хочется ее испытать!

— *Хозяин — барин!*

На верфи было темно, все оборудование было выключено.

Конечно, оно могло работать и ночью, автоматически выпуская продукцию *(имеющийся парк станков и роботов за неделю мог без вмеша-*

тельства человека изготовить средних размеров звездолет), но кому эту продукцию продавать?

Хаггард делал на заказ прогулочные звездолеты и хорошо с них имел. Людей у него было немного *(а где их много, разве только в космосе?)*, но каждый из них был великим мастером своего дела. Получив заказ на звездолет, Хаггард выполнял любые пожелания заказчика. Планировка и интерьер кают разрабатывались индивидуально для каждого случая. Отделка внутреннего убранства исполнялась вручную, и стоимость звездолета была довольно приличная. Все это имело как свои плюсы, так и свои минусы.

В фирме работали одни из лучших художников и резчиков по дереву, конструкторы и граверы, дизайнеры и чеканщики, словом, каждый работник фирмы был в своем роде большим мастером и чародеем, которых прельщали не столько деньги *(они и так получали неплохо)*, сколько интересная работа и творческая атмосфера в коллективе, в чем была немалая заслуга Хаггарда.

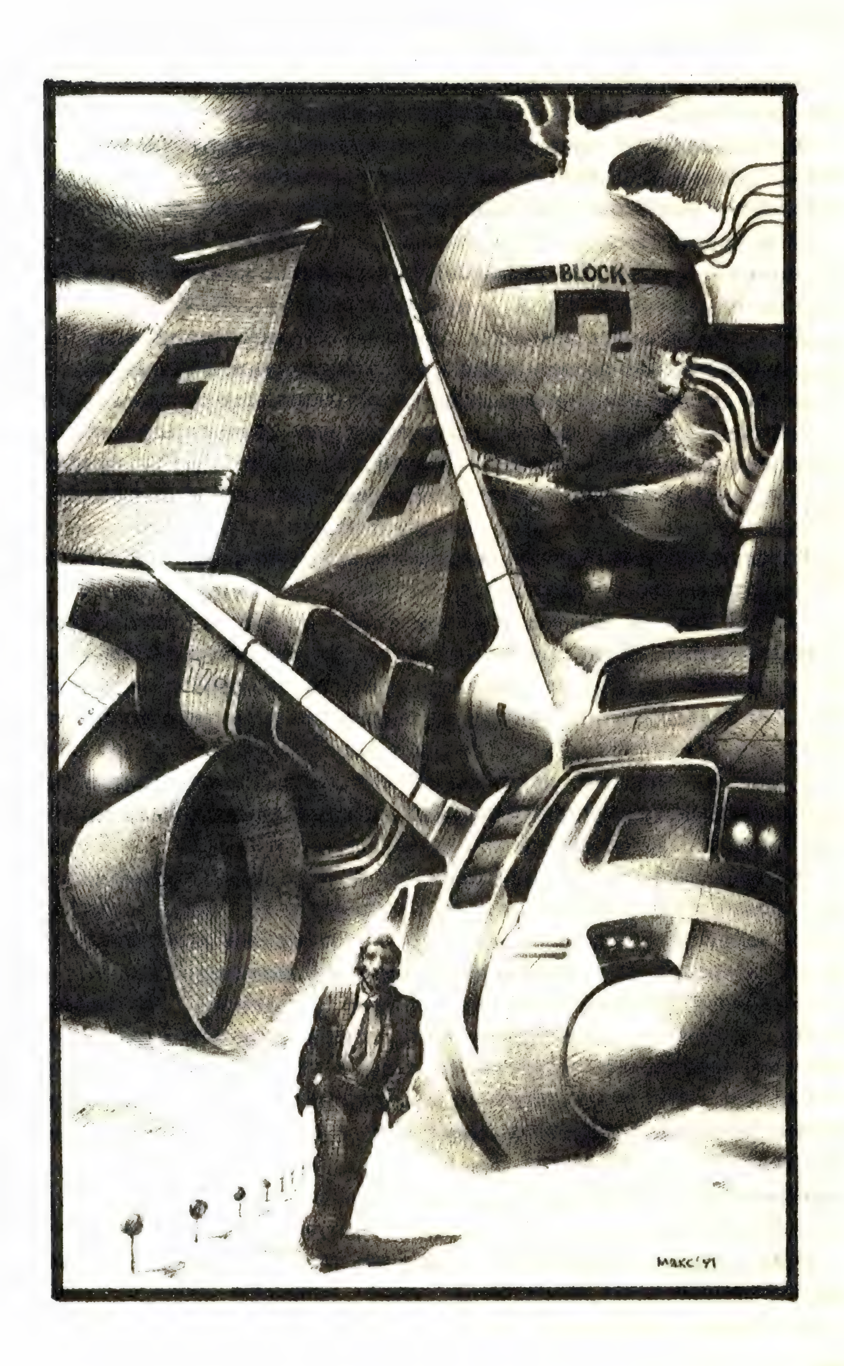
Гигантским конкурирующим фирмам-производителям аэрокосмической техники фирма Хаггарда не очень мешала. Она выполняла трудоемкие заказы, которые поступали не очень регулярно, так что держать штат высокооплачиваемых специалистов было не так рентабельно, как гнать боеголовки и десантные катера. Тем более, что существовала четкая кооперация, имеющая взаимовыгодную основу.

Оборудование на верфи и в лабораториях было новейшее, полученное от могучих конкурентов по линии взаиморасчетов *(Хаггард поставлял довольно дорогие детали ручной работы)*, но использовалось оно процентов на десять своей мощности, и у фирмы был весьма высокий производственный потенциал, но ограниченное число заказов. А вообще-то этот бизнес был довольно неплохим, и на счету Хаггарда была довольно приличная сумма, ставившая его в средний ряд мелких миллионеров.

Пройдя по еле освещенным коридорам, Хаггард вошел в секретную лабораторию.

В ней несуетливо, но довольно энергично сновали киберы, выполняя задание по изготовлению нового дубликатора. Старый продолжал стоять на столе и был выключен, что говорило об отсутствии проблем в производстве, ибо в противном случае лабораторный компьютер возился бы с действующей моделью, стараясь выяснить узкое место.

Видя, что пришел хозяин, роботы забегали, как угорелые, но Хаггард так свирепо на них посмотрел, что они тут же все попрятались по углам и замерли, пережидая бурю.

BLOCK

Хаггард молча уселся напротив дубликатора и, включив его, стал отрешенно дублировать все, что ему попалось в карманах, думая о своем горе.

Когда карманы опустели, он механически обшарил их, вспомнил *(опять же рефлекторно)* про нагрудный карман и, извлекши оттуда свой талисман — золотой дедовский доллар — засунул его в дубликатор.

Вынимая из камеры копию доллара *(естественно, ничем не отличающуюся от оригинала)*, он уронил ее на стол и от резкого звука падения (доллар-то увесистый) как бы очнулся и уставился на него.

Желтый кружочек выглядел довольно неплохо, даже лежа в несолидной компании всякого хлама *(ручки, зажигалки, жвачка и проч.)* и, несмотря на свои небольшие размеры, выглядел вполне солидно.

Хаггард, еще не совсем осознавая, что делает, нажал кнопку дублирования и извлек из камеры второй доллар. Положив его на первый, он опять нажал кнопку и, достав третий доллар, также положил его на второй.

Когда в стопке было уже тридцать монет, Хаггард задел ее рукавом, и она с тяжелым звоном рассыпалась.

Хаггард этого не заметил и уже не ставил доллары в стопки, а просто кидал их на стол до тех пор, пока на нем не выросла огромная груда золота, и очередной доллар не удержался, упал на ее вершину и скатился на пол. Тут только Хаггард очнулся от оцепенения и уставился на золотую горку.

В тот же миг его воображение нарисовало реально выполнимые картины автоматического дубликатора, из чрева которого один за другим выскакивали золотые монеты и падали в огромную кучу...

Это видение было до того реально, что Хаггард, как бы ища неизвестно чьей поддержки, обернулся и чуть не свалился со стула от неожиданности: вокруг него плотным кольцом, побросав все свои дела, стояли роботы и с интересом наблюдали за манипуляциями хозяина.

Поскольку тварями они были вполне разумными, то, наверное, понимали, что появление такого количества золота совсем неспроста, а что такое золото, они прекрасно чувствовали своим нутром *(как вам, наверное, известно, в электронных устройствах, состоящих в основном из оптоволокна, вторым по значимости материалом было золото, а потом уже полупроводники)*.

Успокоившись, Хаггард повеселел и обратился к ним:

— Видали?!

Роботы дружно закивали, каждый чем удобно было кивать, а один, самый большой и, как видно, самый старый, пробасил:

— А запчасти он может делать?

— Он все может!

— Хорошо! — удовлетворенно прохрипел ветеран и, не поворачивая головы, развернул на месте свое тело, всегда готовое для прохождения своей службы,— Мне нравится на вас работать, хозяин!

Его примеру последовали остальные роботы и направились по своим делам...

Хаггард, поглядев им вслед, опять обратил свой взор на золото и непроизвольно для себя произнес вслух:

— Интересно, сколько здесь монет?

— Шестьсот тридцать восемь! — раздался голос лабораторного компьютера, — я точно сосчитал!

— Сколько они стоят по курсу?

— $574 200!

— Полмиллиона за десять минут?!

— За девять минут тринадцать секунд!

— Сколько войдет в камеру монет, если их аккуратно сложить и туго обтянуть целлофаном?

— 750 штук!

— А сколько времени понадобится роботу на нажатие кнопки и вынимание упаковки с монетами?

— Две секунды, если не спеша.

— А как же я умудрился наделать шестьсот монет за десять минут?

— Значит, спешили!

— Так сколько монет сделает робот на этой модели дубликатора за сутки?

— 64.800.000 монет.

— Стоимостью?

— $6.480.000.000!

— Шесть с половиной миллиардов за сутки?!

— Да!

— На паршивой модели?!

— Да!

— Держите меня!

Подбежало четверо близкошатающихся роботов и, бережно подхватив Хаггарда на руки *(то бишь манипуляторы),* стали нежно его укачивать.

Дрыгая от удовольствия ногами, новоиспеченный золотопромышленник продолжал фантазировать *(какие, к черту, фантазии, когда золото льется ручьем!)* на тему, как бы ему стать производителем еще чего-нибудь:

— А если делать не золото, а крупные бриллианты?!

— Из расчета, что камушек будет в 5 карат, за сутки можно сделать их на сумму сто миллиардов девятьсот тридцать одтн миллион долларов и три цента!

— Крепче меня держите!

Роботы стали интенсивней трясти хозяина, а тот, совершенно не замечая этого, продолжал бубнить:

— С-с-с-т-т-о-о м-м-и-и-л-л-и-и-а-а-р-р-д-д-о-о-в-в в-в д-д-е-е-н-н-ь-ь!!!

— Если цены не упадут!

— А ведь ты прав, если я буду так работать, кто все это купит?

Хаггард находился в состоянии, аналогичном опьянению, и совершенно не соображал, что мелет всякую чушь.

Но, правду сказать, любой из нас одурел бы при виде неисчерпаемого богатства. Рассуждая теоретически вместе с Центральным о возможностях дубликатора, он прекрасно отдавал себе отчет в этом безобразии, но сейчас на него напал синдром неисчерпаемого богатства, и по-человечески мы его понимаем и прощаем его глупые слова!...

— Сыпьте, сыпьте их сюда!...

Еще один робот начал кидать по доллару на живот свежеиспеченного нувориша, и вскоре все пространство вокруг качально-кидальной компании было усыпано золотыми монетами.

Чем бы этот апофеоз кончился, совершенно невозможно придумать *(мы в похожих ситуациях не бывали!)*, но прозвучал стук в дверь, и Хаггард чуть не наложил в штаны от страха:

— Кто там?

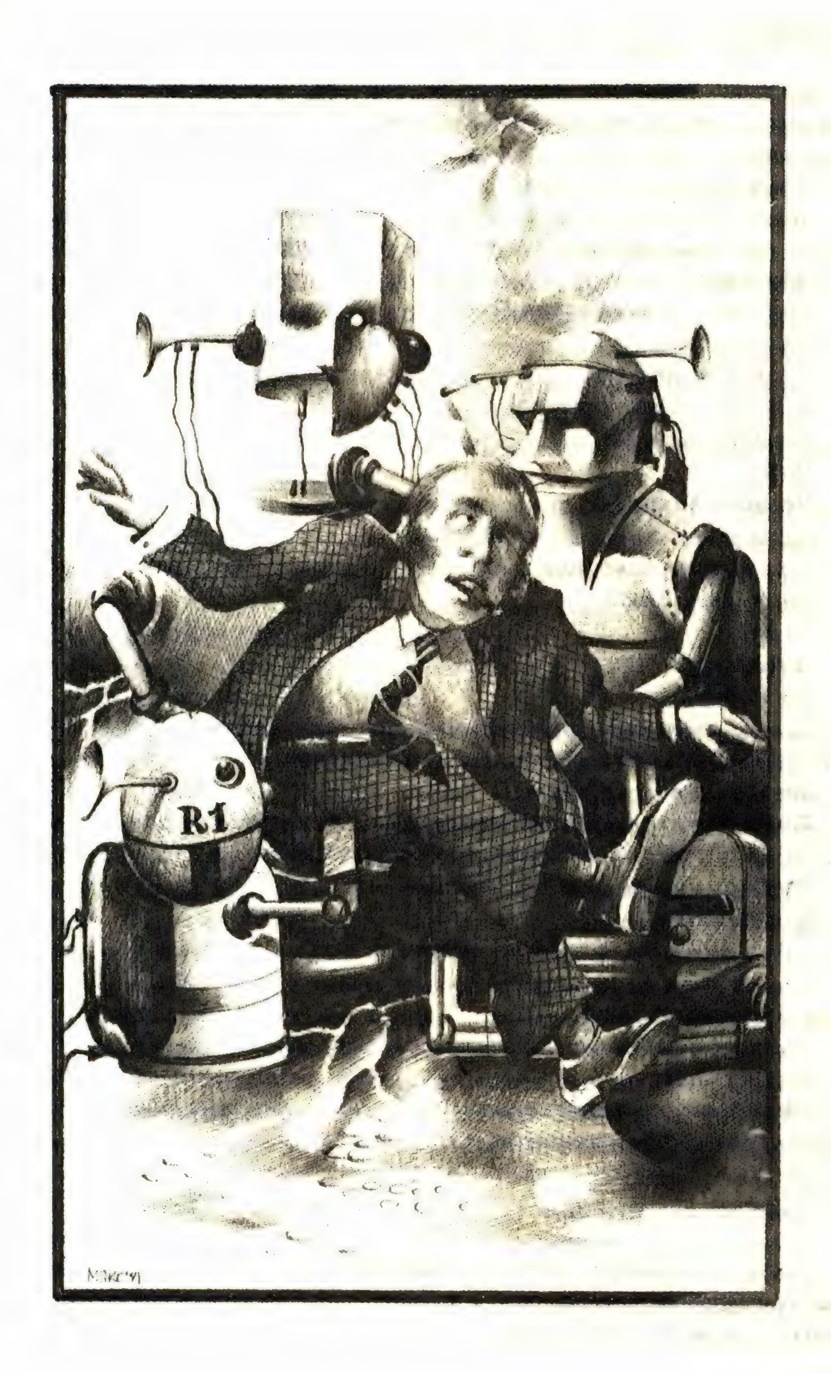
— Мисс Линда. Впустить ее, хозяин?

— Фу! Я чуть не умер от разрыва сердца! Конечно, впустить!

Описать сцену в лаборатории после появления в ней мисс Линды мог бы только великий Гоголь, или же, на худой конец, банда под руководством Ильфа и Петрова, но сделать это они при всем желании не могут (а могли бы, то вряд ли пожелали!). Уж больно сцена эта была безобразная!

Элегантная, молодая, красивая, хорошо воспитанная, наконец, приличная и порядочная женщина весь день волнуется, переживает, места себе не находит, ждет звонка — звонка нет.

Опять волнуется, ищет себе место, пардон, места себе не находит, а он все не звонит.

R1

Может, случилось что-то? И еще эта страшная история с полицией, что им от него надо? (ну не брал он Бастилии!).

А она мечется, ищет его, звонит домой — нет!

Звонит на работу — нет!

Бежит, садится в такси, позабыв про девичью гордость, мчится к нему; охранник, бестолочь электронная, не пропускает; преодолевает все преграды и, наконец, она рядом с ним, и что она видит?!

Нет, не могу, тут нужен Гоголь!

Гоголя сюда!

Со второй частью!

И десять тысяч курьеров!

И заклеймить!

Позор!

Негодяю Хаггарду!

Розог ему, розог!

И по пяткам бамбуком!

Она к нему, а он?!

Розог!

И бамбуком!

И в Сибирь!

Если какой-нибудь простодушный читатель подумает, что это все творится в душе мисс Линды, то он заблуждается!

Это сам автор негодует!

Такая девушка досталась этому дураку Хаггарду, а он это не ценит, разлегся на руках у тупоголовых роботов и балдеет.

Золотом на него сыплют, дармовым!

А он балдеет!

А она, бедняжка, волнуется, ждет его, а он...

Так, об этом я уже писал.

Повторяться грех!

Поставим заключительный мазок и закруглимся.

Значит, так!

Она стоит, он лежит, она ничего не замечает вокруг, а видит только его, свою судьбу, свой крест, а он лежит!..

Постепенно дисбаланс стал нарушаться, и Хаггард, почувствовав себя как-то неудобно, бочком сполз с роботов, встал на ноги и оправился. Роботы побрели по своим делам, а мисс Линда стала тоже избавляться от

пелены, застилавшей ей глаза, огляделась и, заметив беспорядок в лаборатории и вспомнив о своем имидже строгой дамы, согнала с лица последние следы тревоги, выдававшие ее чувства, и предстала перед Хаггардом в привычном для него образе неприступной богини. Затем она равнодушным голосом сказала:

— Вы сказали, что позвоните, я подумала, может, что-нибудь срочное, и понадобится моя помощь, Центральный сказал, что вы в лаборатории, и я заехала на всякий случай. Какие будут указания, мистер Хаггард?

— Линда, дорогая, как хорошо, что вы приехали! Я собирался вам позвонить, но меня так закрутило! Ведь мы сегодня собирались поужинать вместе?!

— Мы этот вопрос оставили открытым, и я вам ничего определенного не обещала...

— У меня сплошные неприятности, и только вы можете помочь мне преодолеть их достойно! И не вздумайте мне отказать! Никакие доводы я не приму! Решено, мы немедленно едем ужинать!

— Нет.

— Но я на самом деле проголодался!

— Так давайте я вам что-нибудь приготовлю?!

— Но здесь нет ничего съедобного!

В это время лабораторный компьютер, потрясенный этой чудовищной клеветой, собрался доложить, что способен приготовить любое блюдо за двадцать секунд, как Хаггард, словно предвидя это, показал ему за спиной кулак, и компьютер покорно умолк, лишний раз подтвердив тотальное превосходство человека над машиной!

— Так что же нам делать?! — в отчаянии воскликнула мисс Линда, чувствуя, что у нее из-под ног уходит почва строгого отрешения и обыденного приличия!

— Как, что? Взять и поехать и поужинать! Решено!

А что могла ему возразить бедная и строго засекречено счастливая мисс Линда? Ничего!

Когда машина вылетела на скоростное шоссе, Хаггард как будто бы невзначай положил свою левую руку мисс Линде на плечо. *(Это сказано несколько смело, так как, когда они садились, в машину, Хаггард проложил руку на спинку сиденья, чтобы было удобней сидеть в пол-оборота к девушке, а в описываемый момент он лишь слегка дотронулся пальцами до ее плеча)*. Она на эту вольность легонько вздрогнула и чуточку напряглась.

— Мне показалось,— сказала она,— что в лаборатории по полу было рассыпано, кажется, золото. Или мне это показалось?

— Да нет, Линда, золото было на самом деле разбросано!

— Вы что же, учитесь швыряться золотом? Я раньше за вами этого не наблюдала!

— Разве это золото?

— А что?

— Самое ценное, что у меня есть,— это вы, моя дорогая и любимая Линда!

— Мистер Хаггард, не надо бросаться такими святыми словами!

— Я не бросаюсь, просто я решился и говорю: я люблю вас, Линда, и хочу, чтобы вы стали моей женой!

— Это ваша очередная шутка?

— Нет, Линда, такими вещами не шутят! — грустно закончил Хаггард и решительно, но совершенно спокойно, как будто делает что-то само собой разумеющееся, повернул правой рукой к себе голову мисс Линды и поцеловал ее.

В первые мгновения она для проформы чуть противилась этому, но потом сомнения были отброшены, и она доверилась ему...

Через час после этих событий в доме Хаггарда мисс Линда вплотную подошла к тому, чтобы называться миссис Хаггард.

Так зародилась империя ХДК!

Аминь!

Выслушав программное заявление Центрального, Хаггард ужаснулся открывшейся перспективе. То, что он предлагал, было выше нормальных человеческих возможностей. Двадцать лет и ни минутой меньше предстояло провести в сизифовом труде, шагая по лезвию бритвы. Только так можно было выжить и достичь намеченной цели. Труд и компьютер — вот средство от всех болезней, а от этой — еще и терпение!

Решайся, Хаггард, и через двадцать лет у твоих ног будет вся Галактика!

“А вправе ли я владеть Галактикой?” — подумал Хаггард и представил себя сидящим в золотом троне, а у его ног копошатся президенты всех фирм и компаний. Зрелище было заманчивое, но его вид был страшен и внушал животный ужас. *Не был он готов морально к тотальному скотству и совсем не так представлял себе былинное блюдечко и вовсе не с такой каемочкой!*

“Но если не я, то кто?" — и опять перед взором Хаггарда пронеслись воображаемые картины, в которых из чрев бесчисленных дубликаторов

лезли злодейского вида роботы, вооруженные и беспощадные! С несвойственной людям бессмысленной жестокостью они рвали своими стальными лапами все, что попадалось им на пути, и одним из первых был растерзан сам Хаггард.

Когда ему начали рисоваться картины расправы над Линдой, Хаггард твердо и бесповоротно решился...

— Ивенс, у вас найдется в космосе несколько верных друзей, на которых можно было бы положиться и которые были бы не совсем нищими?

— Если поискать, то можно найти пару-другую старых корешков, которые знают и верят в старину Ивенса. А что, настала пора сколачивать банду? Я думаю, ребятам порядком поднадоела пресная жизнь, и они будут не прочь поразмяться на галактических просторах, как в былые времена!

— Банду мы сколотим после, а сейчас меня интересует их платежеспособность и умение держать язык на привязи.

— Ну, если их маленько потрясти, то можно будет наскрести деньжат на хорошую выпивку с закуской, но даже это не сможет заставить их предать верного друга и протрепаться. Однако для чего это нужно?!

— Надо уговорить их сложиться и приобрести перспективную планету для развертывания промышленного производства.

— Уговорить можно любого, но как посмотрят на это их жены?

— С женами разберется Центральный, которого я дам вам на подмогу.

— Тогда все в порядке! Если сам Центральный возьмется за это безнадежное дело, то этим плохо программируемым куклам не поздоровится!

— Да, кстати, мы с Линдой решили пожениться!

— Вот это новость! Я давно мечтал об этом, но все не решался поделиться с вами своими соображениями. Когда свадьба?

— Когда будет готов заказанный звездолет?

— Через пять дней.

— Вот тогда и обвенчаемся!

Когда изображение Харлайна пропало, прозвучал голос Центрального:

— Хозяин, ты хочешь отправить меня с Ивенсом? А кто будет помогать тебе? Ты ведь в этом сейчас очень нуждаешься!

— Помогать будешь ты, как и прежде.

— Я тебя не понимаю!

— Ты сможешь сдублироваться хотя бы по частям?

— Так ты хочешь сделать мою копию и отправить ее с Харлайном?

— Я хочу сделать четыре твоих копии! Но ты не ответил на мой вопрос?

— Я войду целиком в дубликатор. Но зачем тебе столько моих копий?

— Одну мы установим на ремонтном звездолете, на котором полетит Ивенс, вторую он смонтирует на планете, которую купит для создания основной базы. Впрочем, что я тебе рассказываю? Ты сам это все придумал!

— С твоей помощью, хозяин!

— Третью копию установим на моем прогулочном звездолете, а четвертую я буду постоянно носить с собой, так как мне теперь, как ты верно заметил, регулярно понадобится твоя помощь. А ты в это время займешься разработкой и изготовлением "карманного" звездного крейсера. На тебе будет вся координация действий и покупка образцов приборов. Справишься?

— Если зашьюсь, то сам сдублируюсь, ведь на верфи останется дубликатор?

— Да, а новый я заберу с собой. Как с разработкой малогабаритного дубликатора?

— Он почти готов, но, так как габариты его малы, а работать он должен в автоматическом режиме и иметь самоуничтожающие устройства на случай захвата его неприятелем, работа немного задержалась. Зато готов большой дубликатор, и Лабораторный докладывает, что он работает даже лучше, чем модель Лэннинга. Мы учли все его просчеты и рекомендации, которые он не успел реализовать в своей первой и последней моделях.

— Побыстрей его заканчивайте и устанавливайте на ремонтнике Ивенса. Старина не должен догадываться, что у него будет на борту, а пользоваться ему им придется, для этого прибор и должен быть полностью автоматическим.

— То-то старина Ивенс будет каждый раз удивляться, когда ему придется класть образцы местного золота в одно окошечко, а из другого будут вылетать золотые слитки!

— Мы ему скажем, что изобрели синтезатор золота. Он ведь ни за что не догадается, что из маленьких золотых копий, которые он заложил в дубликатор, автоматически выплавляется слиток стандартного образца, при том, что на каждой планете, где ему придется оставлять залог за предоставляемый кредит, будет золото именно местного сорта, и если когда-либо до него доберутся нехорошие люди, то никаких обобщающих выводов они не смогут сделать!

— Перед дублированием Ивенс будет по инструкции засыпать в специальный приемник местный песок для изготовления отливочной формы, и ни одна экспертиза ничего не установит!

— Это вы хорошо придумали! Кстати, кто сейчас самый солидный производитель разведывательно-охранного оборудования?

— Группа ГМБ. Они на днях прислали нам новый каталог своей продукции.

— Отлично! Свяжитесь с ними и закупите образцы якобы для испытаний, но ничего им не обещайте. Особенно меня интересуют микроразведчики, созданные по биокомпьютерной технологии. Мы сможем их сдублировать?

— Да, с искусственными биопродуктами дубликатор прекрасно справляется.

— Я думаю, нам очень пригодятся эти букашки-диверсанты. А вот вооружение для крейсера и других мирных шаланд нам придется делать самим!

— Ничего страшного! Основной элемент современных систем мы сможем копировать с меня. Не напрасно в свое время ты, хозяин, хорошо потратился на мою покупку. Компьютеры моего класса хоть и очень дороги, зато могут выполнять любые задачи!

— А производственные системы мы сможем делать?

— В принципе, да. Очень сложные элементы мы сдублируем, лишь бы об этом никто не узнал!

— От нас самих зависит сохранение секретности. А вот банковские операции в секрете не сохранишь!

— Вот этим ты, хозяин, и займешься!

— С твоей помощью!

— И с Божьей, хозяин!

— Джон! Ты уже работаешь? А я уже приготовила завтрак!

— Линда, дорогая, какое счастье, что ты существуешь на белом свете!

— Несколько дней назад ты мне говорил совсем обратное!

— Ненаглядная! Тебе это приснилось!

— А та рыжая уродина, с которой я тебя застукала в том дешевом кабаке, мне тоже приснилась?

— Меня оболгали! Я с первого дня, как тебя увидел, не мог глядеть ни на одну женщину!

— И на протяжении двух лет, что я у тебя работала, ты только во сне ходил по борделям, а я тоже во сне тебя оттуда пьяного вытаскивала?

— Оттого я и заливал глаза, чтобы не глядеть на этих подлых продажных путанок! А потом это все в прошлом! Теперь — только ты!

— А как же дубликатор?

— Это мой свадебный тебе подарок!

— Что же ты не подпускаешь меня к нему?

— Ты ведь знаешь, дорогая, что это дьявольское изобретение может принести нам не только несметное богатство, но и кучу неприятностей!

— Ладно, я пошутила! Не нужен мне твой дубликатор. А женщин он не может дублировать?

— Даже если бы он мог это делать, мне это ни к чему!

— Зато я с удовольствием сдублировала бы нашу соседку и безнаказанно отыгралась на ней за все! Невозможно выйти из дому, чтобы она не пристала ко мне со своими глупыми вопросами: "*Как вы, милочка, хорошо выглядите. А ваш муж вам не изменяет? А сколько вы проектируете завести детей? Они сейчас порождение и исчадие ада!*". И в таком духе. Я ее когда-нибудь убью!

— Когда мы купим на корню всю Вселенную, я ее посажу в концлагерь!

— Начальник концлагеря из нее получится превосходный!

— Самый прекрасный начальник в моем домашнем концлагере! — Хаггард нежно обнял свою молодую жену и начал щекотать ей за ухом.

— Джон, не надо! — взмолилась она.— *А то мне захочется!*

— В чем же дело?!

— Через двадцать минут у меня примерка! Портниха будет недовольна, если я опоздаю!

— Я думаю, она тебя поймет.

— А я думаю, она меня побьет!

Этому принципиальному и актуальному спору не удалось получить достойное завершение, так как прозвучал сигнал вызова по видеофону. Хаггард про себя выругался (Линда, надо думать, тоже не стала благодарить Бога!) и включил связь.

На экране появилась полицейская морда *(шериф собственной персоной):*

— Доброе утро, мистер Хаггард!

— Здравствуйте, ваша официальность!

— Я узнал о вашей женитьбе и вот спешу поздравить вас и вашу супругу.

— Спасибо.

— Я имел случай наблюдать миссис Хаггард в трагический момент эксгумации бедняги Лэннинга и могу засвидетельствовать свое восхищение ее выдержкой и красотой соответственно!

— Этот недостаток у нее не отнять.

— Наш полицейский участок до сих пор вспоминает ее посещение. Она тогда устроила нам хороший разгон за грязь и несобранность некоторых сотрудников. Передайте ей мои искренние поздравления, и если она когда-нибудь опять решится вернуться к холостяцкой жизни, то в нашем полицейском управлении за ней забронирован пост моего заместителя по политико-воспитательной части!

— Тогда не только у меня будет оптимистическая трагедия!

— Мы тогда наверняка завоюем переходящее знамя в капсоревновании!

“Геморрой ты заработаешь, собака паршивая!” — улыбаясь “тонкому” юмору центуриона, подумал Хаггард.

— Но я полагаю, что этого никогда не произойдет,— продолжил свою мысль шериф.

— Я тоже на это надеюсь, — поддакнул Хаггард,— и, чтобы мои надежды сбылись, мы через два дня отправляемся в свадебное путешествие!

— Вы задумали богоугодное дело, дети мои! — радостно воскликнул шериф.— А куда, если не секрет, вы собрались?

— Мы вчера сдали клиенту последний звездолет, и, так как заказов пока нет, я отпустил всех служащих в отпуск, а сам с Линдой совершу вояж по планетам с сельскохозяйственным уклоном, дабы на лоне природы отдохнуть от суеты и забот.

— Это вы здорово придумали!

— И между делом, может быть, устрою себе пару-другую заказов. — Хаггард специально разжевал меднолобу свою достоверную легенду.

— Это тоже правильно, — шериф шевелил усами на манер породистых прусаков и с их же настырностью продолжал исследовать намерения подследственных: — А чем займется старина Харлайн? Ведь он без работы не может прожить и дня!

— Вы как в воду глядите! — Хаггард был искренне рад, что не забыли упомянуть его “сокамерника”.— Ивенс отправится на ремонтнике прове-

дать наших клиентов и проделать требуемый профилактический ремонт, а заодно и развеется.

— Старик это заслужил!

— Я думаю, он заслужил большего! — с пафосом заключил Хаггард и выразительно посмотрел на часы.

Шериф понял намек и начал прощаться:

— Не буду больше вас утомлять, дорогой мистер Хаггард, к сожалению, меня ждут мои служебные обязанности, и не забудьте передать мои поздравления миссис Линде!

— Обязательно и с удовольствием!

— Шеф, а для кого мы будем делать патрульный крейсер?

— Разве ты передумал сколачивать банду?

— Отречься от мечты своего детства? Никогда! Кого будем брать?

— Форт-Нокс!

— Стоящее дельце! А не маловато будет одного крейсера?

— Конечно, маловато! На одном все не увезешь!

— А как на это посмотрит миссис Линда?

— С каких это пор ты стал интересоваться ее мнением?

— С тех пор, как она стала миссис Хаггард!

— Хорошо же вымуштровала тебя твоя жена! Неужели ты думаешь, что в моей дружной и демократичной семье возобладают изуверские традиции матриархата?!

— Я не знаю, кто у вас возобладает, но могу наверняка утверждать, что по кабакам вам больше не ходить!

— Ну что ж, придется заняться подпольным бытовым пьянством!

— Где же вы сыщете подпол во время свадебного круиза?

— Как где? В реакторном отсеке! По мере опорожнения топливных цистерн я буду ставить бражку, и ты, я думаю, не откажешь мне и смонтируешь криогенный змеевик?!

— Конечно, в чем вопрос?! Осталось только разыскать на гравигенной яхте дальнего плавания былинный ядерный реактор с нефтяными танками!

— Я, конечно, не силен в устройстве современных звездолетов, но если на них нет таких жизненно необходимых вещей, то придется тебе их там установить!

— А в бассейне засолить огурцы! Во! Закусон для брательника!

— А мыться где?

— Не баре! В баню сходите!..

(Пардон! Опять этот чертов компьютер. Стоило мне отвлечься, наслушался телевизора и записал эту околесицу! Неужели мой голос так похож на Райкина? И что-то не стирается память, опять он из принципа создал закрытые файлы, скотина упрямая! Наделают всяких ИБМ, не то что наша "Электроника"! Сама все стирает, если, конечно, перед этим запишет! Ну и ладно! Пусть его! Мы и так сможем продолжить нашу кровавую детективу!).

— Шутник ты у нас, однако! Расскажи лучше, как будешь делать крейсер?

— А наш прошлогодний проект?! Если его немного подработать, то верфь за пару месяцев его, не глядя, реализует!

— Что она построит, я в этом не сомневаюсь, но меня интересует, что для этого придется покупать на стороне?

— Как всегда: всю электронику и отдельные патентованные детали. Я могу представить список.

— Введи его в Центральный, а мне скажи, насколько наши производственные мощности способны к самовоспроизводству?

— Мы можем собрать любую конструкцию, кроме вышеперечисленных деталей.

— В оставшееся до твоего отлета время займись составлением описи этих позиций и имей в виду, что тебе лично придется заниматься сборкой этого оборудования на новой планете!

— А когда мы займемся разбоем? — усмехнулся Ивенс.

— Сначала надо построить военную базу, развернуть ремонтные цеха, а уж потом пойдем на дело!

— Да, шеф, вы у нас голова!

— Чугунная!

— Линда, ты готова?

— Да, дорогой!

— Центральный, доложи обстановку!

— Если мы будем взлетать без разрешения диспетчерской, то окно в атмосфере появится через три минуты пять секунд.

— Взлетать будем без разрешения в аварийном спринтрежиме. Надо же проверить, за сколько минут они нас задержат!

— Я думаю, хозяин, что мы зря проводим этот эксперимент. Не надо понапрасну будить зверя!

— Мы должны наверняка знать, сможем или нет контрабандно вывести в космос пиратскии катер!

— Я все рассчитал — сможем!

— А я хочу в этом убедиться! И заодно дать им повод проверить наш корабль. Надо удовлетворить их любопытство и усыпить их бдительность!

— Я об этом не подумал. Ваша человеческая логика непредсказуема!

— Оттого мы все-таки умней вас, машин!

— Хозяин, пора стартовать!

— Давай!

Раскрылись створки ангара, и прогулочная яхта Хаггарда с места рванула вертикально вверх. Предвидя перегрузки, Хаггарды перед вылетом благоразумно уселись в дополнительные гравикомпенсаторы.

Полет проходил в вихре увлекаемого за кораблем воздуха и сопровождался страшным грохотом, что уже было тяжким нарушением правил полетов в черте города. Через две минуты яхта вышла за пределы атмосферы и полетела прочь от Земли.

Ее полет продолжался ровно пять минут, когда под вопли в эфире окруженный вспышками сигнальных ракет рядом с ней возник патрульный катер орбитальной погранслужбы.

Пока оба корабля тормозили, Центральный радостно доложил:

— Все, как я рассчитал!

— Значит, если бы мы взлетели тандемом с контрабандным кораблем, то он успел бы уйти незаметно?

— Пятьдесят процентов за то, что его бы обнаружили. Но догнать его они вряд ли смогли бы.

— А нам надо, чтобы он остался незамеченным!

— Для этого надо было взлетать чуть медленнее, а ему спрятаться в верхних слоях атмосферы за всполохами плазмы наших дюз. Нам же стоит даже чуть сбросить скорость, чтобы задержали нас как можно ближе от него. Пока они будут с нами возиться, а наружная служба ослабит внимание за пространством вокруг нас, контрабандист под шумок может улизнуть.

— А почему ты думаешь, что они ослабят наблюдение?

— Потому, что мои подозрения подтвердились, и нас обнаружили и задержали, как будто специально следили за нашей верфью.

— Значит, шериф доложил о нас?!

— Кто его знает? Может, они сами раскопали информацию о происшедшем и заинтересовались нами.

POLICE
POLICE
MAKC'91

— Мафия?

— Нет. Скорее всего, разведка. Хотя гораздо проще науськать на нас было именно мафию, но они просто не выпустили бы нас с планеты.

— И что теперь будет?

— Обыск и крупный штраф.

При последних словах компьютера распахнулась дверь, и в ходовую рубку ворвались три пограничника с бластерами наизготовку. Миссис Линда завизжала, а Хаггард вскочил на ноги и тем самым подставил свою грудь пограничным стволам.

Не желая соприкасаться со смертоносным оружием, Хаггард сел обратно в кресло и, обернувшись к жене, громко крикнул:

— Линда! Замолчи!

Миссис Хаггард тут же перестала насиловать свои голосовые связки, и в установившейся тишине стало слышно, как сопят от напряжения и быстрого бега молодые ребята-пограничники. Их лейтенант опустил бластер и, оглядевшись по сторонам, испуганно спросил:

— Вам что, жить надоело?! Еще чуть-чуть, и мы бы вас сбили!

Хаггард опять встал и, смотря вплотную на молоденького лейтенанта, волнующимся голосом произнес:

— Что здесь происходит? Кто вы такие и как вы здесь очутились?

Лейтенант присвистнул, закинул оружие за плечо, повернулся к стоявшему справа пограничнику и, как бы приглашая его в свидетели такой несусветной наглости, рассмеялся:

— Кто мы такие?! Мы-то известно кто, а вот кто такие вы и как посмели взлетать в черте города в аварийном режиме? И почему, не отвечая на наши приказы, пустились наутек?!

— А разве так взлетать нельзя?

— Вы хотя бы посмотрели на свой квартал, что с ним стало после вашего хулиганства? Смерч, вызванный вашим взлетом, довершил начатые звуковым ударом разрушения!

— Разрушения?! — Линда привстала с кресла в совершенно искреннем изумлении. — А жертвы?

— До жертв, к счастью, не дошло, слишком ваша посудина маленькая для этого, а вот выбитые стекла и погубленную растительность ваших соседей вам придется оплатить, и размер штрафа, я думаю, будет эквивалентен содеянному. И вообще непонятно, зачем вы все это устроили? Контрабандой решили заняться?!

Хаггард достал сигареты и, угостив ими "налетчиков", закурил:

— Понимаете, мы недавно поженились, и это у нас свадебное путе-

шествие! Вот я на старости лет и решил покрасоваться перед молодой женой своим умением водить звездолет, отключил бортовой компьютер и вручную рванул с непривычки. Я так счастлив с моей женой, что совсем потерял голову и вел себя как мальчишка! Я, конечно, должен был предвидеть, что последует за таким варварским взлетом и, зная наизусть все параграфы Звездной Навигации, конечно же, не должен был допускать такого хулиганства! Я искренне обещаю, что этого больше никогда не повторится, и, конечно же, оплачу все убытки и справедливый и уместный штраф!

Слушая эту патетическую речь, лейтенант с недоверием глядел то на Хаггарда, то на его супругу, сомневаясь, что этот старый таракан *(ему 37-летний Хаггард казался, естественно, пожилым, ибо самому лейтенанту было от силы лет двадцать)* смог так лихо вывести корабль на орбиту за такое рекордное время и, удивляясь, как эту дряхлую тридцатилетнюю вешалку можно назвать молодой и для чего вообще стараться сделать что-то приятное для женщины, если те сами должны из кожи лезть в предоставлении тебе всяческих, давно уже опостылевших удовольствий.

Ну что с такого взять! Молодость, офицерская форма и, естественно, здоровье! И начальство приказало во что бы то ни стало поймать и обезвредить преступников!

— Если даже рассказанное вами истинная правда, все равно нам придется произвести таможенный досмотр и составить протокол!

— Пожалуйста! А пока вы работаете, Линда приготовит нам кофе и сэндвичи.

Досмотр длился не больше часа.

Ничего они, конечно, не нашли.

Новый мощный дубликатор, сделанный по блочной схеме, с разборными камерами, стоял на самом видном месте ремонтного бокса звездолета в разобранном виде, среди других таких же блоков электроники и запасных частей, и ни один, самый дотошный инженер при всем желании не смог бы сказать, для чего служит тот или этот стандартный “рэк”, тем более что блок дубликатора заведомо был выполнен с надписями и маркировкой наиболее употребимых приборов.

Ребята из патрульной службы добросовестно облазили весь корабль со

своими датчиками и в результате дотошных поисков поймали в грузовом отсеке крысу.

Та, конечно, очень расстроилась, когда ее вытащили из ящика с сухофруктами, но знай она, за сколько ее продадут таможенникам для орбитального зверинца (3 доллара 7 пенсов), то расстроилась бы еще больше, так как крыска она была очень симпатичная и довольно молодая, так что за нее можно было взять ну никак не меньше 4 долларов.!

На составление протокола происшествия и заполнение штрафной карточки ушло еще минут двадцать. На кофе с тостами — полчаса и на задабривание крыски лучшими кусочками тостов — еще минут десять.

Итого, целых два часа яхта Хаггардов болталась в окрестностях Земли, и одно успокаивало, что не совсем даром убито это время *(хотя бы обрели новых "друзей" — таможенников).*

Сердечно распрощавшись с этими славными ребятами, Хаггард приказал Центральному начать полет по преодолению Солнечной системы.

На это должно было уйти по меньшей мере дня два. Лететь с более приемлемой скоростью было невозможно ввиду катастрофического засорения всего околосолнечного пространства всевозможными станциями и кораблями.

Хаггард решил провести это время с пользой для дела, беседуя с Центральным на темы перспективного развития собственной фирмы в свете решения актуальной программы реализации возможностей, предоставляемых уникальными свойствами передовых технологических процессов производства.

По-простому трепались они о дубликаторе, да так продуктивно, что только через три часа Хаггард вспомнил, что совсем забыл о своей милой супруге. Тихонько приоткрыв дверь ее каюты, он прислушался к происходившему внутри. До него долетели какие-то странные звуки то ли взрывов, то ли стонов. На их фоне монотонно вещал голос диктора. Видимо, Линда смотрела какую-то учебную программу.

Хаггард приоткрыл дверь пошире и, позабыв обо всем на свете, залюбовался своей женой.

(Если для кого-то это звучит дико, и он никак не может понять, как это можно любоваться собственной женой, то мне его очень жаль! Я, например, своей любуюсь, даже когда она на меня кричит по неизвестно какому поводу, а я, соответственно, молчу в ответ, тоже непонятно почему. Ведь мы находимся в разводе, и хотя видимся довольно часто, когда я навещаю своего сына, но все равно я ей любуюсь потому, что до сих пор ее люблю,— так как женился на ней по любви,— и буду

любить до скончания века, несмотря на все гадости, какие она мне делает, мстя за свою же глупость и ошибки!)

Она полулежала на кушетке в длинном шелковом халате, который во всех подробностях подчеркивал стройность и грациозность ее фигуры. Положив свою очаровательную головку на ладонь правой руки, Линда с нескрываемым интересом смотрела стереовизор, время от времени морща свой милый лобик и произнося удивленные восклицания.

Хаггард, видя, что его любимая чем-то взволнована, прислушался к голосу диктора.

"...Эпидемия СПИДа разразилась в конце двадцатого века. Большинство стран мира, правительства которых не оценили в должной мере угрозу этой эпидемии, с 1990 года по 2010 год потеряли не менее половины своего населения, большую часть которого составляли дети.

Особенно страшные последствия постигли страны с низким уровнем развития медицины и половой культуры населения (страны Африки, Латинской Америки и бывшего СССР).

Количество жертв могло быть намного больше, не начнись чуть раньше этих событий нормализация международных отношений в области разоружения, что позволило под эгидой ООН провести глобальные исследования в области борьбы со СПИДом.

Одновременно с эпидемией разразилась экологическая катастрофа, вызванная так называемым "парниковым эффектом".

Повышение среднегодовой температуры в масштабах планеты полностью нарушило атмосферный баланс, и нескончаемые ураганы и скачки температуры вызвали огромные разрушения с большим количеством жертв.

Наиболее пострадавшие страны Западной Европы и Северной Америки, имевшие наибольшие успехи в борьбе со СПИДом, потеряли также до половины своего населения в снежных бурях и ливневых дождях.

Интенсивно начавшееся таяние снегов на полярных шапках планеты привело к повышению уровня мирового океана на 2,5 метра, вследствие чего были затоплены прибрежные области суши.

Наиболее пострадали страны Юго-Восточной Азии, Австралия, Китай и Япония, в которых основная масса населения проживала в прибрежной зоне.

Индия подверглась в равной мере невзгодам как от СПИДа, так и от наводнений и затоплений суши.

В общей сложности население земного шара сократилось к двухтысячному году более чем на 60 процентов, и составило чуть меньше 2 миллиардов человек.

Страдания и начавшийся голод усугубились мелкими локальными ядерными конфликтами, развязанными частью эгоистически настроенных государств третьего мира, получивших доступ к ядерному оружию.

И только выдержка и согласованность в действиях между супердержавами предотвратили возникновение всемирной ядерной войны и, как следствие, полное уничтожение всего человечества..."

— Линда, дорогая, я и не знал, что ты увлекаешься фантастикой!

— А, Джон, это ты! Но это не фантастика, а краткий курс истории конца двадцатого века. Разве ты не проходил ее в школе?

— Наверное, проходил, но видно, в это время я увлекся каким-то более важным делом. А чем кончилась вся эта история?

— Целых сто лет человечество совместными усилиями боролось с этими напастями, и только тогда был приостановлен хотя бы рост всевозможных бед, а чтобы вернуть Земле прежний климат и восстановить генофонд, понадобилось еще триста лет!

— Что-то медленно наши предки работали!

— Да нет же! Работали они как раз не покладая рук, да уж больно много работы им выпало!..

— По их собственной глупости!

— Мы тоже не застрахованы от таких глупостей, и дай Бог, чтобы прошлое не повторилось. У нас слишком короткая память и слишком большие запросы!

— Не надо так расстраиваться, дорогая! Все будет хорошо! Вот увидишь!

Конечно, увидит! Через двадцать лет увидит и голод, и войну, и смерть детей! Все увидит и никогда не простит своему мужу все эти беды, в чем будет совсем не права, так как, попадись дубликатор в плохие руки, еще неизвестно, чем все это кончилось бы! Вариант с хорошими руками мы совсем не рассматриваем, так как по закону подлости его ни за что не должно было быть. Так что слава Джону Хаггарду — кормильцу и отцу родному! Аминь!

Пока миновали орбиту Транс-Плутона, Хаггард успел не только разработать с Центральным подетальный план экономической экспансии, но и заодно и прослушать полный курс истории для пятого класса.

Самое интересное, что эта, казалось бы, посторонняя информация как

нельзя лучше легла недостающим кирпичиком в стройном здание его будущих финансовых операций.

Вот несколько отрывков из этих лекций:

“...Изобретенный в середине XXI века гравитационный двигатель позволил, наконец, начать промышленное освоение Солнечной системы. Это, как нельзя лучше, способствовало восстановлению на Земле экологического равновесия. А изобретение вакуумной откачки энергии разрешило энергетический кризис и открыло человечеству двери во Вселенную...

...Колоссальные средства и трудозатраты, направленные на преодоление последствий экологической катастрофы, не дали ни одной из стран Земли на протяжении трехсот лет возможности заняться колонизацией Галактики, и это нужное, но не первостепенное, по бытовавшему в то время суждению, занятие, было отдано на откуп энтузиастам-одиночкам *(в том числе отдельным фирмам).*

Стоимость космических транспортных средств была невысока *(относительно),* но сама колонизация требовала огромной массы снаряжения, так в то время необходимого на израненной Земле, но несмотря на почти полное отсутствие материальной поддержки со стороны земных правительств в течение первых ста лет с момента изобретения гравидвигателя, было колонизировано порядка четырехсот планет во всех концах Галактики...

...Колонисты селились исключительно на планетах земного типа, где не требовалось создания искусственного климата *(именно климатические установки были тогда в наибольшем дефиците)* и, истосковавшись по девственной и нетронутой природе, занимались в основном сельским хозяйством. С добычей полезных ископаемых на планетах Солнечной системы успешно справлялись роботы и полностью обеспечивали потребности человечества.

Возникший, естественно, переизбыток производства вкупе с почти бесплатной и мгновенной поставкой из любого конца Галактики грузов посредством подпространственных скачков позволил осуществиться давней мечте человечества — полностью убрать с Земли промышленные и сельскохозяйственные производства и превратить ее в сад-музей...

...К настоящему моменту сложилась стройная система галактической экономики с высокой интеграцией труда отдельных планет..."

Вот на основе этой последней фразы из учебника истории *(видеопрограммы)* и базировался новейший секретный план экономической диверсии Хаггарда!

Используя узкую специализацию производства на отдельных планетах...

...Стоп! Больше ни слова! Нас могут подслушать шпионы бледнолицых!

У Хаггарда впереди еще очень много великих дел, чтобы из-за длинного языка сорвалось такое выгодное предприятие!

Кончаем болтать и лучше посмотрим, что произойдет дальше!..

Февраль — март 1989г.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

РОМАН - ЭПОПЕЯ

ПРОЛОГ

Поссорились мы капитально.

Я что-то не так сказал.

("Ты вспомни хорошенько, что ты сказал! И подумай!..")

"И что я там такого сказал?! Матом вроде бы не ругался?! А она тоже хороша штучка! Да за такие бзики, что она мне откаблучивала, будь я любером, да лет на десять помоложе, то так бы и дал ей по почкам!.."

Но это все, конечно, эмоции!

Короче, поссорились мы капитально!

Многочисленные телефонные объяснения ни к чему не привели, и только в конце мы остановились на том, что мне можно позвонить во вторник. *("Но не позднее девяти вечера!", что означало — среду во второй половине дня она предположительно будет не занята.)*

Всю пятницу я проходил злой, как собака, и к вечеру достиг такого состояния, что, не сработай спасительный клапан моего благоразумия, я растер бы ее в порошок!

И вот, в самый кульминационный момент гнева, моя рука потянулась к телефону!

"Не вздумай ей звонить!" — сказал я себе и снял трубку.

Дринь-дринь-дринь!

"Хорошо б у нее было занято!" — подумал я, крутя диск телефона.

Ду-у-у... Ду-у-у...

"Лишь бы ее не было дома",— молил я Бога, слушая длинные гудки.

На третьем трубку сняли:

— Алло?

— Девушка, это роддом?

— Нет, это не роддом!

— Значит, это зоопарк?!

— Да, это клетка со злой окабаневшей Мурзилкой!

(Вот такой разговор после капитальной ссоры! Так что вы не удивляйтесь, что я ее до сих пор терплю!)

— Привет!

— Здравствуй.

— Ты все на меня злишься?

— Еще как!

— А я не вытерпел до вторника и позвонил.

В ответ, по-моему, довольно засопели.

— Слушай, а та бумажка у тебя сохранилась?

(Какая бумажка, для Вас не имеет никакого значения.)

— Да.

— Она мне нужна к понедельнику!

— К понедельнику?!

— Да. В любое удобное для тебя время и место.

— М-м-м... *(Продолжительная пауза)* — Завтра, пол-двенадцатого!

— Где?

— Там же!

— Где там?

— У памятника! *(Это где мы поссорились.)* Ты что, забыл?!

— У памятника, так у памятника. А как же твои сокурсники? Вдруг они увидят тебя со мной? *("С таким толстым и старым!" — "Это я-то старый в свои 32 года?!!")* Может лучше у метро?

— Ага, только давай у другого выхода, ладно?

— У другого, так у другого. Мне все равно, где тебя видеть. *("Лишь бы видеть!")*. Кстати, ты завтра упадешь в обморок, увидев меня!

— ..?

— Я, наконец, собрался съездить к себе на родину и завтра оденусь по походному.

— Это как?

— Я одену изумительные брезентовые, мной лично сваренные штаны имени сварочно-кузовного цеха!..

— Ой!

— Куртку памяти столетней войны стройотрядов с колхозным строем!..

— Ай!

— А на голове?!..

— Что??!!

— Я так и не подстригся, и уровень моей лохматости...

— Может, тебе не очень нужна эта бумажка?

— Очень! Нужна! А может, ты поедешь со мной? Там так хорошо.

— Я же учусь...

— Да плюнь ты на эту учебу! Хоть раз вдвоем съездим на природу. А там! А там реликтовые дубовые рощи! Моя любимая седальная сосна! Родничок кристальный! Ну?!

— У меня столько дел запланировано на вечер...

— Но я так по тебе соскучился!

— Ничего, переживешь! И не вздумай завтра у метро ко мне грязно приставать!

— А я разве когда-нибудь к тебе грязно приставал?!

— Неужели?! Ни разу?!

— Не было такого!

— Ну ты гнус! Ни разу?!

— Ах да, было, было, это когда я все-таки решился, наконец, тебя поцеловать в губы! И то ты мне так и не дала! Ты ведь у меня так и осталась нецелованной!..

— !!! *(В трубке раздалось дикое рычание злобного окабаневшего Мурзика).*

— ...Но тебя оправдывает то, что на мне в то время почему-то была недельная щетина. Так что я тебя прощаю!

— Гнус! *(Ы-х! Как хлыстом!).*

— Ну, что? Едем?

— Нет! И вообще я спать хочу!

(Это-то в десять часов вечера?!)

— Ну, ладно. Не буду испытывать твое терпение. Давай, до завтра.

Итак, Вы познакомились с типичным разговором с моим самым милым, самым ненаглядным, с самым любимым и самым окабаневшим Мурзиком!

"Опять она меня стесняется! — с горечью подумал я,— Как в тот раз, когда мы из-за этого поссорились.

А там, где мы познакомились, она меня не стеснялась, потому что мой живот спасал нас не раз от неминучей гибели!"

(В июле 1989, в Абхазии!)

"А еще она опять спрашивала, когда я похудею!"

"Дура! Не понимает, что если я похудею, то что я буду делать со всеми девками, что станут вешаться мне на шею!" (При моем приличном росте, недурной физиономии, а главное, с моим могучим интеллектом!)

"А может, наконец, сбросить весь этот камуфляж и показаться во всей красе?!"

"А правда, что из этого получится?"

"Так в чем же дело? Давай, полюбуемся, как она тогда запоет!"

"Итак, я должен ждать у дальнего от ее института выхода из метро."

"Вот уж дудки!

"Где вход в ее институт мы догадываемся, хоть туда я тогда так и не дошел, вернее она мне запретила."

"Вот там мы ее и встретим!""

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

"БРЕД СИВОЙ КОБЫЛЫ"

Мне повезло — перед институтом было свободное место, и я, остановив свою белоснежную "Вольво" у самого тротуара, встал рядом, положив руку на ее крышу в самой, что ни на есть вальяжной позе. Одет я был подобающе: кроссовки те еще, рублей за четыреста *(по гос. цене в переводных рублях, естественно!),* штаны — "Ух!", куртец — "Ох!", джемпер — "Во!", прическа — "А ля Дипеш Мод", так что ее сокурсники, думаю, простят мне мой живот в тридцать два года! *(Можно подумать у них к моим годам вырастет что-нибудь другое! А уж каждый второй, наверняка, оплешивит! А мой покойный дедушка в 75-ть только начал седеть!)*

В это время, наверно, была перемена и, наслаждаясь прекрасной и почти летней погодой *(было 2 сентября)*, толпа студентов курила на выходе, и многие из них заинтересовались моей персоной, когда я, наконец, увидел Мурзика.

Помахав ей рукой, я кликнул *(довольно громко и зычно!)*:

— Анжела!

(Она была без очков и могла меня проглядеть).

Мой милый Мурзик, прищурившись, удивленно поглядела в мою сторону, и, чтобы развеять последние ее сомнения, я еще раз окликнул ее.

Изобразив на своей миленькой мордашке притворно-кокетливое изумление, она с достоинством подошла ко мне.

— Это ты?!

— Нет! Это тень отца Гамлета!

Мурзик внимательно оглядела меня, потом мою машину *(последней марки)* и опять вопросительно уставилась на меня.

Я, широким жестом распахнув дверцу, скомандовал:

— Медам, силь ву пле, плиз!

Мой Мурзик отреагировала “естественно” и, ни слова не говоря, уселась в “Вольво”.

Пока мы усаживались, на тротуаре собралась изрядная толпа зевак, так как Мурзик пользовалась в институте несомненным успехом и к тому же жила рядом.

Мурзилка растерянно посмотрела на это скопище идиотов, а я тем временем вдарил по газам, и мы с помпой отчалили!

Хозяйским взглядом обшарив интерьер моей “лайбы”, Мурзик строго спросила:

— Можно поинтересоваться, откуда все это?

— Оттуда!

— Так, понятно, ты решил пустить мне пыль в глаза и одолжил у знакомого бизнесмена весь этот маскарад!

— Ага, штаны 62-го размера я тоже у него одолжил? Да? А права и документы на машину я тоже подделал? — насмешливо сказал я, небрежно бросив ей на колени крокодиловый портмоне.

Мой Мурзик, меркантильно достав из него документы, стала внимательно их изучать, а я в это время развернулся и с ветерком покатил по Ленинградскому шоссе в сторону Тверской-Ямской.

— И куда мы направляемся? — поинтересовалась она, закончив обзор моей физиономии на фотокарточке в правах.

— Куда надо! — ответил я и поддал газу.— Я же обещал показать тебе, где прошли мои юные годы?!

Я ждал этого вопроса, и, предупреждая ее негативную реакцию, мысленно задействовал бортовой автопилот.

Кресла, в которых мы сидели, автоматически отодвинулись сантиметров на сорок назад, напротив Мурзика распахнулся бар *(в котором, чего только не было!)*, а на том месте, где у всех нормальных машин находится магнитофон или, в крайнем случае, телефон, раздвинулся метровый стереовизионный экран.

У Мурзика, естественно, полезли глаза на лоб *(интересно, у кого они не полезли б, когда машина прет по городу под восемьдесят, а за руль никто не держится?!)*, но я не растерялся, выхватил из бара банку пива, открыл ее и сунул в руку Мурзилке.

— Ты не волнуйся, машину ведет бортовой компьютер, так что пей свое пиво и гляди мое видео! *(Это я так обозвал по простому стереовизор!)*, а сам тем временем включил биопреобразователь, вмонтированный в кресло, чтобы к концу поездки он меня маленько пре-

образовал, и я бы похудел до нужной кондиции, чем окончательно убил бы Мурзилку! *(Одежда на мне, конечно, тоже должна была преобразоваться до нужных габаритов).*

— Так куда мы едем? — уже более спокойно спросила Мурзик, успев отхлебнуть пива и, видимо, смирившись со своей незавидной судьбой.

— Часа через полтора мы будем на месте, а пока давай немного поразвлечемся,— ответил я и, достав пульт управления ДВ *(дальний видеопоиск)*, начал им играться.

На экране Мурзик с удивлением увидела наше зеркальное изображение, которое постепенно стало удаляться.

Камера *(на самом деле никакой камеры не было, а была произвольная точка в пространстве, откуда транслировалось изображение)*, поднялась над шоссе, и мы увидели поток несущихся машин с нашей в центре. Потом я показал панораму Москвы с птичьего полета и повернул на юг.

Изображение стало двигаться в сторону Мосфильмовской улицы.

— Хочешь посмотреть, что сейчас делает Верка в Сухуми? — спросил я. *(Хотя и так ясно, что она там кабанеет!).*

— ?!

Я увеличил скорость движения изображения и на экране понеслись друг за другом Московская, Тульская, Орловская, Курская, Белгородская, Харьковская, Донецкая, Ростовская и Екатиринодарская губернии, соответственно.

Показалось море.

Я начал вести изображение вдоль российского берега и турецких крепостей: Анапа, Новороссийск, Геленджик.

Перед Дивноморском я притормозил.

— Ой, смотри, наша турбаза! — Мурзик, очнувшись от шока *(а может, протрезвев?)*, начала тыкать в экран пальцем.— Там сейчас должен быть Мультфильм!

— Давай поищем Мультфильма! — великодушно согласился я. Изображение ринулось вниз и появился местный Шанхай.

Я не знал, где спит Мультик, в полдень он обычно еще спал, и мне пришлось обшаривать все домики подряд.

Замелькали пустые кровати, незнакомые люди, пустая посуда.

— Вот он! — воскликнула Мурзилка и точно, это был Мультфильм собственной персоной. Свернувшись калачиком, он спал между Зульфией и Заремой.

— Спит, сволочь! — восхитился я.

— Эх! Вот бы, его разбудить?! — вопросительно посмотрев на меня предложила Мурзилка.

— Пожалуйста! Но, если он останется заикой, то отвечать будешь ты!

Мурзик имела на Мультика большой зуб *(интересно, что было между ними?)* и хладнокровно отдала приказ:

— Давай!

Я включил звуковой канал Геленджик — Москва и рявкнул Ватт так на двести:

— Мультик! Сука! Вставай!

Мультик вскочил, как ошпаренный, а Зульфия с Заремой засунули головы под подушки, явив нам свои неприкрытые тылы.

— Мультфильм! Ты помнишь, что в Москве тебя ждет злой Димик?!

Мультфильм, видимо вспомнив, затряс головой и глупо заулыбался.

— Помни, собака и молись!

Мультик как был, в одних трусах выскочил на улицу, нервно озираясь. Не увидев, естественно, никого вокруг похожего на меня, он инстинктивно поглядел вверх.

Я тоже перевел изображение вверх, где появилась моя голограмма размером в пол неба. Голограмма скорчила ужасную рожу на манер Оззи Осборна и progромыхала:

— Молись, сука!

Я вернул изображение на Мультика.

Тот уже был на коленях, скуксившись, прикрывая голову руками.

И вовремя, потому что я послал ему на голову большую теплую коровью лепешку *(я ее позаимствовал в момент падения у одной из коров на близлежащем поле).*

Мой Мурзик аж прослезился от восторга, а я тем временем опять двинул изображение с сторону Сухуми.

— Ой, зачем?! Я хочу посмотреть, что дальше будет!

— Ничего интересного, он пойдет мыться.

— Ну, Димик! *(Ласково так! Ведь может, когда захочет?!)*

— Никаких ну! Мне его рожа давно уже надоела, а тебе, видно, нет, соскучилась небось?!! — грозно отрезал я.

Мурзилка обиделась и надулась.

Я тем временем приблизил изображение к Абхазии.

— Мурзик, смотри А-Абхазия! — на абхазский манер сказал я.

На экране замелькали вывески и рекламы, написанные по-абхазски: **“АКАФЕ”, “АГАСТРОНОМ”, “АУНИВЕРМАГ”, “АБЪЕНЗИН”** и т.д.

— А-Мурзик! — с чувством сказал я и ткнул ее пальцем в бок.

Та взревела, вернее взвизжала.

— А-Димик! — и сделав страшное лицо, набросилась на меня и начала царапаться и кусаться.

Я был на верху блаженства, ведь нет ничего приятнее минут, когда мой милый окабаневший Мурзик начинает со мной возиться.

Особенно ей нравилось деловито и сосредоточенно лупить меня кулачками по животу.

Ну, а я тоже не стал терять времени и начал шарить своими руками, где не грех пошарить, что мгновенно протрезвило Мурзилку *(она у меня слишком нежная и чувствительная!)*, и она отцепилась от меня.

— Давай лучше Верку искать, — предложил я, направив изображение к дому Зурика.— Как ты думаешь, где сейчас она?

— Должна быть где-то здесь...

— Что здесь, понятно, но чем она сейчас занимается?

— Наверное, кабанеет...

Верка точно кабанела.

Мы ее нашли в саду, сидящей за столом, на котором стояла трехлитровая банка домашней "Изабеллы".

После трудной ночи Верка похмелялась.

— А где Зурик? — наивно спросила Мурзик.

Зурик как будто ожидал этого вопроса и тут же появился на террасе второго этажа в одних белых трусах *(это те, что с гульфиком)* и с опухшей рожей.

Голова его была почему-то наголо выбрита и блестела от утренней росы *(это был предрассветный пот!)*.

Походкой больного полиомиелитом он спустился по лестнице вниз и уселся напротив Верки. Тут же к нему подошел и сел рядом Гоша, рыжий бульдог, милее и терпимей которого я не встречал, и они с одинаковым выражением на мордах стали глядеть в бесконечность, которая, по-моему, в тот момент находилась внутри трехлитровой банки.

Верка молча, по-хозяйски, налила из банки полный стакан и со стуком поставила его перед Зуриком.

Кабаненье продолжалось...

Я отдал пульт управления ДВ Мурзилке, быстро объяснил ей, как надо им пользоваться, и пока она развлекалась, обшаривая окрестности Сухуми в поисках знакомых "хачиков", сам занялся делом.

Мы уже выскочили на Симферопольское шоссе и неслись по нему под 120. По плану у нас был очаровательный пикник в лесах, где прошло мое детство.

Для того, чтобы он стал на самом деле очаровательным, надо было сделать самую малость — привести эти леса в порядок.

Пока мой первый интеллект вкупе со всем моим бренным телом составляли Мурзику компанию и даже время от времени издавали разные

звуки: "Смотри, Кохта! Смотри, Важа! Смотри, Бэссо! Смотри, Рафик! Вахтанг! Тимур! Тэнго! Рома! Нукрия!" и т. д., то второй мой интеллект начал экологическую чистку *(третий и четвертый были поглощены структурным анализом и моделированием происходящих в мире событий, пятый сидел на галактической связи, а шестой и все остальные шлялись по всем Вселенным и занимались черти чем).*

Загадили мою Родину основательно.

Я быстро поставил фильтры вдоль всей Лопасни, некогда чистейшей и милейшей русской речушки, ныне превращенной в сточную канаву. Ниже по течению от места пикника я поставил временную плотину и поднял уровень воды до былого.

Быстро вычистил ил со дна и просеял весь донный песок.

На Пионерском пляже, где намечалось купание, я быстро снес всю растительность, выросшую на месте пляжа и просеял весь песок. Воду в реке я нагрел до 20 градусов.

Далее по всему берегу извел бурьян, другие сорняки и вырастил новую ровную зеленую травку с полевыми цветочками (за цветами пришлось смотаться в XIV век!).

Потом засыпал подрытое основание Лысой Горы и на месте некогда срубленных елок вырастил новые.

В лесу пришлось повозиться с бутылками и ржавыми банками. Но больше всего мне досталось неприятностей от того сорняка, который некогда посеяли на совхозных полях на корм скоту, что было сделано явно с ведома ЦРУ или гитлеровской разведки!

Сеяли его всего один год, так как только он взошел, масса людей получила ожоги от его ядовитого сока, особенно дети, которые делали из него плевательные трубки.

Сеять его запретили, но он успел расползтись по лесам и лугам. А вообще лес сохранился хорошо, так как был слишком могуч и велик.

Всю работу мне удалось закончить к тому времени, когда мы подъехали к мосту через Лопасню. Съезда там с шоссе не было, но моя машина, как вы уже догадались, основательно отличавшаяся от серийного "Вольво", при помощи гравитационной подушки плавно съехала на берег реки и подкатила к роднику.

Родник тот был уникален.

В тех местах проходил небольшой геологический разлом, и оба берега поймы реки были очень крутые, так что родник питался глубинными

грунтовыми водами, в которые вода попадала не из ближайших полей, отравленных химией, а из глубины Мелиховского леса, бывшего в ширину не менее семи километров.

На вкус вода в роднике была неповторима и совершенно волшебна!

Остановив машину, я обернулся и, соединив сознание второго и первого интеллекта, хотел было уже предложить Мурзику освободить помещение и выйти на лоно природы, но был поражен, с какой детской непосредственностью она играет с ДВ.

— Мурзик! И тебе не стыдно подглядывать? — спросил я, видя на экране безобразную сцену обмена сомнительного качества прелестей заезжей гастролерши на советские рубли, заработанные не совсем трудовым способом местным аборигеном.

Мурзик захихикала и пропищала:

— Я, вот, смотрю и никак не пойму, как это людям не противно! Я бы ни за какие деньги с этой волосатой обезьяной и рядом не села бы!

— А я другое не пойму, чего этот бедный Гиви нашел в этой крокодилице? А с другой стороны, при отсутствии отдыхающих ввиду военных действий ему ничего не остается, как хвататься за первую попавшуюся клешню!

Тут Мурзилку посетила какая-то интересная мысль и она, сморщив свой лобик и криво ухмыльнувшись, спросила у меня:

— И давно у тебя эта штука? — кивнула она на экран ДВ и потрясла в руке пульт управления.

— Давно,— ответил я, не понимая куда она клонит.

— Значит ты так же подсматривал за мной?

— А что, было за чем подсматривать?

Мурзик от досады аж зашипела:

— Конечно же, нет! Но ты мне ответь: подсматривал?!

Я почесал затылок и произнес:

— К сожалению, я как-то упустил из виду такую возможность, но ты знаешь, в этом что-то есть!

— Гнус! Только попробуй!

— А чего ты испугалась? Или же тебе есть что скрывать от меня?

— Конечно же нет! То есть да! То есть нет, и вообще не фига! — окончательно запутавшись, Мурзик окабанела и от бессилия перед моей злой волей начала драться.

Я немного от этого побалдел *(но всего хорошего понемногу)* и ненавязчиво так вытолкнул ее из машины.

Когда мы вышли из нее, Мурзик с удивлением уставилась на меня: у меня пропал живот!

И вообще я полностью преобразился и стал похож на Арнольда *(телом, конечно, а не лицом!)*.

Мурзилка остолбенела!

Я же крутился перед ней и, похлопав себя по похудевшему животу, извиняясь, произнес:

— Ты ведь так хотела, чтобы я похудел, вот я и поднатужился!

Описывать выражение лица моей Мурзилки не имеет смысла. Представьте себе молоденькую, романтического склада девушку, которая, наконец, встретила своего долгожданного "принца".

Итак, Мурзилка стала окончательно и бесповоротно принадлежать мне! *(Точнее ее душа теперь принадлежала мне безраздельно, а почти все остальное, за исключением губ, я раньше умудрился заполучить самым воровским способом!)*.

Началась идиллия!

Мы взялись за руки и, влюбленно глядя в глаза друг другу, пошли бродить по лугам и лесам, мной возрожденным из небытия родной земли *(в данном случае особенно родной именно мне!)*.

Воздух опьянял, солнце ласково грело *(я поработал локально и с погодой)*, птицы щебетали *(я их вернул с полпути на юг, пообещав сверхплановую весну)*, кузнечики стрекотали, Мурзик топил свое лицо в огромном букете полевых цветов, а моя машина, включив невидимость, следовала за нами на высоте двух метров от поверхности земли.

Взобравшись на вершину Лысой Горы, мы уселись на траве под моей любимой седальной сосной, на удобных ветках которой я в детстве регулярно сидел и читал свои первые книжки.

Мурзик доверчиво прижался ко мне и, по-моему, вовсю тащилась.

На меня тоже нахлынуло *(хотя меня практически невозможно вывести из душевного равновесия и тем более чем-либо удивить, ведь я видел такое!..)* и я прослезившись начал декламировать свои корявые юношеские стихи, посвященные именно этим местам:

Мир моих воспоминаний!
Мир моих переживаний!
Всё в меня впиталось словно в губку.
Все, что было, не достанешь,
Что любил, все потеряешь...
Ты вернись хотя бы на минутку!

Иногда мне кажется, подчас
Все, что было, я придумал это!
Но тогда же для кого,
Солнце в поле траву жгло,
И трещал кузнечик в это лето?

Не таскать тебя за косы,
Решать глупые вопросы,
Не рыдать молчком мне в темной ночи!
Все стоит в тумане белом,
Стан твой тонкий загорелый,
И на свете жить нет больше мочи!

Иногда, мне кажется подчас,
Все что было — я придумал это!
Но тогда же для кого,
Солнце в поле траву жгло,
И трещал кузнечик в это лето?

Вы вернитесь дни былые,
Словно солнце золотые,
Бархат ночи с пряной хвоей сосен!
Раздробите в сердце камень,
Он мешает мне быть с вами,
А года все в даль от нас уносят...

Иногда мне кажется подчас,
Все, что было я придумал это...
Но тогда же для кого,
Солнце в поле траву жгло,
И трещал кузнечик в это лето?..

Мурзилка , расчувствовавшись в порыве страсти наградила меня бесконечно жарким поцелуем, что явилось заключительным актом ее безоговорочной капитуляции!

Наше дело правое, мы победили!

Далее последовала обязательная программа воскресного, в данном случае — субботнего, уик-энда: *завтрак, купание, беготня, кувыркание, песен орание.*

Сидя в воде верхом на мне, Мурзик горланила:

— "*Врагу не сдается наш гордый Варяг!..*"

И так до самого вечера!

Вечер я организовал теплый и безветренный.

Вдоволь набесившись, Мурзик, привалившись ко мне, томно мурлыкала, в ожидании естественного завершения этого изумительного дня.

И вот тут я начал делать не то, что хотелось Мурзику *(Это можно было, конечно, проделать, но к чему повторяться, если можно развлечься более содержательно!)*, а то, что хотелось мне!

А мне очень хотелось окончательно ее добить, и я ласковым голосом обратился к ней:

— Дорогая, где мы сегодня проведем наш вечер?

Ничего не подозревавшая Мурзик, не подумавши, промурлыкала:

— Где хочешь, дорогой!

Я, шумно вздохнув, изобразил на своем лживом лице мечтательное раздумье и изрек:

— Мне очень хочется доставить тебе большое удовольствие, и раз мы начали так конструктивно развлекаться, то давай продолжим до конца в этом духе?!

Мурзик собралась было откинуться на спину, но я, предусмотрительно подставив руку, спросил:

— Выбирай, где мы сегодня повеселимся: в Париже, Нью-Йорке или в Токио?

Мурзик, приняв это за обыкновенную шутку, окончательно обмякла в моих руках и мечтательно прошептала:

— Хочу в Нью-Йорк!

Я тут же вскочил на ноги и, бережно держа ее на руках, шагнул с вершины Лысой Горы...

В том месте, куда я шагнул, тут же объявился мой автомобиль, и я ловко уселся в его кабину *(с Мурзиком на руках)*.

Не успела моя Мурзилка от удивления моргнуть пару раз, своими шикарными ресницами, как наш аппарат рванул в стратосферу по направлению к Нью-Йорку.

А пока она слезала с моих коленей и усаживалась на сиденье, машина зависла уже над Манхэттеном!

(Благодаря гравикомпенсаторам разгон и торможение совершенно не чувствовались!)

— Это, что — Нью-Йорк? — пролепетала моя Мурзик, глядя вниз.

— Ни, цэ ридна Жмеринка! — передразнил ее я.— Ты выбрала Нью-Йорк, вот его и получай!

Приглядев темный дворик недалеко от Бродвея, я опустил туда машину.

— Придется нам с тобой прошвырнуться по Бродвею пешком. В это время там машину не припаркуешь! — сказал я *(вообще непонятно зачем. Кто откажется от вечерней прогулки по Бродвею? Разве идиот!)*.

Мы вышли.

Когда я легкомысленно не закрыл стекло в двери машины, Мурзик непонимающе поглядела на меня, потом на группу подозрительных типов, стоящих в темной подворотне:

— Ты не боишься, что в машину могут залезть?

Я хмыкнул:

— Пусть лезут! Мне их будет жаль! *(Бортовой компьютер так им и дал залезть! В лучшем случае он их шарахнет током!)* — и взяв ее под ручку, повел в сторону всполохов беснующейся рекламы.

Что мы делали на Бродвее в течение пяти часов, нет смысла рассказывать — это и так ясно.

(Разница между Москвой и Нью-Йорком во времени не имела никакого значения, так как, прилетев в Нью-Йорк, мы заодно совершили скачок во времени на десять часов вперед, а когда мы будем возвращаться — опять сиганем назад!)

Единственное, о чем следует упомянуть, так это о том, что я постарался обставить мой вояж как можно шикарней и при соблюдении абсолютной безопасности. Наивный человек наоборот предположил бы, что надо устроить как можно больше приключений с драками, стрельбой и погонями, где бы я благородно и героически защищал бы моего обожаемого Мурзика *(синдром Прекрасной дамы!)* от всяческих напастей, придуманных и подстроенных мной, раз я могу выйти из всех этих передряг победителем, совершенно не подвергая ни себя, ни свою прекрасную даму никакой опасности!

Но это мне было совершенно ни к чему. В мою задачу-минимум входила не демонстрация моих возможностей *(неограниченных)*, а создание беззаботной идиллической обстановки праздника.

Вот почему я не прибегал к мгновенной телепортации, а создал несуразные механизмы, вроде моей машины, чтобы не дай Бог Мурзик не заподозрила, что я обладаю нечеловеческими способностями!

(Вернее как раз наоборот: я то нормален, а весь остальной мир ущербен! Люди постепенно забывали, на что они способны и для чего они существуют!)

В мою задачу входило изобразить из себя лишь сказочно богатого человека и только!

На самом деле на всей Земле существует такая дремучая духовная и материальная нищета, что еще немного, и меня полностью покинет чувство брезгливости! Мне уже порядком надоело влачить здесь жалкое существование, благо я здесь имел несчастье родиться! Я постепенно стал пренебрегать начальной установкой, и допускать небольшие ляпы,

вроде скачка во времени, хотя вряд ли она со своим куриным интеллектом, полностью направленным на саму себя, это заметит!

Кстати, насчет "имел несчастье".

Как мы любим бросаться не подумавши словами!

Идиот!

Это твое счастье, что ты родился именно здесь и именно в это время! После такой школы, и получив нашу закалку, пройдя горнило испытаний и унижений, разве не здесь впервые ты осознал, что ты есть человек?

Что свобода должна быть только внутренней!

Человек должен быть в душе и помыслах своих свободен!

А в поступках он изначально скован присутствием других людей, тоже потенциально внутренне свободных!

Так что во время нашей прогулки по вечернему Нью-Йорку я лишь внушал швейцарам и метрдотелям патологическое уважение к себе, и куда бы мы с Мурзиком не заглядывали, со мной тут же здоровались по имени-отчеству: "Хай, Дмитрий Михайлович!", усаживали на лучшие места: "Дмитрий Михайлович, плиз!" и обслуживали по высшему классу.

Когда же Мурзик не выдержала и спросила, откуда у меня столько долларов, я отшутился, сказав, что мой непутевый папа иногда подрабатывает кувейтским шейхом.

Ну не рассказывать же, что у меня есть еще галактические "кредиты" и другая конвертируемая валюта!

Конечно, все было не так просто, так как мне постоянно приходилось силой мысли усмирять попадающихся нам на пути пьяных юнцов, наркоманов и других бандитов.

Так, в самом начале нашей прогулки те подозрительные типы на самом деле собрались пристать к нам с гнусными намерениями, но мне понадобилась ничтожная доля секунды, дабы внушить им страх и безмерное уважение к нам, так, что когда мы проходили мимо, они даже с нами раскланялись.

Где-то около двенадцати мой совсем обессилевший и в дребодан веселый Мурзик простонала традиционное "Я спать хочу!", опять не подумав чем это для него кончится!

Я без разговора вывел ее из кабака и, усадил, с немалыми трудами в тут же подкативший экипаж, мысленно приказав машине следовать домой...

Вскоре мой белый “Вольво” остановился возле дома, где проживают злобные окабаневшие Мурзилки.

Чмокнув Мурзика в щеку и на прощание сказав, что позвоню как-нибудь во вторник, я укатил в неизвестном направлении *(восвояси!)*.

Мурзик, не успев опомниться, оказалась у своего подъезда и только шикарный букет роз *(ну и остальные безделушки на сумму 61.327 долларов 63 цента)* напоминали ей о чудесном дне, а то бы она наверняка подумала, что все это ей приснилось!

И только дома до нее дошло, что я не должен был так с ней расставаться. Еще не сделав никаких выводов, но почувствовав, что здесь что-то не так, она позвонила мне домой.

В трубке ей ответил странный металлический голос:

— Говорите!

Мурзик, поколебавшись, нерешительно спросила:

— Мне, пожалуйста, Диму.

— Извините, но Дима сейчас занят. Что ему передать?

Мурзилка ничего не поняла, но у нее внутри все похолодело.

— А с кем я разговариваю?

— Вам отвечает робот-дворецкий.

— Вы не могли бы передать Диме, что звонит Анжела?

— Я думаю, что хозяин не сможет сейчас с вами разговаривать.

— У него гости? — Мурзилка была не только маленькой, но еще и наглой.

— Да, к нему пришли две молодые симпатичные дамы.

Мурзик разозлилась:

— Так я Вас правильно поняла, что он сейчас не хочет разговаривать, так как развлекается с ними?

— Да, вы правильно меня поняли!

Мурзик окабанела:

— Он что, с ними спит?!

— Вполне возможно,— уклончиво ответил робот.

— Сразу с обеими?

— А почему бы и нет?! — любезно подтвердил дворецкий.

Мурзилка бросила трубку и горько заплакала. Такого она ну никак не ожидала. Вот какой оказывается негодяй Димик! Позор ему и всеобщее презрение! Что происходило в душе у бедного Мурзика в течение воскресенья, понедельника и вторника, опять же нет смысла описывать.

На душе было гадко. Но надо отдать должное ее самообладанию *(за что я ее люблю — так это за ее рассудительность!)*, и она не стала на-

кладывать на себя руки и тем более делать какие-либо глупости, вроде тотального запоя с развратом. *Я бы не позволил ей наложить на себя руки, так как второй мой интеллект постоянно за ней присматривал.*

Но во вторник в восемь тридцать Мурзик была дома и, как было задумано, телефон зазвонил:

— Здравствуй!

— Здравствуй...

— Сегодня вторник, я обещал позвонить.

— Я слушаю тебя.

— Завтра когда ты будешь дома?

— Часа в два.

— К трем ты будешь свободна?

— Зачем?

— Надо. Я тебе позвоню. Привет.

Вот такой состоялся разговорчик. Ну и жуткий тип этот Димик! Кошмар!

В среду домой Мурзик пришла в два, а ровно в три часа услышала звонок в собственную дверь. С превеликим раздражением она открыла ее, так как никого не ждала и остолбенела — на пороге стоял я.

— Здравствуй Мурзик!

— Здравствуй,— раздался еле слышный шепот.

— Ты готова?

— К чему?

— К взятию Бастилии на собственный баланс! *(Финансовый термин.)*

— ??!

Тупик!

Вместо слов появляются чувства.

Я беру ее за руку и затаскиваю в лифт. *(В ее доме нет лифта!)*

Мурзик, конечно, сопротивляется, шипит, но разве против меня устоишь. Я нажимаю кнопку с цифрой шесть *(дом пятиэтажный, прошу заметить)* и на несуществующем шестом этаже дверь лифта открывается и я выталкиваю Мурзилку наружу.

Больше она не сопротивляется, потому что оказывается не на крыше своего родного дома, а в райском саду.

— Что это? — спрашивает она меня.

— Это мой дом,— отвечаю я.

Мы делаем несколько шагов, и перед нами открывается панорама Океана.

Он был тих и лучезарен.

— Где мы?

— На Гавайях, — говорю я.— Недавно я купил себе этот маленький остров и иногда отдыхаю здесь.

Остров не так уж мал, но Мурзику это знать не обязательно. Мы идем вдоль берега, и метров через двести открывается вид на мое "скромное" жилище, супердворец аж в три тыщи комнат. Напротив дворца мы садимся в мягкие кресла под сенью "плакучих" пальм и проворные официантки *(отборные экземпляры)* накрывают на стол чем Бог послал, а послал он от души.

— Я слышал, ты мне звонила в тот вечер? — невинным голосом спросил я.

— Да,— Мурзилка сердито засопела.

— Извини, дорогая, но я был занят, а дурака робота я уже отправил на переплавку. *Интересно, кому может понадобиться после переплавки эта груда жженого пластика?!*

— И чем же ты был занят, дорогой? — съязвила она.

— Я был в обществе прекрасных дам,— я улыбнулся ослепительно улыбкой Арнольда и поиграл правым бицепсом тоже не хуже, чем Арнольд.

— И ты спокойно мне об этом говоришь? — Мурзик гнусненько так залыбился.

— Но ведь ты так тогда устала и хотела спать,— рассеяно начал я, усиленно решая задачу с какой устрицы начать кушать.— Ты же мне сама это сказала. А я ведь прекрасно знаю, что сон для тебя свят. Не дай Бог разбудить спящего Мурзика! Она тут же превратится в злую и окабаневшую, что со мной не раз уже случалось. А я ведь тоже человек, с нормальными естественными потребностями *(во врет-то!).* Не онанизмом же в конце концов мне заниматься? А я тебя не видел уже целый месяц.

От таких грязных и циничных слов Мурзик окончательно окабанела и зло прищурившись, зашипела:

— И часто у тебя появляются эти нормальные потребности?

— К сожалению, часто,— грустно сказал я и, наконец все-таки решившись, высосал первую устрицу.— Каждый день! И, ведь, что интересно? Все женщины такие одинаковые, все ищешь, ищешь в них изюминку, а находишь регулярно вместо изюма дохлых тараканов алчности.

Ну я даю! Счас она мне отвесит пощечину, как тогда, в душевой, ку-

16—863

да я к ней вперся. Правда, мне до сих пор непонятно, почему она мне дала по морде, когда я ее застал там во второй раз, а не в первый? Но видимо Мурзик поняла, что бить меня бесполезно, и решила под шумок удовлетворить заодно свое женское любопытство.

— И какую же изюминку ты нашел во мне, если это не секрет?

— О! — с чувством произнес я.— Ты так сексуально кабанеешь, что я начинаю подозревать, уж не мазохист ли я?!

Мурзик презрительно посмотрела на меня, будто я гомик. Мне очень это не понравилось и я разозлился:

— Послушай, дорогая! Ты постоянно со мной разговариваешь так, как будто я твой собственный неверный муж. Извини, дорогая, но мы с тобой не связаны никакими обязательствами.

— Вот как?! — Мурзик начала кабанеть интенсивней.

— Да, дорогая! Разве я не говорил тебе регулярно, что безумно *(вот именно!)* люблю тебя? Но на мои настоятельные вопросы о судьбе хоть маленькой капельки твоей любви ко мне, ты всегда отвечала презрительным смехом, а на предложение выйти за меня замуж и нарожать мне банду маленьких мурзиков, ты говорила, что мне тебя не жалко и, ты еще очень молода для замужества. А как мы спали с тобой? Как будто воровали. И ко всему этому я так ни разу тебя не поцеловал.

— А на Лысой Горе? — обиделась Мурзик.

— Что-то не припомню. Это тебе почудилось от переизбытка кислорода. И вообще, ты же постоянно меня стесняешься. “Когда ты похудеешь?”, “Почему ты такой толстый?” — передразнил я ее.— А как от злых “хачиков” прятаться, так ты не за тощего Костика, а за меня, за мою широкую спинку...

И так далее я базарил как профессионально-лотошная баба. Правда, я это делал искренне и от чистого сердца, за что мне все должно проститься. И на самом деле, чем ей не нравится мой живот? Я же не повторяю ей ежедневно, почему ей 19, а не 25.

Минут десять мы кабанели друг на друга, но не зря же я был почти великим сценаристом, и, чтобы разрядить обстановку, вовремя появился Хвостатый Мультик, да не тот, что в Геленджике в издержках мясомолочного производства, а другой, маленький полуторамесячный щеночек с огромными отвислыми ушами, маленьким хвостиком и утробным урчанием в животе. В свое время Мурзик с ним подружилась в Сухуми во время Абхазо-грузинской войны, а когда он почему-то пропал, очень скучала по нему и регулярно восклицала: “Где мой Мультик Хвостатый?”

— Мультик! Мультик! — зачмокал я.— Фьють! Фьють!

Молодчина Мультик вперевалку подбежал ко мне и, посадив на колени, я стал его ласково гладить.

— Отдай мне моего Мультика,— обиженно, но уже не так зло потребовала Мурзилка.

— Не дам,— ответил я, а в Мультике от моего поглаживания включился механизм утробного урчания.

Видя, что ей не собираются возвращать ее игрушку, Мурзик вскочила и начала отнимать у меня Мультика. Постепенно ей это удалось, но в результате чего она оказалась сидящей у меня на коленях.

Безоговорочно завладев Хвостатым, Мурзик с энтузиазмом продолжила начатое мной дело извлечения из него утробных звуков, а я, оставшись без дела и за неимением другого Хвостатого Мультика, стал поглаживать Мурзика.

Судя по тому, что Мурзик игнорировала меня, главное — мои ласки, и всецело отдалась заботе о близлежащем, то кризис наших отношений стабилизировался и стал постепенно локализовываться.

Заключительным итогом "Гавайского совещания в верхах" были мои следующие слова:

— Я тебе его все-таки разыскал и это мне стоило почти 400 грамм ливерной колбасы для его мамаши, здоровенной суки. Когда Пальма *(его мамаша)* съела колбасу, то по ее все равно голодному взгляду я понял, что она не возражает расстаться таким же образом и с остальными мультиками.

— Не надо мне других мультиков,— сказала Мурзик и прижала Лопоухого к себе.— Я люблю только этого Мультика Хвостатого и больше никого.

— А меня?

— А тебя, гнуса, я ненавижу! — поведала мне моя Мурзилка и начала очередную экзекуцию над моим бренным телом.

Как же мало надо любящей женщине для того, чтобы простить любые обиды, причиненные ей любимым.

Вывод.

От того нам ничего и не прощают, что мы не их любимые. И судя по их утверждениям, так их вообще не существует.!

Да ладно, Бог с ними, они ж из ребра сделаны, безмозглые!

— Мурзик, пойдем я тебе покажу как я живу,— я встал и аккуратно поставил ее на ноги.— И отпусти этого Хвостатого, он никуда от тебя не денется.

Как ни странно, но она меня послушалась и, доверчиво взяв меня за руку, пошла за мной.

Домишко мой был так себе, ничего. Сам царь Соломон, когда был у меня в гостях, чуть не кончился от зависти. Этих азиатских варваров только таким образом можно заставить отдать тебе нужную вещь, взамен вручив копию понравившейся им, а копию мне сделать — это что *два пальца облизать!*

Но он ведь темный был, этот Соломон, а вот если ко мне домой попали бы специалисты из Лувра или же из Метрополитен музеума, то их точно кондрат хватил бы.

Я, за свои прожитые века, времени не терял и все произведения искусств, которые должны были погибнуть в горниле Истории, прикарманил, и теперь они спокойненько находятся у меня дома.

Галерея античных скульптур у меня была наиполнейшая, и в оригиналах. А скульптуры Атлантов сохранились только у меня. Фрески, мозаика, ковры, гобелены, шелка и т. д. тоже были у меня ничего. А коллекция монет в чистом пересчете на вес составляла ни много ни мало — три с половиной тонны.

В моей библиотечке тоже попадались интересные раритетики, если конечно учесть, что в нее полностью входила Александрийская библиотека, архивы атлантов, американских индейцев и тибетских ариев. Библиотеку Ивана Грозного я тоже стибрил, а то бы шляхта на ней зажарила бы всю ту человечину, что им пришлось потом засолить. Вот как я им насолил! Так что рядом с Мининым и мою маленькую статуэтку справедливо было бы поставить!

Меблированы мои комнаты и залы были тоже по-разному. И посуда у меня была разнообразная, и гардероб.

А когда я прокрутил Мурзилке пару отснятых мной документальных лент *(“Захват турками Константинополя” и “Теплый вечер на острове Лесбос”)*, мой Мурзик ни за что не захотела уходить из просмотрового зала.

И лишь только пообещав показать ей аппарат, при помощи которого я сумел похудеть, и пообещав, что ей тоже кое-чем помогу, только после этого она согласилась оторваться от созерцания битвы амазонок с древними греками.

— Все очень просто, смотри сюда! — сказал я, показав на экране изображение Мурзика в неглиже. — Это называется примеркой.

— Так, где ты там хотела похудеть?

— Здесь?

— Давай уберем немного здесь.

— Грудь поменьше?

— Ты что, с ума сошла?!

— Ну, ладно, ладно, пусть будет по-твоему, что у тебя слишком шикарная грудь для твоего роста.

— Погоди, как это увеличить рост?!

— Тогда зачем уменьшатв грудь?

— Как это, я ничего не понимаю?

— Ах, за счет ног?

— А уши тебе не увеличить до размера слоновьих?

— Что, не надо, и так почти как у слона, да?

— Ты маленькая Мурзилка или не маленькая?!

— На два сантиметра?

— Ну на два можно, а то я испугался.

— Так хорошо?

— О зубах не думай, во внутренних органах автоматически проведется профилактика.

— Ресницы подлинней?

— Глаза васильковые?

— Слушай, а хочешь стать девственницей?

— Не хочешь, а что хочешь?

— Только на ушко?

— Да?

— Это пожалуйста, это мы хоть совсем можем зашить!

— Совсем не надо?

— Ну успокойся, успокойся, сделаем как надо!

— Ага, значит пальцы на руках сделать короче и толще?

— Да не дерись ты, я пошутил, такой длины хватит?

— Может когти отрастить?

— Слушай, а какой Мурзик не любит длинного хвоста?

— Хочешь как у чернобурки?

— Нет?

— Ну ладно, все!

— Еще раз посмотри!

— Все?

— Тогда залезай в эту кабину и будешь через полчаса как на картинке!

— Что значит боишься?

— Какая “Муха”?

— Да не шучу я, ты же видела как я на твоих глазах похудел и ничего!

— Хочешь опять потолстею?!

— Не хочешь?

— Ну, раз не хочешь, тогда полезай быстро, а то время идет!

Вот таким образом я обновил свою Мурзилку! Благодаря моим стараниям и вопреки ее желаниям она изменилась, только качественно.

— Хочешь теперь посмотреть, как ты будешь выглядеть в тридцать лет?

— Конечно хочу! — мой маленький аж весь светился в новом теле.

На экране появилось изображение Мурзилки в тридцать лет.

— А вообще ничего,— сказал я,— но только это, если ты не родишь!

— Давай посмотрим какой ты будешь после родов?

— Ой!

— Так, не так уж плохо. Ты ведь хотела иметь двух детей?

— Ах!

— Тоже ничего. А давай посмотрим, что будет если трех?

— Не надо! — Мурзик заслонила спиной экран и начала кабанеть.

— Ну ладно, ладно, давай лучше окунемся в твое сорокалетие?

— Мама!

— В пятьдесят...

— А-а-а-а-а!!!

— В шестьдеся...

Я почувствовал ужасной силы удар в живот *(эта была ее пустая голова)* и, потеряв равновесие, сел на пол. Мурзик не удовлетворившись этим, начал молотить меня, да так здорово, что даже умудрилась заехать мне коленкой в лоб.

— Успокойся, дорогая! Успокойся! — стал просить я.— Успокойся! — рявкнул я и, встав на ноги, прижал злобного Мурзика к своей хилой груди.

— Выключи сейчас же!

— Уже выключил! Ну ты психопатка. Это же моделирование обыденно-бытовое! А вот давай посмотрим, какая ты будешь после регулярного применения портативного биостимулятора...

Мурзик сразу сообразила что к чему и напряженно уставилась на экран.

— До родов!
— Так!
— После родов!
— Так!
— После вторых родов!
— Так!
— После третьих родов!
— Так!
— После пятых!
— Ура!
— В сорок лет!
— Ух ты!
— В пятьдесят!
— Ай!
— В шестьдесят!
— Мама!
— Может хватит?
— Нет! — пискнула вконец окабаневшая Мурзик.— Давай в сто!
— Столько не живут!
— Все равно давай!
— Пожалуйста...
— А что, ничего, если здесь подобрать...
— И на панель!
— А сам-то, а сам! Небось, не встанешь в сто-то?!
— Смотри!
— Убери эту порнографию!
— Нет, ты смотри!
— Ну ладно, верю, верю,— и кокетливо так.— Гнус!
— Ну ладно, пойдем.
Но Мурзик не собиралась уходить.
— А детей моих можно посмотреть?
— Можно, но надо знать отца твоих детей.
— Тогда давай!

— Нет уж, как нибудь в другой раз, а то ты сейчас заставишь меня искать будущего отца твоих детей, и им окажется какой-нибудь недоносок.

Мурзик презрительно посмотрел на меня и, ничего не сказав, пошла за мной, в мою творческую студию, где я развлекался, создавая видеоклипы на свою музыку. Но на пороге она вдруг резко остановилась и, потянув меня за руку, тихо спросила:

— Но ведь этого не может быть?

— Чего? — не понял я.

— Ну всего этого. Биостимулятора, например. Ты меня просто гипнотизируешь и внушаешь всякую чушь!

— Ну тогда, посмотри, где мой большой живот,— возразил я и похлопал рукой по тому месту, где он когда-то был.— Но неужели этого тебе не достаточно?

Убедившись, что прежнего живота на самом деле нет, Мурзик однако не успокоилась.

— А может, ты меня так хорошо загипнотизировал, что мне все кажется как на яву.

— Ну не знаю, каких доказательств еще надо. Так ущипни себя или же давай я тебя ущипну.

— Не надо! — Мурзик отскочила от меня, но незаметно все-таки себя ущипнула.

— Ну, что, убедилась?

— Ну, предположим, да.

— Не предположим, а на самом деле биостимулятор не плод твоего больного воображения, а реальная и очень полезная штука!

— Так с его помощью можно любую уродину превратить в красавицу?

— Конечно! Ты же видела мою обслугу. Правда ничего девочки?

— Ну, вообще-то, их конечно нельзя назвать уродинами,..— чисто по-женски оценила Мурзилка.

— Не вообще-то, а на самом деле классные девочки. Я ж для себя старался!

— Да?! — сразу же все опошлила Мурзик.— И как они в эксплуатации, ничего?

— Дура! — обиделся я.— Я ж для дела старался, чтобы они радовали и ласкали мой взгляд, чтобы у меня было всегда хорошее настроение, что бы они вдохновляли меня на славные дела!..

— Ну и как они тебя вдохновляют? — не унималась моя чересчур ревнивая Мурзилка.

— Да никак! — устав спорить, отмахнулся я.— Я тебе что, вечно голодный Хачик, и у меня что, совсем головы нет, чтобы заводить шашни с прислугой? Я так низко не опускаюсь.

— Неужели?! — не унималась Мурзилка.— Тебе ведь нужна только большая чистая любовь! Возвышенные чувства! Вздохи при Луне!

Мне стало смешно от ее наивности и я улыбнулся.

— Какая ты еще глупая! И, по-моему, на весь белый свет обижена. Ты знаешь, что хороших людей на белом свете не так уж мало, и не так уж

редко, когда под обличием обыкновенной дурнушки скрывается большая и светлая душа.

— Так чего ж ты теряешься? Давно бы нашел себе крокодила со светлой душой, сделал бы из нее красавицу и не мучился бы, и меня не мучил бы. Или же ты, бедняжка, такой всемогущий, не можешь определить у кого душа чистая?

— Да, нет. Определить это легко, для этого есть специальный индикатор. Проблема в том, что, к сожалению, существует одна мелочь, из-за которой я не могу до сих пор слепить по своему вкусу себе жену.

— Ну и что же это за мелочь?

— Любовь!

Мурзик так поразился моему откровению, что надолго замолчала, видно решая пошутил я или говорю серьезно. И придя, видимо, к определенному выводу, решила выяснить еще один вопрос:

— Но если при помощи этого биостимулятора можно лечить любые болезни и делать людей красивыми, а значит и счастливыми, то почему ты этого не делаешь?

Вопрос, конечно, интересный. И, к сожалению, для меня уже давно один из самых больных.

— Нельзя этого делать, Мурзик,— тихо сказал я.

— Это почему же нельзя? Интересно, кому помешает, если все люди станут красивыми, здоровыми и счастливыми,— с раздражением и злостью в голосе ответила Мурзилка, видимо вспомнив о больной маме.

— Понимаешь, Мурзик, не все так просто в этом мире и не всегда мы вольны поступать, как нам хочется и как подсказывает нам совесть.

— Но ты же наделал из этих кукол красавиц, а для остальных значит нельзя, не так это просто, да?

— Видишь ли, локально можно, а в глобальном масштабе нельзя, — терпеливо ответил я.

— Но почему нельзя?

— Потому что это будет вмешательством в естественный ход развития земной цивилизации.

— Да кому нужно такое, к черту, развитие, когда умирают дети?

— Думаешь мне очень это по душе, когда они умирают, но я тебе еще раз говорю, что все не так просто. Ну, а насчет детей, то поверь мне, что их мучения не проходят даром, и на том свете они получат если не вечное блаженство, то, во, всяком случае, будут нормально жить и, возможно, даже будут счастливы!

— А причем здесь Бог?

— Вот и я говорю, при чем тут Бог! Так что давай оставим этот разго-

вор и лучше об этом совсем не думать, а то можешь очень даже просто свихнуться.

Мурзик с недоверием посмотрела на меня, но я пошел на запрещенный прием и стер ей память с того момента, как она заговорила о благотворительности и чудотворстве, оставив только последнее мной сказанное слово “любовь”.

Чтобы ей опять не пришли в голову те же крамольные мысли, я скорчил зверскую рожу и, обхватив Мурзилку руками, начал орать с полунинским акцентом:

— Любов! Любов?.. Детектива!

Мурзилка с трудом от меня отбилась и мы, наконец, вошли в студию, при виде которой не только бы наши нищие музыканты попадали в обморок, но даже сам Аллан Парсон с Эмерсоном умерли б от зависти.

Но все эти синтезаторы и другие музыкальные инструменты, что стояли рядами вдоль стен, были всего лишь обыкновенным интерьером, хотя и работали..

На самом деле я воспроизводил и моделировал свою музыку почти всегда мысленно, через большой музыкальный компьютер-мозг и лишь некоторые партии я играл вручную на специальной клавиатуре.

— Хочешь я тебе поиграю?

— Хочу.

Мы сели друг против друга. Я, положив перед собой прямо на воздух клавиатуру и вдарив по ней, запел:

Дорога жизни куда-то ведет.
Что впереди, тебе не знать.
Надеясь на лучшее, рвешься вперед,
А худшее готов ты отыскать!

Ты путник усталый, Бог в помощь!
Тебе идти, еще идти.
И тяжесть ошибок нужно нести,
Больше половины пути.

Шли со мной рядом печаль и грусть.
Они мне говорили, что я не дождусь.
Они мне говорили: “Уверены в том,
Твой завтрашний день будет черным днем!
В кого бы ты не верил, кого бы не любил,
Ты б завтра им обид и измен не простил!
Ты будешь один! У тебя нет друзей!”
А я шел по жизни быстрей и быстрей!

— Грустно все это,— закончив петь, сказал я.— Ну почему ты меня не послушалась тогда? Говорил я тебе — не кабаней. А ты мне не верила.

— Кто же знал, что ты так быстро похудеешь,— обидевшись, сказала Мурзик и положила мне голову на плечо.

— Ну вот ты опять! — воскликнул я.— Ей о душе, а она о жопе! Неужели ты так и не смогла разобраться, что я из себя представляю?

Ха! Поди разберись в таком двуличном типе, как я, если учесть, что я к тому же еще и многолик.

— А ты думаешь, я не разобралась?

— Так зачем же ты меня все время мучила? Хотела, чтобы я стал лучше?

— Это тебе не помешало бы.

— Так надо ж было лаской, лаской! Ты же женщина! Твое главное оружие — ласка, а еще доброта и порядочность. Хотите, чтобы к вам были добры, а забываете, что доброта должна быть в вас в первую очередь, в женщинах. Кругом сплошные вамп-пули, роковые львицы, а потом удивляетесь, почему дети у вас растут без отцов и при наличии оных с добротой в дефиците, вырастают соответственными на вашу же погибель.

— Я добрая,— промяукала Мурзилка, но я не приняв условия ее игры продолжил:

— Ну почему ты меня не полюбила тогда, и таким, каким я был? Ведь тогда я твою любовь не променял бы ни за какие коврижки.

— А что сейчас тебе мешает это сделать? — опять не подумав, сказал глупый Мурзик.

— В том-то и дело, что теперь я променяю ее. Эта любовь не настоящая теперь, не равная, а искусственная. И ты не вздумай обижаться на меня, я не сомневаюсь, что ты меня любишь совершенно искренне. Но ведь дело не в тебе, а во мне. Я ведь теперь совсем другой. Это тому нужна была только ты. А я теперь тебе не нужен и даже противопоказан. И принесу только одно горе, что уже начал потихоньку исполнять!

— Я тяжело вздохнул и поцеловал Мурзилку в висок. — Маленькая, миленькая! Ну почему ты тогда не решилась? Почему ты так и не сделала свой выбор. Ведь был же у тебя почти целый месяц нашей разлуки, за который можно было понять любишь ли ты меня или нет?

— Я хотела убедиться до конца,..— начала было Мурзилка, но я ее перебил:

— В моей порядочности? Да? Но где было твое женское чутье? И неужели тебе было недостаточно того, что ты знала обо мне?

— Вот именно! — взбодрилась Мурзилка и “подняла хвост”.— Слишком много я знала разного о тебе.

— Ага, я грубый, невыдержанный, эгоист?!

— Да.

— Так все сейчас такие, но на твоих весах перевесил мой живот, а не будь его, ты бы простила мне все, как прощают другим. И самое главное, что ты не оценила мое отношение к тебе как к человеку, в первую очередь, а не как к прекрасной машине для секса! Неужели ты не понимаешь, что я теперь другой и тебе совсем не нужен?

Мурзик угрюмо хранила молчание, видимо имея мнение отличное от моего. *Эх, дура, ты дура, Мурзилка! Упустила ты свой шанс! Проглядела! Вот за это ты и получай.*

Вдохновленный этими мыслями, я опять вдарил по клавишам и загорланил еще одну свою песню:

Белый ангел спустился с небес,
Воплощенье моей мечты.
Расступился дремучий лес.
Предо мной явилась ты! *(Это я позаимствовал у А. С. Пушкина)*

Но забыть я о бремени лет
Не сумел — все надежды ушли.
Я искал тебя столько лет!
Ты пришла, а меня уже больше нет!

Нет того паренька светлоокого
Причащённого ранней зарей.
Нет меня, только пропасть глубокая
Что лежит между мной и тобой!

Думы светлые, помыслы чистые,
Все прошло — дом пустой мой стоит.
Нет меня, только тень моя быстрая
Грустной птицей к закату спешит!

Белый ангел! О прошлом забыть
Поздно мне, я устал в суете.
Крылья высохли. Как же мне быть?
Я забыл как летают во сне!

Что смогу тебе дать я в залог?
Нищий я — ничего за душой.
Даже веры, прекрасный цветок,
Не смогу положить пред тобой!

Опоздала на несколько лет...
Не беда, ты другого найдешь!
Ну ошиблась... Меня уже нет!
Ты меня все равно не поймешь!

Не поймешь, что сгорел я дотла.
Но осталась тлеть горстка угля.
Пролетя мимо, ты помогла
Затушить навеки меня!..

. . . .

Но когда обо мне вспомнишь ты,
Постарайся обиды забыть!
Я воссоздал тебя из мечты,
Чтоб страдая навеки любить!,

Закончив петь, я заметил, что Мурзик опять горько плачет.

Интересно, отчего? Из-за моих корявых стихов или же от переизбытка чувств, разбуженных моей изумительной музыкой? Музыку я на самом деле пишу классную! Жаль, что вы ее не услышите. А с другой стороны, вдруг найдется добрый человек и пожелает снять по моей повести фильм, вот тогда вы и услышите мои песни с экрана.

А вообще это классная мысль!

За границей бы побывал — в Нью-Йорке, на Гавайях, под Чеховым...

Автор сценария — я!

Постановка — добрый человек и я!

Музыка — я!

Стихи — я!

Исполнение песен — я!

В главной роли — я!

Шесть ставок бы получил плюс командировочные в валюте!

И дружки мои подзаработали б!

В ролях: Верки — Верка, Зурика — Зурик, Мультика — Мультик, Гоши — Гоша, Пальмы — Пальма, если до сих пор не сделали из нее чебуреки. Вот только Хвостатый Мультик в этом фильме будет ненастоящий, потому что настоящий к этому времени подрастет и скорей всего точно пойдет на чебуреки.

Но самое главное — Мурзик!

В роли злой окабаневшей Мурзилки — моя милая Мурзилка! Если, конечно, у нее к тому времени не появится маленький или же я не пришибу ее невзначай.!

Так что ждите выхода на экраны страны и ее окрестностей супербоевик с элементами фантастики и секса под кодовым названием: "Злобный Мурзик кабанел..."

...Плакала она так горько, что сердце мое дрогнуло, и я начал ее успокаивать.

— Ну ладно тебе. Хватит. Слезами горю не поможешь. И не такое уж это горе...

Мурзик еще больше зашлась в плаче, перейдя на вой. Я применил испытанный прием: начал нежно ее гладить и шептать на ухо ласковые слова. Постепенно ее рыдания утихли, и только изредка слышались редкие всхлипывания и шмыганье носом.

— Но, что же тут поделаешь,— опять начал я *(сволочь!)*.— Не надо было нам переходить эту черту. Обратной дороги ведь нет.

Мурзик вытерла нос рукавом халатика и пропищала:

— Ну почему ты тогда хотя бы чуточку не похудел,— и, опять уткнувшись мне в грудь, засопела.

— Похудеешь тут с вами! Я только начал было худеть, сбросил аж двадцать килограммов, а ты взяла да сбежала. Я, конечно же, начал нервничать, кричать по ночам во сне: "Где мой Мурзик?" и опять на нервах начал толстеть.

— От нервов худеют.

— Это кто худеет, а я наоборот толстею. Может я и был таким толстым потому, что жил ненормальной жизнью.

— А кто тебе не давал жить нормально?

— Ты что, с Луны свалилась? Кто же у нас живет нормально, все на одних нервах, одни, где достать, другие, кому продать, третьи, кого продать!

— У тебя ж все было...

— Так это ж не за здорово живешь! Живешь опять же всё на нервах!

— Гнус!

— Не подлизывайся!

— Все равно — гнус!

— Ну ладно, а что ты предлагаешь?

Мурзик задумалась и, видимо реально оценив положение, изрекла:

— Я хочу иметь от тебя ребенка.

Да?! Вот это ход! Ай, да Мурзик, знает чем и куда бить!

— И тебе себя не жалко?

— Нет! Хочу маленького!

— Мальчика?

— Да!

— Красивенького?

— Можно и красивенького!

Тут меня черт дернул и я, как последний гад дурашливо пропел:

Отцепился мой вагончик от составчика.
Я осталась, поезд жизни мой ушел.
Полюбила я красивенького мальчика.
Все что было — не жалею, хорошо!

Ах ты жизнь моя тельняшка,
Мой полуторный матрас!
Не велела мне маманя,
А я люблю в который раз!

Говорила мне маманя:
"Не ходи гулять к реке."
Говорил мне мой папаня:
"Не ночуй на чердаке."

Ах ты жизнь моя шальная,
Буйной юности угар...

Закончить песню мне не дали, потому что дали в ухо. Я потряс слуховым аппаратом, а заодно и головой, и когда внутри меня перестало звенеть, промолвил:

— Это ты, конечно, здорово придумала. Самое главное — наверняка. Ты ведь прекрасно знаешь, что я никогда не брошу своего ребенка.

Мне въехали по другому уху и мыском ноги в живот. А Мультик *(предатель!)* затявкал и цапнул меня за ногу.

Я поднялся во весь рост, но это Мурзилку не остановило и она продолжила с остервенением бить меня куда попало. Тогда я взял ее в охапку и взлетел вверх. Летел я быстро, километров так под двадцать в час, чтобы только легкий ветерок обдувал нас.

Когда Мурзик притомилась лупить меня и с ужасом обнаружила, что мы летим, я окутал нас защитным коконом и рванул прямо к звездам. Земля быстро уменьшилась и пропала, я рванул к центру Галактики, да так, что звезды превратились в мерцающие полосы, и в этот момент телепортировался.

Мурзилка очнулась и увидела, что мы висим перед ее балконом, а я на прощание поцеловал ее, сказав: "Не сердись на меня!"

Поставив ее на балкон, я со звонком испарился.

По причине совсем экстремальных климатических условий, балконная дверь была приоткрыта и Мурзик беспрепятственно прошла в свою комнату незамеченной.

Войдя в нее, она обнаружила там огромных размеров (2×2×2) картонный ящик. На нем по-английски *(Мурзик прекрасно знает английский)* были, помимо различных транспортных шифров, две загадочные надписи:

Отправитель: ГНУСПОСЫЛТОРГ

Получатель: MURZIK COBANATIONS Ltd.

Бедный Мурзик находилась в таком состоянии, что ей было не до дешевого юмора, но сработал психо-моторный рефлекс и она протянула руку к ящику. Как только она до него дотронулась, передняя крышка ящика распахнулась на две створки и Мурзик увидела красивые коробки и всевозможные пакеты, заполнявшие контейнер до верха.

Механически взяв сверху лежащий пакет, Мурзилка увидела шикарный набор парижской косметики. Во втором взятом ею пакете был еще более шикарный набор. Потом еще и еще...

Беря из контейнера пакеты и равнодушно чиркая по ним и взглядом она безучастно бросала их через плечо на пол.

После косметики пошли упаковки с колготками, нижним бельем, трикотаж, разнообразные штаны, куртки, юбки, костюмы, плащи, пальто, дубленки, норковые шубки, платки, шляпки, шапки, туфли, кроссовки, сапоги, босоножки, блоки с жвачкой, сигаретами, комплекты журналов, коробки с парфюмерией, алкоголем, посудой и разная другая мелочь — все только лучших и известнейших фирм.

Когда все это перекочевало из контейнера на пол *(дубленки и шубки с остервенением швырялись через монблан ширпотреба)*, взору открылся нижний слой товаров.

То были картонные коробки с магнитолами, телевизорами, IBM-компьютерами с причиндалами, упаковки с кассетами и дискетами, видеомагнитофоны, лазерные проигрыватели, музыкальные инструменты *(синтезаторы и гитары)* и другая электронная дребедень.

Распихав коробки ногами, Мурзик наткнулась в дальнем углу на аккуратно сложенные пачки наших и не наших денег. Сверху пачек лежала чековая книжка “Банк оф Америка” и несколько кредитных карточек. Там же были загран. паспорта некоторых стран с ее фотографиями.

Последнее, что нашла в контейнере Мурзилка — компактный биопреобразователь. Откинув его в сторону, она упала лицом на гору дефицита и зарыдала в своем безудержном горе...

Ну, что, толстая скотина, ну чего ты добился?
Испортил девчонке жизнь и сам остался ни с чем!
Что теперь будет с ней, ты подумал?
Как она дальше будет жить?

17—863

С какими помыслами она пойдет по жизни и пойдет ли она, и жизнь ли это будет?

Побойся Бога, Ирод!!!

Да, нехорошо вышло, не по-людски.

Заставь дурака Богу молиться, так он и дров наломает, дубина!

"Почему так вышло?"

"Потому, что я дал волю своим чувствам!"

"Сколько раз я обидел бедную Мурзилку?!"

"А она все стерпела."

"Результат был известен заранее, ведь я сам решил показать ей Кузькину мать!"

"Зато я теперь знаю, что она меня любит!"

"Нет, погоди. Не любит, а может полюбить!"

"Хотя это-то я теперь знаю наверняка!"

"Теперь только осталось установить самую малость, что надо сделать, чтобы она меня полюбила!"

"И без этих всяких инопланетных штучек, вроде полета к звездам!"

"Просто и сердито!"

"Буду делать так, как она захочет!"

2 сентября 1989 г.

Часть вторая

“КОНЕЦ ПЕРЕСТРОЙКЕ!”

Я не стал выходить из машины, а лишь приоткрыл дверь.

Вышел мой личный шофер Василий Иванович и, встав около левого борта белой “Вольво”, стал внимательно наблюдать за входом в институт.

Когда появилась Мурзилка, он быстро подошел к ней и очень вежливо, но настойчиво пригласил к машине.

Мурзилка ничего не поняла, но видимо посчитала, что с ней ничего не может случиться на виду у толпы праздношатающихся студентов и нехотя, но пошла.

Я выглянул из салона:

— Привет!

— Здравствуй,..— нерешительно прошептала она, но я махнул ей рукой, приглашая в машину, а Василий Иванович, вежливо взяв ее за локоть, помог сесть.

После этого он закрыл дверь, не спеша обошел капот “Вольво”, сел за руль и мы тронулись.

Мурзик все это время обалдело глядела то на меня, то на шведский интерьер, то на хорошо подстриженный затылок Иваныча.

— Где будем обедать? — спросил я и набрал запрос на клавиатуре компьютера, установленного напротив наших кресел.

На экране монитора появилась информация о посадочных местах в приличных ресторанах.

Василий Иванович нажал кнопку на своем компьютере и философично изрек:

— В “Национале“! Народа там сейчас мало и меню, кажется, неплохое...

На нашем экране появилось меню и, кивнув на его наличие, я обратился к Мурзику:

— Пообедаем в “Национале”?

Мурзик что-то элегантно и глубокомысленно промычала и, повинуясь ее приказу, Иваныч поддал газу.

— Иваныч, смотри не оторвись от сопровождения!

— Сегодня дежурит 35-й, а они лихие ребята!

— Они там на Лубянке все лихие, но движение сегодня тоже!..

Но я опасался напрасно, и к “Националю” мы подъехали одновременно с черной “Волгой”, и вышли мы из машин одновременно.

Я помахал ребятам из КГБ и они начали решительно рассекать перед нами толпу фарцовщиков, жаждущих добычи.

Ведя под локоть Мурзика, я почувствовал, что она вся в напряжении, и с усмешкой подумал, что это у нее скоро пройдет.

У входа в ресторан нас уже ждал метрдотель и проводил к забронированному мной из машины столику в тихом углу зала.

Усевшись, я протянул Мурзику меню, а метру сказал:

— Давай по полной схеме, но без излишеств.

— Есть “Лыхны” и “Букет Абхазии”? *(первое любит Мурзик, второе — я)* — сказал метр.

— Отлично!

Когда стол накрыли, а это сделали быстро, и официанты удалились, Мурзик обратилась ко мне:

— Что все это значит?

— Ничего,— ответил я, сделав глоток “Букета”,— я так живу.

— Что-то не вяжется с тем, что я о тебе до сих пор знала,— съязвила Мурзилка и тоже пригубила “Лыхны”.

— Привыкай!

— Так, кто же ты такой?

— Чудовище!

— А если серьезно, кем ты работаешь?

— Я же тебе говорил — большим руководителем.

— И чем же ты занимаешься?

— Рукой вожу.

— И за это тебя так охраняют?

— А вдруг меня украдут?

— Кому ты нужен?

— К сожалению, тебе я, кажется, точно не нужен.

— Ага!

— Ты давай побольше кушай, злобный Мурзик, и поменьше пей.

— Что, боишься, начну буянить?
— От тебя можно ожидать все, что хочешь.
— А чего ты хочешь?
— Чтобы ты меня любила.
— А больше ты ничего не хочешь?
— Хочу. Тебя съесть!
— Подавишься!
— Я уже подавился тобой. Поза-позавчера.
— А ты злопамятный.
— А ты не кабаней!
— Р-р-р-р-р-р!
— Кушай лучше рыбку.
— Я кушаю. Я люблю рыбку.
— А меня?
— А тебя, гнуса, я не люблю.
— Ну и ладно.
— Мне надо в два быть в институте.
— Будешь! Когда ты освободишься?
— В пять, а зачем тебе?
— Я хотел бы с тобой вечером поужинать и, если ты не против, то и весело провести вдвоем время.
— А что ты понимаешь под словом весело?
— Только то, чтобы тебе было нескучно со мной.
— Ну, если только это, но не больше.
— На большее я давно уже не надеюсь.

Я щелкнул пальцами и мне подали счет.

Я щедро расплатился долларами, чем премного удивил Мурзилку. Уже в машине по дороге к ее институту я промолвил:

— Кстати, я достал подарки для твоих родителей!
— Да? — повеселела Мурзилка.
— Как ты хотела: папе — фотоаппарат, маме — приемник, ну а тебе — духи.
— Да?! И сколько я тебе должна?
— Оставь это. Давай лучше заедем к тебе домой, ведь не таскаться же тебе с коробками.
— Разве коробки такие большие?
— Немаленькие...
— Фотоаппарат — “Зенит”?
— В принципе, да...
— Как?

— Какая же ты настырная,— засмеялся я.

Мы как раз подкатили к дому Мурзика, и, выйдя из машины, шофер достал из багажника коробки с подарками и передал их Мурзику.

На коробках были надписи "Кодак", "Панасоник" и что-то там про Шанель.

Мурзик поинтересовался:

— А где "Зенит"?

— "Зенита" не было, пришлось взять "Кодак".

— А это маленький приемничек?

— Меньшего размера двухкассетных магнитол не выпускают.

— И сколько это стоит?

— В валюте не очень дорого, что-то вроде того, что мы сегодня проели в "Национале".

— Меня родители выгонят из дома.

— Я об этом как-то не подумал, знал бы купил вещи подороже.

— Гнус! Что я им скажу?

— Скажи, что спасла из горящего офиса американского бизнесмена, вынеся его на руках с пятьдесят восьмого этажа по скользкому карнизу.

— На руках?! Здоровенного мужика?

— Ну скажи, что спасла японца, они маленькие.

— С пятьдесят восьмого этажа?

— Скажи, что с пятьдесят второго, наконец!

— На конец?

— В принципе, можешь ничего не говорить. Вот эти бабуси у подъезда сами все расскажут твоим родителям в самых животрепещущих красках.

— Я тебя убью!

— Прямо сейчас?

— Да!

— Тогда они расскажут, что ты напала на бедного несчастного бизнесмена прямо у своего подъезда, и ему бедняжке, чтобы зазря не пропасть, пришлось откупаться от злой окабаневшей Мурзилки мелкими презентами малоизвестных иномарок.

— Бедненький! Несчастненький!

— Ладно, хватит! Василий Иванович! Проводи ее и смотри, чтобы она не загнала налево по дороге товар, а доставила его домой в целости и сохранности!

— Яволь! — щелкнул каблуками кроссовок Иваныч и, отобрав у Мурзилки коробки, повел ее этапом в подъезд.

Через пять минут они вернулись и мы отвезли Мурзика в ее "бурсу", где с ней и распрощались навеки до семнадцати ноль-ноль.

— Ну и где мы будем веселиться?

— Василий! Гони в самый бандитский кооперативный ночной ресторан.

Василий Иванович что-то там поколдовал с компьютером и, получив нужный адрес, тронулся.

Ресторан находился в Марьиной роще и, судя по информации с дисплея, назывался не очень вразумительно — "РАЗГОЙ". Но когда мы к нем у подкатили, то сразу все прояснилось. Кто-то неизвестный подрисовал на вывеске ресторана к букве "Г" бублик, и название ресторана, наконец, стало отражать его сущность — "РАЗБОЙ".

Ребята из команды 35 заволновались и затребовали объяснений. Я по рации попросил их не беспокоиться и по возможности не вмешиваться, что бы не произошло *(разговор шел кодом, а то бы Мурзик начала нервничать, узнав, что что-то может произойти).*

Напоследок они мне вывели на монитор информацию об оперативной обстановке в этом вертепе: за последнюю неделю здесь произошло четыре перестрелки *(правда, трупов было до странности немного, всего шесть штук),* сегодня здесь предположительно будет находиться всего три банды — из Люберец, Одинцова и местная мафия.

Столкновений не предполагалось, так как недавно они заключили перемирие в связи с приездом в Москву банды из Кабулетского района ГССР. Так что мы смело могли здесь отдохнуть от городской сутолоки и культурно поразвлечься.

Войдя в ресторан, мы лишний раз убедились, что процесс инверсии капиталов из теневой экономики в сферу кооперации развивается динамично и поступательно: интерьер и основные средства ресторана оценивались *(на глаз)* примерно в миллион рублей *(неконвертируемых).*

Мой Василий Иванович, знавший по роду службы каждую собаку в Москве, что-то прошептал на ухо председателю давешнего кооператива и нас посадили в тихий угол, из которого хорошо просматривался весь зал и эстрада.

Несмотря на ранний для этого заведения час, ресторан был уже на половину заполнен и шла демонстрация разрешенного эротического фильма "*Лесбиянки против голубых*".

Мурзилка, сразу же освоившись, взяла меню и начала его читать вслух.

Его содержание, а главное, цены были довольно солидные, если учесть, что самая дешевая позиция — чай без сахара "по разгойному" стоил всего четыре шестьдесят девять, но зато хлеб был бесплатный.

Мурзик так громко читала, а главное, с выражением, что на ближайших столиках смолкли разговоры, и установилась недобрая тишина, лишь нарушаемая кряхтеньем лесбиянок и нежными вздохами голубых из видика. Около нас появился официант и вопросительно посмотрел на меня.

— Тащи все, только по порядку, — вальяжно прошепелявил я и передернул перед его носом "хрусты".

Официант побежал на кухню, а к нашему столику вразвалку подкатил какой-то противный хмырь.

— И откуда вы, такие дорогие гости?

— А ты кто такой? — ответил я и небрежно так распахнул полу пиджака, засветив ему вороненную ручку полицейского бульдога в кобуре под мышкой.— Канай отсюда, редиска!

Дешевого фраера как будто сдуло, и к нам больше пока никто не приставал, а на столе стали поочередно появляться шедевры кооперативной кулинарии.

Кабаненье началось!

Часам к десяти, когда зал был уже битком, и закончилась демонстрация по видео запрещенного фильма "*Республика ШКИД*", на эстраду выбежал конферансье *(в лучших традициях!)* и объявил начало культурной программы:

— Леди энд джентльмены! Для вас выступает панк-фольк-оркестр люмпен-пролетарского рока "*Национал-коммунисты*"*!*

На сцену вышел оркестр из пяти человек в уже всем надоевшей униформе: поповской рясе, френче Керенского, солдатской шинели, матросском бушлате и гусарском кивере.

Первым делом они исполнили увертюру-попурри на темы Гимна Советского Союза, Боже Царя Храни, похоронного марша, марша Мендельсона, Марсельезы, Цыпленка Жареного, Чижика-Пыжика, Первого концерта Чайковского и Семь-Сорок. Потом сыграли и хором спели в стиле диско марш семи гномов из диснеевской Белоснежки, причем припев "*Хей-хо!*" они орали под барабанную дробь раздельно, так что получалось как-то назойливо-знакомо: "*Хей!...Хо!...Хей!...Хо!*", где "*Хей*" звучало как "*Хай*"*!* Затем исполнили социальную панк-сюиту собственного сочинения, смысл текста которой угадывался с трудом, только время от времени в ней разбирались знакомые слова типа: "*Вышли мы все из народа...*", "*Борис, ты не прав!*", "*Загубили, суки, загубили!*", "*Афганистан*", "*коррупция*", "*рэкет*", "*путана*", "*развитой социализм*", "*хрен вам с маслом!*", "*краткий курс*", "*зека*", "*фининспектор*", "*по козырям!*",

"Перестройку мы будем двигать!", *"Ворошилов — первый красный офицер"* *и т. д.*

По окончанию сюиты оркестр объявил перерыв и начал принимать и тут же выполнять заказы *(тариф — полтинник, тот, который зеленый, бумажный, хрустит, но не деньги!).*

Заказы полностью отражали социальный состав посетителей и их духовный мир, но, если быть честным до конца, то в любом ресторане почти по всей территории Союза исполняется один и тот же репертуар: *"Белые розы"*, *"Желтые розы"*, *"Розовые розы"*, *"Розовый ветер"*, *"Рашен гел"*, *"Путана"*, *"Нана-путана"*, *"Чико"*, *"Бой, хау , бой!"*, *"Не сыпь мне соль на рану"*, *"Червончики"*, *"Задремал под ольхой..."*, *"Только пуля казаку..."*, *"Ах, Катя, Катя, Катерина!"*, *"Я московский озорной гуляка!"*, *"Батька Махно..."* и все другие песни Асмолова, Розенбаума, Шефутинского и т. д. *(из репертуара на сентябрь 1989 г.).* Некоторые песни заказывали по несколько раз, а *"Не сыпь мне соль на рану!"* — аж пять раз, и весь зал хором ее пел.

Около часа ночи оркестр удалился, и на их место выбежало варьете.

Я, конечно, почти не разбираюсь в хореографии, но этих девиц танцевать учили или чукотские шаманы, или же в племени людоедов *"Мумба-Юмба":* так безобразно они крутили своими тощими и голыми задами, хотя все это называлось "эротическими танцами". *Видно, под влиянием этой "эротики" и формировались ряды московских голубых.!*

Но залу это, по-моему, нравилось, потому что регулярно раздавались аплодисменты вперемежку со свистом, и потихоньку всех девиц растащили со сцены, куда выплеснулись повальные пляски пьяных посетителей.

И вот тут произошло ужасное.

Мой Мурзик основательно, набравшись, не вытерпела и, воспользовавшись тем, что я отвлекся с официантом, заказывая две порции мозга свежезамученной обезьяны, залезла на сцену, специально подкараулив момент, когда та была пуста, и начала танцевать.

Прежде чем рассказать, чем это кончилось, я хочу остановиться на том, как Мурзилка может танцевать.

Во-первых, она натуральная блондинка, во-вторых, когда она танцует, то входит в экстаз, в-третьих, ей так нравится танцевать, что она балдеет от самой себя, в-четвертых, у нее такой шикарный бюст, что когда она извивается в танце, то он, естественно, не стоит на месте, а тоже... и, в-пятых, — нет на свете красивей и сексуальней моей Мурзилки!

Так что вы можете себе представить, что произошло, когда на сцене стала танцевать мой окабаневший Мурзик, а в зале — одни бандиты и

подпольные миллионеры, и все они, включая Мурзика, были в стельку пьяные.

Сообразив в долю секунды, как можно выйти из этой трагической и безвыходной ситуации, я мысленно передал необходимые инструкции в компьютеры Василия Ивановича, команды 35 и по 02, достал свой кольт, заряженный разрывными реактивными пулями, и очередью выпустил весь барабан в зеркальный потолок. Потом силой мысли замкнул все три фазы в электропитании ресторана и швырнул в зал четыре гранаты со слезоточивым газом.

В создавшемся полумраке — полумрак был потому, что на потолке горел напалм от разрывов моих пуль — я телепортировался на сцену и, схватив в охапку противного Мурзика, телепортировался в тамбур ресторана, который предварительно очистил от швейцаров-вышибал, переместив их прямо в гущу свалки в зале.

Стоило мне отпустить Мурзилку, как она заехала мне коленом куда надо, и, не будь я самим собой, то быть бы мне импотентом! Я вытолкнул ее из дверей на улицу и спокойно вышел следом.

Вся операция по спасению Мурзилки *(и разгрому ресторана)* заняла всего лишь три секунды!

Была тихая сентябрьская ночь!

Моя "Вольво" стояла у тротуара метрах в тридцати, а за ней — черная тридцать первая "Волга" и милицейская "канарейка".

Как только мы оказались на улице, в ресторане послышались автоматные очереди и взрывы ручных гранат.

Я бессильно и как бы извиняясь махнул рукой, и машины сорвались с места.

"Вольво" лихо остановилась возле нас, и Иваныч помог мне запихнуть продолжавшую буянить Мурзика на заднее сидение. Черная "Волга" страховала нас сзади, а на тротуар к выходу из "Разбоя" подскочила "канарейка" и, стоило нам только отъехать, появилось три автобуса со спецдивизионом...

Когда мы подъехали к моему дому, Мурзик, вдоволь набуянившись, сладко заснула у меня на плече, и ее пришлось нести на руках.

Дома я не без труда ее раздел *(до определенной степени)* и уложил почивать на свою беспредельно огромную тринадцатиместную арабскую кровать, где и мне самому с краюшку нашлось место...

Ночью я почти не спал. В голову лезли всякие мысли, вся эта затея

мне не очень нравилась, но, самое главное, разве тут уснешь, когда рядом с тобой спит такая прекрасная и так тобой безмерно любимая женщина!

Мурзик и во сне продолжала буянить: почти непрерывно ворочалась, взбрыкивала ногой, кряхтела, сопела и время от времени злобно взрыкивала. Но, в довершение всего, она еще оглушительно храпела басом, как целая дюжина пьяных боцманов!

Только под утро удалось задремать... Мне снился дивный сон — как будто бы я — не я, а легкий, не знающий забот мотылек, порхающий ранней зарей над полем. Кругом были изумительной красоты незнакомые цветы, а в центре всей этой прелести находился самый красивый цветок, от которого исходил нежнейший аромат. Меня тянет к нему, и я падаю в объятия его лепестков, задыхаясь от счастья и неземного блаженства.

Но тут вдруг появляется какая-то неосознанная тревога, и я чувствую, что нежные объятия становятся слишком сильными, и постепенно я начинаю задыхаться уже не от переизбытка счастья, а от нехватки кислорода. Я пытаюсь высвободиться, но в меня впиваются острые шипы и раздается холодящий душу визг, от которого я немедленно... просыпаюсь.

Проснуться-то я проснулся, но кошмарный визг вместе со сном не пропал, а стал еще более ужасен!

Я открыл глаза и увидел, да к тому же прочувствовал, что верхом на мне сидит выспавшийся и от этого еще более окабаневший Мурзик и на полном серьезе душит меня.

Чтобы я ни капельки не засомневался в серьезности ее намереньев, она оглушительно визжала, и это мне очень не понравилось.

Я попытался высвободиться, но она вцепилась в меня мертвой хваткой, а чтобы я не трепыхался, стала к тому же еще лягаться и через каждые три секунды вдарять мне по лицу наотмашь кулаком.

— Гнус-с-с-с-с! *(Блям! Блям! Бац-ц-ц-ц!) Ро-жа-а-а-а-а-а-а!!! (Блям! Блям! Бац-ц-ц-ц-ц!)* Пузо толстобрюхое! *(Бац! Бац! Бляммм-м-м-м!)*

Несмотря на весь ее темперамент, я все же сумел прохрипеть:

— Доброе утро, дорогая! Я надеюсь, тебе хорошо у меня спалось?

Блям! Бац! Блям! Бац! Бум! Бум! Бум-м-м-м-м-м!

Но мне все же чуточку удалось расслабить ее пальцы на своем горле, и в ожидании окончания ее волеизлияния я с интересом стал пялиться на многочисленные зеркала, имевшие место в моей спальне.

Там было на что посмотреть.

Ночью, раздевая Мурзика, я оставил на ней только майку с трусиками *(вот такими маленькими и узенькими!)*, и вот теперь, сидя на мне верхом, Мурзик отражалась в зеркалах, и это зрелище было достойно попасть на видео.

Особенно классный "слайд" был у меня в ногах, *то-есть в зеркале за спиной Мурзика.* Я так прибалдел от этого зрелища, что невольно расслабился, и меня наверняка задушили б, но тут открылась дверь *(как раз там, где было самое интересное)*, и в спальню вошла пожилая женщина, катившая перед собой хромированный столик с утренним кофе и сэндвичами.

Почувствовав посторонний шум за своей спиной, Мурзик обернулась и с криком "Ой!" мгновенно шмыгнула под одеяло и испуганно замерла.

— Доброе утро! — сказала женщина, подкатывая столик к нашим ногам.

— Здравствуйте! — тоненьким и ангельским голоском пропищала Мурзилка, изобразив на лице идиотско-заискивающую улыбку.

— Кушайте, а то остынет,— произнесла женщина и, подобрав с пола *чей-то* бюстгальтер, аккуратно повесила его на спинку близстоящего стула и неспешно удалилась.

Мурзик затравленно посмотрела на меня и потерянно спросила:

— Это твоя мама?

Я усмехнулся:

— Нет, это моя домработница, Светлана Александровна, или просто баба Света.

— Фу! А я испугалась, думала, это твоя мать, а я в таком виде!..

— И в такой позе!

— Сам дурак!

— Да? А ты мне лучше скажи, какого черта ты мне спать не даешь? И орешь еще, как бешеная сосиска! Что о тебе подумает Светлана Александровна? В кои веки я привел в дом девушку и...

— Не привел, а заманил обманным путем!

— Не заманил, а приволок!

— Что?

— На руках! Вдрызг! Лыка не ткала!

Но Мурзилка меня уже не слушала — глядела жалостливо в потолок и шептала трагическим голосом:

— Что я теперь скажу своей маме?!

— А ты скажи ей правду,— заявил я и, подползая к краю кровати, начал кушать сэндвич,— что ты нажралась до потери сознания, а добрый и благородный Димик, не желая оскорблять высокие чувства бедных родителей твоим свинским видом, благосклонно приютил тебя, пьяную и грязную, в своей скромной холостяцкой кровати!

Бац-ц-ц-ц-ц!

Кусок сэндвича улегся поперек моего горла, и я чуть не подавился от удара кулаком мне в спину.

Пока я откашливался, Мурзик нагло устроилась рядом со мной и, залпом выпив стакан холодного апельсинового сока, вырвала у меня из рук остатки сэндвича и с утробным урчанием начал рвать его зубами.

— Сволочь ты, Димик! — прошамкала она набитым ртом,— если с моими родителями что-нибудь случиться, то я не знаю, что с тобой сделаю!

— С ними уже случилось...

Воцарилась недобрая тишина.

— Долгожданная радость нежданного избавления от опостылевшей обузы!

Блям-м-м-м-м-м!

— Слушай, ты! Кончай драться! Не то я возьму и заплачу!

Бум-м-м-м-м-м!

— Если ты меня еще раз тронешь, то я сейчас же позвоню им и скажу, что с тобой случилось несчастье и тебя увезли в 13-ю психбольницу с ранним токсикозом и гангреной мозга!

— Только попробуй! — сказала Мурзилка и показала клыки.

— Нет, я им лучше скажу, что ты сидишь в спецприемнике КГБ в Лефортово в долговой яме за бандитское нападение на мирных советских спекулянтов и воров, пока не возместишь причиненный ущерб еще не окрепшей социалистической кооперации в размере пяти миллионов рублей золотом!

— Так им и надо! — Мурзик уписывала третий сэндвич и вторую чашку кофе.— Буржуям проклятым!

— Так какого ж дьявола ты стала перед ними плясать, мурзячье твое отродье?

— Что б им завидно было, кровопийцам!

— Странная ты женщина,— сказал с грустью я.

Мурзик с шумным вздохом закончила завтрак и подобрев, произнесла:

— Нет, ты мне все-таки ответь, что я скажу своим родителям, где я шлялась всю ночь?

— А ничего не надо говорить.

— Да?

— Я вчера сам позвонил твоей маме и сказал, что ты останешься у меня и чтоб она не волновалась...

— Ну и что тебе ответила мама? — Мурзик вытерла краем пододеяльника губы и злобно глянула на меня.

— Чтобы я не забыл тебе напомнить принять утром твои лекарства и чтобы ты не вздумала прогуливать институт.

— А если серьезно? — Мурзик также методично вытерла жирные руки о край простыни и аж побелела от злости.

— А если серьезно, то ты сама вчера вечером позвонила домой и сказала папе, что будешь ночевать у Кати.

— Что-то я этого не припомню.

— А ты вообще что-нибудь помнишь, маленький алкоголелюбивый Мурзёныш?

— Все помню! Ресторан помню! Стрельбу помню! Твою противную рожу помню! А вот как звонила — не помню!

— Было такое, так что не беспокойся за своих драгоценных родителей, а лучше посмотри в зеркало, на кого ты похожа! — ловко перевел я этот неприятный разговор в нужное русло,— Вот уж у кого рожа, так это только не у меня!

Мурзик мгновенно среагировала и решительно подошла к зеркалу, у которого стояла горжетка. На ней лежал небольшой сверток.

— Мурзик, посмотри, что в свертке?

— Отстань! — отрезала Мурзилка, с тревогой вглядываясь в свое изображение.

— Там тебе подарочек.

Не отрывая взгляда от зеркала, она пошарила рукой и, развернув обертку, взяла с горжетки презент. Мельком и совершенно безразлично взглянув на него, она восхищенно охнула, обнаружив у себя в руке шикарный набор косметики...

Как мало надо, чтобы осчастливить женщину и избавить ее от докучливых забот.!

— Туалет рядом с зеркалом,— сказал я и направился во второй санузел, желая принять утреннюю ванну.

Минут через сорок дверь в ванной, где я нежился в мраморном бассейне, отворилась, и в образовавшуюся щель пролезла голова Мурзика.

— Гнус! Долго тебя ждать? — довольно кокетливо и с примирением спросила она.

— Не мешай мне красиво жить,— ответил я, поманив ее рукой.

Мурзилка нехотя вошла и, устроившись возле моей головы на лавочке, закурила лежавший там “Винстон”.

— Дай и мне,— попросил я, протягивая руку и выставив из воды свой “маленький” животик.

— Бесстыжая рожа! — констатировала Мурзилка, но сигарету мне все же протянула.— Хватит валяться, уже полдвенадцатого.

— А куда нам торопиться?

— Как куда? Мне в институт надо.

— Ничего, я думаю твой институт переживет без тебя один день, а если тебе так уж невтерпежь, то я могу сделать справку, что у тебя сегодня был перелом позвоночника и ампутация передних конечностей.

— Типун тебе на язык!

— А хочешь, можно сделать справку, что тебя вызывали в милицию по делу об изнасиловании в ресторане четырех швейцаров.

— Ты мне лучше скажи, откуда у тебя такая квартира? — Мурзик с интересом разглядывал мое изображение в зеркале на потолке.— Аж с двумя туалетами! Я что-то не припомню, чтобы у нас строили такое для рядовых советских граждан?!

— Самая обыкновенная пятикомнатная квартирка в 120 кв. метров жилой площади.

— Обыкновенная?

— Ну не совсем, конечно, я ведь здесь почти не живу.

— Я так и поняла.

— Да нет, я живу в своей рабочей трехкомнатной квартире, а эту я купил для своей будущей жены, так что это, в принципе, твоя квартира.

Мурзик так внимательно меня слушала, что по инерции закурила вторую сигарету.

— Возьми вон на полочке ключи от входной двери, там же ключи от гаража и от машины.

— От какой машины?

— От твоей, конечно! Уж не думаешь ли ты, что я так опущусь, что буду ездить на паршивой шестерке, а тебе в самый раз. Во всяком случае не жалко будет, если ты ее разобьешь. Ты хоть водить-то машину умеешь?

— Да! У меня права есть.

— Ну вот и отлично! А то каждый раз привози и отвози тебя. Не баре! Сами доедете! И вообще, я сегодня приеду к тебе в гости с родителями знакомиться.

— А кто тебя приглашал?

— Вот еще! Больно надо! Ты у меня была в гостях? Была! Теперь я к тебе приду!

— Фигушки! Пока не похудеешь, об этом и не мечтай!

— Послушай, женщина! Ты в своем уме?! Да кто у тебя будет спрашивать? А будешь выступать, так я тебя сладкого лишу.

— А я сладкое не ем. Мне оно вредно.

— Тогда соленого не получишь. И вообще, чего ты здесь расселась? А

ну-ка быстро уматывай отсюда, дай мне одеться. Уже почти двенадцать часов, а я тут с тобой в ванной валяюсь. Иди пообщайся с бабой Светой. Тебе здесь жить, а она женщина строгая.

— А мы уже подружились,— крикнула мне Мурзилка, захлопывая дверь ванной.

— Димик, что будем делать дальше? — спросил я сам себя,— Я ей соврал, что она звонила домой.

— Нужно перенестись во времени на сутки назад, и ее родители ничего не заметят.

— Самое главное — продержать Мурзилку до пяти, потом я ее отправлю назад во вчера, чтобы она не смогла встретиться сама с собой.

— С этим мы решили.

— Теперь насчет визита в гости.

— Ты что-же — надеешься, что понравишься ее маме? И что она тут же отпустит ее к тебе жить? И захочет она сама этого?

— Все вопросы без ответов...

— Что делать?

— Только без всяких таких штучек! Все должно быть естественно, чтоб комар носа не подточил. Изменять можно только обстоятельства, а воля Мурзилки должна быть свободной. Надо избавиться от ее родителей!

— Что мы с ними сделаем?

— Как там у Юлиана Семенова?

— Замучаем в застенках гестапо.!

— Как сказала б Мурзилка: "Дурак!"

— Значит так! Избавиться надо основательно и надолго. Хотя бы на годик.

— Отправить их в сверхсрочную командировку за границу. Сегодня же.

— По линии Министерства обороны и Детского фонда.

— В Новую Зеландию, или на Огненную Землю.

— Хорошо б в Антарктиду, но, к сожалению, там нечего делать Детскому фонду.

— Решено.

— Организацией этой провокации займется второй интеллект, он у нас специалист.

— До пяти часов мы должны так обработать Мурзилку, чтобы когда она узнает об отъезде родителей, у нее не было б альтернативы.

— Квартиру, машину и валютный счет мы ей уже сделали. Что еще надо женщине?

— Завалим ее барахлом и решим вопрос с институтом.

— Ах, да, ей еще необходима любовь.

— Ну что ж, придется смириться и пересилить себя.

— Будем ее любить.

— Если она этого захочет.

— Подъем!

— А где Василий Иванович? — удивленно спросила меня Мурзилка, не обнаружив у подъезда белую “Вольво” с Иванычем в придачу.— И где твоя хваленая машина?

— Василий сегодня выходной,— спокойно сказал я и щелкнул громко пальцами.

Из-за поворота появился серебристый “Олдмобиль”, из которого вышел молочный брат героя гражданской войны и профессионально открыл перед нами дверцу.

— Познакомься, это Иван Васильевич, напарник Василия Ивановича.

— Анжела! — Мурзилка покраснела непонятно к чему *(не привыкла еще шиковать!)* и протянула ему ручку.

— Очень приятно,— улыбнулся ей тезка царя всея Руси.— Куда изволите?

— К Зайцеву,— опередил я Мурзилку, пока она “телилась” со своим институтом.

Уже находясь в машине, я спросил Мурзика:

— Слушай, а зачем ты учишься в институте?

Мурзик посмотрела на меня как на идиота и ничего не ответила.

— Да нет, я серьезно,— настаивал я.— Тебе нужна корочка или же знания?

— И то, и другое,— Мурзик уже совсем не сомневалась, что со мной что-то не так.

— Слушай, но как можно всерьез говорить о знаниях при нашей системе обучения? Это же профанация какая-то!

Мурзик задумалась, видимо вспоминая, что же полезного вынесла из стен своего вуза.

— Значит, тебе нужна корочка.

— Ну, предположим,— нехотя согласилась Мурзилка,— И что из этого?

— На, возьми ее и не мучайся! — сказал я, протягивая ей диплом.

Она его раскрыла и обнаружила там свою фамилию и дату окончания — через два с половиной года. Диплом был к тому же красным, что явствовало из вкладыша.

— Фальшивка?

— Обижаешь, дорогая! — ничуть не обидясь, с гордостью за второй свой интеллект произнес я.— Самый что не есть настоящий!

— А если кто-нибудь проверит?

— Пожалуйста! Он найдет полное соответствие всех записей с документами в институте, а преподаватели даже под пыткой будут говорить, что ты у них училась.

— Но так не бывает.

— Бывает! Если очень захотеть.

— А что я скажу родителям?

— А ты им время от времени показывай вот это, — сказал я и протянул ей пять совершенно идентичных зачетных книжек, с одинаковыми номерами и одинаковыми подписями, только в каждой последующей книжке было на один семестр больше заполненных страниц.

— А как же учеба,— еще не совсем осознав открывшиеся перспективы, продолжала сопротивляться Мурзик,— как же мое углубленное изучение языка?

— Глупая! Вот теперь, когда тебе не надо тратить время на учебу в институте, ты и можешь заняться углубленным изучением языка и всего остального в придачу.

Мурзик ошалело стала смотреть на меня и упорно молчать, видимо, не находя в себе силы поверить этому, но через некоторое время все же спрятала в сумочку корочки и нервно закурила сигарету.

В это время мы как раз проезжали мимо Военторга, и Мурзик вдруг попросила остановить машину.

— Мурзик, чего ты здесь забыла? Или тебе захотелось купить мне солдатские кальсоны?

— Размечтался! Кальсоны все давно перешиты на “бананы”. У меня здесь работает подружка в секции мехов, она мне обещала достать недорогую шубку...

Подойдя к прилавку, Мурзик узнала от продавщицы, что ее подружка сегодня выходная. Очень от этого расстроившись, Мурзилка решила было уйти, но остановилась у витрины. Там была выставлена шуба из песца.

На ценнике была цена — 19000 руб.

Я тоже заинтересовался, для кого в нашем рабоче-крестьянском государстве продаются такие шубы? (Дело происходило до 2 апреля 1991 года.)

Если рабочий получает, предположим, триста рублей в месяц, то чтобы купить своей жене эту шубу, ему надо работать четыре с половиной года, а содержать детей будет его жена. А раз эта шуба не по карману простому смертному, то какого черта ее выставили на всеобщее обозрение? Однозначно — чтобы злить народ!

— Нравится? — спросил я Мурзилку.

Та посмотрела на меня, как на изверга, и ничего не сказала.

— Хочешь, я тебе ее куплю?

— Не зли меня,— ответила Мурзилка.

— Девушка,— обратился я к продавщице,— я хочу купить эту шубу. Давайте ее померим.

Продавщица также злобно глянула на меня и огрызнулась:

— А деньги у вас такие есть?

— Конечно,— сказал я и достал из кармана куртки две пачки сторублевок.

Продавщица засуетилась, позвала заведующую, вместе они вскрыли витрину, напялили шубу на обалдевшую Мурзилку. Шуба была как раз. Я отдал деньги, предварительно вынув из одной пачки десять “Кать” и, взяв под руку Мурзилку, удалился.

Только в машине Мурзик обрел дар речи:

— Ты, что, обалдел?

— Ты о чем, дорогая?

— Что я скажу родителям?

— Скажи, что нашла ее на улице.

— Около дома?

— Ага!

— Гнус!

— Да, вот она — черная неблагодарность! Что я ни сделаю, все равно гнус!

— Кто же виноват, что ты на самом деле гнус.

— Только ты, дорогая!

Выйдя из машины у салона Славы Зайцева, Мурзик почему-то грустно взглянула на меня и сказала:

— Ты знаешь, что-то мне расхотелось к нему.

Я крепко обнял ее за плечи и поцеловал в щеку.

— Привыкай Мурзилка к роскошной жизни.

Войдя в вестибюль салона, я поймал за руку первую попавшуюся "зайчиху" и, демонстративно сунув ей в руку стольник, приказал вести нас к Зайцеву...

...Мы сидели в демонстрационном зале, а перед нами сам Зайцев объяснял назначения различных своих моделей, которые демонстрировали нам под музыку манекенщицы.

После каждой модели я спрашивал Мурзилку: "Нравится?" и, если она отвечала утвердительно, то делал знак и модель откладывали.

Через два часа моей Мурзилке понравилось шестьдесят семь моделей. Попросив ее немного подождать, я вышел из зала и отдал Зайцеву 2 670 тысяч рублей залога.

Отобранные модели упаковали и отвезли по указанному мной адресу. К завтра их вернут, и как я объяснил, их скопируют на моем новейшем роботизированном пошивочном комплексе и пошьют их копии с учетом замечаний и пожеланий Мурзилки, и ее размером соответственно.

Потом в тайне от Мурзилки их привезут к Зайцеву и он их выдаст как будто сшил сам.

Мне стоило больших трудов уговорить его пойти на эту сделку. Он долго не мог понять, как можно скопировать его "гениальные" модели в таком количестве за одну ночь без ущерба качества, и только осознав, что практически, не ударив палец о палец, за это получит 2 670 тысяч рублей, он, немного покорежившись, согласился.

Скачок во времени мы совершили, проезжая подземным туннелем на Садовом кольце, и я привез Мурзилку к ней домой во вчера к шести часам. Перед этим мы довольно пространно пообедали в "Космосе".

Отпустив ее с миром, я прямо из машины телепортировался в сады Семирамиды и, лежа под цветущим фиником в обществе прекрасных и юных дев, с интересом стал наблюдать, как встречают моего окабаневшего Мурзика дома.

Мой второй интеллект, разделавшись с обустройством командировки мурзячьих родителей, отправился шить зайцевские хламиды.

Мурзилка, облаченная в девятнадцатикусковую шубу, робко открыла дверь своей квартиры. В коридоре никого не было. Повесив злосчастную шубу на вешалку, она на цыпочках прошла в большую комнату.

Ее мама, уже порядком вымоталась, собирая вещи в дорогу на Огненную Зеландию и сидела в кресле, мысленно прощалась со своим домом.

Мурзик как можно ласковей улыбнулась и сказала:

— Здравствуй, мамочка!

Мама тоже, чувствуя свою перед дочерью вину, нежно промолвила:

— Здравствуй, доченька!

После чего они нежно и страстно обнялись и заплакали, каждый о своем.

Тут вошел в комнату папа и при виде дочери и во исполнении святых отцовских чувств выдавил из себя скупую мужскую слезу.

Первой начала разговор мама:

— Доченька, а у нас для тебя есть новость!

Доченька сразу же насторожилась от такого вступления, в душе опасаясь самого страшного — что ее родители, наконец, решились на старости лет исполнить ее детскую мечту, и спешат сообщить ей, что скоро у нее появится маленький братишка.

— Мы с твоим папой сегодня ночью улетаем в загранкомандировку!

— Куда?

— В Гвинею-Окинаву.

Мурзик ничего не понимая опять поинтересовалась:

— И надолго?

— На год...

Далее последовали сцены взаимных клятв и обещаний, потом нашло место продолжение экстренного укомплектования дорожных чемоданов, во время которых Мурзик под шумок спрятала в своей комнате шубу, презенты родителям были раньше спрятаны от греха подальше.

В 11 часов вечера состоялся прощальный ужин, затем они всей семьей сидели у камина и грозились друг другу писать каждый день. В два часа ночи подъехало заказанное такси, и родители благополучно уехали, а бедный Мурзик осталась совсем одна в этом огромном городе на растерзание злобному Димику.

В двенадцать дня она мне позвонила:

— Здравствуй, Димик!

— Кто это? — сделав вид, что не узнал ее голос, сердито спросил я.

— Это я...

— Кто это я?

— Мурзик...

— Здравствуй, злобный окабаневший Мурзик!

— Бедный, несчастный, всеми брошенный...

— Кто ж тебя бросил? Опять очередной твой хахаль?

— Дурак!

— Сама такая!

— У меня родители уехали.

— Ну и что? — притворился незнайкой я.

— Они надолго уехали.

— На два дня, чтоль?

— На год.

— Шутишь?

— Правда. Я вчера обалдела, когда они мне об этом сообщили.

— И куда ж их черт понес?

— В какую-то Гвинею-Окинаву.

— Что-то я не знаю такой страны.

— Я тоже до вчерашнего дня не знала.

— И на кого ж они тебя бросили?

— На съедение волкам.

— Да, вот теперь ты покабанеешь. Вот теперь ты погуляешь. В институт ходить не надо. Домой возвращаться рано не надо. Хошь пей, хошь гуляй!

— Да, и буду гулять!

— Только не забудь про СПИД.

— Рожа!

— Сама такая!

Мурзик злобно засопел в трубку.

— Чем ты сейчас думаешь заниматься? — спросил я.

— Не знаю. А к Зайцеву когда надо ехать?

— Завтра.

— А что мы с тобой сегодня будем делать, Димик?

“Вот! Долгожданный момент наступил,— подумал со злорадством я.— Она сама спросила меня, значит я на правильном пути”.

— Ты ведь так и не посмотрела свою машину...

— Ура! Когда ты приедешь?

— А когда ты будешь готова?

— Через час.

— Ну вот через час я буду у твоего подъезда.

— Я сама выйду.

Открыв дверь гаража, я вошел вовнутрь и включил свет.

Шестерка стояла новенькая и загадочно блестела.

— Ты вправду умеешь водить машину? — спросил я.

— Конечно, дорогой,— томно промурлыкала Мурзилка.

Я протянул ей ключ от машины и она начала ее оприходовать.

На удивление, водила она довольно прилично и у меня отлегло на душе, но я все же не стал отключать бортовой компьютер, установленный втихаря в аккумуляторе, на случай какого-либо дорожного происшествия, если Мурзилка не справится с управлением.

— Куда тебя везти, злобный Димик?

— Давай смотаемся на Рижский рынок.

— А чего мы там не видели?

— Туда сегодня завезли свежую рыбу. Ты ведь любишь рыбку, Мурзик?

— Да! Я очень люблю рыбку! — воскликнула Мурзилка и рванула по направлению Проспекта Мира.

...По агентурным данным, мы засветились в Военторге, и теперь мафия не спускала с нас глаз.

Как доложили мне сотрудники КГБ, банду рэкетменов, следившую за нами, неоднократно видели именно на Рижском рынке, куда мы и ехали...

Чего только не рассказывали о Рижском рынке.

И пулеметы там раздают .

И милиционеров там продают.

И обэхээсэсников там меняют чуть ли не каждый день, взамен купленным.

И женщину там съели. Дураки, употреблять в пищу непроверенное в санэпидстанции мясо! Короче, мафия!

На самом деле это было довольно убогое зрелище. Народу конечно даже в будни было много, товару тоже, но товар был сплошной самострой и ничего приличного мы там и не увидели.

Через полчаса бесполезного блуждания *(рыбку мы не купили, потому что она оказалась, как сказала Мурзеныш, не той системы)* мне передали по рации в ухе, что за нами следуют рэкетмены, и рекомендовали не ходить в глухой закуток за торговыми рядами.

Вот туда мы и направились.

Оказавшись на месте будущего преступления, я как бы невзначай остановился и начал завязывать якобы развязавшийся шнурок на своих "липучках". Завязав его, я поднял голову и увидел, что вокруг нас стоят три здоровенных громилы и гнусно ухмыляются.

— Скажите пожалуйста, сколько сейчас времени? — спросил один из них и достал из кармана нож.

— У вас не найдется закурить? — спросил другой и надел на правую руку кастет.

— Вы не скажете, как пройти в туалет? — добавил стоящий сзади третий и небрежно покрутил чаками.

— Ребят, может не надо? — испуганно сказал я.— А то больно будет.

— Надо, милый наш друг, надо,— промолвил тот, что был с ножом и поменялся позициями с тем, что был с чаками.

Мурзик мой почувствовала себя в песцовой шубе совершенно голой и беззащитной. Я же изобразил на лице суровый испуг:

— Я сейчас милицию позову.

— Только попробуй,— сказал тот, что был с кастетом и достал из кармана пистолет,— Сразу продырявлю!

— Что вам от нас надо? — истерично взвизгнул я.

— Деньги на жизнь дай,— ответил тот, что крутил чаки.

— Червонца хватит? — с надеждой поинтересовался я.

— Дешевишь, милый друг,— сказал сзади стоящий и потрепав шубу на мурзилкином плече, приставил ей нож к горлу.

Кэгэбэшники по рации передали, чтобы мы не шевелились, а то снайперы могут задеть, но я, изобразив на лице нехорошую улыбку, громко сказал:

— Не надо стрелять ребята.

Остальное я проделал за пол-секунды.

Для этого существует локальное ускорение времени в организме, когда весь мир как будто замирает и ты можешь спокойно делать все, что тебе надо.

Я аккуратно взялся одной рукой за лезвие ножа, чтобы не поранился мой Мурзик, и отвел его в сторону, а другой резко ударил указательным пальцем по кисти, держащей нож.

Кисть сломалась.

Потом я отвел в сторону хулигана с чаками дуло пистолета и резко ударил пистолетовладельца снизу в челюсть.

Челюсть сломалась одновременно с раздавшимся выстрелом, и оба бывших бандита начали падать.

Я выключил ускорение времени и отдернул Мурзилку в сторону, чтобы кровь переломанной руки, когда-то сжимавшей финку, не попачкала песцовую шубу.

Набежавшие сотрудники КГБ до конца аккуратно закончили видеосъ-

емку и начали упаковывать тела, а я, взяв под руку находящуюся в шоке Мурзилку и повел ее к машине.

Вечером, часов в восемь, я решил, что уже пора вплотную заняться физическим воспитанием Мурзика и пошел отрывать ее от "ящика для идиота".

В это время как раз закончилась какая-то нудная бездарно поставленная пропагандистская передача, транслируемая по второй программе, но Мурзик отмахнулась от меня, ожидая любимую передачу — "*Спокойной ночи, малыши*".

Я особо не стал возражать и присев рядом, с интересом стал ждать, чем нас сейчас порадует тетя Валя *(я давно уже не смотрел "Спокойной ночи" и был в полной уверенности, что ведет передачу по-прежнему Валентина Леонтьева).*

Но тети Вали почему-то там не оказалось *(о чем я тоже не очень пожалел),* а сразу же началось представление.

— Что это за идиотизм? — поинтересовался я у Мурзика.

— А ты разве не знаешь? Давно уже показывают каждый день продолжение одной удачной кукольной постановки — "*Заседание Лесного совета*",— ответил мне Мурзеныш *(как будто я чего-то понял!)* и мне пришлось напрячь все свое внимание, чтобы врубиться в происходящее.

На экране была опушка игрушечного леса.

В центре стоял стол, колченогость которого скрадывал криво написанный лозунг: "*Вся власть принадлежит лесному народу!*"

На ближайших елках и осинах также висели плакаты:

"*Государством должна управлять каждая наседка!*", "*Придадим лесу ускорение!*", "*Старый лес порублен до основанья — А зачем?*", "*Перестроим кедровую политику!*", "*Волки — целы, овцы — сыты!*" *и т. д.*

За столом сидели три забавные зверушки как я понял — президиум Лесного совета: большой, всем довольный толстый улыбающийся *Заяц* со злыми раскосыми глазками, очкастый, всем недовольный *Филин*, а в центре, на месте председателя — *Барсук*, преисполненный возложенной на него непомерной ответственности за происходящее.

На поляне по пенькам не спеша рассаживались разнообразные звери, а за кадром звучал хор лесных певчих.

Председатель — Барсук неспешно поводил носом, еще более выта-

ращил свои и так чрезмерно вытаращенные глазки и позвонил в колокольчик:

— Товарищи звери! Регистрируемся!

“Они, что, там на телевидении, с ума посходили?! — подумал я,— И куда только смотрят органы?”

Звери подняли хвосты, а сидящая на ближайшей сосне *Ворона* со счетами быстро их пересчитала и тут же рядом с ней на висящем электронном табло возникла цифра “13”.

Председатель, не глядя на нее, произнес:

— Итак, кворум есть,— но его перебил голос из толпы зверей:

— А почему не все лесные депутаты присутствуют?

— По уважительной причине,— ответил толстый улыбающийся Заяц.

— Но у них это вошло в систему?!

— Я поясню,— Барсук весь аж напрягся от важности момента. — *Боров* находится на уборке урожая желудей, *Слон* трудится на строительстве нового вольера для мартышек, *Волк* руководит ростом численности популяций, а *Лиса* занимается не покладая рук перераспределением имеющихся в наличии продуктов повседневного и повышенного спроса, так что я думаю, это может послужить им оправданием. Я правильно вас понял, товарищи звери?

Среди зверей раздался нестройный шум, но громче всех был слышен голос *Осла*, который орал: “*Правильно!*”

— Тогда перейдем к повестке дня. На нашем сегодняшнем заседании два законопроекта: “*О повышении цен на некоторые продукты*” и “*Закон о лесе*”. По первому вопросу нам доложит министр рационального питания — товарищ *Верблюд.*

— Дорогие, так сказать, товарищи звери, а не так сказать скоты! Как вы прекрасно знаете на собственном желудке, дела со снабжением в нашем лесу обстоят хуже некуда, и чтобы как-то уменьшить дефицит нашего бюджета *(“;елезная логика”)*, мы предлагаем повысить цены на молоко, родниковую воду и сено. Это позволит нам изъять из обращения лишние купюры и сделает вышеназванные продукты более доступным для нуждающихся в них потребителей.

Теперь молоко будут пить не всяк кто не попадя, а те, для кого оно и предназначено — наше подрастающее поколение...

Реплика из зала: “*Чье именно поколение?*”

...Наши кристально чистые родники, которые в последнее время мутят кто не лень, теперь будут чистыми и гигиеничными!

Опять реплика: “*Пили и будут пить! Да хотя бы из луж!*”

...И как показали последние исследования, содержание канцерогенных

смол в нашем сене превышает все допустимые нормы, и употребление в пищу вышеназванного продукта вредно для нашего здоровья.

(Реплика: "Сам потребляет импортную колючку, а нам, что ж, переходить на дубовую кору?")

В заключение я хочу призвать лесных депутатов принять этот законопроект,— закончил свою речь Верблюд,— а мы, со своей стороны, твердо заявляем, что на вырученные средства будут сделаны дополнительные закупки за рубежом нашего леса, большой партии зонтиков, так необходимых при постоянно потепляющемся климате, нашим дорогим северным оленям.

Барсук-председатель покопался в бумажках и объявил:

— У кого есть вопросы к докладчику?

Первым откликнулся *Хорек:*

— Зонтики закупим японские?

— Да, "Три Слона".

— Хорошо! — радостно воскликнул Хорек и потер лапы.

— У кого еще будут вопросы? — строго спросил Барсук.

— М-е-е-е-не можно? — нерешительно промычала *Коза.*

— Можно, но только покороче.

Коза затрясла бородой и оглянулась затравленно по сторонам, как бы ища сочувствие.

— Я же просил покороче,— возмущенно бросил председатель.

Коза еще более затрясла бородой и жалобно заблеяла:

— Я, конечно, обыкновенная коза, и не с моими куриными мозгами лезть в это государственное дело, но скажите мне, звери добрые, что же это теперь будет? Я же и так госзаказ еле выполняю, и детей своих кормлю, а у меня их, как вы все знаете, семеро по лавкам! А раз цены на молоко подскочат, так мне, как производителю, теперь придется платить налог с оборота еще больше?

— Больше-то больше,— радостно ответил Верблюд и смачно плюнул в пролетающего Воробья, но промазал и попал в Ворону, которая это даже не заметила.

Воробей на это оскорбление ответил интенсивным пикированием, но от обиды, а может быть и от недостатка высоты, промахнулся и накрыл не Верблюда, а Филина прямо в глаз, отчего тот конечно же проснулся и пробормотав что-то в духе: "*Хорошо, что коровы не летают*", начал сосредоточенно протирать очки.

— Больше-то больше, но ведь и доходы у вас, голубушка, тоже возрастут?!

— Какие доходы? — совсем отчаянно заблеяла Коза.— Все, что я

произвожу сверх госзаказа, идет на внутреннее потребление, а ведь государству я продаю молоко по госрасценкам, установленным еще при правлении *Свирепого Тигра.*

— Ну скажем не при Тигре, а при *Смелом Орангутанге*, и повышались они при *Вечно Спящем Медведе*, к тому же, вам выплачивается дотация, и весьма немалая.

— Да что мне ваша дотация, молока от этого не прибавляется, а план госпоставок из года в год растет, как и цены на корма, которые к тому же лимитированы! А что за сельхозтехнику нам поставляют? Брак сплошной. По ценам черного рынка. Да я вам, наконец, не дойная корова! — в заключение прокричала Коза и заплакав села на пенек.

Барсук укоризненно посмотрел в ее сторону.

— Товарищи! Мы же договорились воздержаться от эмоций. У кого еще есть вопросы к докладчику? Вы что-то хотите сказать? Пожалуйста. Слово предоставляется, *Андрею Отпущеньевичу.*

Из толпы зверей тяжело поднялся Старый Козел и почти неслышно начал блеять.

Барсук громко обратился к аудитории:

— Потише, пожалуйста!

Зал никак не отреагировал и замолчал только Старый Козел. Но видя, что говорить ему спокойно все равно не дадут, он продолжил свою так бестактно прерванную речь:

— Мы в недавнем прошлом уже пережили запрет на березовый сок и к чему это привело вы прекрасно знаете: стали пить даже вытяжку из волчьих ягод. Если мы сейчас повысим цены на родниковую воду и сено, кто даст гарантию, что в скором времени нам не придется опять расширять сеть наркологических вольеров и ЛТП? А по поводу такого деликатесного продукта, как молоко, вообще стыдно поднимать вопрос. Мы и так его видим на нашем столе только по праздникам.

(Реплика из зала: "А кое-у кого жены в нем ванны принимают!")

Председатель предостерегающе позвонил в колокольчик, а Козлу с укоризной терпеливо сказал:

— Но ведь канцерогенные вещества...

Но Козел неожиданно бодро парировал:

— Не надо было строить в самом центре леса ядерный реактор, а то скоро не только восьминогие жеребята начнут рождаться, а вообще все мы можем запросто переселиться в Красную книгу.

— Ну до этого мы с вами я думаю не допустим.

— Вот как раз с вами мы и допустили,— с достоинством ответил Старый Козел и сел на свое место.

Барсук только хотел было закончить прения, как к столу президиума неожиданно резво выбежала *Корова:*

— Я не знаю кому как, а моему *Быку* это не понравится. А если он освирепеет, то, я думаю, никому и не поздоровится. Я хоть и против алкоголя, но после работы не грех выпить мужику пару бадеек родниковой воды. И сено у нас каждый второй употребляет. А насчет молока вообще стыдно: кто его производит, тот его и не видит. Я вот лично забыла как оно пахнет! Вот только здесь, рядом с Барсуком я учуяла запах молока. Видно он его недавно пил, или я ошибаюсь? Или он им уже доиться стал? Иль его мой Бык наконец покрыл?

Барсук обиженно начал краснеть.

— Товарищи! Товарищи! — внезапно вмешался Заяц.— Мы же договорились не оскорблять друг друга. Давайте все-таки соблюдать парламентскую этику. Мы ж не на привозе. На нас ведь смотрят миллионы.

Но его речь была прервана выбежавшим из леса *Брехливым Псом*, который высунув язык так тяжело дышал, как будто за ним гналась свора бешеных охотников.

Председатель Барсук наклонился к нему и шепотом спросил:

— Что случилось?

Пес, видимо не совсем отдавая себе отчет, что его видят и слышат миллионы, отрывисто пролаял:

— *Кроты* опять объявили забастовку. И их подзуживают *Крысы-кооператоры.*

Барсук неестественно спокойным голосом сказал:

— Ну мы с этим разберемся в рабочем порядке...

Но Пес, продолжая тяжело дышать, опять загавкал:

— Но это не все. Сюда идет Бык. Ему кто-то сказал, что мы, желая его подразнить, поразвесили здесь красные тряпки,— и кивнул на перестроечные лозунги, которые на самом деле все были выполнены на красном кумаче.

Только он это произнес, как из леса с шумом выскочил Бык, да не один, а в компании с *Бобром* и *Мартышкой.*

Бобер-трудяга тащил на плече здоровенный молот, а интеллигентная Мартышка несла самодельный плакат.

“*А при Льве мясо было!*”

Образовалась немая сцена, поверх которой появились титры:

“*Продолжение следует?*” и зазвучала милая песенка:

“*Спи, моя радость, усни...*”

Я сидел потрясенный, а Мурзик, выключив звук у телевизора, повернулась ко мне:

— Уже стало надоедать, кругом одна политика: “*Сталин, Брежнев, колбаса!*” Лучше б порнушку показали!

Я очнулся.

— Включи звук! Там, как раз, порнуха и идет.

Глупый и доверчивый Мурзик оглянулась к телевизору, но там шло продолжение прерванной нудной передачи.

— Все заседают,— сказал я.

— А бандиты среди белого дня к людям пристают.

Я многозначительно промолчал и нежно прижал ее к себе.

— Как это ты умудрился с ними так разделаться? — спросила она меня.

— От большой любви-с!..

— Милый!

— ...к потасовкам!

— Гнус!

И мы не теряя времени даром отдались любовным утехам...

На следующее утро я отвез Мурзика к Зайцеву, а сам поехал якобы по своим делам.

Часа в три я заехал за ней и повез обедать в Славянский базар, потом мы сходили в сауну, а вечер провели на концерте Ивана Реброва.

Или это был Борис Рубашкин. Я их немного путаю.

Ночевать мы опять поехали ко мне.

“*Ну, что, Димик, дальше будем делать? Все бытовые проблемы решены, никаких препятствий для поступательного движения в области межмурзячьих отношений уже не существует, что же дальше?*

Просто наслаждаться жизнью вкупе с Мурзиком и праздновать победу на поприще обид и поражений?

Но ведь это скоро опостылеет и тебе, и Мурзику.

Надо обязательно заняться каким-нибудь стоящим делом.

Я слишком много и сразу дал Мурзилке, и теперь будет очень сложно постоянно поддерживать в регулярном напряжении круговерть впечатлений. Для этого надо придумать что-нибудь такое глобальное и почти неподъемное, чтобы во времени это можно было реализовать не в один-два дня, чтобы в этом деле не смогло помочь простое чудо, а надо было приложить максимум усилий для его реализации.

Ну давай по порядку.

Поле деятельности, где можно получить конечный результат толь-

ко при помощи долгих и методических действий, находится в области человеческих отношений. Чем больше народу в деле задействовано (замешано) — тем лучше. Следующее: надо чтобы это дело в скором времени не надоело, должно быть актуальным и приносить весомые результаты. И последнее: самое невероятное дело — это то, в которое никто не верит.

Вывод.

Мне надо заняться **ПЕРЕСТРОЙКОЙ.**

Задача: довести ее до победного конца.

Отвечает ли это тем требованиям, что были изложены выше?

Отвечает.

Перестройка не на день и не на два, и в ней замешана вся страна, так что никаким чудом не поможешь.

Актуальность перестройки не вызывает ни у кого никакого сомнения и ее плоды если появятся, то будут несравнимо значимые.

И последнее: перестройка, если будет выполнена, то будет самым невероятным делом нашего времени, так как у нас в нее сейчас почти никто уже не верит.

Ох, и посадят тебя дурака за эту крамолу!

Итак, решено: все силы на борьбу с перестройкой.!

Вдарим автопробегом по бездорожью, разгильдяйству и бюрократизму!

Все в Автодор! (не хватало еще припомнить Паниковского с Козлевичем! А что? Нынешние времена очень даже похожи на все те безобразия, что творились с бедным и несчастным советским комбинатором, в лице товарища Берта-Мария-Бендер-Бея.)

Да, задачу ты себе поставил сизифову, Димик!

Наши "Авгиевы конюшни" под силу подпалить только Прометею!

Что мы имеем на сегодня?

Полную дезорганизацию экономики с тотальным недоверием в улучшение.

Суперфеодальную державу с полным отсутствием аграрной инфраструктуры и бутафорской промышленностью.

Полнейшую некомпетентность руководства высшего и среднего звена сюзеренов и вассалов.

Окончательную деградацию морали и жизненных устоев всех слоев населения.

Бог создал землю в семь дней, а мы над ней измывались семьдесят лет!

Так что — с Богом, куда кривая вывезет.

— Мурзик, хватит валяться! Давай вставай! — сердитым голосом сказал я, нежась в теплой постели.— Уже десять часов, а я еще не кормлен.

Мурзик закопошилась под одеялом и злобно зарычала.

Я стимулирующе похлопал его по наиболее выпуклой части одеяла.

Рычание усилилось и меня лягнули.

Меня спасло видимо то, что в этот драматический момент в дверях спальни вовремя появилась баба Света с нашим утренним порционом.

Злобный Мурзик перестала попусту рычать и радостно захрюкала.

Потом начала деловито чавкать и хлюпать.

— Мурзик, перестань хулиганить и веди себя прилично! — тактично сделал замечание *(я имел на это полное право, так как сам всегда старался чавкать не очень громко).*— Если мы кушаем не за столом, а в постели, это не значит, что можно пренебрегать нормами приличия.

— А мне хочется чавкать, и я буду чавкать,— прохлюпала Мурзик и разлила кофе по простыне и одеялу.

— Но почему?! — от возмущения я потеряв даже аппетит.

— Потому что я благодаря твоей сюжетной версии и в этой твоей паршивой интерпретации выгляжу, как совершенная идиотка! — пробубнила Мурзилка, упав в изнеможении на спину, что говорило за то, что она насытилась. — Не знающий меня человек наверняка воспримет мой образ в неприглядном виде, а мне это неприятно и вообще непонятно, зачем это тебе нужно?

— Так, по-моему, просто веселей,— ответил ей я и тоже вылил остатки кофе на одеяло,— У нас по известным причинам совершенно утрачено чувство юмора и даже полнейший абсурд воспринимается на полном серьезе с далеко идущими выводами.

В подтверждение сказанного я начал прыгать на четвереньках вокруг кровати и громко лаять по-собачьему матом.

Вдоволь напрыгавшись, я залез под кровать и, наклонив ее, опрокинул Мурзика вместе с постелью на пол.

И наконец, не без труда вылезая на свежий воздух, я набросился на бедного и несчастного Мурзика и стал ее нещадно кусать в разные места и кусал до тех пор пока та не начала икать.

— Со мной не соскучишься,— гордо сказал я и великодушно отпустил на все четыре стороны закусанного насмерть Мурзеныша.

— Дурак! — обиженно икнула укушенная и стала отползать от меня.

— Если б все были такими дураками, как я, то у нас давно была уже Страна дураков, а так только есть страна Непуганых идиотов!

— Кусачих идиотов!

— И искусанных идиоток!

Бац! Блям! Бум! Кх-х-х-х-х-х-х!

Мурзик нежно прижался ко мне и мы временно помирилисьим...

— Ты знаешь, дорогая, я долго думал и, наконец, решил, что мне с тобой делать,— сказал я, нежно гладя Мурзилку по голове,— Тебя надо сдать в КГБ, как американскую шпионку и диверсантку.

— Пожалуйста! — промолвила она и по-домашнему засопела, уткнувшись мне в грудь. — Лучше сидеть в подвалах Лубянки, чем быть закусанной таким чудовищем, как ты.

Выйдя из машины, мы направились к центральному входу в здание КГБ.

В вестибюле я спросил у дежурного:

— Скажите, пожалуйста, где у вас принимают американских шпионов и диверсантов?

Молодой сотрудник в штатском добродушно улыбнулся и, подмигнув мне, ответил:

— В подвале, на третьем этаже, налево.

Пройдя на третий этаж подвала, я обратился к другому дежурному:

— Здесь содержат американских шпионов и диверсантов?

— Здесь. Но только временно, перед допросами,— любезно ответили нам,— Слева сидят шпионы, а справа — диверсанты.

— Страна наводнена американскими шпионами,— пояснил я Мурзику.— Раз их опять держат на Лубянке, видно в Лефортово уже некуда сажать. Кругом одни диверсанты. И главное, они совершенно обнаглели, даже перестали скрываться, выступают на страницах печати, по телевидению, митинги с забастовками организуют.

Сотрудник по этажу слушал меня в пол-уха, сконцентрировав все свое внимание на груди Мурзика, и чтобы он проникся моим патриотизмом, я зашептал ему прямо в ухо:

— А один самый главный американский шпион не таясь больше часа при всех беседовал на английском языке с Железной Леди о каком-то мифическом новом мышлении.

Надсмотрщик поморщился и вдруг, обращаясь к Мурзику, тихо сказал:

— А хотите я вам покажу настоящих американских шпионов?

— А что такие на самом деле есть? — скокетничала Мурзик.

— Редко, но все же встречаются,— подтвердил дежурный.— Сегодня у

нас их двое: один заслан оттуда, а другой завербован здесь. Какого сначала будете смотреть?

— Оттуда!

Надзиратель отворил железную дверь с глазком и впустил нас в довольно чистое, но скудно обставленное помещение, именуемое камерой.

На откидной лавочке сидел прилично одетый человек средних лет и читал “Известия”.

— Тут к вам гости, Иван Иванович. Если вы не возражаете.— приветливо сказал ему дежурный.

— Отнюдь,— на чисто русском языке ответил американский шпион Иван Иванович и, отложив газету, встал со своего лежбища.— Это меня даже очень потешит и развлечет. Проходите гости дорогие и будьте здесь как дома!

— Спасибо, за предложение,— ответил я и поздоровавшись с ним за руку, представился,— Дмитрий Михайлович Иванов, русский скотопромышленник.

Мурзик в ответ злобно, но тихо крякнула, прекрасно поняв, что я имею в виду под своей скотопромышленностью.

— Анжелика — представил я слишком прозорливого Мурзика,— кандидат в американские шпионы.

— Очень приятно,— улыбнулся нам Иван Иванович, а надсмотрщик, видя что мы рады друг другу, удалился.

— Иван Иванович, вы на самом деле американский шпион, если это конечно не секрет? — спросил я.

— Самый что ни на есть взаправдашний,— весело ответил он.

— А наверное трудно быть шпионом? — продолжил я допрос.

— Иногда, но я привык,— ответил Иван Иванович и ни к селу ни к городу добавил: — Просто надо очень любить свою Родину.

— А вы давно в России? — подал голос Мурзик.

— Да, почти тридцать лет. Как слетал Гагарин в космос, так меня и заслали к вам выведать, как там у вас ракеты заряжаются и почем на рынке овес.

— И за это время ни разу не попались?

— Конечно же ни разу,— подтвердил Иван Иванович.— Да ведь вам было совершенно не до меня. У вас было столько великих дел: БАМ надо было строить, нефть продавать, а здесь какой-то паршивый шпион! И вообще, если здраво посмотреть на реальные вещи трезвым взглядом, то не без большого труда можно обнаружить, что особого вреда от меня почти что не было. Я честно передавал в ЦРУ, что у вас сплошной бардак и бес-

хозяйственность, и хотя мне не очень-то верили, но все же я внес хоть и маленький, но все же вклад в разрядку международной напряженности.

— Но ведь вы не будете отрицать, что именно вами был разглашен наш стратегический секрет о большой любви Леонида Ильича к игре в домино? — подначил его я.

— Да, этого я отрицать не буду, было дело,— признался Иван Иванович.— Но несмотря на это Кеннеди убили у нас, а не у вас.

— Да, это конечно так,— согласился я *(временно)* — Но зато у нас мяса нету.

— Когда-нибудь должно быть,— философично изрек Иван Иванович. Но все же Брежнева мы у вас не украли.

— Еще бы, тогда б у вас мяса не было б.

— А кто такой Брежнев? — вмешался в разговор бестолковый и непонятливый Мурзик.

— А,— махнул на нее рукой я.— Был такой мелкий политический деятель во времена молодости Аллы Пугачевой.

— А водка тогда еще стоила 2.87 за пол-литру,— мечтательно произнес Иван Иванович.— И какая водка была!

Мурзик посмотрела на меня вопросительно, настойчиво требуя, чтобы я в корне пресек это беспардонное вранье.

— А коньяк стоил 4.12,— не оправдав ее надежд, подытожил я.

— Да, хорошее было времечко,— мечтательно сказал Иван Иванович.

— А помните, в году 73-м спекулянтов сажали за продажу американских джинсов по спекулятивной цене аж в семьдесят рублей? — поддержал наш светский разговор я.

— А банка растворимого кофе стоила два рубля!

— Да, было дело.

Тут в дверь просунулась голова надзирателя и испуганно произнесла:

— Извините, пожалуйста, но свидание окончено. У Ивана Иваныча время второго завтрака.

Мы мило распрощались с настоящим американским шпионом и пошли смотреть на нашего доморощенного.

Надсмотрщик робко постучал в дверь противоположной камеры, оттуда раздался сердитый голос:

— Какого дьявола, я занят!

— Сердитые они,— предупредил нас надзиратель, и отворив дверь в камеру, предупреждающе крикнул:

— Хау ду ю ду, мистер Рыббин! К вам гости!

Мы вошли и увидели неприятного типа одетого полностью в “фирму”, читающего последний номер “*Плейбоя*”.

Я, чтобы не нарваться с ходу на грубость, первым открыл рот:

— Я корреспондент газеты “Нью-Йорк Прайс” Джим Доллар и хочу взять у вас интервью, мистер Рыббин! — на ломанном русском языке заорал я и выплюнул на пол камеры жвачку.— У вас есть какие нибудь жалобы на обращение с вами?

— Конечно же есть! — обрадованно завопил “узник совести”.— Мне не дают звонить больше одного раза в день в Нью-Йорк. И фильмы в тюремной видеотеке старые. И вообще, я хочу женщину. Я же все-таки еще мужчина?! — и вопросительно посмотрел на Мурзилку.

Мурзилка струхнула и начала пятиться к двери.

Я схватил ее за руку, а Рыббину пояснил:

— Кстати, она не женщина, а агент КГБ, в виде замаскированной под кошку сторожевой собаки под псевдонимом Полкан.

Мурзик обрадованно *гавкнул и мяукнул одновременно*, а наш американский шпион от досады крякнул.

Мне ничего не оставалось, как поддержать эту веселую компанию. Я радостно заржал и отсмеявшись вдоволь, продолжил разговор:

— Мистер Рыббин, читателей нашей газеты интересует как вы стали американским разведчиком, и вообще нам интересно знать про вас все: что вы любите, что вам дорого, Ваши планы и т. д.

Рыббин от гордости и своей значимости надулся, как индюк.

— Люблю я “Мальборо”, хочу в Америку, не хочу в Сибирь...

Его волеизлияния были прерваны вошедшим сотрудником, который обратился ко мне:

— Дмитрий Михайлович, где вы пропали? Мы Ввс обыскались! вас ждет председатель.

Тепло, но наскоро распрощавшись с обитателями третьего подвального этажа, мы на лифте поднялись в приемную председателя КГБ.

Он нас уже ждал, и при нашем появлении встав из-за стола и любезно поздоровавшись, усадил в мягкие кресла вокруг журнального столика около окна, выходящего на площадь Дзержинского.

— Я внимательно прочел вашу записку,— сказал председатель,— и хотел бы ознакомиться подробнее с вашим проектом.

— Основной задачей вашего комитета является сохранение государственной безопасности,— начал пространно я.— Как вы знаете, сейчас наша страна переживает отнюдь не лучшие времена и ее безопасность находится мягко говоря в опасности. Вот почему я обратился со своим про-

ектом именно к вам, а не в Совмин, Госплан или же Министерство обороны. Я считаю, что только ваша организация сегодня может воплотить в жизнь этот глобальный проект...

— Но из вашей записки следует, что на его реализацию потребуется сто миллиардов рублей,— перебил меня председатель,— а мы к, сожалению, такими средствами не располагаем.

— Да, я это знаю, но средства можно найти, если подключить к его реализации Министерство обороны, Совет Министров и частные вклады граждан.

— Тогда это будет уже не наш проект, а всенародный и при его глобальности и таком большом количестве министерств и ведомств, он может опять, как это не раз уже было, превратиться в колосса на глиняных ногах, который не успев появиться, начнет разваливаться по частям.

— Вот для того, чтобы этого не произошло, и необходима ваша весьма дисциплинированная организация.

— Ну ладно, предположим, вы меня убедили, но я очень сомневаюсь, что нас поддержит Министерство обороны. Они очень ревниво к нам относятся и во всем видят наши коварные козни...

— Это их роднит с Пентагоном,— поддакнул я.— Но уговорить Министерство обороны я беру на себя, вам только надо проделать коекакие манипуляции, организовать утечку информации и они наверняка клюнут, чтобы не оказаться за бортом.

— В этом что-то есть,— задумчиво произнес председатель.— Ну что ж давайте разработаем эту операцию и как говорил Лаврентий Павлович: *"Попытка, не пытка!"*

Министр обороны встретил нас деловито, но хмуро, видимо наш план удался на славу и ему наговорили про нас Бог весть что.

Я же был сама любезность и почтительность.

— Мы, честно, даже и не надеялись, что такой занятый человек как вы найдет для нас пару минут своего драгоценного времени.

— Такова наша служба,— непонятно, что имея в виду, ответил он, и нетерпеливо сходу взял быка за рога: — Ну, рассказывайте, что у вас там за прожекты о переустройстве?

— Аэрокосмическая система обороны,— выпалил с восторгом в голосе я.

У министра полезли аж глаза на лоб от удивления, т. к. он ожидал от нас услышать совсем другое, а я продолжал вещать:

— Наибольшую опасность представляют низколетящие цели, которые трудно обнаружить и еще труднее сбить, а если их еще и много, то противовоздушная оборона становится проблематичной...

— Мы в курсе этих проблем,— перебил меня министр,— вы что предлагаете?

— Сбивать их к чертовой матери! Всех, подряд! — разгоряченно воскликнул я,— Для этого создается глобальная сеть привязных беспилотных аппаратов оснащенных бортовой системой регистрации низколетящих целей и комплектом ракет с тепловизионными головками наведения.

Министр задумался, и было совершенно непонятно, заинтересовало его это предложение или же он озабочен только проблемами сокращения вверенных ему вооруженных сил.

— Как вы собираетесь опознавать цели? — как бы между прочим спросил он, прекрасно зная, что если использовать существующую систему *"свой — чужой"*, то эта идея будет не стоить выеденного яйца, так как тогда легко можно будет обнаружить и соответственно сбить ее.

— Нужно будет создать принципиально новую систему опознавания, основанную на пульсации двигателей летательных аппаратов.

Министр удивленно и с интересом посмотрел на меня и сказал:

— Очень интересная мысль! Мы ее обязательно рассмотрим.

— Это было бы неплохо, — согласился я.

— Но признайся, Дмитрий Михайлович,— хитро улыбнувшись, обратился ко мне министр,— что твоя идея, так, мелочь пузатая, по сравнению с тем предложением, с которым ты вышел в КГБ?!

— Не знаю я никакого КГБ,— совершенно искренне ответил я и вытер рукавом нос.

— Да ладно тебе, у нас разведка тоже имеется! Что вы там задумали?

— Да так маленькую модернизацию в сфере информатики.

— Знаем мы вашу информатику. Хотите всю страну под колпаком держать? Мало им полной бесконтрольности. Не дает им спокойно спать 53 года. Не останови тогда мы Берию, что бы у нас сейчас было?

— Да, ладно вы их тогда провели! Но в этот раз вы зря на них ругаетесь. То, что они хотят сделать, на самом деле нужно стране.

— Стране-то нужно, но КГБ снимет сливки.

— Так кто вам мешает принять участие в этом проекте?

— А нам этого никто не предлагал.

— Наверное не успели. Может еще и предложат.

— Как же, от них дождешься.

— Я могу замолвить словечко. Тем более у КГБ вряд ли хватит денег на его реализацию...

— И сколько надо миллионов?

— Ну для такого дела не так уж много...

— Сколько?

— Ну, миллиардов так...

— Миллиардов?

— Да.

— У нас тут каждый миллион на счету.

— КГБ выделило на реализацию проекта пять миллиардов.

— Пять! Это точно?

— Можете мне верить.

— Значит нам надо вложить столько же, если мы хотим получить причитающуюся нам долю.

— Логично. Миллиардов восемь, десять...

— Сколько?

— Но этой суммы все равно не хватит на идеальную систему.

— Тогда к чему весь этот сыр-бор?

— Госбезопасность уверена, что ей удастся убедить Совмин выделить им пару десятков миллиардов.

— Что-то я в этом сомневаюсь при нынешней инфляции и бюджетном дефиците.

— Если эта система не будет создана в ближайший год, то Совмин уже ничего не будет беспокоить, так как его наверно уже не будет.

— Сгущаете вы слишком...

— Дальше уже некуда. Но если вы не решитесь на этот совместный проект, то его все равно реализуют, так как скорее всего привлекут денежные накопления населения и иностранный капитал...

— Это что ж, капиталисты будут финансировать мероприятия КГБ?

— Они будут финансировать выгодное коммерческое мероприятие, это ж проект “проект века”.

— Ну ладно, предположим, мы договоримся с Госбезопасностью, но ведь Совмин ничего сейчас не решает, а народные депутаты и слышать не хотят о новых ассигнованиях на армию.

— Главное, договориться с Госпланом и Минфином, а депутаты об участии армии и КГБ в этом деле могут и не знать.

— Кто-нибудь обязательно проболтается.

— Ну и пусть, это можно будет облечь в невинные формы, и потом мы же будем предлагать не какую-то там аферу, а стоящее и нужное дело.

Потом депутаты в основной своей массе не так уж глупы, чтобы не понять всех выгод для страны от реализации этого проекта.

— Дай-то Бог! — подытожил министр и стал прощаться с нами.

— Я прямо сейчас свяжусь с Председателем КГБ, а ты, Дмитрий Михайлович, давай произведи бомбардировку нашего правительства, тем более у тебя есть в арсенале бомбочки огромной разрушительной силы, — закончил он, считая, что отпустил элегантный армейский комплимент в адрес Мурзилки...

Заместитель председателя Совета Министров по экономическим вопросам оторвал свой взгляд от компьютера, и я отметил, как он изменился за полгода нахождения на этой должности.

Груз государственных забот навалился на него и помимо огромнейшей ответственности ему приходилось испытывать давление нетерпеливой массы как снизу и сверху, так и справа и слева.

Одни требовали от него экстренных, воистину "чудотворных" решений по оздоровлению экономики, упрекая в отходе от своих же прежних идей, что в настоящей ситуации было сущим экстремизмом.

Другие настаивали на достижении этих же результатов, только совсем мифическим способом, так чтобы чудо все же произошло, но вся система управления осталась прежней неизменной.

Третьи требовали того же чуда, мотивируя это тем, что у него есть теперь почти неограниченная власть *(это в их трактовке)* и будь любезен "*раз уж ты экономист, так давай экономику*".

Четвертые, обвиняя его в возвышении над народом и в предательстве его интересов якобы в результате теперешней принадлежности к высшей касте сильных мира сего, требовали чтобы от него стать революционером даже больше самих Маркса и Энгельса.

Пятой силой, давившей на него, была его совесть, честно говорившая ему, что несмотря на все старания его усилия вряд ли увенчаются успехом и не из-за того, что он сделал что-то не так *(на самом деле, то, что он предлагал было скорее всего единственным правильным решением)*, а из-за того, что это решение вряд ли сможет воплотиться в жизнь из-за нашей, ставшей уже исконной, безответственности и отсутствия реальной власти у кого бы то ни было в стране.

И, наконец, шестой силой была его жена, которая как-то раньше мирившаяся с его занятостью, теперь почти полностью утратившая его как мужа и главу семьи, в связи с его непосильной загруженностью.

Я пропустил вперед Мурзика, чтобы хоть как-то порадовать усталый взгляд зампреда, и усадив в кресло, поздоровался через стол с его хозяином, после чего сам уселся напротив него.

Ни слова не говоря, я протянул зампреду дискету со своим проектом, тот так же молча вставил ее в компьютер и стал изучать поступившую на монитор информацию.

Минут через десять он посмотрел на меня и сказал:

— Это конечно единственный способ решить все наши проблемы, но честно говоря — это фантастика.

— Министерство обороны и КГБ вкладывают пятнадцать миллиардов и берут на себя обязательство освоить эти средства.

— Но, по-вашему, необходимо освоить в течении года сто миллиардов?

— Если не больше!

— И вы мне спокойно об этом говорите?

— Об этом я сказал только вам.

— Спасибо за доверие.

— Пожалуйста.

— Как следует из вашего проекта, основные капиталовложения будут связаны с выполнением гигантских строительных работ? И вот здесь мы с вами и споткнемся.

“Мы с вами,— отметил, усмехнувшись про себя, я,— Он уже все про себя решил. А впрочем ему ничего и не остается, как схватиться за эту гигантскую мифическую соломинку”.

— А на что наш всеми проклятый Минводхоз?! А Министерство дорожного строительства? К тому же, если привлечь иностранный капитал, то при помощи их техники можно создать множество артелей вневедомственных строителей, которые могут за хорошие деньги горы свернуть.

— Но вы же прекрасно знаете, как привыкли работать наши министерства и причем здесь вообще Министерство дорожного строительства?

— Мы объединим наш проект со строительством дорожной сети страны и сразу в комплексе сделаем одновременно малыми силами два дела.

— Разумно, но как же все-таки с качеством?

— Так пусть этим займется КГБ совместно с армией.

— А вы не боитесь?

— Кто хорошо работает, тому нечего бояться.

— Ну, ладно, предположим, мы решили эти проблемы, но как вы себе представляете уговорить Верховный Совет и Съезд народных депутатов?

— А я вообще думаю, что придется проводить всенародный референдум!

— Тем более! вас же съедят! В стране нет жилья, а вы им иллюзии.

— Строительство жилья никто и не собирается сокращать, а насчет иллюзий, так их народу в последнее время как раз и не хватает. При нашей убогой жизни только иллюзии и спасали страну, а теперь их развеяли, и народ стал роптать.

— И вы думаете, народ вас поддержит?

— Конечно! Мы ведь предлагаем конкретные шаги. Основную массу населения это никак не затронет, а у многих появится прекрасная возможность заработать хорошо, при том, что мы обещаем практический результат не в "шишнадцатой" пятилетке, а ровно через год. Если к тому же провести правильную и главное неназойливую, а тактичную рекламу будущих благ от нашего проекта для простых смертных, то, я думаю, никаких проблем у нас с народом не будет. Проблемы будут с чиновниками.

— Вы думаете бюрократия нам будет сильно мешать?

— Упаси господь! Да они первые закричат "*Даешь!*", как это уже было с перестройкой, и главное закричат ведь не из солидарности с властью, а потому, что сразу же оценят все выгоды от реализации нашего проекта.

— Неужели вы думаете, что они такие дураки, что не поймут,что если проект реализуется, то им будет хана?

— Так вот я и говорю, что они это сразу поймут и постараются затянуть его реализацию по причине снятия сливок со всевозможных заказов и возможности продвинуться на его гребне.

— Разумно.

— И опять же ими пусть займется КГБ!

— Оно ж всех пересажает!

— Их всех не пересажаешь! Посадят одного-второго, а остальные сразу же поумнеют!

— А Вы не боитесь бесконтрольности органов?

— Ну не так уж они и бесконтрольны, а потом, ведь у них будет совсем другая цель, чем была в 37-м, а как раз они будут первые заинтересованы в реализации проекта и работать будут явно на дело!

— Тоже разумно.

Я победно посмотрел на Мурзика, желая увидеть в ее глазах безмерное восхищение собой, но обнаружил там лишь огромное сожаление по поводу моего буйного помешательства, что было совсем не удивительно, так как Мурзеныш до сих пор не знал, что я затеял.

— Только опять вы не учли существенное препятствие, — продолжал зампред, — На все-про все у вас отпущен всего лишь год, а лишь одни согласования займут года три, если не более?!

— Правильно! Но их не будет.

— Как это не будет?

— А мы проделаем всю работу за них, а от министерств нам надо получить лишь принципиальное согласие и мы его конечно же получим!

— Вы хотите сказать, что берете на себя всю детальную разработку проекта?

— Конечно!

— Но это же не реально.

— А реально вам было представить года так три назад, что вы будете сидеть в этом кресле?

— Я даже об этом и не мечтал,— улыбнулся мне новоиспеченный зампред, но ведь это же вещи совершенно не сравнимые.

— Можете считать, что детальная проработка уже сделана.

— Я конечно могу все что хочешь считать...

Не дав ему закончить, я немым жестом руки остановил развитие его мысли и, открыв дипломат, показал пачку дискет.

Зампред достал из середины пачки первую попавшую и вставил ее в компьютер.

После беглого изучения поступившей на экран информации, он откинулся на спинку кресла и тихо произнес:

— Но этого не может быть!

— Может!

— Может Вы Господь Бог?

— Вот только Бога не надо вмешивать в эту грязную историю. Во всем виновата вот она,— и я посмотрел на Мурзилку. — Только благодаря ей я решился на эти подвиги, но самое страшное, что она до сих пор даже и не подозревает, что я совершил ради нее!

Зампред с нескрываемым интересом посмотрел на Мурзилку, надеясь наверное отыскать в ее облике ту демоническую силу, подвязавшую меня на этот сизифов труд, а Мурзилка в свою очередь с удивлением посмотрела на меня, видно до сих пор упорно не веря в мою исключительность и как бы сомневаясь в моей значимости.

— Вы предлагаете так и объяснить всем причину возникновения этого проекта? — спросил зампред и неестественно через силу улыбнулся.

— Избавь вас Бог! Тогда все обзаведутся такими же мурзилками и будут неимоверно их мучить за большие деньги, требуя от них сверхестественного вдохновения.

Мы с ним немного посмеялись над своим обоюдным остроумием, а Мурзилка сидела и злилась, что всуе было произнесено ее имя нарицательное.

— Но, если серьезно, как мы объясним появление этого глобального труда?

— Да очень просто! Госплану с остальной бандой мы скажем, что он разработан в КГБ и МО, а этим скажем наоборот.

— Разумно.

— Народу же мы как всегда запудрим мозги и скажем сущую неправду. При тотальном недоверии народа ко всем инициативам идущим сверху, мы предложим самый демократический вариант: подкинем наш проект шайке депутатов из московской межрегиональной группы и какой-нибудь исконно народный номенклатурный Крайнов огласит его на сессии Верховного Совета, а президиум его умело поддержит правильно организованным голосованием.

— Неразумно, но реально.

— Вернее, реалистично.

— А может лучше, чтобы инициатива исходила от главы государства? С его непререкаемым авторитетом...

— Вот этого делать как раз не надо! Он и так уж на себя слишком много взял. Еще не хватало ему и этой ответственности. Вообще, надо его уговорить, чтобы он для виду сначала поартачился, а еще лучше, чтобы он вообще до последнего момента ничего не знал!

— Вы предлагаете чуть ли не заговор!

— Да пусть даже и заговор! Любая революция это всегда заговор!

— Страшный вы человек! Откуда вы такой взялись, "чудесный"?

— Откуда?! Отсюда! Я удивляюсь, как в нашем бардаке не начали рождаться страшные мутанты о трех головах и зело поганые?!

— При нынешнем уровне радиации это весьма возможно.

— А вы говорите — фантастика. Я вот совершенно искренне удивляюсь, как мы до сих пор живы и относительно здоровы и при всем своем объективно вызванном атеизме, иногда все же начинаю думать, что там где-то что-то есть.

— Да...

— Ну что, устроим нашей адской госмашине райскую жизнь?!

— Эх, была-не-была!

И мы вдарили по рукам!

— Ну, куда мы с тобой сегодня поедем? — спросил я Мурзика. — В Госплан, Госснаб, Минфин или в Наробраз?

— Хочу в зоопарк! — сказала Мурзик и замурлыкала.

— Соскучилась, маленькая, по своим хвостатым родичам?

— Да, представь себе, соскучилась! Они во всяком случае менее кровожадные, чем контингент, населяющий конторы тобой перечисленные!

— Чем же тебе они так насолили?

— Да одно народное образование пило из меня кровь целые десять лет.

— А Минфин тебя обокрал?!

— Да!

— А Госснаб тебе недодал?

— Да, и очень много!

— Ну, а Госплан тебя вообще не запланировал?

— Да! Я вообще за свободный рынок!

— Свободу злобным Мурзикам!

Бац! Блям! Бум — бум!

— Ладно, поспорили о свободе предпринимательства и будя. Так куда мы все-таки едем?

— Туда!

— Конкретней?

— Банк брать!

— Заметано! Едем в Минфин.

Министр финансов был в меру молод и не в меру деловит.

Резким движением руки он предложил нам сесть и, глянув поверх очков, проговорил:

— Ну-с?

— Нам нужны деньги! — начал я.

— Да-а?

— А мы в обмен на деньги облегчим вашу жизнь!

Министр с нескрываемым удивлением посмотрел на нас, как будто мы были первыми, кто просил у него денег и весело сказал:

— Денег у меня нет. А когда их у меня не будет совсем, вот тогда и наступит прекрасная и легкая жизнь!

— Что ж нам делать, если у самого министра финансов нет денег?

— Попросите их у того, у кого они есть,— еще веселей ответил он нам и тут же очень серьезно добавил:

— А вы случаем не рэкетеры?

— К сожалению нет.

— Это правда?

— Будь мы рэкетменами, наши проблемы в области финансов намного б упростились.

— И сколько вам не хватает на жизнь?

— Сущий пустяк! Не более ста миллиардов!

Министр сразу проникся к нам симпатией:

— Приятно беседовать с деловыми людьми! А для чего вам эта кругленькая сумма?

— На дело,— ответил я и протянул ему конверт с визитными карточками Председателя, Министра и Зампреда, на которых ими были написаны собственноручно просьбы позвонить.

Минфин в бытность свою являясь профессионалом, мгновенно идентифицировал их подписи и удивленно воскликнул:

— К чему такая скрытность?

— Обстоятельства дела, а главное, сумма не позволяют вести дела по ранжиру.

— И что мы должны финансировать?

— Создание глобальной системы оптоволоконной компьютерной связи.

Министр аж весь подтянулся от осознания эпохальности момента, но все же кастовое мышление в нем возобладало и он недоверчиво спросил:

— А потянем?

— Должны. Это для нас единственный шанс.

— Что сказали они? — кивнул он на карточки.

— Зампред — за, оборона дает десять миллиардов и всю свою воинскую рать, КГБ пять миллиардов и берет все руководство на себя.

— Солидно. А кто автор проекта?

— Я.

— А кто будет делать проект?

— Проект уже готов.

— На уровне ТЗ?

— Нет. Проект готов полностью,— ответил я и, поставив на стол дипломат с компьютером, раскрыл его и, повернув экраном к минфину, включил рекламный ролик.

Первые пять минут шла обзорная информация, потом были продемонстрированы сами устройства и показана техническая документация и спецификация.

Через полчаса минфин был готов к употреблению.

Я же, чтобы добить его окончательно, начал расписывать ему будущие выгоды нашего проекта для банковской системы страны:

— Уж кто и выиграет от его реализации, так это ваше министерство. И не потому, что вы получите идеальную компьютеризированную банков-

MAKE'92

скую систему, которая успешно сможет конкурировать с Забугорьем. Только при помощи этой системы связи мы сможем обуздать в стране инфляцию и внедрить чековую систему расчета, что позволит изъять из обращения необеспеченную товаром массу денег!

— Амброзия!

— Но самое главное, эта система позволит полностью содрать со всех любые налоги! И вы, наконец, станете настоящим финансистом, а не распределителем продукции печатного станка!

— Что от меня требуется?

— Только принципиальное согласие.

— Вот вам моя рука!..

Если б не вывеска при входе, то можно было б с уверенностью утверждать, что мы попали не в Госснаб, а в логово заговорщиков-мафиози.

По коридорам огромного здания сновали чересчур деловые подозрительного вида индивидуумы с пачками нарядов в руках и за пазухой, явно и результативно растаскивающих богатства страны по сусекам.

Мурзик при виде этого шабаша, победно глянула на меня, как бы говоря: "Вот оно, кровожадное мурло застоя и волюнтаризма. И здесь уж тебя, противный Димик, наверняка съедят и не подавятся."

Глупый Мурзик!

Ты ничего не понимаешь!

Здесь ведь собран цвет нации!

Ведь только в снабжении можно было проявить свою деловую хватку и получить истинное удовлетворение от содеянного, при нашей идиотской системе хозяйствования.

И эти люди, я в этом уверен, первые меня поддержат в моих начинаниях.

Председатель Госснаба встретил нас в дверях, что говорило о его осведомленности о нашем визите *(Минфин заложил).*

— Здравствуйте, дорогие ниспровергатели!

— Бамбарбия кирыгуду! — ответил на приветствие я.

— Что? — не понял или, видимо, всуе призабыл эту хохму Предгоснаб.

— Если Вы нас не будете любить, то она вас зарежет! — зверским голосом сказал я и кивнул на Мурзика, которая прыснула в кулачок и пропищала:

— Шутка!

Предгосснаб немного ошарашенно повращал глазами. И когда до него дошло, нервно засмеялся и погрозил нам пальцем.

— Меня предупреждали, что вы опасные люди, и все равно я клюнул.

— Самые опасные люди — **большевики!** — непонятно к чему сказала Мурзик, видимо вконец окабанев от нашего беспредела, а я, чтобы нашего визави не хватил кондрат, добавил:

— Это тоже шутка.

— Вся наша жизнь в какой-то мере шутка,— поддержал меня Главснаб и провел в свой кабинет, на ходу приказав секретарше снабдить нас по чашечке кофе и отпустить по вазочке эклеров.

Усаживаясь и устанавливая перед хозяином кабинета в открытом виде дипломат, я задал довольно провокационный вопрос:

— Скажите, Вы любите свою работу?

Мне было конечно не совсем удобно перед ним, и я внутренне покраснел.

— Наверно люблю.

— А вам не приходит в голову мысль, что она похожа на работу разведчика на вражеской территории?

— Я это прочувствовал уже давно. Каждый день "*по тонкому льду*"..

— И по чьей-то воле...

— И грудью приходится закрывать никому не нужные бреши.

— Как в том снабженческом анекдоте.

— В каком?

— Ну про Матросова.

— Расскажите.

— Последние слова Александра Матросова перед тем, как он закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота, знаете?

— Нет!

— "Чертов гололед!"

— Оригинально, но нам, к сожалению, за это не дают Героя Советского Союза!

— Могу Вас ответственно заверить, что мучатся Вам осталось недолго.

— Я это чувствую.

— Я серьезно. Ознакомьтесь с нашим проектом, а мы тем временем отведаем вашего десерта, пока кофе не остыл!

— Грандиозно! Давно пора! Дождались! Наконец, мы заживем, как люди!

— А вы говорите "Кирыгуду"!

— Дайте я вас расцелую.

— Когда воплотим, вот тогда и лобызнемся.

— Но вообще-то, верится с трудом. Поддержит ли нас народ?

— Армия, КГБ, Совмин и Минфин за нас. Остальные будут тоже!

— Феноменально!

— Значит мы на Вас можем положиться?

— Как на самих себя.

Был всего лишь полдень, а Минфин и Госснаб уже пали.

Мурзик, зная что нам осталось расправиться только с Госпланом *(Наробраз в расчет не брался!)*, спросила у меня, чем мы займемся в остальной половине дня, и высказал мне свои пожелания, перечень которых занял бы страниц восемьдесят мелким шрифтом.

— Маленький! — просветил его я. — Если ты думаешь так же легко расправиться и с Госпланом, то не тешь себя надеждами!

— А что, в Госплане сидят одни дураки и упрямые ослы, которых невозможно никак уговорить? — Глупая Мурзилка из всей нашей эпопеи вынесла только то, что стоит кого-то уговорить, и все будет шито-крыто.

Видимо, ее небогатый жизненный опыт говорил ей, что главное — не поддаваться на уговоры!

— Да нет, просто в отличие от пройденных инстанций здесь будет мало принципиального согласия. Ведь именно Госплан будет изыскивать все необходимые составляющие нашего проекта, а это сделать почти невозможно!

— Тогда я им точно сделаю "кирыгуду"!

— Вот ты и раскололась! Только американская диверсантка может желать неблагополучия нашему родному социалистическому Госплану.

— А какого хрена в магазинах ничего нет?

— А какого хрена ты сделала для того, чтобы в них что-нибудь было?

— Конечно же сделала! Я уже не помню когда ходила в магазин, а значит вместо меня покупку сделал кто-то другой.

— Да, Мурзик, с сознательностью у тебя... как у того помещика: *"Какого рожна надо этим крестьянам? Пусть идут и пашут с Богом!"*

— Ты мне политику тут не шей, начальничек!

— Шпионка!

Бум! Блям! Трах! Дыр-дыр-дыр! Мы поехали в ОВИР!

Коридоры Госплана мало чем отличались от коридоров Госснаба. По ним сновали все те же лоббисты и попрошайки.

"Бегайте, бегайте, ребята, недолго вам осталось бегать!" — подумал я, конвоируя Мурзика к кабинету Председателя Госплана.

Там нас ждали, но решили немного попридержать и сразу до державных очей не допустили, а культурно так предложили подождать.

Мой Мурзик ну никак не ожидала этого и растерянно посмотрела на меня.

Я же, преисполненный великой благодарностью за представленную мне возможность покабанеть в присутственных местах, начал издеваться над своим Мурзиком *(вернее, не над ней, а над ее нервами).*

Ох, и пожалеют же они, что позволили себе нас задержать, а бедная секретарша станет бесплодной или, на худой конец, припадочной.!

Первым делом я подошел к ее столу и с идиотской заискивающей улыбкой начал расписывать ее красоту, в подтверждение чего выкладывая из дипломата перед ней маленькие презенты: набор французских духов, косметику, шесть блоков сигарет различных иномарок, упаковку аудио-кассет, целлофаны с колготками и трусами, ворох журналов мод, три блока жвачки, восемь наборов шоколадных конфет, четырнадцать бутылок разнообразных, но одинаково престижных напитков, и инкрустированный перламутром баллончик со слезоточивым газом.

В это время распахнулась дверь приемной, и строевым шагом при полном параде вошел почетный караул встал по ее обеим сторонам по стойке смирно.

Вбежали карлики и, раскатав посреди приемной огромный шикарный персидский ковер, уставили его всевозможными яствами.

Я уселся на ковре и скрестив ноги по-турецки, усадил возле сёбя обалдевшего Мурзика.

За нашей спиной тут же возникли, два здоровенных обнаженных негра и начали рьяно обмахивать нас опахалами, а одетый в черкеску и папаху, усатый и горбоносый тамада, провозгласил кавказский тост "За цветы нашей жизни!"

Появившиеся танцовщицы начали исполнять танец живота.

Заиграл цыганский хор, а квартет в составе Аллы Пугачевой, Александра Розенбаума, Александра Малинина и Александра Крылова грянул каждый свою песню:

"*Ямщик, не гони лошадей!*"

"*Под зарю вечернюю.*"

"*Ням! Ням! Ням!*"

"В далеком Бискайском заливе".

А хор цыган подхватил: *"Где золото роют в горах!"* — все вместе: *"Червончики!"*

Короче, дали мы им шороху!

Не захотели сразу нас впускать, так сам председатель на шум естественно вышел из своего кабинета к нам.

Солдаты взяли на караул, тамада всунул ему в руки большой рог с вином, танцовщицы затрясли телесами, а все остальные, включая меня и обоих негров, грянули величальную:

— *К нам приехал, к нам приехал!..*

Именно с этого момента секретарша стала страдать бесплодием и с ней случился первый припадок, а председатель Госплана пристрастился к вину.

Я встал с ковра и, шагнув через угощения навстречу хозяину учреждения, сказал:

— Извините, пожалуйста, но если вы нас сегодня не можете принять, то мы можем прийти завтра!

Через пять с половиной секунд мы с Мурзиком сидели в кабинете председателя Госплана.

Молчание затянулось.

Председатель Госплана с отрешенным видом перебирал какие-то бумаги на своем столе и совершенно однозначно был сердит.

И было из-за чего.

Устроить такой балаган и еще после этого иметь наглость требовать, чтобы с ними имели какое-то дело.

Ну и времена наступили.

Я, прекрасно понимая состояние председателя и даже немного расстраиваясь в содеянном, заактивировал свой второй интеллект, и он начал сканировать в мозгу Председателя.

Понадобилось минут семь, чтобы изменить душевное состояние оппонента, развеять давешнее негативное впечатление, добавить маленько юморку и при этом заодно снять вечную усталость от непроходящей заботы за судьбы Государства.

Лик председателя постепенно просветлел, а я, пользуясь моментом, начал наступление.

— Как я догадываюсь, Вас предупредили о нашем визите, и без долгих слов предлагаю ознакомиться с нашим проектом.

Я опять проделал известные манипуляции со своим дипломатом-компьютером, и пока председатель впитывал информацию, отправил второй интеллект к Чертовой Бабушке, большой специалистке по изготовлению приворотного зелья, коего мне настоятельно требовалось употребить, дабы, за всей этой чехардой окончательно не разлюбить Мурзика.

Когда рекламный ролик закончился, Предгосплана сказал:

— Я, конечно, ценю ваше ретроспективное воображение, но мне непонятно для чего вам понадобилось мое мнение для его дилетантской оценки?

Начало было крутое, но мы тоже были не лаптем крещены:

— Этот ролик был создан в ЦРУ, на запрос Конгресса о путях позитивного завершения перестройки. Наши лихие гепеушники с неимоверным трудом и риском для жизни выкрали и скопировали его. Нам теперь только остается воплотить его в жизнь.

— А если это фальшивка, созданная с целью провокации и дезинформации?

— Там были еще несколько сюжетов о негативных путях перестройки, и к тому же мы провели экспертизу и получили положительные отзывы у компетентных органов.

— Звонили мне тут они и предупреждали, что вы будете просить у меня мою голову с честным именем в придачу.

— Зампред тоже звонил?

— Нет?!

— Значит позвонит.

— Да?

— А снабженца мы переведем в дворники.

— Тогда уж заодно и финансиста.

— Нет, финансист нам еще пригодится.

— А снабженец уже нет?

— Крамолу и предательство надо искоренять беспощадно.

— Дурдом какой-то.

— Конечно, дурдом. Вся страна дурдом.

После непродолжительной паузы председатель спросил:

— И что вы предлагаете?

— Внедрить эту систему, и дурдом прекратится.

— А каково мнение Политбюро? Что по этому поводу они думают?

— Кто именно?

— Политбюро...

— Чье мнение из членов Политбюро вас интересует?

— Ну, например, Егора Кузьмича.

— Егор Кузьмич ничего не думает.

— Как, совсем?

— Он ничего не знает об этом проекте, поэтому ничего о нем и не думает.

— А кто в Политбюро знает о нем?

— На сегодня никто, кроме министра обороны и председателя КГБ.

— Тогда нам не о чем с вами разговаривать.

— Да? — засомневался я и оглянулся.

Дверь приоткрылась и в кабинет заглянули Алла Пугачева и остальные персонажи моего бреда в приемной.

Председатель Госплана вздрогнул, увидев эту веселую компанию.

Я махнул рукой и дверь прикрылась.

— Продолжим разговор?

Председатель вытер платком свой лоб и молча кивнул.

— Нет смысла выходить на Политбюро, не согласовав со всеми заинтересованными инстанциями. Вот договоримся с вами, быстренько получим отзывы Электронпрома, Народного образования, Здравоохранения, и согласие профсоюзов и доложим честь по чести Политбюро.

— А если не договоримся?

Из-за двери послышалось:

"Гоп-стоп, у нас пощады не проси!..."

— Обязательно договоримся! вы же прекрасно понимаете, что это единственный выход, и Госплан первый выиграет от внедрения компьютерной сети. Правда, многих придется сократить, но должность Председателя ведь останется.

— Дурдом какой-то!

— Батенька, уже пятый год дурдом, а вы все не перестаете удивляться! Давно уже пора с этим смириться! Или вы не хотите перестраиваться?

Председатель посмотрел на меня нехорошо и по селектору попросил секретаршу принести кофе.

Однако вместо его секретарши кофе принесла банда карликов и вообще это был не кофе, а дневной рацион дюжины шейхов и чревоугодных монахов после длительного поста.

Мы с Мурзиком мгновенно принялись трапезничать, а председатель посмотрел-посмотрел на нас и, махнув рукой, налил себе стакан чего-то там импортного и, по-моему, необычайно дорогого и залпом выпил.

Я, набивая одной рукой рот тахан-урюком, а другой бутербродом с красной икрой, прошамкал:

— Наши имена войдут в историю, наши внуки будут гордиться нами, а народ про нас сложит песни...

— Но ведь придется полностью переделывать государственный план?!

— Ничего, переделаем!

— Но он уже утвержден?!

— Переутвердим!

— Но это же нереально?

— Послушайте, уважаемый! Вы-то чего боитесь? Вы чтоль будете бегать его переделывать? От Вас требуется только дать свое согласие и соответствующие указания, и все!

— Ничего себе все?! А ответственность?!

— Можно подумать, что не приди мы к вам, то у вас не было бы никакой ответственности! Так хоть у вас какой-то шанс появляется усидеть на этом месте, а без нашего проекта сидеть вам здесь не более полгода!

— Ну ладно, меня вы, конечно, можете уговорить, но как вы собираетесь уговорить наши министерства отдать огромную часть бюджетных ассигнований другому дяде? Или вы считаете их бессеребрениками и блаженными?

— Мы их уговорим в пять минут! Они сами будут драться между собой за большую долю вклада под гарантированное в будущем канальное время!

— Но ведь эти ассигнования придется делать за счет свертывания отраслевой науки, а это знаете чем пахнет?

— Знаем! Саботажем!

— Ну и как вы на это смотрите?

— Да никак, за этим будет смотреть КГБ! И вообще, только за то, что мы под шумок нашего проекта разгоним и реорганизуем Отраслевые НИИ, нам потомки памятник поставят!

— А по-моему, нас поставят к стенке!

— К стенке вас со мной точно не поставят, но если вы не дай Бог начнете юлить и вести двойную игру, то вам не поздоровится!

— Вы мне угрожаете?

— Нет, предупреждаю!

— И что вы мне сможете сделать?

— Ну хотя бы для начала прокрутить депутатам снятый сегодня видеоролик! — я включил свой дипломат и на его экране появились кадры шабаша в приемной и как председатель кушает в своем кабинете.

Нас с Мурзилкой камера, естественно, не схватила ни разу.

— Вы ведь убедились в наших способностях, а мы постараемся оправдать ваши надежды! — сказал я и, махнув стакан водки, подвел черту:

— Итак, подведем итоги, вы согласны?

— Да.

— Ну вот и прекрасно! С завтрашнего дня я пришлю своих сотрудников. Сам, наверно, тоже приеду и начнем работать...

— Димик, я, может, чего-то не понимаю,— начала издалека Мурзик,— но вся эта катавасия очень подозрительна!

— О чем ты, маленький?

— Ну, о твоем проекте...

— Проект катавасии?

— Можешь его называть и так, но объясни мне, для чего все это нужно?

— Если серьезно, то это единственный выход довести перестройку до победного конца.

— Я это уже слышала.

— Ну и что тебе не понятно?

— Я, конечно, понимаю, что глобальная компьютерная сеть — это штука хорошая и нужная, но непонятно — при чем здесь перестройка?

— Как это при чем? Наш проект будет главным инструментом перемен в стране!

— Это тоже понятно, но скажи, откуда появятся товары?

— Какие товары?

— Для народа. Ведь чтобы была перестройка, нужны товары.

— Умница ты моя! Все б так осознавали!

— Нет, ты мне скажи!

— Понимаешь, товары появятся потом...

— А они нужны сейчас!

— Ты все правильно говоришь, товары нужны сейчас, и я думаю, правительство закупит их за границей, но это решит проблему не более чем на полгода, просто у нас не хватит денег покупать их все время...

— А сто миллиардов на строительство системы найдется?

— Просто, если мы не создадим эту систему, то не будет ни товаров, не будет перестройки и, вообще, ничего не будет!

— Почему?

— Потому что страна вышла из-под контроля и стала неуправляемой. Неужели ты этого не чувствуешь?

— Конечно, чувствую, но раньше как-то мы ведь жили?

— Ты правильно сказала: "*Как-то!*". Мы подошли к пределу и

перешли его. Обратно пути нет. Если не развязать всем руки и если все без исключения не почувствуют себя свободными в выборе своих поступков, то нам завтра будет хана! Страна развалится и вообще страшно подумать, что может быть... Понимаешь, дорогая, вот сейчас Верховный Совет принимает беспрецедентно правильные законы, но ведь эти законы будут воплощаться в жизнь на местах, а что творится на местах, ты догадываешься? Положение могут изменить только выборы в местные Советы, а они пройдут весной, и к этому времени положение будет еще хуже. А пока выбранные депутаты начнут по-настоящему работать, с отдачей, пройдет еще полгода, а к этому времени вообще будет твориться черт знает что! Но это при условии, что выборы пройдут конструктивно, в чем я очень сомневаюсь! Ну, выберет Москва с Ленинградом умных людей. Ну, в Прибалтике и еще кое-где, а в остальном целом по стране изберут в лучшем случае обыкновенных работяг, у которых уже сейчас идет голова кругом от перемен и неизвестности. А ведь могут к власти прийти крикуны и экстремисты. Ведь народ у нас в области управления государством дремуче некомпетентен! Представляешь, что будет твориться?!

— Представляю.

— И вообще, мне наше время напоминает последние годы правления Бориса Годунова!

— Чем же? Твоим появлением?

— А при чем тут я?

— Ну как же, там тоже был Лжедмитрий...

— Ага, а ты Мария Мнишек!

— Дурак!

Бум! Блям! Бах-бах-бах!

— Кстати, царь Борис был классным мужиком!

— И чего же он хорошего сделал? Младенца Дмитрия зарезал?!

— Я не знаю, кто зарезал Дмитрия, но когда Борис правил при царе Федоре, на Руси были очень даже хорошие времена! Но когда он стал царем, ему просто не повезло: то мор, то глад, а скорее всего было иностранное вмешательство! Так что не дай Бог, чтобы я со своими этими ассоциациями не оказался прав. Сейчас "*смутное время*" будет сущим кошмаром и неизвестно, чем кончится!

— Димик, мне страшно!

— Мне тоже!

— Что же делать?

— Давай поедем куда-нибудь и развеемся...

По-моему, я достаточно запугал и наудивлял Мурзика и теперь, когда началась нудная повседневная работа по воплощению в жизнь моего

глобального проекта, можно было перестать таскать Мурзилку с собой. Вообще; мне одному невозможно было поднять эту махину, и я, не долго думая, вызвал все свои не очень занятые интеллекты, они воплотились в плоть сорока трех солидных, на меня похожих, но в то же время совершенно разных людей и вот на них и должна была лечь основная работа.

Итак, работа закипела!

Я в виде сорока трех разбойников отправился по инстанциям и можно было бы написать целый роман про их похождения, но я думаю, это будет довольно долго и нудно.

Есть смысл только кратко перечислить некоторые важные дела, что они натворили.

В министерстве связи все плакали от счастья, что наконец сбылась их долгожданная мечта детства!

В Госкомитете по народному образованию аж визжали от восторга за реальную компьютеризацию школы!

В промышленных министерствах в предвидении огромных заказов сходу назначили мои составные части на должности замминистров.

В министерстве здравоохранения хоть и ничего и не поняли, но все же смекнули, что почти задарма получат повсеместно хорошие компьютеры, и на том спасибо!

Министерство внешней торговли воспрянуло духом и тут же стало строить планы по глобальной продаже богатств страны оптом и в розницу.

В министерстве путей сообщения обещали ежедневно за меня молиться Богу!

Агропром прекратил дергаться в конвульсиях агонии и обещал не только, наконец, накормить страну, но также заодно и Эфиопию с Канадой!

Академия наук избрала меня почетным членом-корреспондентом!

Госкомитет по изобретениям и рацпредложениям присвоил мне звание лауреата премии Кулибина!

Строительные министерства выбрали меня почетным строителем и подарили мне из своих стратегических запасов государственные дачи в Крыму, Юрмале и под Москвой.

А Минводхоз в честь меня переименовал Асуанскую плотину!

Как я и предполагал, произошел совершенно бескровный переворот и, как в семнадцатом году, он ознаменовался триумфальным шествием!

В течение трех суток были произведены все необходимые согласо-

вания, полностью переделан государственный план на следующий год и на будущую пятилетку, и на расширенном заседании Совета Министров принят общесоюзный протокол намерений, с которым мы, наконец, отправились на Политбюро...

...Глава государства в это время находился с официальным визитом в Африкано-австралийском союзе.

Министр иностранных дел заседал в Лиге наций.

Еще один член Политбюро был на ликвидации последствий забастовки горняков в Туркестане, другой на ликвидации последствий землетрясения в Сибири, третий и четвертый были на ликвидации причин стихийных бедствий: цунами на Волге и нашествия саранчи на Чукотке.

Пятый изучал интенсивные технологии сельского хозяйства государств Западной Сахары, а шестой был временно болен.

Так что в Политбюро одобрили наш проект и рекомендовали вынести его на сессию Верховного Совета обеих палат!

После чего мы распространили его среди членов Межреспубликанской группы депутатов и на следующий день они его обнародовали.

На следующий день все Политбюро в полном составе присутствовало на заседании Верховного Совета, где я должен был говорить свою речь.

— *Уважаемые депутаты! Уважаемый председатель!* — начал я свою историческую речь,— *вот уже несколько месяцев как вы не щадя живота своего трудитесь во благо Отечества. Честь и хвала вам! Вы многое уже сделали для страны, но еще больше вам предстоит сделать. Но, положив руку на сердце, признайтесь честно, успеете ли вы? Сподобитесь ли вы? И вообще существует ли выход из создавшегося положения?! — Хватит ли у нас сил, последовательности и терпения?!* — здесь я сделал эффектную паузу и продолжал:

— *В своей известной книге Михаил Сергеевич ратует за новое мышление, но, судя по тому, как идут в стране дела, его призыв еще не нашел отклик во многих сердцах! Какие мы решаем проблемы? Мыло, сахар, вагоны, колбаса и Карабах! "Бураны" в космос запускаем, а у школьников нет тетрадей! Мне лично стыдно за державу! Мы ведь на пороге XXI века, а мыслим категориями уездного приказа. Уже не стесняясь вслух говорим, что живем в "Стране Дураков и Непуганых Идиотов!" Неправда! Мы не дураки и в подавляющем числе не идиоты! История поставила нас на грань, и вот сейчас мы должны решить, как дальше нам жить! Вы скажете, что это все красивые слова, а вот ты-*

то что предлагаешь, эдакий болтун?! И кто ты такой есть? Я вам отвечу: Я есть русский человек, и я никому больше не позволю надо мной издеваться! Я не хочу жить по-старому, и я не буду так жить!

А если серьезно, то посмотрите, что получается: при всех успехах Запада у них с каждым годом возникает все больше нерешенных проблем и при всей их гибкости и мобильности они не застрахованы от ошибок в экономике. *И нам, только во сне видящим их уровень развития, предлагают постепенно перестроить экономику и в гипотетическом будущем достичь их сегодняшнего уровня. Даже если это и произойдет лет через десять, что весьма проблематично, то к этому времени они уйдут еще дальше, и опять нам придется догонять, а как перегонять мы уже знаем на собственной шкуре! Что же я предлагаю? Давайте реально посмотрим на состояние нашей страны. Огромная супердержава, почти полностью вышла из-под управления.*

Почему это произошло? *Потому, что мы достигли такого уровня сложности и инвариантности государства, что оно стало даже теоретически неуправляемым теми методами, какими мы располагаем. И надо немедленно перестать самих себя обманывать, что Госплан может что-то реально планировать, а Госснаб нормально всех снабжать, Совмин — руководить, а Агропром — кормить страну! Отчего все это происходит? От нехватки информации и в то же время от ее переизбытка, от ее бессистемности и от ее недостоверности. Ошибки ведь делаются не из-за того, что у кого-то мозга не варит, а от неправильной информации, и только из-за этого!*

Как исправить это положение? Необходимо создать единую информационную систему! Что мы имеем на сегодня? Только телефонную связь, работающую в звуковом диапазоне. Что это за связь, вы прекрасно знаете, и толку от нее и, главное, большей пользы, конечно, не дождешься. *Что нам даст новая информационная связь? Все! Она нам даст будущее в лице наших детей, которые вырастут весьма скоро не такими невеждами, какими являемся мы, а всесторонне и гармонично развитыми людьми.*

На всех хороших учителей не найдешь, да и основы закладываются не в школе, а в семье, а чему учит наша семья — не мне вам говорить! А при наличии информационной системы даже в глухом кишлаке у ребенка будет компьютер, который заменит и игрушку, и няньку, и учителя, и домашнюю библиотеку. Вы спросите, где на всех взять компьютеров? Да в каждой семье есть телевизор и к нему будет достаточно подключить клавиатуру с микропроцессором, реальная стоимость которого равна цене обыкновенного калькулятора, и вот вам персональный ком-

пьютер, при помощи которого через информационную сеть можно будет получить любую информацию!

Что еще даст это нам? Реальное осуществление перестройки! Вот вам будет реальный свободный рынок! Каждое, даже маленькое предприятие сможет мгновенно осуществить любые прямые связи! И конец нашему дефициту! Через информационную сеть можно будет найти не только потерявшиеся вагоны, не только любые запчасти, но и ближайшую лавку, в которой есть сейчас нужная вам булавка. И конец существующей воистину грабительской и разбойничьей торговле! Любой товар можно будет заказать из дома и тут же расплатиться за него через личный счет в банке и проконтролировать доставку вам этого товара, и не дай бог ему где-нибудь задержаться! Ведь тогда каждый работник будет дорожить своим местом ввиду переизбытка трудовых ресурсов! Откуда возьмется этот переизбыток? Да ведь не нужен будет весь на сегодня существующий управленческий аппарат и партийный заодно, ведь одного первого секретаря райкома будет достаточно чтобы проинструктировать сразу весь район и, наконец, наступит истинный демократический централизм!

А технический прогресс?! Тогда будет достаточно изобретателю снести свое предложение в единый банк данных и о нем будет знать вся страна! И больше не надо будет ему искать — кто захочет внедрить это изобретение, теперь его сами найдут и где надо внедрят!

А в области финансов?! Да за нашу достоверную информацию из первых рук фирмачи будут платить любые деньги в так нами любимых долларах и драхмах!

И леса мы перестанем переводить на мукулатуру, потому что дешевле будет любую книгу получить и прочитать посредством компьютера.

А проблема творчества и досуга?!

А повышение своей квалификации и даже видеосвязи, наконец, с любой точкой Союза?

О чем я вам сейчас рассказал, все это давно известно как у нас, так и на Западе. Они в принципе уже сейчас имеют похожую систему связи. Но она у них основана на их качественной телефонной сети, пропускная способность которой ими уже почти исчерпана, а заменить ее на новую оптоволоконную им не позволяет огромный объем капиталовложений, непосильный даже их могущественным транснациональным телефонным компаниям. Они, конечно, постепенно производят замену, но это произойдет не сразу и не скоро.

Нам же нечего терять, кроме своих цепей! У нас есть шанс сразу

вложить в это стоящее дело необходимый капитал и сразу же получить феноменальный результат! И практически в одно мгновение мы превратимся из отсталой страны в истинно великую супердержаву!

Теперь о реализации этого проекта.

Понадобится более ста миллиардов рублей. Где их взять? Если похозяйски произвести переоценку приоритетов, то необходимую сумму можно изыскать. К тому же можно использовать денежные накопления населения под оплату будущих услуг. И иностранный капитал, я думаю, с удовольствием вложит средства в реализацию этого воистину проекта века.

Сможем ли мы освоить эти гигантские объемы работ? Если захотим, то сможем. Минводхоз, Миндорстрой, Госагропром, все электронные и оборонные министерства. Да если всем миром навалиться на это дело, то ничего невыполнимого нет. И армия нам поможет, и шабашников в артели организуем! И для регионов с избыточными трудовыми ресурсами найдем дело.

Теперь о разработке электронной аппаратуры и о ее надежности.

Ну, товарищи?! Мы же не только можем создавать дефицит школьных тетрадей, но и "Бураны" в космос запускаем! В крайнем случае, заграница нам поможет.

Так что, уважаемые депутаты, решайте и помните, что от вашего решения будет зависеть не только судьба нашей страны, но и судьбы всего мира!

Спасибо за внимание!

Утром за завтраком я спросил Мурзика:

— Ну и как тебе моя речь?

— Грандиозно!

— А что тебе больше всего понравилось?

— Как ты стучал в грудь кулаком и орал как идиот "Я русский!"

— Ты полагаешь мне следовало орать "Я эфиоп, твою мать!"

— Я немного сомневаюсь, что ты эфиоп, но "твою мать!" слышалось совершенно явственно в подтексте.

— Ну ладно, а что тебе не понравилось?

— Реакция зала.

— Они же мне устроили овации?! Или ты не рада, что наш проект прошел?

— Прошел-то он прошел, но как мне показалось, не всем он пришелся по нутру!

— Ты имеешь в виду этого идиота, который предложил семь раз отмерить?

— Ну хотя бы его.

— Так он это в отместку, что с ним не посоветовались в Политбюро!

— Может быть.

— Не хрена шляться незнамо где и вообще мне непонятно как, с такой рожей он умудрился пролезть в ряд наших уважаемых руководителей партии!

— А туда попадают не по роже...

— Бить-то будут не по паспорту, а по роже!

— А при чем тут паспорт?

— Я не знаю при чем тут паспорт, но знаю совершенно наверняка, что на таком высоком посту таким дуракам нечего делать! Именно из-за них страну растащили!

— Раз он туда пролез, значит он не совсем дурак!

— Ну не дурак, так самодур!

— Не вижу особой разницы.

— О, разница огромная! Что такое дурак? Это человек, ошибающийся в очевидном. Это свойство мышления в любом случае подлежит осуждению, так как даже если дурак самый милейший, добрый и отзывчивый человек, все равно своими необдуманными поступками он может нанести вред другим людям, даже искренне этого не желая, из чего следует, что увидел дурака — отойди!

Мурзилка отодвинула от меня подальше свой стул и выставила по направлению меня ножку.

Я ей показал язык и продолжал:

— Теперь поговорим о том, чем отличается простой дурак от самодура. Когда ты говоришь дураку: "*Что же ты наделал, дурак?!*", и если дурак обыкновенный, то ему от этих слов в лучшем случае становится стыдно! А самодур ни при каких обстоятельствах не признает свои ошибки, да еще и тебе скажет: "*Ты не прав!*".

По моему разумению таких безответственных товарищей надо изолировать от нормального общества в компанию таких же дураков!

— Вот отчего мы и находимся до сих пор в изоляции!

Я с интересом посмотрел на Мурзика:

— А ты опасный человек! То-то я смотрю, когда я рядом с тобой, то обязательно происходят невероятные приключения: то бандиты нападут

среди бела дня, то в мирном ресторане мятеж вспыхнет, то родители от тебя сбегут...

— Слушай, а правда, что это за командировка такая? Кому, интересно, понадобились мои милые безобидные родители за бугром?

— Да, по-моему, они просто от тебя сбежали!

Бум! Блям! Бац! И-и-и-и-и!

— Ну ладно, что этот придурок будет против, с самого начала никто и не сомневался. Он же против всего, что не по еному, и даже когда его начальник говорит одно, он тут же, не стесняясь, говорит обратное. Но кого ты имеешь в виду еще?

— А выступление профсоюзного лидера?

— А что он такого сказал? Он вроде бы "за" говорил.

— "За" то "за", но нотки в его речи были обструкционистские! Неужели ты этого не заметил?

— Ты знаешь, нет. Ты точно подметила это?

— Уж куда точнее!

— Ну что ж, в этом нет ничего удивительного! Я с самого начала и не рассчитывал на поддержку профсоюзов.

— Почему?

— А на кой хрен им все это надо? Если б они заботились о благе народа, что они по статусу должны делать, а они пекутся о своем благополучии! И им наша система как кость в горле!

— Непонятно, почему? Ведь у них тоже скоро будут компьютеры!

— А на хрена они им? Путевки по блату распределять? Так они с этим и без них справляются. А опасность они для них представляют огромную. Теперь любой работяга может проконтролировать распределение жилой площади, льгот и привилегий, а профсоюзу, как ты думаешь, это надо?

— Вряд ли.

— Ну вот видишь, ничего удивительного, что они против прогресса! Народные избранники, мать их ети!

— А еще этот писатель выступал, все что-то про Бога говорил?!

— Этот черносотенец? Да этим все равно, против чего выступать! Я вообще не понимаю, как таких носит Русская земля!

— Так он как раз в защиту русских выступает!

— Это только так кажется. На самом деле уже давно всем известно, что черная сотня состоит на содержании у сионистов!

— Ты говоришь, как настоящий активист общества "Память"! Они тоже во всем видят происки сионизма.

— Ну, что кругом происки сионизма, это тоже всем известно, но нельзя же любую здравую мысль утрировать!

— Так я что-то не пойму: есть происки или же это придумали антисемиты?

— Понимаешь, дело ведь не в том, есть зло или его нет. Конечно же оно есть! Это же диалектика! Борьба противоположностей! А дело в том, что кто-то, прикрываясь популярными в народе лозунгами, проповедует оголтелую нетерпимость с целью личной корысти!

— Интересно, какая личная корысть тут есть?

— А как же! Если своим подстрекательством они сумеют довести до озверения толпу, то ее очень легко направить в любую сторону именно по личной выгоде или в пику групповым интересам!

— Ты говоришь страшные вещи!

— А что я сказал нового? Это было сказано уже столько раз, что даже не хочется приводить примеры.

— А все же?

— Фергана. Карабах. Абсны. Может, хватит?

— Ты забыл Сумгаит.

— Такое вряд ли забудется.

— Но совершенно непонятно — зачем русским национальная нетерпимость?

— Правильно, она им совершенно ни к чему.

— Но все же, когда маленький народ чем-то недоволен, то у него естественно может возникнуть ощущение, что его обижают, но тогда непонятно, как могут русские выступать с националистический позиций?

— Так ведь русские и не выступают!

— А кто же тогда выступает в защиту великороссов?

— Да всякая шваль!

— Что-то не очень понятно...

— Понимаешь, истинно русский человек совершенно лишен комплекса превосходства над другими народами, вследствие своих исконно русских черт характера: великодушия, широты души, доброты, сострадательности и незлобивости. Все эти качества присущи ему не от того, что он с ними родился, а от того, что сильному и незакомплексованному человеку совершенно ни к чему быть обиженным на весь мир, так как он находится по отношению к нему в полной гармонии. Но среди любого народа обязательно найдется какая-то часть людей, обделенных при рождении. Кстати, убогие люди бывают или очень добрыми, или очень злыми, и вот последние и начинают подводить теоретическую платформу под свои мироощущения. Ведь они никогда не признаются себе, что они плохие, но всё чувствуют свою убогость и, как-то оправдывая ее, они начинают искать виновников своих житейских неудач и находят их среди крайних.

Вообще-то это глубоко несчастные люди, и если бы мы жили нормально и в достатке, то злопыхательства было бы намного меньше.

— Но ведь с каждым днем становится все хуже и хуже?

— Да. И дальше будет все больше всяческих выступлений и конфликтов.

— Что же делать?

— Что... Что... Перестраиваться!

— Дурак!

— Сама такая!

Бамс! Блямс! Ду-ду-ду! Получай кирыгуду!

— А еще этот старый мерин выступал!

— Ветеран что ли?

— Вроде бы.

— Да у него старческий маразм. *За Родину, за Сталина! Вперед идут народы!*

— А швея-хлопкороб?

— А у этих куриных мозгов до сих пор твердая вера в доброго царя! Как там у Высоцкого: "*На нашей пятой швейной фабричке... Я, Вань, такую же хочу!*" И все боятся, как бы не было чего! А в это время на них верхом ездят, а они еще и похваливают: "*Мы честно работали!*" А кому нужна такая работа, когда на твоем горбу кто-то наживается?!

— Злой ты какой-то...

— Зато справедливый!

— Справедливый? А кто ночью с меня одеяло на себя стаскивал?!

— Не было такого!

Трах! Бах! Дзынь! А-а-а-а-а-а!

— И если учесть, что наш Верховный Совет отражает истинную ситуацию в стране, то недовольных твоим проектом будет не так уж мало!

— Но у меня есть еще один неиспользованный козырь, которым я покрою все их доводы.

— Интересно, какой?

— Сегодня узнаешь.

— Это ты про пресс-конференцию с иностранными журналистами?

— Там будут не только журналисты но и представители инофирм.

— Заграница нам поможет?!...

На следующее утро после пресс-конференции я получил заказное письмо с уведомлением.

Внутри него оказалось приглашение на деловую встречу в Центре Международной Торговли.

В списке приглашенных значились представители "Дженерал Электрик", "Мицубиси", "Филипса", "Сони", "Самсунга" и еще многих крупнейших компаний.

Встречу организовывал Международный валютный фонд.

Я молча показал Мурзику приглашение и начал насвистывать "Августина".

— Не свисти, денег не будет!

— Теперь они точно будут!

— Ты, что решил Россию продавать иностранцам?!

— Наоборот. Участие в нашей экономике поставит их в зависимость от нашего благополучия!

— Твоими устами...

— ... виски пить!

— Рожа!

— Ты тоже!

Бум! Трах! Дзинь! Ы-ы-ы-ы!..

...В розовом зале был приятный полумрак, но это не помешало мне разглядеть присутствующих.

Здесь находились не просто представители, а вице-президенты компаний.

Президенты не приехали лишь по причине нежелания будоражить и подогревать интерес к происходящему.

Драка предстояла великая.

Я усадил Мурзика, а сам, пройдя в центр зала, сходу взял быка за бока, решив сыграть злую шутку с самодовольным империалистическим капиталом.

— Леди энд джентльментс! — начал я на чистом английском языке,— Мы рады приветствовать вас в наших пенатах и надеемся, что наш диалог будет конструктивным и лишенным всяческих иллюзий!

Капиталисты были ошарашены такой наглостью, но не подали вида и продолжали любезно улыбаться.

— Если кто-то из вас приехал сюда с призрачной надеждой поживиться за счет нашего лакомого пирога, то пусть оставит свои надежды,— продолжил я стальным голосом.— Мы с твердой уверенностью заявляем, что в состоянии сами реализовать наш проект и не нуждаемся в чьей-то снисходительности! Мы не возражаем с вами сотрудничать, но

только на условиях, приемлемых нам. Кто это поймет сразу, для того мы будем надежными и корректными партнерами. Можете задавать мне вопросы.

Большой бизнес давно не видел такого беспредельного нахальства и, отметая нормы приличия, решил проучить меня за неуемную гордыню.

— Вы хотите сказать, что ваш рубль стал конвертируемым? — спросил вице-президент "Сименс"а и тихонько хихикнул.

— Через год вы посчитаете за счастье, чтобы с вами расплатились нашими рублями, — ответил я и вручил ему золотой червонец.

— Свежо предание... — по-русски сказал представитель валютного фонда.

— Ничего, придется вам, хоть и с трудом, но поверить! — отрезал я.

— Компьютеры вы сами собираетесь выпускать? — поинтересовался представитель ИБМ, видимо намекая на "Микрошу".

— Центральные процессоры в системе передачи информации будут нашего производства, а для пользователей мы не возражаем против импортных.

— Если не будет возражать КОКОМ,— сказал "Филипс".

Видя, что дальнейшая полемика на уровне амбиций ни к чему не приведет, я начал избиение младенцев.

— Я слышал, наши друзья-японцы разработали компьютер в виде папки для бумаг? — обратился я к уважаемому собранию и, взяв у Мурзика папку, раскрыл.— Это наша последняя разработка,— сказал я и включил ее.

На плоском экране появилось цветное изображение необычайной четкости.

— Да, господа, вы не ошибаетесь, это телевидение СВЧ,— пояснил я и чтобы они убедились в этом воочию, мой ассистент, второй интеллект под маской белокурого жлоба, раздал всем присутствующим такие же папки.

Те тут же раскрыли их и удостоверились.

— У вас в руках мощный мозаично-объемный компьютер, обладающий искусственным интеллектом. Он имеет речевой ввод на десяти языках с речевым и графическим отображением информации.

Мои оппоненты сразу же забубнили команды, и на экранах в левом углу появились изображения красивых девушек соответствующей языку национальности.

На остальном поле высветилась инструкция по эксплуатации и, согласно ее текста, все вынули из боковины нижней части папки микронаушники и вставили их себе в ушные раковины. Я же продолжал вещать:

— По желанию на второй половине папки может проявиться

клавиатура с необходимыми символами или же другие органы управления, вроде музыкальной клавиатуры или же различный сервис...

Некоторые из представителей фирм начали играть на появившихся символах, набирая соответственные команды.

— В нижнем углу в квадратную выемку вставляется унифицированный элемент памяти большой емкости, который по желанию может служить так же видеокассетой, а внутренняя память равна 800 ГБт...

Белобрысый жлоб раздал всем по пачке кассет, которые тут же стали испытываться.

— Через встроенный передатчик возможно осуществлять спутниковую связь непосредственно через данный компьютер без дополнительных устройств...

— Себестоимость этого компьютера составляет четырнадцать рублей...

— *Сикоко — сикоко?!* — заверещал по-русски японец и мысленно сделал себе харакири.

— Четырнадцать рублей за все устройство! — продолжал куражиться я,— но в дальнейшем себестоимость мы будем снижать. Кстати, господа! Мы дарим вам эти образцы в знак дружбы и в ознаменование дальнейшего сотрудничества! А сейчас прошу меня извинить. Мне придется покинуть вас. Но мой сотрудник продолжит начатое мной дело,— сказал я и, кивнув на свой второй интеллект, подхватил Мурзилку под руку и скромно удалился.

В этот вечер я решил оставить Мурзилку одну и уехал якобы по делам.

Сделал я это специально, чтобы она могла в одиночестве немного прийти в себя от круговерти событий, и не без задней мысли дать ей отдохнуть от меня...

Поздно вечером я ей позвонил якобы из Нижнего Тагила:

— Привет!

— Привет.

— Завтра одень самый приличный и строгий костюм.

— Зачем?

— Затем! Ты неисправима! Давно пора привыкнуть, что я готовлю только конструктивные предложения. Или ты полагаешь, раз строгий костюм, предстоит разгружать вагоны с углем?

— Лучше с персиками.

— Тогда одень строгий костюм с большими карманами!

— Так куда мы завтра едем?

— В Кремль,— сказал я и положил трубку.

Мурзилка не подвела.

Я всегда говорил, что при правильном подходе любой дикий зверь поддается дрессировке. Она даже для пущей строгости одела очки, чего прежде никогда не делала, и стала на мой извращенный вкус еще красивее!

По ее поджатым губам я понял, что она до сих пор не верит моим словам, но когда наш огромный бронированный "Мерседес" на самом деле въехал в Боровицкие ворота, Мурзик оробела и, по-моему, мысленно, символически наложила в штаны.

— Не боись! — подмигнул ей я.

— Вот еще! — осипшим от страха голосом прохрипела она.— Что, я Кремля что ли не видела? А к кому мы едем?

— К самому! Главе!

(К кому именно, к главе правительства или главе государства, Вы могли наблюдать по телевизору.)

— Мама!

— Не дрейфь, он мужик хороший. Только замученный. Гадами!

Мурзик не успела спросить, какие именно гады замучили нашего Главу, а мы уже приехали. У подъезда встречал нас его помощник:

— Он вас ждет!

Я пропустил вперед Мурзилку и время от времени стимулировал ее поступательное движение элегантными тычками указательного и безымянного пальцев поочередно, хотя со стороны это гляделось как учтивое внимание с моей стороны, вроде как бы я ее поддерживал в области поясницы, что возымело свое действие, и ее спина вскоре перестала быть деревянной от напряжения и стала опять мягкой и кабанеющий!

— Здравствуйте, Дмитрий Михайлович! — сказал и приветливо улыбнулся Сам, протянув мне руку.— А ваши сотрудники так же элегантны и совершенны, как ваша система! *(Это он уже в сторону Мурзилки.)*

— Здравствуйте! — я крепко пожал ему руку и полуобернулся в сторону начинавшего от волнения алеть *(кабанеть!)* лица Мурзика.

— Познакомьтесь, мой референт — Анжела Борисовна!

Мурзела Кабанисовна тут же стала красная, как былинный рак, но ладошку все же протянула и довольно мило улыбнулась.

— Все будет нормально,— подбодрил неизвестно кого, то ли Мурзика, то ли самого себя, Глава, и опять обратился ко мне.

— Вы готовы?

— Всегда готов! — отсалютовал я и улыбнулся.

— Тогда с Богом! — и мы все прошли в зал приемов, прямо навстречу личному представителю Президента и вспышкам фоторепортеров...

Когда последних разогнали и начался конструктивный диалог, моя Мурзяка, наконец, начала понимать, отчего мы здесь оказались и какого черта с нами еще тут разговаривают.

— Господин Иванов, насколько реальна возможность экспортировать вашу систему? — задал почему-то мне, а не Главе этот провокационный вопрос представитель Президента.

— Насколько реален будет на нее спрос! — отчеканил я, улыбаясь *а ля Джимми Картер* и переглянулся с Самим.

— О! Спрос на нее неограничен,— поведал нам представитель, как будто мы об этом и не догадывались.— Кстати, сегодня КОКОМ снял все ограничения на торговлю с вашей страной и, как мне кажется, а мое мнение совпадает с мнением Президента, наступает долгожданная эра великой дружбы и торговли между нашими странами, а так же между странами наших союзников! Эта встреча несомненно войдет в историю, как отправная точка необратимого процесса консолидации и интеграции всего мирового содружества.

...И в таком же духе, на протяжении часа, видимо, пока мы у них учились работать, они тоже не теряли времени даром, и научились у нас говорить!

— Ну что, Димик, добился своего? — задал я себе вопрос.

— Да. С перестройкой мы успешно покончили!

— А с Мурзиком?

— А что с Мурзиком? С ним все в порядке.

— Конечно, заварил такую кашу, тут не только Мурзик потеряет голову...

— А что, очень даже красиво получилось и, главное, конструктивно!

— А тебе не кажется, что ты допустил роковую ошибку?

— Это какую же?

— Ты допустил вмешательство в естественный ход Истории.

— Так перестройка все равно победит! А я придал ей ускорение!

— Ни-зя!

— Зя!

— Не уговаривай себя, ты же прекрасно знаешь, что ни-зя.!

— Так значит все мои старания коту под хвост?

— Ну почему же, очень даже интересно получилось...

— А толку что? Теперь придется все начинать сначала.

— Зато ты стал мудрей и знаешь, что от нее можно ожидать.

— Ничего-то я не знаю. Знаю, что можно ее разбудить, но как?

— Сама установка на идеальные условия заранее была неверная.

— Конечно! Любая женщина, мало-мальски тебе симпатизирующая, в данной ситуации смирится и со временем привыкнет!

— Значит надо сделать все наоборот, ты должен оставаться самим собой, а обстоятельства должны быть такими, чтобы полностью высветить ее внутренний мир и не дай Бог при этом, чтобы ты был хоть на чуточку лучше, чем ты есть в земной жизни!

— Да, задачка. Что бы такого придумать?

— Первоначальная установка должна быть такой,— вы все время должны быть вместе. Потом,— обстоятельства должны быть как можно более разнопричинные и даже экстремальные!

— Это что же, устроить катаклизмы с гражданской войной?

— Не пойдет! Опять вмешательство в историю.

— Тогда рванем в космос.

— Тоже нельзя! Там ты будешь единственным близким человеком.

— Это почему же? Людей там достаточно!

— Ну ладно, космос оставим про запас. Но лучше все-таки обстановка поестественнее!

— Тогда что же? Нырнуть в прошлое?

— Выходит так.

— С изменением истории?

— Зачем же. Так как это уже прошлое и оно достоверно известно, то можно смоделировать его в параллельном мире.

— Как это сделать естественней?

— Помнишь фильм "Кин-дза-дза"? Там герои случайно переместились в пространстве, вот и здесь можно подкинуть миниатюрную машину времени, чтобы ей вы не могли управлять осмысленно!

— Ага, кто-нибудь из нас включит ее и затеряется один неизвестно в каком году.

— Можно сделать так, чтобы машина срабатывала только в руках Мурзилки, но если включаешь ее ты?

— А что, логично. А если нас разлучат?

— Для этого за вами будет следить второй интеллект, и в случае чего он поможет вам соединиться, сделав это как можно естественнее.

— А если нас там убьют?

— Что вполне возможно.

— Ну пока вы не выполните свою задачу, второй интеллект не позволит этого сделать, а для чистоты эксперимента ты будешь знать, что если вас убьют, то значит на все вопросы уже получены ответы, так что ты будешь не беспечным путешественником во времени, и во всяком случае будешь дрожать за свою шкуру, ведь хоть ты и бессмертный, но все же тебе могут там сделать даже очень больно!

— Да, перспективка!

— А ты там не зевай! И знай, что за все твои ошибки будет страдать Мурзик.

— Только не это!

— Ты можешь все бросить и оставить Мурзика в покое.

— Но я ее люблю!

— Тогда решайся.

— Нет, только при условии, что с Мурзиком ничего страшного не случится.

— Но тогда это будет сплошная профанация!

— Тогда давай с условием, что бы в случае чего все прекратилось!

— Пожалуйста, но тогда ты ничего не узнаешь.

— Пусть! Но с ней ничего не должно произойти страшного.

— Ладно, но для чистоты эксперимента ты должен знать, что вам все же может быть там очень плохо! Второй интеллект будет на страже, но он будет балансировать на пределе.

— Да, перспективка!

— Зато ты сможешь узнать все досконально, и Мурзилка тебя сможет оценить именно таким, каким ты являешься в этой жизни, чего ты так страстно желаешь.

Ноябрь 1989г.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

СОЦРЕАЛИЗМ С "ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ЛИЦОМ"

В двадцать минут двенадцатого Мурзилка направилась к месту свидания.

Не доходя метров двести до меня, она заметила на асфальте тускло блестящий кулон с цепочкой и, конечно же, подняла его.

Кулон был овальной формы и напоминал те стандартные медальоны, так широко распространенные в первой половине века, вовнутрь которых помещали фотографии любимых матерей и просто любимых. По бокам его были маленькие пупырышки, вроде как на электронных часах, а в центре — выемка как будто для индикатора, только посреди ее находился не очень выпуклый крест. Цепочка была обыкновенная, и все изделие было выполнено из металла, напоминающего бронзу.

К тому же он был элегантен, и Мурзилка его не выкинула. Когда она взяла его двумя пальцами за пупырышки, в центре креста засветился зеленый огонек, похожий на светодиод. Но стоило Мурзилке на мгновение отнять один из пальцев, огонек сменялся на красный. Заинтересовавшись, она еще раз отдернула палец, и опять зажегся зеленый огонек, а когда она убрала пальцы с пупырышек, огонек погас. Ничего не поняв, Мурзик положила кулон в карман...

Я стоял под часами у выхода из метро в том виде, в котором меня меньше всего хотела видеть Мурзилка, то есть одетый согласно того анекдота "в хреновую" одежку. Мурзик сразу оценила мой вид:

— Ты издеваешься надо мной?

— Что ты, дорогая! Я хотел сделать тебе приятное.

— Где ты откопал эти брезентовые штаны?

— Я их лично варил.

— В белилах?

— Нет, в отбеливателе.

— А в этой куртке твой дедушка наверняка выполнил не одну пятилетку, ремонтируя танковые дизеля?

— Нет, в этой куртке я иногда ходил в походы.

— Понятно. Давай быстренько о наших делах, пока тебя не забрали.

— Пусть попробуют! Я начну кричать, что ты моя скупая жена и всю мою зарплату спускаешь на бегах.

— Неужели я похожа на твою жену?

— Конечно же нет. Моя жена должна быть толстая и во всяком случае добрая.

— Конечно же, куда мне! Я ведь злобная окабаневшая Мурзилка!

— Во всяком случае ты не очень толстая.

— Да, я похудела! Мне все это говорят!

— Врут! У тебя второй подбородок скоро родит третий.

— Что ты врешь? Где же ты видишь у меня второй подбородок?

— Я его себе мысленно представил. Ладно, не сердись, я пошутил. Что-то ты какая-то взъерошенная? Спешишь, что-ли? Слушай, может ты нашла кошелек и тебе невтерпеж посмотреть — сколько там денег?

Мурзилка сунула руку в карман жакета и заговорщически сказала:

— А я, правда, сейчас кое-что нашла. А что — не скажу. Угадай!

— Кошелек?

— Не-а!

— Ну, я не знаю...

— Вот! — она протянула мне руку и раскрыла ладонь.

— Кулон, — разочаровано сказал я,— и ржавый какой-то.

— Ничего ты не понимаешь в старинных вещах! А у него есть секрет, — Мурзилка взялась за пупырышки и показала мне зеленый огонек. Потом зажегся красный, а потом опять зеленый.

— Слушай, а может это бомба?

— Такая маленькая?

— Пальцы оторвать будет достаточно.

— Да нет, — нерешительно промолвила Мурзилка, — я уже нажимала на кнопки, и ничего не произошло.

— Тогда это шпионский передатчик, — сказал я.

— А мы его сдадим и нам дадут по ордену,— размечталась Мурзилка. — Правда тебе он ни к чему, и нашла его я.

— Ну и Бог с ним, с этим орденом, — рассудил я, — покажи лучше еще раз как он работает.

Мурзик зажгла зеленый огонек, и я осторожно до него дотронулся пальцем... Грянул гром, на мгновенье наступила кромешная тьма, и... ничего больше не произошло. Мы продолжали стоять на тротуаре у выхода со станции метро “Аэропорт”. Все так же светило сентябрьское солнце, и так же мой Мурзик оставался самым кабанеющим!

— Бомба, — сказал я, глядя в испуганные глаза Мурзилки, — что я тебе говорил? А ты — орден...

— Мама! — ответила мне она. — Что это было?

— Глас Божий.

Я оглянулся по сторонам, но ничего подозрительного не заметил. Все так же спешили прохожие, бежали по Ленинградскому шоссе “Жигули” с “Волгами”, а на часах, висевших над нами, было без двадцати двенадцать.

“Надо купить газету, — подумал я, — там должен быть указан нынешний год. А то слишком близко мы попали в прошлое, и Мурзилка, ничего не заметив, сейчас от меня уйдет, и мы можем потеряться. Ведь здесь у нас никого нет, даже по телефону некуда позвонить.”

— Мурзик, я тут тебе кое-что принес.

— Вкусненькое!

— Ага!

— Давай!

— Надо во что-то завернуть. Погоди, я куплю газету!

К счастью, киоск “Союзпечати” работал. Я сунул в оконце пятак и взял “Правду”. На первой странице прочитал число — 2 сентября 1979 г.

— Мамаша, — обратился я к киоскерше, — что это вы старыми газетами торгуете?

— Ты чего, парень, — обиделась она, — протри глаза! Только утром получили.

Я ничего не ответил, так как весь этот диалог предназначался Мурзику, стоявшему рядом, а лишь от досады крякнул, увидев на стекле киоска большой календарь на 1979 год, на котором была фотография мухинской колхозницы, борящейся за сноп сена с пролетариатом и показал на него Мурзику:

— Смотри.

После чего сунул ей под нос газету, ткнув пальцем в число. Мурзик плохо соображала, и я, оттащив ее от киоска, шепотом сказал:

— Это хуже бомбы. Это машина времени!

Мурзик ошарашенно глядела то на меня, то на киоск, то на газету и никак не верила случившемуся.

— Ну и влипли мы с тобой!

— Так не бывает, — наконец промолвила Мурзик.

— Я сам знаю.

— Я не верю.

— И я не верю! Но давай проверим, может это букинистический киоск? Пошли в метро. Там продают проездные билеты.

Когда мы были в вестибюле, Мурзик уперлась:

— Здесь нет разменной кассы, она на другом выходе.

Я посмотрел вперед — касса была на месте, и окошко ее было открыто. Мы, как заправские шпионы, ленивой походкой подкрались к нему и заглянули вовнутрь: рядом со столбиками монет стопкой лежали единые проездные и на них синей краской было отпечатано: 1979.

— Ку-ку! — сказал я. — Пойдем, Мурзик, сдаваться!

Уже на улице она меня спросила:

— Куда сдаваться?

— В психушку.

— Это почему же?

— А потому, что если у нас у обоих одновременно крыша не поехала, то нас туда все-равно запрячут как чуждый элемент, несущий идеологическую угрозу здоровому развитому социалистическому обществу.

— Это какую такую угрозу?

— Пойдем, Мурзик, в скверик на лавочку, и я тебе все объясню, — сказал я и повел ее через дорогу на лавочку. — Если мы на самом деле в 1979 году, — я раскрыл газету, — то мы узнаем, чем сейчас дышит страна!

Передовица гласила: **"Визит Генерального секретаря КПСС тов. Суслова А.М. в Румынию"**.

— Мать твою! — воскликнул я, теперь уже на самом деле искренне. — Какой еще Суслов? Брежнев Генсек!

— Тут написано Суслов, — подтвердила Мурзилка.

— Ну мы тогда точно влипли! — зловеще прошептал я и уточнил: — Мы не просто попали в прошлое, а очутились в параллельном прошлом.

— Это как это?

— Ну, понимаешь, наверно существуют параллельные миры, которые отличаются от нашего каким-то моментом истории, а раз они существуют, то значит и существует их прошлое, отличное от нашего. Поняла?

— Не-а! — ответила Мурзилка. — Что это еще за момент истории?

— Ну какое-то событие, которое могло иметь несколько исходов. Ну вот, например, как здесь — Брежнев заболел старческой простудой, у нас его вылечили, а у них он помер. Понятно!

— Не понятно! У нас, у них!

— Ну, до того как он заболел, они и мы были одно целое, а когда он изволил у них умереть, а у наших дураков его отходили, тут наши миры разделились.

— Как это разделились?

— А черт его знает!

— Тогда почему они разделились?

— Слушай, откуда я знаю. Вот тебе газета, где сказано, что вместо Брежнева правит Суслов, а остальное я не знаю! Может здесь уже фашизм, а может маоизм!

— Я хочу домой! — констатировала свои мироощущения, возникшие от общения с этим незнакомым миром, Мурзик.

— А об этом забудь. Тебе сейчас по штату должно быть десять лет. Представляешь, ты звонишь в свою дверь, тебе открывает твоя десятилетняя копия и противным писклявым голосом спрашивает: "*Вам кого, тетенька?*"

Мурзик злобно засопела.

— Ты говоришь, что пришла к маме. Похожая на тебя пигалица бежит на кухню и кричит: "*Мама, мама, к тебе пришла какая-то тетя!*" Появляется твоя молодая мать, и ты ей кричишь: "*Мамочка!*", а она тебе говорит: "*Какая я вам мамочка?*", тут выходит твой папа, влюбляется в тебя, и тут же бросает твою мать, а потом появляюсь я и женюсь на твоей матери, чем убиваю сразу двух зайцев.

— Это каких же?

— Твоя мать ведь красивая?

— Да...

— И сейчас ей где-то как и мне — около тридцати?

— Да...

— Ну вот видишь, все прекрасно, а соблазнить брошенную женщину пару раз плюнуть.

— А с чего ты взял, что мой отец бросит маму?

— Ха! Скажи, ты папу любишь?

— Да...

— А он тебя?

— Ну?

— А вот представь, что перед ним появляется молодая, красивая, похожая на его жену в молодости, и на его дочь в старости, и бросается ему на шею с криком "*Папочка!*" Если бы ты мне кинулась на шею с криком "*Папочка!*", я бы тоже что-нибудь бросил.

Мурзилка мне ничего не ответила и еще больше засопела.

— Это первый заяц, — продолжил я, — жирный такой и очень

хороший. Потом, я думаю, твоя мамочка намного умней своей дочери и мне с ней будет намного лучше и, главное, спокойней, чем с тобой. А второй заяц — так это ты в молодости! Я буду тебя воспитывать в послушании и постараюсь, чтобы ты во мне души не чаяла. А когда ты подрастешь, ты вспомнишь, что я тебе не папа и отобьешь меня у мамы, — нес я этот словесный понос от того, что на самом деле растерялся, так как не был готов к такому повороту событий.

Ведь по условиям этой игры я был лишен каких-либо каналов информации и совершенно теперь не мог предвидеть что нас ждет, так как совершенно не представлял, что в данный момент творится в этом мире. Ведь мы могли попасться уже у киоска, произойди в этом мире обмен денег. Так что мы на самом деле влипли!

— Замолчи! — через силу прошептала Мурзилка. И тут я заметил, что она горько плачет.

— Маленькая! Ну, не надо! — спохватился я и, нежно ее обняв, начал гладить по голове. — Все не так и плохо! Все нормально. Папа и мама твои живы и здоровы, я с тобой, и все будет хорошо.

Мурзилка уткнулась мне в плечо, но плакать не перестала:

— Я домой хочу, — прошептала она. — А вдруг мы не вернемся назад?

— Обязательно вернемся. Я это твердо обещаю, — на этот раз я сказал на самом деле правду, так как знал, что когда-нибудь мы точно вернемся домой!

— А вдруг не вернемся?

— Вернемся. На хрена мы здесь нужны, а раз не нужны, значит вернемся.

— Если я вечером не вернусь домой, мои родители с ума сойдут.

— Обязательно вернешься. Я читал про машины времени, что они возвращают назад именно в тот момент, откуда они срабатывают.

— Правда?

— Конечно! Судя по тому, какая она у нас миниатюрная, нам попалась совершенная машина.

— Ура! — Мурзик обхватил меня за шею и жарко поцеловал.

— Совсем стыд потеряли, — услышали мы противный старушечий голос. — И куда только смотрит милиция!

Перед нами стояла склочного вида бабка и грозила нам палкой.

— Иди, бабка, отсюда, пока цела, — сказал я и сделал ей козу.

Бабка вприпрыжку побежала от нас и мы, посмеявшись над ней, стали думать как нам жить дальше.

— Димик, ты нажал на зеленый огонек, а если нажать на красный, то может мы вернемся назад? — спросила Мурзилка и протянула мне кулон.

— Молодец! — ответил я и выпятил указательный палец. — Давай зажигай его.

Мурзик проделала известные манипуляции с кнопками, и когда появился красный огонек, я решительно ткнул в него пальцем.

Гром не грянул. И ничего не потемнело. Мы повертели по сторонам головами и, не найдя никаких перемен, дружно посмотрели на кулон. Он был на месте, но у наших ног неизвестно откуда возникли два чемодана.

— Чемоданы, — сказал Мурзик. — Бабка наверное забыла?

— Вряд ли, — засомневался я. — Она была с клюкой, и два чемодана никак не могла нести, тем более они вон какие здоровые!

— Давай посмотрим, что там внутри?

— А вдруг там бомба?

— У тебя кругом одни бомбы.

— Ты самая мощная. Секс-бомба.

— Гнус!

— Сама гнусиха, — не сдавался я и, взяв стоящий около нее чемодан, положил его себе на колени и открыл.

Внутри лежали аккуратно сложенные женские вещи, а сверху был целлофановый пакет с какими-то документами. Я достал из него лежавший первым чей-то паспорт и раскрыл.

— Мурзик, смотри, это же твой паспорт! — удивился я, прочтя первую страницу. На второй странице была Мурзилкина фотография.

— 26 июля 1960 года, — прочел я дату рождения, — Да ты теперь моя ровесница. И выдан он в 1977 году, как и мой, только почему-то в Воркутинском УВД. Слушай, ты что, сидела что ли?

Мурзик попыталась выхватить у меня паспорт, но я не дал и, пролистав его, наткнулся на графу семейное положение.

— Ха! Ты замужем! — воскликнул я, увидев штамп ЗАГСа. — И тут по-русски написано, что я твой законный супруг.

Последнее известие, видно, придало решительности Мурзилке, и она все-таки выхватила у меня этот чудесный документ, но просмотреть его не успела, так как над нами раздался строгий голос:

— Попрошу ваши документы.

Перед нами стоял сержант милиции с двумя мужчинами в штатском, на рукавах у которых алели повязки с надписями "*Патруль нравственности*", а за их спинами маячила наша знакомая бабка.

Я взял у Мурзика паспорт и отдал сержанту.

— А остальные? — спросил он.

Я быстро сориентировался и протянул ему пакет.

— Так, посмотрим, что вы за птицы, — строго сказал блюститель и

начал вслух читать: — Отметка о выезде из Воркуты есть, отметка о прибытии в Москву — тоже есть, справка о прививках имеется, отпускное удостоверение — есть, разрешение на въезд в Москву — есть, направление в гостиницу имеется, справка с места работы — есть, справка об уплате квартплаты тоже есть, талоны на питание — есть, справка о наличии денег есть. Ого, неужели это правда, что на севере так много платят?

— Как работаем, так и платят, — изрек я, не веря своим ушам.

— И все книжки об уплате членских взносов имеются? Так вы еще и члены **"Патруля"?** И не успели приехать в Москву, а уже нарушаете.

— Простите, а что здесь происходит? — подала голос Мурзилка. — Что вам от нас надо?

Милиционер усмехнулся.

— Это я вас хочу спросить, что здесь происходит? С виду вроде бы приличные люди, не пьяные, в браке состоите, а в общественных местах ведете себя неприлично — целуетесь.

— Вы у этого бугая проверьте документы! — Подала голос бабка. — Уж больно он одет не по-дорожному! В таком виде в Москву не приезжают! Небось она от мужа улизнула и сразу к этому. Развратники!

Милиционер опять усмехнулся и как бы нехотя спросил у меня:

— А правда, хоть в сопроводиловке и сказано, что отпуск проводится вдвоем, и чемоданов у них два, может, чем черт не шутит, муж этой гражданки куда-нибудь отлучился, а вы этим воспользовались? А ну-ка предъявите свои документы и если это так, то мы с вами прославимся, — обернувшись к дружинникам, сказал он. — Давненько в газетах не печатали ничего подобного о нашем образцовом городе!

Моя рука инстинктивно потянулась к левому накладному карману варёнок, где лежал мой родной паспорт, но я вовремя одумался.

"Там же московская прописка. И нет штампа о браке, а только одни штампы о разводах," — пронеслось в моей голове, но вспомнив, что нас должны страховать, я решительно, хотя и со страхом, открыл второй чемодан, достал из него точно такой же пакет с документами и отдал его милиционеру. Тот бегло просмотрел паспорт, и высказавшись в том смысле, что "*Не будет тебе, бабка, сенсаций!*", все же стал просматривать остальные документы.

— Ого, да ты еще и орденоносец! Смотри-ка, "За Доблестный труд", а этот за поимку особо опасного преступника! — с уважением поглядел на меня сержант.

Дружинники тоже переглянулись, бабка спряталась за их спину и выставила палку, но больше всего удивилась Мурзик и начала с интересом

смотреть на меня. Я засмущался и передернул плечами, как бы говоря, что всякое бывает.

— На беглого зека облаву делали? — поинтересовался один из дружинников.

— Ага! — подтвердил я и кивнул на Мурзика. — А теперь вы мне мешаете его конвоировать куда надо.

Все дружно засмеялись, и сержант вернул нам документы:

— Молодцы! — сказал он. — Но это все же не дает вам право нарушать общественный порядок.

— А его никто и не нарушал, — освоившись сказал я. — Моей жене попала в глаз соринка, и я ее доставал, а эта гражданочка нам помешала.

— Врет он все! — взвизгнула бабка. — Я сама видела, как они целовались.

— Ага, и тут же плакали от счастья, а не от соринки, — ехидно сказал я, обратив внимание собравшихся на заплаканное лицо Мурзика. — Старая женщина, а не знает, что посторонние предметы из глаза надо извлекать за неимением хирургического инструмента языком. Вы что, предлагаете мне грязными пальцами заносить в глаз инфекцию?

Бабка аж присела от осознания своего дурацкого положения, и еще более злобно вылупилась на меня, открыв рот и жадно хватая им воздух, набираясь сил для отпора этой гнусной клеветы.

Но я не дал ей его еще больше открыть и продолжил:

— А чем беспокоить честных людей, лучше разобрались бы с этой так называемой старушкой. По какому это праву она сквернословит и обзывается?

— Это ты мне грозился?!— задыхаясь от злости закричала бабка.

— Как я вам “якобы” грозил — никто не слышал. — парировал я, — а вот как вы меня обозвали “бугаем”, а нашу здоровую и крепкую семью — “развратниками” — все слышали.

— Было такое, — сказал сержант и строго посмотрел на скандалистку.

Дружинники расступились и встали по ее бокам. Бабка от этой несправедливости зашаталась, и они ее подхватили под руки. Сержант достал свисток и, приготовившись засвистеть, дружелюбно сказал:

— Не надо так волноваться, суд выяснит, и если за вами нет других грехов, может и проявит к вам снисхождение.

Услышав про суд, Мурзилка вцепилась своими когтями мне в руку, что сделала совершенно напрасно, так как я сам не дурак, и эта перспектива меня тоже не особо прельщала. Как можно спокойней я сказал:

— Ребята! А ну ее! Давайте не будем до конца портить нам начало отпуска. Что с нее возьмешь? Это же ходячий пережиток. Пусть живет.

— Ну, если вы не настаиваете...— медленно сказал сержант,— Но все равно я не могу ее так просто отпустить. Ведь она на самом деле сквернословила?

Я незаметно ущипнул Мурзика и та, скривившись в кокетливой улыбке, промяукала:

— Мы ее прощаем. Она больше не будет, — и злобно посмотрев на бабку, нежно промурлыкала: — Бабушка! Вы ведь больше не будете?

Бабушка что-то там невнятно пропердыкала *(хотя у меня и хронический насморк, но сделала она это, кажется, с большим чувством),* но сержант был непоколебим:

— Ладно, только ради вас я пойду на это. Но в КПЗ она все-же до вечера посидит и хорошенько подумает, как в следующий раз отвлекать нас от охраны правопорядка. Тащите ее, ребята, и пусть молит своего Бога, что нарвалась на добрых людей, а то бы шить тебе, бабка, носки задарма до самой смерти.

Когда они удалились, Мурзик ледяным от ужаса голосом произнес:

— Не нравится мне здесь.

Я нервно достал сигареты и твердо сказал:

— Надо сматываться отсюда!

Мурзик механически взяла из пачки сигарету и попыталась у меня прикурить, но я вовремя сообразил, что курение в общественных местах женщинам, возможно, запрещено, быстро выхватил у нее сигарету и бросил ее в стоящую рядом с лавкой урну. Мне очень хотелось нагадить здесь прямо посреди улицы, но за бросание мусора в местах общественного пользования вместо штрафа могли припаять, чем черт не шутит, пару лет каторги.

Мурзик находилась в такой растерянности, что даже не заметила моих манипуляций.

— Но почему он ее все-таки не отпустил? Я ведь так его просила?

— А кто их тут знает. Отпусти он ее, а дружинники его же и заложили бы. Я вообще удивляюсь, как они забыли спросить с меня о моем внешнем виде, оскверняющим светский облик Образцового Коммунистического Города-Героя.

— А что бы было?

— А...— махнул рукой я, — вывернулись бы. Я б им наплел, что перед отлетом в Москву, повинуясь социалистическим порывам, ударно вкалывал сверхурочно в счет помощи голодающим детям Новой Зеландии.

— Дурак! — улыбнулась наконец мне Мурзилка. — Новая Зеландия сама нам сливочное масло поставляет.

— Неважно, сказал бы, — для жертв засухи в Сахаре. Даже несмотря

на то, что у них здесь главный Суслов, я думаю это никак не повлияло на изменение климата на планете.

— А вот ты опять не прав! Вдруг он ведет глобальную климатическую войну?

— И то верно. После того, что мы слышали, от них всего можно ожидать. Давай доставай кулон, а я буду до-о-о-лго давить на зеленый огонек!

Но сколько я на него ни давил, ничего так и не произошло. Смирившись с этой неприятной новостью, мы внимательно изучили наши новые документы *(я по новому паспорту "постарел" на десять лет и числился передовиком горняцкого дела)* и, снабдив Мурзика направлениями в гостиницу "Москва", послал ее ловить такси. Сам я этого сделать не решился, побоявшись, что меня заметут за вызывающий внешний вид.

Мурзик благополучно добралась до стоянки и, как ни странно, очень быстро поймала мотор...

В гостинице долго изучали наши документы, но номер дали без проволочек. Номер был шикарный. Двухместный. С ванной и балконом. С телевизором и телефоном. И простыни были свежими.

Горничная нам подробно объяснила, когда и где мы имеем право кушать и зачем-то повторно заставила нас ознакомиться с правилами внутреннего распорядка, что мы уже проделали внизу при оформлении, после чего любезно удалилась.

Мой Мурзик только хотела прокомментировать происходящее, но я опередил:

— Судя по данному сервису, здесь не только есть система подслушивания, но возможно есть и скрытые камеры.

Мурзик была смышленой и все сразу поняла.

— Помнишь "Семнадцать мгновений весны"? — продолжил я инструктаж. — Ох и тяжело было Штирлицу работать!

— Да уж... — подтвердила Мурзилка.

— И у него не было такой пианистки, как у меня.

Мурзик оглядела стены, ища телеобъективы, а на самом деле выглядывая, где прячется пианистка.

— Жена! — сказал я. Мурзик вздрогнула, — Щи! В постель!

— Вот еще!

— Правильно, — согласился я, подойдя к висящему на стене распоряд-

ку дня. — Щи нам положены через двадцать минут, потом прогулка и знакомство со столицей СССР, в шесть часов — политчас, в семь — ужин, с восьми до десяти — вечер в кругу друзей и семьи, а вот в десять — в постель. И раз это здесь написано, то мы как здоровая и добропорядочная советская семья ляжем в постель, только после десяти.

— Гнус! — единственное, что и могла в этой ситуации сказать моя милая и любимая Мурзилка.

Мы быстро вскрыли "мой" чемодан, достали строгий вечерний костюм, надели его на меня, предварительно надев извлеченные оттуда же рубашки и носки, после чего я стал надевать вечерние ботинки, а Мурзика отослал умыться, а на самом деле смывать косметику.

Переодевать Мурзика мы не стали. На ней очень кстати был традиционный для XX века элегантный костюм — жакет с юбкой до колен и обувь была приемлемая.

Снарядившись, мы отправились в ресторан.

Как только метрдотель усадил нас за закрепленный за нами столик, тут же, как ни странно, появился официант и мрачно уставился на нас. Я удостоил его соответствующим взглядом, но довольно скоро спохватился и протянул талоны на питание. Он молча взял их и выдал взамен по экземпляру меню, спросив:

— Пить будете?

— Если положено, то будем, — ответил я.

— Двадцать грамм алкоголя вам и десять — вашей супруге, — известил он нас. — Что будете пить?

В меню был шикарный выбор напитков. Я заказал себе белое "Мартини", а мой милый Мурзик остался верным своим вкусам и заказал любимое "Лыхны".

— Итак, сто грамм мартини и двести вина, — подсчитал халдей. — Вода? Сок?

Нет смысла пересказывать всю длительную процедуру заказа, только надо отметить три момента: комплексные наборы, удивительное разнообразие ассортимента и быстроту обслуживания.

После довольно сытного обеда мы вышли на просторы Москвы и только здесь, наконец, смогли излить, правда не очень громко, друг другу свои чувства по поводу происходящего. При этом я, осмотрительно понаблюдав за прохожими, к своему счастью обнаружил несколько курящих *(до этой привилегии они еще не добрались!)*.

В ресторане был на удивление богатый ассортимент табачных изделий, и я с шиком достал пачку "Кэмэл".

— Я тоже хочу, — жалобно пропищала Мурзилка.

— Я всегда считал, что моя жена ни в коем случае не должна курить, — прокомментировал я. — Маленькая, ну что я могу сделать? Вот заберут нас обоих. Придется тебе бросить.

— Тогда ты не кури, — капризно ответила она.

— Миленькая! Но я же не собираюсь бросать! Так ты уж постарайся привыкнуть к своей незавидной доле.

Мурзик обиделась, а я, чтобы отвлечь ее, начал с главного:

— Вот только теперь я понял, каким хорошим человеком был Леонид Ильич!

— Скорей всего мы узнали, какая сволочь этот Суслов! — отпарировала Мурзилка. — И если мы здесь останемся навсегда, то я не выдержу и повешусь!

— И ты собираешься меня бросить одного?

— А чего тебе-то? Я ведь плохая злобная Мурзилка, а ты уважаемый человек — орденоносец! Ты без жены не останешься!

— А почем ты знаешь, может у них тут каждый второй орденоносец, а каждый первый — зек!

— Которого ты умудрился изловить в Воркуте?

— А-а! Не сыпь мне соль на рану! Как вспомню, что после отпуска придется в забой, так сразу же начинаю сочувствовать организаторам контрреволюции!

— Я без забоя сейчас их здесь всех перестреляла б!

— Будешь кабанеть, то при данной политической обстановке я с тобой разведусь.

— Ты женись сначала на мне!

— А вот это ты брось! Как бы ты меня ни любила, то есть я хочу сказать не любила, а спать тебе со мной придется по-настоящему! Инфракрасные объективы — не такая уж фантастика, а гнить до конца своих дней в лагерях из-за твоей блажи я не хочу!

— Ничего себе блажь!

— Слушай, Мурзик, я конечно понимаю, что тогда я с тобой переспал пару раз нахаляву и твое отношение ко мне в корне изменилось, но ведь ты не девочка и в данной ситуации ломаться просто глупо.

— Только из-за того, что по чьему-то дурацкому желанию я должна с тобой лечь в постель, я ни за что не буду делать этого! Ты меня знаешь!

— К сожалению, я тебя на самом деле знаю. Эх, один черт ехать в Воркуту! Вольным-невольным, а забоя мне не миновать. Правильно, Мурзик! Ни фига! Хоть полчаса, а мы все же будем свободными от чьей-то злой воли. А потом и умереть не страшно, — сказал в сердцах я и громко запел:

"Вихри враждебные веют над нами!"

На нас стали оглядываться прохожие и, наверное, от того, что я пел красиво и с чувством, или же усмотрев в этом новые веяния, они стали, по-моему, тихо мне подпевать.

Мурзик, испугавшись последствий назревающих революционных настроений масс, зашипела:

— Замолчи! Рожа!

— А чего ты испугалась, все равно нас утром возьмут! Лучше уж сейчас, чем после ночного позора!!!

— Замолчи, а то я и в правду с тобой не лягу!

— Все, я молчу, — прошептал я, но Мурзик еще долго злилась, слыша время от времени из уст представителей народа текст *"Варшавянки"*.

— Димик? Может, это все нам приснилось? — спросила меня Мурзик.

— Если бы.

— Но ведь посмотри по сторонам. Москва ведь прежняя. И люди такие же. Может они просто пошутили? Может у них тут игра такая!

— Я бы с удовольствием поверил бы в игру, но ты же видела наши новые документы? *"Разрешение на въезд в Москву"* и т. д.?

— Слушай! А откуда взялись эти чемоданы?

— Откуда? Мы же с тобой вместе нажимали красный огонек.

— Да... Кажется ты прав... А откуда в них наши документы?

— Да... Вопрос конечно интересный! Ведь и костюмчик пришелся мне в пору. А ведь до сих пор я ни одного костюма себе не мог купить в магазине. Все приходилось шить на заказ.

— Мне страшно, Димик.

— Мне тоже страшно, за тебя.

— Что вообще с нами происходит?

— Знаешь, я недавно прочел роман братанов Стругацких "Отверженные" или как там... И вот там кто-то, вроде инопланетян, проводил глобальный эксперимент над людьми. Они собрали со всей Земли недовольных жизнью людей и, обеспечив их более-менее сносно, предоставили им вариться в собственном соку... Короче, дали им свободу действий на свободной территории, а сами наблюдали за ними...

— Ты хочешь сказать, что над нами кто-то экспериментирует?

— Очень похоже. Уж больно это не похоже на случайность. И машинка срабатывает только когда она у тебя в руке, а я нажимаю. И эти

чемоданы, очень похожие на “сухой паек”. И вообще все слишком заорганизовано!

— Слушай! А ведь мы так до конца и не посмотрели, что в них лежит.

— Придем и посмотрим. Но я уверен, что в них есть все необходимое для нашего нормального здесь существования! И мы конечно сделали большую ошибку, что сразу их не разобрали! У меня есть чувство, что там помимо обиходных вещей лежит что-то вроде твоего кулона, и будем молить Бога, чтобы у нас не было сейчас там обыска.

— Кому мы нужны!

— Не скажи! Мы ведь не знаем их порядки. Может они всех обыскивают?

Мурзик за время нашего пребывания здесь довольно заметно изменилась и, кажется, преждевременно повзрослела. Правда, она от этого не стала менее красивой.

Мы некоторое время гуляли в Александровском саду под ручку молча, и без слов понимали, о чем каждый думает.

— Димик! А зачем нужен этот эксперимент? — первым нарушила молчание Мурзилка. — И почему именно над нами?

— Понимаешь, мы здесь чужие и в то же время свои. Что-то вроде объективных судей. Мы знаем меру вещей и можем сравнить для местных жителей несравнимое. По-видимому, преследуется несколько целей. Оценить данный мир свежим взглядом, возможно, при помощи нас внести в него изменения, но скорей всего главная цель — это как мы с тобой будем себя вести в этой ситуации...

— Ну и как, ты думаешь, мы себя ведем?

— Как нам подсказывает совесть.

— А как она подсказывает? Бабку-то забрали.

— Ну, тут слишком риторический вопрос... “Что Бог ни делает, то к лучшему!” Уж больно милая старушка нам попалась. И знаешь, умом понимаешь, что именно от таких и идут все беды, а все равно ее жалко.

— И мне тоже...

— Ладно, Мурзик, пойдем к нашим чемоданам, и я очень тебя прошу, будь осторожна, а то если с тобой что-нибудь случится, я этого не переживу.

— Если с тобой — я тоже...

— И давай постараемся, чтобы наши экспериментаторы не имели повода заподозрить нас в скотстве.

— Шиш им с маслом!

В чемоданах было все... местного производства. И как мне показалось, в них уже кто-то рылся. Правда сделано это было профессионально и почти незаметно: или делали они это регулярно, или мы были под "колпаком". Но нам нечего было выбирать и наконец нельзя же жить вечно под постоянным страхом?

Хотя я страшно боялся за Мурзика, то бесстрашие было не от того, что я знал цель этого эксперимента *(как раз это знание наоборот вселяло слишком большое чувство опасности)*, а потому, что слишком противно идти на поводу у всякой сволочи, которая по воле судеб, а скорей по чистой случайности получила власть!

На дне моего баула были деньги и, судя по нашему обеду в ресторане, довольно приличная сумма, хотя на нее нельзя было купить этот весь мир.

Из подозрительного я обнаружил лишь транзисторный приемник "Россия", потому что никогда не горел большим желанием слушать "голоса", а раз нам его подсунули, значит с какой-то целью. Я его включил и внимательно покрутил на всех диапазонах, но ничего подозрительного или же сверхъестественного он не выдал, и славу Богу. Зазвучи из него что-нибудь типа "Асмолова" или "Дипеш Мода", коих не могло существовать в 79-м году, нам была бы крышка! А так — обыкновенный приемник. Я отложил его в сторону, решив с ним плотней разобраться где-нибудь в тихом парке.

Подошло время идти на политчас. Что это такое — меня очень интересовало, и я с нетерпением повел своего Мурзика в красный уголок. Так уже собралось довольно много народу, населявшего наше крыло гостиницы.

Действие было поставлено с умом и ненавязчиво, но довольно убедительно внушало преимущества существовавшего здесь строя.

Сначала выступил лектор с краткой информацией, после чего были показаны видеоновости с полей страны и из-за рубежа *(я с удивлением обнаружил, что был использован отечественный кассетный видеомагнитофон!)*.

Из отечественной информации я вынес, что она ничем не отличается от того, что я мог слышать у себя дома в аналогичном году, только вместо постоянного упоминания имени Брежнева намного реже звучало имя Суслова.

А вот зарубежная информация показала, что дела в мире обстоят намного хуже, чем были тогда у нас: конфликтов было больше, и критика капитализма была жестче.

После просмотра опять выступил лектор с комментариями, что подтвердило мои наблюдения, и я даже задал вопрос, попросив поподробней рассказать как дела обстоят в Афганистане, на что получил ответ, что в связи с непрекращающейся войной между Китаем и Индией, наша "оккупация" *(термин мой)* Афганистана является единственной альтернативой вмешательства в его суверенные дела со стороны американских наймитов в лице Пакистана и Ирана.

Вот так-то!

После ужина мы с Мурзиком смотрели телевизор и получили массу удовольствия от лицезрения знакомых артистов в незнакомых постановках. В десять вечера мы отошли ко сну.

Утром, после завтрака мы с Мурзиком поехали в Кузминки, и вот здесь я и открыл тайну "России".

Вскрыв крышку приемника, я сразу же увидел приклеенную на магнит динамика бумажку с надписью — **"Здесь!"**. Я потрогал магнит и обнаружил, что его верхняя часть легко отвинчивается. Внутри оказалось гнездо, в которое можно было вставить стандартный "гробик" микросхемы.

Там же я нашел инструкцию... из которой следовало, что достаточно засунуть в гнездо "ножками" вниз любой операционный усилитель на тридцать секунд *(например К553УД3)*, как он превращался в идеальный фильтр с автоматическим избавлением от помех. К тому же после этого микросхема могла работать от любого напряжения питания — от одного вольта и выше. Стабилизация выполнялась внутри нее тоже автоматически.

В инструкции была схема, показывающая, где устанавливать эту микросхему в любом приемнике или телевизоре. Надо было разорвать цепь после гетеродина и подсоединить образовавшиеся провода на вход и выход микросхемы. К двум другим определенным "ножкам" надо было подсоединить, как я уже отмечал, любое питание — и все. Всего четыре проводка — и ваш приемник начинал принимать любые станции мира, и ни одна "глушилка" не срабатывала. В телевизоре эта манипуляция позволяла принимать даже Америку! И самое удивительное, что все передачи переводились на русский язык!

В инструкции также говорилось, что в приемнике уже установлена такая микросхема, и достаточно поставить в определенном положении антенну, как она включалась. Также пояснялось, что “хитрый” магнит по переделке микросхем не нуждается во внешнем питании, так как использует энергию земного тяготения!

Вот так приемничек нам подсунул мой второй интеллект!

Я собрал приемник обратно *(предварительно отклеив бумажку с магнита и сжег ее вместе с инструкцией!)* и, подозвав Мурзилку, включил его ...

Мама-мия!

Более чистого воспроизведения я никогда не слышал. И все вещали только по-русски. Вот когда я узнал истинное положение вещей в этом мире.

Оказывается, ни о какой разрядке и не слышали!

Шукшин с Высоцким эмигрировали, были живы и пока здоровы.

В СССР осуществлялась программа СОИ, а США, устав нас призывать заморозить ее, вовсю искало ей противодействие.

В Чернобыле заканчивали ввод в строй шестого реактора, а в США правил второй срок Рональд Рейган.

Мы сидели с Мурзиком и слушали с открытыми ртами.

— Вот тебе последнее подтверждение моих слов,— промолвил я, обняв Мурзика.— Нам подан не просто знак, а мы фактически поставлены перед выбором: воспользоваться этой бомбой замедленного действия и разрушить этот мир или же испугаться и уничтожить эту машину. В первом случае нас ждет почет и уважение, во втором — стыд и позор. Понятно?

Мурзилка непонимающе замотала головой.

— Какая же ты бестолковая! Простые вещи не можешь осознать. В первом случае нас с уважением возьмут под белы ручки и с почетом посадят, а во втором случае мы с позором зарежем эту золотоносную курицу и со стыдом проживем остатки своих лет в этом болоте, где целоваться публично можно только на собственной свадьбе под крики “горько”, а чтобы навестить свою двоюродную маму, к несчастью проживающую в другом городе, необходимо решение Совмина.

Мурзик долго “переваривала” эти перспективы и прикидывала “*Баш на баш?!*” и, наконец, прикинув “*хвост к носу*”, предложила:

— Давай вернемся домой.

Я с интересом на нее посмотрел, поразившись нетривиальности движения ее мысли.

— Каким же образом?

Мурзик достала кулон и показала его мне.

— Давай нажмем зеленый огонек. Мы его повторно не нажимали.

— И ты думаешь, мы окажемся дома? — засомневался я.

— Может быть... — нерешительно прозвучал ответ.

— А если мы окажемся еще в худшем мире?

— Ну, хуже уже некуда! — решительно сказала она, видимо намекая на невозможность здесь целоваться вдоволь в любое время суток и в произвольном месте дислокации.

— Нет,— твердо сказал я,— я на это не могу решиться.

— Слабо?

— Слабо! — подтвердил я.— Мы оставим этот вариант на "худой *конец*". Я думаю, что тот, кто организовал это шоу, ждет от нас решительных и конструктивных действий, а возврат домой в свете проведения вышеназванного эксперимента несет в себе обструкционистские тенденции!

— Ты вещаешь как газета "Правда"!

— Я не вещаю, а констатирую!

— И что ты предлагаешь?

— Понимаешь, решать придется только тебе, а я буду именно предлагать варианты решений.

— Давай, валяй, предлагай, злобный Димик.

Я поставил на землю приемник и закурил.

— Эта адская машина позволяет в течение восьмичасового рабочего дня выпускать примерно восемьсот супермикросхем, если каждую из них продавать хотя бы за червонец, это будет семь тысяч рублей чистой прибыли. На каждый вложенный в дело рубль будет девять рублей дохода! Это при условии продажи по минимальной цене, заметь.

— И где ты собираешься взять столько микросхем?

— Хороший вопрос,— сказал я и затушил окурок. — *Где взять, где взять? Купить!*

— Где купить?

— Еще лучше вопрос. У "Пионера".

— А ты уверен, что здесь поощряется воровство?

— Возможно, ты права, что несуны здесь не в фаворе. Значит надо купить их официально в неликвидах.

— А кто их тебе продаст?

— Тоже верно. Есть магазины радиодеталей, вот через них и закупить на заводах большие партии микросхем. К тому же, как я понял из инструкции, годятся совсем бракованные, лишь бы был корпус с полупроводниковым кристаллом внутри, и нам такую продукцию на любом заводе-изготовителе продадут и еще спасибо скажут.

— Допустим, — продолжила допрос Мурзик, — но кто этим займется? Уж не ты ли сам собираешься мотаться по стране при существующей пропускной системе?

— Правильно. Меня тут же загребут. Но ты забыла, что здесь должен существовать другой Димик, которому сейчас двадцать один год и на все наплевать.

— Ты хочешь сказать, что ты его уговоришь смотаться?

— Конечно же нет. Он, я в этом уверен, никуда не собирается сматываться, но он будет не против заработать на этом немного денег, и потом у него есть кое-какие друзья.

— Ну, предположим, друзья ему помогут...

— Не предположим, а я уверен, что друзья ему помогут.

— Но за какие деньги они купят эти микросхемы?

— Одна микросхема стоит 50 копеек, а у нас с тобой в чемоданах лежит двадцать тысяч рублей.

— Девятнадцать тысяч девятьсот семьдесят пять рублей!

— А куда делся четвертной?

— Я купила "Шанель № 5".

— Транжирка!

— Гнус!

— Продолжаем разговор. На наши "чемоданные" можно купить сорок тысяч микросхем и продать их оптом за четыреста тысяч.

— А кто их купит?

— Любая радиомастерская, понемногу, конечно!

— А дальше что?

— Дальше наш юный Димик положит в кубышку двести тысяч, а на остальные закупит четыреста тысяч микросхем.

— И продаст их за четыре миллиона.

— Ага!

— И его не загребут?

Я почесал правой рукой левое ухо через макушку и с неохотой признал, что Мурзилка иногда бывает не в меру прозорливой.

— Ну, мы еще более детально рассмотрим операцию по сбыту микросхем.

— Ладно, предположим все пройдет нормально, он заработает кучу денег и получится, что вся эта затея с нашими мытарствами была организована только за этим?

— Да нет! Микросхемы пустят в дело, то есть вставят в телевизоры и в приемники, и народ узнает правду.

— И что дальше?

— Эпоха гласности! Плюрализм мнений!

— Пять лет каторги с конфискацией имущества!

— Да ладно тебе. Всех не пересажаешь. А потом достаточно выпустить этого джина из бутылки — и процесс станет необратимым.

— Мы его из бутылки, а нас в Бутырку?!

— А мы на кнопочку, да на зеленую.

— А из кулона выскочит птичка и скажет нам *"Ку-ку"*.

— Ну, я так не играю. Мы все сделали по сценарию и нам за это "ку-ку?" А потом, нам ведь никто не может помешать смотаться отсюдова сразу же после того, как мы передадим ему приемник.

— Ага! Мы ему его отдадим, проинструктируем, кулон не сработает, и мы останемся здесь без денег и без приемничка.

— А мы его у него заберем обратно.

— Так он тебе и отдаст.

— Ну тогда он с нами поделится деньгами.

— Это ты-то поделишься?

— Вот это я могу точно гарантировать, что деньгами он с нами поделиться. Я его знаю.

— Хоть это-то утешает! — грустно вздохнула Мурзилка.

— Ну как ты, согласна с моим планом? — спросил ее я.

— Можно попробовать, только не надо спешить и надо все еще раз продумать поточней.

— Маленькая, — с умилением произнес я, — я всегда подозревал, что под истинно ангельским и непорочным твоим обликом скрывается настоящая аферистка.

— Гнус!

Бац! Бум! Дзинь!

К моему дому мы подъехали на такси, но вышли чуть не доезжая до него. Обойдя дворами, мы подошли с тыльной стороны, куда выходили окна моей квартиры. По моему расчету, в это воскресное утро я должен быть дома, а мать должна была отдыхать где-нибудь на природе. Но я все же решил подстраховаться и выполнил полный комплект разведывательных манипуляций.

Войдя в скверик, мы с Мурзиком уставились на мой балкон. На балконе сидел я собственной персоной и курил козью ножку. Одет я был буднично и по-домашнему — в одних семейных трусах и даже в скверик

достигал запах куримой мной махорки. Мурзик сильно сжала мою ладонь и засопела.

— Ты чего? — спросил я.

— Два Димика...— ответила мне Мурзилка, и я понял, что только сейчас она поверила, что мы на самом деле провалились во Время.

— Не боись, он тоже хороший,— успокоил ее я.

— Если он такой же хороший, как и ты, то мне страшно,— сказала Мурзилка и отпустила мою руку.

— Если я до сих пор тебя не съел, то он тоже не съест,— подбодрил ее я, а Димик на балконе смачно сплюнул вниз и начал громко с кем-то ругаться в квартире.

— Там кто-то еще есть?

— Ну, судя по ругани, это не мать. Давай, сходи и разведай, а я постою выше этажом.

— А что я должна спросить у него?

— Спроси мою мать и по нахалке постарайся зайти в квартиру посмотреть кто там есть.

Разработав этот коварный виртуозный план, мы отправились на встречу с моей молодостью. Стоя на шестом этаже, я услышал, как Мурзилка вошла в квартиру и минут пять не появлялась. Меня уже посетило беспокойство за ее сохранность, как вдруг я услышал звук открываемой двери и ее голос:

— Димик, иди сюда.

В квартире меня ожидал сюрприз, от которого мне чуть не стало плохо.

Димик продолжал сидеть на балконе, судя по клубам дыма и крикам: “Ну, кого там черт еще принес?”, а посреди комнаты стояла моя бывшая первая семнадцатилетняя жена...

Я с ней познакомился летом 1979 года, и мы только начали с ней жить. Я, конечно, помнил, что она была очень даже ничего, и даже по прошествии стольких лет продолжал с теплом и грустью о ней вспоминать, но увидев вновь юной и почти непорочной, я был поражен ее красотой, и забытое, а вернее даже стертое временем чувство опять нахлынуло на меня...

Мы стояли друг против друга: с одной стороны я и Мурзик, с другой — молодые.

Молодой я и моя бывшая жена молча глядели на нас. Меня они, конечно же, сразу же узнали, так как я на лицо почти не изменился и, в принципе, не так уж сильно растолстел.

Димик посерьезнел, видимо предчувствуя, что явление так похожего

на него “бугая” с довольно симпатичной девушкой внесет в его жизнь ощутимые перемены.

Мурзик с огромным интересом рассматривала мою бывшую суженую и меня помолодевшего и по инерции строила обоим глазки, что в ее понимании было сделать приветливое лицо.

Моя бывшая смотрела не столько на меня, видимо, приняв меня за неизвестного старшего брата, а все больше на Мурзилку. В ее глазах была ревность и решительность.

Я же смотрел, как это ни странно, все больше на себя, и невозможно объяснить, что я в этот момент испытывал, так как меня может понять только тот, кто встречался сам с собой, а таких, по-моему, никогда не было на этом свете.

— Здравствуйте! — наконец разрушил тишину я и протянул сам себе руку.— Давайте знакомиться. Это Анжела,— кивнул я на Мурзика.— А это будущая Димина жена Марина!

Мурзик и бывшая моя жена, не сговариваясь, поперхнулись и начали гнусно друг другу улыбаться. Димик крепко пожал мне руку и хотел было открыть рот, но я его опередил:

— Пока девочки знакомятся, пойдем, Димик, покурим на балкон.

Димик подтянул трусы и решительно направился на место прежней дислокации. Мы закурили мой “Кэмел”, и Димик наконец спросил:

— Кто ты?

— Я — это ты, но только из будущего.

Димик был большим любителем фантастики, и поэтому необычайное сходство не оставило ни малейшего шанса для сомнений. Приняв услышанное за аксиому, продолжал:

— А кто такая Анжела?

— Моя подружка.

— А как же Маринка?

— Ты с ней разведешься через год после свадьбы, и случится это в 1981 году.

— Почему?

— Из-за жилья.

— Но я должен прописаться к ней в комнату. Тогда там будет прописано четверо, и нам должны дать квартиру.

— Ты не успеешь прописаться, как поссоришься с ее матерью.

— Да, мамаша у нее еще та...

— Дочура вся в нее.

— Правда?

— Не слушай меня, она очень хорошая девочка, и очень тебя любит.

— Правда?

— И развод тебе не будет давать...

Мы опять помолчали некоторое время. Стоя в дверях балкона, я разглядывал свою “бывшую” квартиру, стараясь найти какие-либо отличия от того, что было в мое время.

Ничего, во всяком случае явно бросающегося в глаза, я не заметил, а вот встреча с давно утраченными вещами пробудила во мне забытые воспоминания, которые были прерваны донесшимся с кухни смехом моих любимых.

— И с какой целью вы сюда прилетели? — спросил меня Димик, и в его хитрых глазах засветилась огромная надежда на извлечение всевозможных заманчивых выгод.

— Мы здесь оказались случайно, — разочаровал и озадачил я его, — и вообще мы нуждаемся в твоей помощи.

— В какой?

— Я не уверен, что мы сможем отсюда вырваться, но в любом случае ты должен провернуть одну финансовую операцию, которая принесет тебе кучу денег, а у нас появится маленькая, но возможность смыться отсюда, тем более что ваш мир отличается от нашего, и мне здесь не очень нравится.

— А у вас лучше?

— Не знаю как насчет лучше, но у вас здесь намного хуже.

— А роботы у вас есть?

Я на секунду замешкался, придумывая, что бы ему такое соврать. А он не терял зря времени и выспрашивал у меня:

— А на Марс слетали? *(Я вспомнил “Челленджер”).* Рак победили? *(Какой тут рак, когда уже СПИД).* А может, у вас уже коммунизм?

— У нас сейчас перестройка.

— А что это за зверь?

Я тут же пожалел, что со мной нет любого номера нашей “Правды”. Дать бы ему почитать, вот бы он удивился!

— Перестройка — это ...сахар и мыло по карточкам, бутылка водки — червонец, пачка “Мальборо” — пятнашка, колбаса — радиоактивная, национальная резня, проституция, бандитизм, наркомания, безработица...

— Да ладно тебе,.. — прошептал Димик и аж подавился.

— А по телевизору по всем программам одни ансамбли, голые бабы и попы.

— И так по всей территории Китайской народной республики? —

подыграл мне Димик, но я заметил, что у него волосы начинают вставать дыбом.

— Ну, ладно,— сказал я, через силу приняв решение соврать самому себе,— я пошутил. У нас все нормально, и водка по-прежнему — 3,62.

— А ты думаешь, я тебе поверил? — теперь начал врать Димик.— Водка — червонец! Кто ж ее будет тогда брать?

— Да, здесь я ляпнул не подумавши...— констатировал я и почесал затылок.

— Ты еще скажи, что мы завязли в Афганистане, как американцы во Вьетнаме, лет на десять, и ничего не добьемся?

— Конечно же, нет! Наша армия непобедима, и потом ведь была разрядка?

— А что такое разрядка? — спросил меня Димик.

Я наморщил лоб и вдруг понял, что мне нечего ему ответить.

— Ну, что-то вроде *"лацы-дрицы, гоп-ца-ца"*,— ничего умней я не мог придумать и наигранно заржал.

Как бы в поддержку мне с кухни донесся мурзячий смех, и Димик, отвлекшись от разрядки, непроизвольно синхронно со мной произнес с сарказмом:

— Уже сговорились.

После чего мы на самом деле довольно долго улыбались и хлопали друг друга по плечам, как бы вышибая последнюю пыль недоверия и настороженности к происходящему.

— Пока они там кудахтают, на, возьми деньги.— сказал я и протянул ему пачку четвертных.— И постарайся, чтобы о них никто не знал.

Я молча кивнул в направлении кухни. Димик также молча и молниеносно взял и спрятал на шкаф деньги и, вернувшись обратно на балкон, заговорщически прошептал:

— Говори.

— Не сейчас! — ответил я и крикнул в комнату: — Анжела!

Минуты через две как бы нехотя они нарисовались, причем у обеих был такой удовлетворенный и самодовольный вид, что я сразу понял, что наши косточки перемыты основательно.

— Слушайте, смотайтесь с магазин и возьми побольше и поразнообразнее,— приказал я и заговорщически подмигнул.

— Ты что, сдурел? — Мурзилка не усекла и закабанела.

— Я говорю, сходи в магазин! Надо отметить знакомство,— состроил я зверскую рожу и опять подмигнул.

— И ты, Марин, сходи с ней и пожрать купи побольше,— поддержал меня Димик.

В отличии от Мурзилки, моя будущая жена очень хотела выйти за меня замуж, вследствие чего вовсю старалась *(и небезуспешно)* казаться верным другом и хорошей хозяйкой, и во исполнение своей ответственной роли деловым тоном коротко, по-спартански, отчеканила:

— Деньги давай!

Я протянул Мурзилке стольник, искренне надеясь на ее транжирство вкупе с застойным ассортиментом в винных отделах, так что они должны были обернуться не раньше, чем через час.

Когда они ушли, я достал приемник и, велев Димику закрыть все окна, не очень громко его включил. Димик начал крутить ручку настройки, и с каждым поворотом раздавались ничем не заглушенные вражьи голоса.

— Ну, как вещает? — спросил я.

— Класс! — Димик отыскал музыкальную волну и прибавил громкости. — Даже можно писать с него. Это экспортный вариант?

— Нет,— я взял у него приемник, достал из кармана отвертку и снял заднюю крышку.

После чего демонстративно отвинтил колпачок с динамика и, показав на гнездо, спросил:

— У тебя есть микросхемы?

— Эл-бешки пойдут? — Димик имел ввиду цифровые микросхемы, имеющие старую маркировку ЛБ — то есть самые простые и дешевые.

— Вообще-то нужны операционники, но давай попробуем. Может, подойдут?

Из подставленной коробки я выбрал несколько разнотипных микросхем *(К1ЛБ553, К1ЛР551, К1ЛП551)* и поочередно ставил их в гнездо.

Димик с интересом, как на идиота, смотрел на мои манипуляции, но аргумент в размере ста четвертных создал у него чувство праздника и бесшабашности, так что я мог смело даже делать руками известные движения "*Чуфыр-чуфыр*", и то бы он отнесся ко мне со снисхождением и пониманием! Не совсем уверенный, что я на самом деле не идиот, я показал на стоящую на шкафу магнитолу:

— Теперь тащи "Вегу" и схему к ней.

Найдя в схеме и в приемнике магнитолы нужное место, мы вдвоем довольно быстро припаяли одну из микросхем и с замиранием включили приемник.

Хотя я никогда даже не интересовался, как работает телевизор, но в две головы и со схемой мы быстренько впаяли в него другую микросхему, и когда включили телевизор, то первое, что увидели на экране, был большой... Короче, Димик в первый раз увидел порнографию... но в прихожей

открылась дверь, и наши любимые втащили сумки со "ста рублями" и хорошо, что Господь Бог да и родители не обделили нас в объеме спин, и телевизор был благополучно вовремя выключен.

— Мать убьет тебя за телевизор,— непререкаемо сказал Маринка, а Мурзилка напряженно посмотрела на меня.

— Все о'кей! — расплылся в улыбке я и здорово хлопнул Димика по спине:

— Давай быстренько все соберем назад, а то маманька и правда убьет тебя, как включит телевизор.

Но Димик решительно направился к сумкам с намерением основательно в них пошарить. *И пусть читатель не подумает, что я в детстве страдал обжорством, просто это было в 1979 году, и не каждый день в магазине за раз делались покупки на сто рублей, тем более в продовольственном.*

Я вприпрыжку *(чтоб не отстать)* бросился за ним с криком:

— Ну и что нам сегодня Бог послал?

По мере того, как продукты оказывались на кухонном столе, Димик избирательно их дегустировал, а я, глядя на самодовольное лицо Мурзилки, которая как раз была большой любительницей покушать, и недовольное лицо Маринки, противницы бесполезных, с ее точки зрения, трат, комментировал, куражась и преследуя определенную цель, а какую, сами сейчас поймете:

— Коньячок — это хорошо! Но почему не армянский?

Маринка с укоризной смотрит на Анжелу.

— Кильки в томате. А почему не шпроты?

— Дорого, — пробурчала Маринка.

— Рябиновая на коньяке. И "Салют". А шампанское?

— Дорого.

— 4-50 — дорого?

— Дорого.

Теперь Мурзилка с презрением смотрит на Маринку.

Ну и дальше, в таком же духе я их раскритиковал, и дав еще сто рублей, отправил повторно в магазин.

Проходя мимо меня, Мурзилка шепнула мне на ухо:

— Ну и злобна же твоя первая!

Но я ей ничего не смог возразить, потому что Димик, несмотря на набитый рот, чем, правда, не знаю, все равно оглушительно заорал вслед Маринке:

— Горчицы купи! И хрена с майонезом! И газировки побольше...

Когда банда злых Маринок и вредных Мурзиков удалилась на повтор-

ный промысел, а Димик прожевал, я потянул его в комнату для дальнейшего разговора. Пытаясь ответить на град его вопросов по поводу микросхем, я с ужасом обнаружил, как тяжело быть простым смертным.

Поясню свою мысль.

Мы до того неблагодарные твари, что только потеряв былое здоровье или же, не дай бог, работоспособность одного из своих членов (яркий пример — ослепнув), мы начинаем только тогда понимать, как это прекрасно — просто жить на земле и благодарить Бога, что жив и здоров.

Так вот и я, оказавшись волей поставленного надо мной эксперимента, в теле земного человека, лишенного всех каналов связи с другими интеллектами, потеряв доступ к внешней памяти и лишившись Ассоциативного Прогностера, чувствовал себя самым последним дураком. Не мне вам рассказывать про это постоянное чувство.

Поясню.

Раньше, когда меня спрашивали, сколько будет 258 разделить на 47, у меня в мозгу мгновенно возникала цифра 5,48936170212, то теперь мне приходилось начинать искать в карманах ручку, чтобы в столбик попробовать все-таки разделить, и не найдя ее, я теперь беспомощно махал рукой и говорил:

"А хрен его знает!".

Или же, желая убить назойливого комара, мгновенно прогнозируешь траекторию его полета в ближайшие секунды в виде только тебе видимой светящейся пунктирной линии и синхронно с пунктирами, которые соответствуют микросекунде, хлопаешь в нужном месте, держа руки под определенным углом, чтобы поток воздуха при сближении рук отнес комара к центру ладоней, рассчитывая удар так, чтобы не раздавить комара, но в то же время наверняка убить его, а не оглушить, причем траектория полета комара интерполируется не по баллистической кривой, а с учетом физиологических устремлений комариного мозга под влиянием внешней среды в объеме прогнозируемого пространства, наконец, с учетом сноса в циркулирующих потоках воздуха, для чего сканируется пространство в радиусе не менее десяти метров. Если дело происходит на открытом месте, высчитываешь влияние ударов комара о подвешенные в воздухе пылинки и, в худшем случае, капли дождя, если дело происходит в дождливую погоду, и еще несколько факторов, для которых в земном языке не существует соответствующих понятий.

А теперь представьте свое состояние, когда до сих пор для вас комаров просто не существовало, а теперь, только вы начинаете засыпать,

как эта сволочь начинает жужжать (кусал бы молча!), и вы хлопаете себя по лицу неоднократно и вполне увесисто. Сон уходит, рядом начинают ворчать и лягаться, а укрывшись с головой одеялом, становится жарко и нечем дышать, а когда вы выставите только нос наружу, он тут же за него кусает и, не выдержав, вы с проклятиями вскакиваете и, включив свет, начинаете глядеть по сторонам в поисках негодяя, хотя разумом понимаете, что комары не любят света, и прячутся соответственно где-нибудь под кроватью, но если все-таки вы находите на потолке обидчика, хотя это, скорее, совсем другой, который уже напился крови вашей сожительницы, вы судорожно ищете, чем бы его убить, и когда находите, если он к этому времени не улетел в неизвестном направлении, лупите по нему и, конечно же, мимо...

Тяжело быть простым человеком!

Так вот, Димик задает слишком много вопросов, а тебе надо еще внушить ему, что делать с этой адской машинкой, составить на ходу план действия с учетом называемых им предположительных соучастников, и ты ни хрена не можешь просто записать ему в мозг весь план в последовательности, и проверить и смоделировать поведение его друзей невозможно, и надо учесть все, вплоть до мелочей вроде того, что нельзя хранить дома приемник, а чужим отдавать опасно, и нужно придумать как преподнести его в подарок родной бабке, тогда еще, к счастью, здравствующей и, как казалось тогда, на несчастие живущей в доме напротив...

Когда девочки вернулись повторно из магазина, я уже устал и даже обрадовался, что они наконец вернулись. Димик тоже обрадовался и на радостях распорядился идти им на кухню и готовить праздничный обед. Я было приготовился опять к расспросам, но Димик молча крутил третью микросхему в руках и что-то там думал...

— А если ее поставить в усилитель, что будет? — наконец спросил он меня.

Мне было все равно, куда теперь он их будет вставлять. Я свое дело сделал и думал лишь о том, как бы поскорее смыться "отседова" и попытаться отправиться во времени дальше, но рассеянно подумав, ответил:

— А ничего не будет. Смотря куда ты ее поставишь. Если на входе, то все равно предварительный усилитель будет шуметь, если перед усилителем мощности, то шумы он, конечно, уберет, вот и все.

— Да нет! — отмахнулся Димик.— Я про что думаю? Если этот

фильтр, что образуется в микросхеме цифровой, и если он автоматически делает перевод текста, значит он самонастраивающийся и вообще это не фильтр, а слишком мощная универсальная вычислительная машина.

— Ну, в принципе, да,— согласился я.— И что?

— А то, что если через него пропустить орган *(Димик имел в виду электроорган "Вермона", стоящий у него дома),* то он с ним что-нибудь обязательно сделает.

— Да вряд ли! — с раздражением и опаской отмахнулся я, сразу представив, какой будет шум, если учесть наличие в квартире в придачу к органу двух стоваттных колонок собственного производства.— А в принципе можно попробовать.

Паяльник был включен, усилитель как всегда был вставлен свободно в корпус без винтов, припаять четыре конца — пять минут, и Димик, усевшись за инструмент, вдарил по клавишам.

Он оказался прав, собака! Вместо обыкновенного органа, хоть и с хорошей подборкой регистров с реверберацией и пропущенного через самопальный флэнжер, раздались звуки дорогого синтезатора с вокодером и хрен его знает еще с чем.

Злобный Димик восхищенно глянул на меня и ногой включил ритм-бокс. (*Примитивную ритм-машину советского производства за 150 р.*)

И вот тут началось!

Этот ритм-бокс раньше выстукивал элементарный один такт с шестнадцатыми и все! При этом звуки барабанов имитировались с такой же достоверностью, как икра минтая похожа на осетровую.

И вдруг мы услышали игру шикарного барабанщика, на фирменных барабанах, часть из которых были электронными, что в те годы только появились. Вдруг откуда-то возникла бас-гитара, потом пианино, стрингс, несколько подголосков синтезаторов и наконец классическая гитара.

У нас с Димиком отвалились челюсти, но в отличии от меня, он не оцепенел, а продолжая играть, вдруг запел в микрофон.

Вот тут я и точно свалился со стула. Вместо противного, гундосого и вовсю фальшивого голоса, имевшегося в ту пору в распоряжении Димика, раздалось ну не меньше пяти голосов, причем каждый голос пел свою партию!

Осталось добавить, что все те инструменты, что звучали из колонок, не просто пиликали как в современных машинках с автоматическим аккомпанементом, а шикарно звучали, будто бы на них играли живые люди. Да как "вкусно" играли!

— Ни хрена себе! — послышалось из кухни Мурзилкин голос.

— Сделай тише. А то сосед снизу прибежит,— добавила Маринка, ко-

торая еще мало разбиралась в музыкальных способностях Димика, благо он тогда регулярно что-то изобретал и при том, что в детстве ей, видимо, наступил на оба уха медведь, а скорее всего, она в душе не одобряла его увлечение электромузыкой и отдавала явное предпочтение тихому, успокаивающему нервы макраме.

Когда Димик кончил играть, он победно посмотрел на Маринку и спросил:

— Ну как?

— Громко, — ответила Маринка.

— Здорово! — подтвердила Мурзилка.

— Обалдеть можно! — добавил я.

— Баптист ты! И музыка твоя баптистская,— прокричал снизу сосед.

— А если сделать стерео?.— спросил Димик.

— Еще громче будет, сосед вызовет милицию,— ответила Маринка.

Мы быстренько припаяли во второй усилитель микросхему из телевизора, но за орган теперь сел я.

— Я запись включу? — Проявил инициативу оказавшийся не у дел Димик.

— Только негромко,— сказала Маринка, а я, чтобы как-то ее задобрить, объявил:

— Эту песню я посвящаю самому прекрасному из юных ангелов, то есть тебе, Маринка,— и заиграл-запел "*Белого ангела*", которого я написал в 1981 году именно после развода с ней *(см. первую часть "Мурзика").*

В стерео было еще лучше. Микросхемы в обоих усилителях были не связаны между собой и были, к тому же, наверное, разные, но синхронизировались они от одной моей игры и ритм-бокса, и было такое впечатление, что играют два различных ансамбля вместе, соревнуясь в мастерстве.

— Вот так, тише, мне больше нравится.— сказала Маринка, когда я закончил исполнять, и с интересом посмотрела на меня.

Мурзик, прекрасно зная, кому посвящена была эта песня, с ревностью вспомнила, что я ей написал песню намного слабее, в чем совершенно не права, которая к тому же кончалась словами:

И уплатив по векселям сполна,
Узнаешь, что всему виной она!

Мурзик решила мне отомстить и промяукала ехидно так:

— Вот вы тут соседей шугаете, а на кухне картошка стынет.

За столом Димик, окрыленный открывшимися славными перспективами, все вертелся и наконец, опять разразился:

— А если через них пропустить старую запись?

— Она будет отреставрирована,— сказал я, имею ввиду качество записи.

— И станет стерео, — Димик, как потом оказалось, имел ввиду совсем другой расклад.

Он сорвался от стола и побежал подключать магнитофоны. Для наглядности он поставил Битлов — "*Концерт в Гамбурге*", отвратительного качества пластинку, запись которой осуществил некий любитель в условиях гамбургского кабака-клуба *(да и битлы играли там как дворовая команда!).*

И я опять чуть не упал со стула.

Пропущенная через наши микросхемы запись была не просто отреставрирована в смысле чистоты записи, но было такое впечатление, что битлы только пели, а аккомпанировали им самые лучшие музыканты Нового света на самых современных и дорогих инструментах, и вообще от старой записи остался только текст звучащей популярной песни в исполнении Битлов "*Бэ самэ мучо*", а все остальное было как бы заново сыграно совсем в другом темпе и другой манере *(кажется, в джаз-роке),* и только голоса Леннона, Маккартни и Шерридана были прежними, но тоже подправленными, ни разу не сфальшивившими *(тогда они это еще допускали!)* и в многоголосии.

— Димик! Запиши что-нибудь с радио, — тут уже я проявил инициативу. — Советское и помахровей.

Димик нашел на УКВ "Маяк", и мы услышали, как Иосиф Кобзон в стиле рэги запел не хуже Маккартни. Маринка, ничего не знавшая о микросхемах, все-таки почувствовала, что здесь что-то не так, и спросила:

— Что вы там придумали?

— Это Димик! — сказал я. — Он изобрел новый фильтр с гомеопатической обратной связью.

— Понятно, — интерес к данной теме был тут же Маринкой утрачен.

Я никак не мог предположить такой оборот дела и, оттащив Димика от магнитофонов, принялся его заново инструктировать.

Смысл инструкций сводился к следующему: как можно быстрее избавиться от приемника, отдав его в руки самого надежного друга *(в данном случае Шурику),* предварительно наделав себе *(Димику)* партию микросхем, благо у него дома их было штук сто. Микросхемы надежно спрятать и использовать только для личных целей, но не на продажу.

Играя на клавишах и реставрируя фонограммы, Димик и так заработает себе на жизнь. А опасной коммерцией по распространению микросхем пусть займется кто-нибудь другой.

Димик, как ни странно, довольно спокойно воспринял это указание, полностью уйдя в мечтания о музыкальной карьере. Я уже было собрался уходить, но он вдруг остановил меня:

— Не пойдет.

— Что не пойдет? — удивился я.

— Я отдам Шурику приемник, как ты говоришь, почти задарма, он наделает микросхем хренову кучу, раскидает их по свету, все лабухи понавставляют их в усилители и начнут лабать не хуже меня, и я останусь, естественно, с носом.

— Ну еще с Маринкой.

— Она и так никуда не денется. А вот денежки — тю-тю!

— Во-первых, ты себе сегодня же наделаешь кучу микросхем и отдашь приемник Шурику.

— Если я его найду.

— Найдешь. Съездишь к Лоре и найдешь.

— Ну и что?

— А то, что Шурику ты тоже накажешь побыстрей избавиться от приемника и до поры до времени попридержать микросхемы.

— Зачем?

— Приемник надо будет передавать...

— Продавать.

— Какая разница. С условием временной нереализации микросхем.

— И чем это мотивировать?

— Тем, что цена на незнакомый товар сейчас мизерная, а держать у себя приемник и тем более первому начать сбывать микросхемы при вашей тотальной полицейской системе — настоящее самоубийство. Обязательно загребут и припаяют на полную катушку, политику!

— Да-а!

— Вот так и объяснять каждый раз, когда отдается приемник, и это будет как бы игра — кто первый не выдержит и начнет продавать! А как только товар появится на рынке, вы сразу же об этом узнаете и тогда продадите его по настоящей цене, рублей за двести-триста за штуку.

— А если ими завалят рынок?

— Не завалят. Обязательно рано или поздно приемник загребут, и тогда все будет нормально.

— Понятно.

— И уже Шурик должен отдать приемник совершенно незнакомому человеку, чтобы вас не загребли. Понял?

— Понятно! Но как же насчет музыки?

— А насчет музыки все очень просто! Не все такие умники как ты, и когда будешь проводить инструктаж об использовании микросхем, говори только о радио и телевизорах и наплети что-нибудь про пробой полевых транзисторов от статического электричества, и страшно накажи, что их можно ставить только в радиоприемные устройства — и все, а то микросхемы будут гореть.

— Думаешь, пройдет?

— Конечно. Уж слишком хорошо они работают, чтобы кто-нибудь додумался транжирить этот дефицит и ставить подряд в одно устройство две микросхемы. Ведь только вторая микросхема, как я понял, начинает реставрировать и синтезировать музыку, а первая только убирает шумы, повышает чувствительность, избирательность, ну и переводит обыкновенную речь.

Димик почесал свой загривок, и не найдя достойных аргументов, согласился со мной. На прощание я еще раз предупредил его, чтобы он непременно сегодня наделал микросхем и избавился от приемника. А чтобы он не расстраивался, я пообещал ему еще одну пачку денег. Я бы ему сразу же их дал, но у меня их с собой не было, и, как показали дальнейшие события — хорошо что их у меня с собой не было!

Как только мы вошли к себе в номер — нас начали “вязать”.

Только на Лубянке, в кабинете следователя я узнал, где мы прокололись.

Мой настоящий паспорт в кармане варенок. Его нашла горничная и сразу же заложила, сволочь. Хотя если честно, то просто честный человек, ведь судя по тому, как с нами разговаривали, нас принимали за американских супершпионов.

Следователь долго любезно обхаживал меня, время от времени вставляя в разговор английские словечки, угощал меня “Кэмелом” и я, даже обнаглев, потребовал от него жвачки, о чем он обязательно обещал поспособствовать, и все шло даже очень хорошо *(хотя на Лубянке такого не бывает с такими как я)*, но тут открылась дверь, и в кабинет ввели Димика.

Димик был явно напуган, что было в порядке вещей. Но надо отдать

ему должное — когда его усадили напротив меня, он, решив испытать все-таки судьбу, состроил зверскую рожу и прошипел в мою сторону:

— Кто это?

Следователь внимательно изучал нашу реакцию, и я решил тоже покуражиться.

— А! Это тот дурачок, которому посчастливилось быть похожим на меня и у которого наши люди скопировали паспорт,— лениво прошамкал я, совершенно не надеясь на положительный эффект.

Уж слишком притянута за уши была придуманная мной за эти секунды версия, и я приготовился к граду вопросов о штампах в моем паспорте, и зачем вообще он мне был нужен, и небось они уже знали о нашем визите к Димику и так далее.

Но как ни странно, ни сейчас, ни позже версия с Димиком больше ни разу не обсуждалась.

Это можно было объяснить происками моего второго интеллекта, а скорее всего кэгэбэшники до того были рады, что поймали нас и принимали, видно, за большие шишки, и им так хотелось побыстрее доложить о победе над нами, тем более мы сразу раскололись, что думать о каких-то там мелких нестыковках ну совершенно было некогда.

Да и зачем? И вот на протяжении двух месяцев я упорно морочил им голову. Я придумал страшную историю о секретном плане подготовки агентов для засылки в СССР. Наплел, что меня с пеленок готовили в шпионы в специальной школе, где говорили только по-русски *(вот почему я не знаю английского)*, и когда мне не верили и вкалывали психотропные “сыворотки правды”, я на все поставленные вопросы отвечал как надо, а те вопросы, на которые мне не следовало отвечать, они мне не задавали. *(“Вы не путешественник во времени?” и в этом духе!).*

Как потом оказалось, мне здорово подыграла Мурзилка, которая с испугу решила молчать до последнего, пока не станут бить, и так кабанела, что никто даже не засомневался в ее несоветском происхождении. *(Советские девушки так не капризничают!).*

Да тут и я поставил твердое условие, что буду с ними сотрудничать, если Мурзилка все время будет со мной!

Тут вы, конечно, вспомните о кулоне?

А кулон-то отобрали у нас еще в номере, но самое страшное было в том, что я все ждал, когда они его нам предъявят и, не дождавшись, сам спросил о нем, на что следователь, сделав круглые глаза, показал мне протокол обыска, в котором никакой кулон не значился.

Вот и все! Кулона нет, и хотя Мурзя со мной в заточении, мы навечно пленники КГБ. У меня наступила апатия и, как следствие ее, мной овла-

дел какой-то мазохистский цинизм. Я врал следователю, и он это все хавал.

На один из постоянных вопросов о цели нашей засылки я с самого начала заявил, что заслан Американским Империализмом в лице Центрального Разведывательного Управления с целью дестабилизации существующего режима, сбора стратегической информации и проведения диверсионной деятельности. На вопрос, как я намеревался дестабилизировать режим, я начинал рассказывать политические анекдоты. Слушая меня, у КГБ бальзам разливался по сердцу *(которое всегда было холодное).* С моих слов, стратегическую информацию я собирал, толкаясь в гуще народа и изучая настроения масс. О диверсионной деятельности я сказал, что должен был ждать условного сигнала, чтобы грохнуть какого-нибудь вождя. Ну, и всякую другую бредятину!

Я даже решил немного помочь родному военно-промышленному комплексу *(Российскому, конечно)* и сообщил, что узнал из случайного разговора рабочих у проходной 45-го завода, куда я должен был перейти на работу в декабре 1979 года: "*Немудрено, что мы отстаем от американцев в авиации, если до сих пор на заводе стоят трофейные станки!*". Может, после этой информации станки заменят, и наши самолеты будут лучше и недешевле американских.

Про Мурзилку что можно сказать? Она была молодцом: когда надо было — кабанела, лишнего не говорила и, как истинно русская женщина *(хотя русской ее можно назвать только эмпирически, — основные составляющие ее крови были хохляцкие, польские и еще черт знает какие)* в безысходной своей надежде и вере в счастливый конец была, как ни странно, паинькой и меня не расстраивала.

Потом я буду вспоминать эту отсидку с теплой грустью.

В конце второго месяца нашего пребывания на Лубянке они меня поприжали: говори, мол, зачем тебя заслали, вражина?

Ну я, конечно, упираться не стал и смело так отвечаю, что за самым главным секретом. "В какой области?" "В самой что ни на есть стратегической!" "Космос?" "Да нет, говорю, здесь мы все знаем — и про "Энергию" с "Бураном", и что Гагарин до сих пор жив".

Они бледнеют и выбегают по очереди к начальству. А я сижу, улыбаюсь, и знай "Кэмел" покуриваю. "А где тогда, — опять спрашивают? В авиации?" "Нет, говорю, про Су-27 тоже все знаем — хороший самолет". Опять забегали. "Где, говори, вражина". Ну, я им про Т-80 да подлодку "Комсомолец", которая должна утонуть, а еще, говорю, на Чернобыльской АЭС диверсию наши люди готовють, взорвать ее хотять. И про Щелокова в ЦРУ знают, и про Рашидова. У них уже языки изо ртов вы-

лезли, в глазах всемирная тоска. И еще список завербованных агентов даю, а там одни верные ленинцы: Романов, Медунов, Лигачев, Полозков, Стародубцев и Нина Андреева!

А они мне ультиматум: если не скажешь, зачем сюды приехал, так твою Мурзилку мучить будем и мороженого лишим.

Как услыхал я про мороженое, так и понял, что час настал, клиент созрел, раз собирается самую страшную пытку Мурзилке учинить.

Ладно, говорю, признаюсь вам, комиссарам проклятым. Заслали меня раздобыть новую супермикросхему, которую один ваш русский новоявленный Кулибин изобрел и при помощи этой матери изготовил.

Смотрю, успокоились мои сатрапы, заулыбались, вот теперь мы тебе верим, американская ты морда! Но только опоздал ты и твои наймиты. Есть такой инженер Сидоров, но только фамилию его тебе никогда не узнать, придумал он супермикросхему, которую тебе никогда не достать, по технологии, которой вам не догнать, а будет эта микросхема в локаторах стоять, и все, что деется у вас, буржуинов, будет нам видать!

Вот тут я и узнал, что приемничек объявился неожиданным образом. И на душе стало спокойно. Даже если они узнают, что в приемниках микросхемка ох как хорошо будет стоять, но раз о ней знают американцы, значит, у нас обязательно ее надо делать и в войсках применять, несмотря на слишком большую ее опасность и секретность. А раз в войсках она будет, значит, и до народа она потечет могучим ручейком, а прапорщикам микросхемы легче продавать, чем автоматы.

Вот мы и выполнили свою миссию. Домой я хочу. И Мурзилка капризничает, устала.

И вправду, как только я им все выдал, собирайся, говорят, и Мурзилку свою не забудь, поедешь, говорят, в Лефортовскую тюрьму на вечные времена.

И вывели меня за белые ручки, и подкосились мои толстые ножки, и схватило меня за мой маленький животик, и запричитала моя Мурзилка на всю Лубянку: “Не хочу в тюрьму, я домой хочу!”

Что-то наше сидение в дежурке задерживалось.

Вот уже полчаса, как нас с вещами вывели из камеры, но что-то случилось. Сопровождающие охранники были совершенно невозмутимы, а один даже, как мне показалось, улыбался, поглядывая на Мурзилку. У меня холодок пробежал по спине от мысли, уж не на расстрел ли нас ведут?

Все оказалось намного банальней — сломался конвойный фургон, и наверху решали, можно ли таких опасных преступников конвоировать по этапу в обыкновенном “воронке”.

Наконец они решились и, надев на нас наручники, вывели во внутренний двор и посадили в черную “Волгу”. Я сидел в центре, а по бокам были Мурзилка и улыбавшийся охранник. *(Где-то я его видел?).*

Как только мы тронулись, он обратился к шоферу:

— Включи музычку, а то дама по ней соскучилась.

Из динамика раздались позывные “*Рабочего полдня*”, и затем голос ведущей этой программы:

— Отвечая на просьбы многочисленных слушателей, мы пригласили к нам в студию самого популярного у нас в Союзе и, как показали недавние гастроли по городам Европы исполнителя собственных песен, композитора и аранжировщика Дмитрия Иванова! Дима, скажи, тяжело было работать в окружении капиталистов?

Из динамика послышался странный звук, как будто кто-то прочищает горло или же хмыкает, и глухой голос сообщил:

— Конечно, нам пришлось несладко.

— На Родине, признайся, намного легче выступать? — продолжала ведущая.

— Безусловно! За кордоном, несмотря на кажущееся благополучие, постоянно чувствуешь себя как будто на передовой.

— А ведь так оно и есть!

— Да-а! И постоянное осознание той ответственности и того доверия, возложенного на меня нашим народом, не позволяли мне ни на минуту расслабиться.

— А как тебя там встретили слушатели? Ведь не секрет, что на Западе существовало мнение, что в России нет поп-музыки?

— Зритель там, конечно, не тот, что у нас. Совершенно не умеют себя вести на концертах. Вместо того, чтобы спокойно сидеть и культурно проводить свой досуг, они там беснуются в буквальном смысле, а в Ливерпуле даже произошел комичный случай, когда по недосмотру полицейских сквозь оцепление прорвалась толпа, и одна из моих поклонниц чуть меня не задушила. Когда ее спросили, зачем она это сделала, она, вы можете не поверить, сказала совершенно серьезно, что считает меня самым великим музыкантом и мечтает иметь от меня ребенка.

— Да-а! Ну и нравы у них! А признайся, Дмитрий, она была симпатичной?

— Я не успел разглядеть, но даже если так, то у меня есть невеста, и мы скоро поженимся.

— Поздравляю! Она тоже певица?

— Нет, она повар. И активная комсомолка. *(Это-то Маринка? Да ее, кажется, даже из пионеров выгнали за бешеный характер!).*

— О?! Я вижу, что ты не только большой знаток музыки, но еще и гурман? А раз сейчас как раз время обеда, давай послушаем для поднятия аппетита всех твоих почитателей одну из твоих песен на стихи Сергей Есенина.

Мы с Мурзиком сидели, открыв рты, и слушали есенинское "*Письмо к женщине*" в дикой обработке супермикросхем.

Мурзилка давно уже вцепилась мне в руку, хотя и была в наручниках, и тут в другую руку, прямо мне в ладонь, сидящий рядом со мной охранник положил что-то маленькое и холодное. Я разжал пальцы и увидел Мурзилин кулон.

И я вспомнил, где его видел — это он брал нас в гостинице и, значит, спер кулончик.

Я толкнул Мурзилку локтем в бок и показал глазами на свои руки. Мурзик в полумраке салона почти ничего не увидела, но на кулоне горел зеленый огонек, и она непроизвольно дотронулась до него пальцем. Грянул знакомый нам гром, и я почувствовал, что куда-то лечу. В момент нашего бегства из 1979 года "воронок" на наше счастье — а дальше вы поймете, почему,— уже стоял у ворот Лефортовской тюрьмы, а то бы нам пришлось плохо.

Но все равно. Когда пропало все имущество КГБ *(машина, охранники и даже наручники!),* мы оказались висящими в воздухе, да к тому же над какой-то огромной круглой ямой.

Очнулся я от грохота. Очень болел затылок, и сначала мне показалось, что гул стоит у меня в мозгу. Но оглушительные раскаты продолжали методично следовать один за другим, и когда я открыл глаза, то увидел, что это были гигантские взрывы, а мы, видно, лежали не в яме, а в еще теплой и дымящейся воронке.

Ничего не понимая, я посмотрел поверх края воронки и увидел, что мы, как и должно было быть, находимся перед тюрьмой, но она вся была разбита, и даже из некоторых окон виднелись огоньки от редких выстрелов.

Я повернулся и, краем глаза заметив, что Мурзилка жива и со мной рядом отряхивает юбку, выглянул наружу.

К этому времени разрывы вокруг нас прекратились, и сквозь оседающую пыль метрах в двухстах я увидел ползущие на нас немецкие танки...

Январь 1990 — апрель 1991г.г.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

В ОКОПАХ "СТАЛИНГРАДА".

Рядом кто-то мяукнул.

Я скосил глаз и ободряюще мяукнул ей в ответ.

Мурзик выглянула из воронки и быстро пригнувшись, сквозь грохот прокричала мне на ухо:

— Будем играть в 28 панфиловцев?

В ответ ей зачмокали пули по краю воронки.

— Димик, мотаем отсюда!

Я разжал кулак и протянул ей кулон.

Но мы хотели отделаться слишком просто!

Ни куда мы конечно не перенеслись, а вот очередной чемоданчик не заставил себя ждать и появился у наших ног. Мы нажали еще раз, но видно нам положен был только один.

В отличии от предыдущих, этот был квадратный и плоский с заплечными лямками и имел вполне современный и походный вид.

Замки были кодовые, но сразу же открылись.

В внутри лежало **ОРУЖИЕ!**

Я, являясь по сценарию обыкновенным Димиком из "застоя" такого еще не видел!

С первого взгляда оно было похоже на противотанковую систему или "Стингер", но вместо отверстия спереди на конце трубы имелось матовое черное стекло.

Сзади вообще ничего не было кроме надписи "DANGER!" и изображения черепа с костями.

В остальных углублениях чемодана лежали кабели, навороченный

шлем и пистолет, у которого также вместо отверстия в стволе тускнело стекло, а на ручке был электрический разъем.

— Ух ты! — сказала Мурзик и вытерла рукавом нос. — А что это такое?

— А черт его знает, но здорово! — по простецки ответил я, — И не трожь пистолет, если не хочешь стать вдовой!

На крышке изнутри была инструкция с картинками, которая гласила:

— подсоединить кабелем № 1 пушку к контейнеру (так и написано — пушку!);

— надеть шлем и подсоединить кабелем № 2 к пушке;

— подсоединить пистолет кабелем № 3 к контейнеру;

— закрыть контейнер и надеть на плечи.

Я защелкнул на голове шлем и опустил черное матовое забрало.

Перед глазами на его поверхности появилась светящаяся надпись: **"ЗАЩИТА ВКЛЮЧЕНА!"** и пропала.

По краям экрана *(забрало выполняло роль экрана!)* было множество надписей: **"УВЕЛИЧЕНИЕ 1"** , **"2 НОМЕР В ЗОНЕ ЗАЩИТЫ"**, **"1 СИСТЕМА ПОДКЛЮЧЕНА!"**, **"2 СИСТЕМА ПОДКЛЮЧЕНА!"** и другие непонятные сообщения вроде **"ЗАР.—АВТ."** или **"ПИСТ.—ПЛЗ."**

Сквозь стекло было видно как днем, а может даже и лучше.

Мурзик с интересом смотрела на меня, будто бы что-то могла разглядеть на моем лице сквозь черное стекло и нервно вертела в руках пистолет.

Я только было собрался сказать что—нибудь умное, но на экране появилась надпись **"ОПАСНОСТЬ!"** и зазвенел звонок

Я сдуру и с испугу вслух спросил: "Где?" и тут же на экране зажглась карта *(как я понял)* окрестностей нашей воронки, на которой мы были обозначены зелеными точками в кружочке, а на нас двигались красные танчики, за которыми было множество красных точечек.

Один красный танчик полз прямо к нам и рядом с ним мигала надпись **"25М"**, причем цифры быстро менялись в сторону уменьшения!

Я выглянул из воронки и обомлел!

Пока мы с Мурзиком играли в кино "Чужие", наши "родные" немцы трудились во всю!

Прямо на нас пер здоровенный T-IV, строча из обоих пулеметов. Ему вторили из автоматов идущие под прикрытием брони немцы.

Стреляли, кажется, в нас!

Танк на экране был обведен желтым контуром, внутри которого был другой — голубой и поменьше *(видимо показывающий куда надо целиться наверняка)*.

Я схватил пушку и повернул ее в сторону "танчика".

На экране появилась красная точка.

Я повел пушкой — точка побежала по ходу моего движения и, наведя ее прямо в лоб танка, я нажал на спусковой крючок.

"*В-я-к-к-к!*"

Ничего не вылетело, не появилось никакого луча или хотя бы огонька, но танк сразу же накрылся!

Такое впечатление, что по нему долбанули сверху таким тяжелым, что он раскорячился и потрескался, будто был шоколадный, но пустой внутри и по нему стукнули кулаком несильно, но вполне достаточно.

Я, как настоящий солдат, со страху борясь с диким желанием наложить в штаны, продолжал нажимать на курок и с каждым "*вяком*" мой шоколадный танчик все больше сплющивался, пока не превратился в большую лепешку, за которой стали видны шедшие за ним немцы.

Немцы были тоже вояки хоть куда и со страху еще более остервенело застрочили по нам из автоматов.

Все это происходило в упор и, по идее, из нас *(во всяком случае из меня, так как высунулся из воронки именно я)* должно было образоваться первосортное решето, но видимо все-таки работала загадочная защита и пули с визгом разлетались от нас.

После первого же выстрела "жевтоблакивный" контур пропал с очертаний несчастного танка, но зато появились зеленые кружочки на груди у всех ближайший немцев.

У меня после застенков Лубянки видно не пропал инстинкт настоящего компьютерно-игрового маньяка и я, не долго думая посредством красной точки-прицела, стал, по очереди, слева на право наводить пушку на "меченых" немцев , непрерывно давя на спусковой крючок.

Машина, которой я управлял, была "шибко грамотная" и издавала свой коронный "*вяк*" только когда красная точка совмещалась с зеленым кружочком, но только проведя до конца по дуге стволом, я понял какое страшное оружие мне подсунули!

Человеческое тело как бы взрывалось изнутри с утробным чмоком, разбрызгивая во все стороны, даже, не куски, а лишь только кровавые брызги!

В общем, зрелище не для слабонервных!

У меня нервы обыкновенные, но меня всего передернуло и поперек горла застрял комок ужаса!

Как бы ища поддержки и сочувствия, я оглянулся на Мурзика, за одно забеспокоившись о ее самочувствии.

Я зря беспокоился!

Злобный, окабаневший Мурзик, как заправский убийца, с локтя "*шмалял из шпалера*" во все, что вокруг могло и не могло шевелиться!

Ее "*волына*" в отличии от моего аппарата извергала и пламя и грохот, пуляя сгустками, как я потом понял, раскаленной плазмы, ну прямо как в "*Звездных войнах*"*!*

Не смотря на то, что у Мурзилы со зрением были определенные проблемы, и учитывая ее, как мне думается, дебют в этой так сказать, стендовой стрельбе, Вермахту был нанесен существен ный ущерб!

По моему, она даже подбила пару-другую танков!

А я-то думал, что она может быть злобной только по отношению ко мне!

Нас естественно заметили и перенесли направление атаки с тюрьмы на воронку. Вокруг встала сплошная стена взрывов и, только благодаря защите мы были еще живы! *(А если она выключиться?)* Здесь я выяснил, какой чудесный на мне шлем! В нем все было видно даже сквозь пыль! Ну, я, конечно, не заставил себя долго упрашивать и быстренько перещелкал все оставшиеся танки вокруг!

До немцев у меня руки не дошли *(и слава Богу!)*, потому что те не будь дураки при виде разваливающихся танков попадали на землю и кажется стали отползать!

Вот так мы с Мурзиком провели свой, как потом оказалось, первый, но не последний бой по обороне Лефортовской тюрьмы!

Когда дым рассеялся, я внимательно оглядел окрестности.

Все кругом было перепахано и перевернуто, и имело серый цвет. Тут меня дернули за рукав.

Я обернулся и Мурзик показала мне на что-то двигающееся к нам со стороны тюрьмы.

— Ща я стрельну! — объявила он мне.

— Я тебе стрельну! — сказал я и отобрал у нее "игрушку".

— А вдруг это наши ?

— Наши все дома! — обиделась Мурзик и злобно засопела. — А тут одни враги народа и фашистские наймиты!

— ..?

Мурзик многозначительно и с презрением к происходящему начала отряхиваться и оправляться.

— Ну? — не выдержал я, а сам в порядке эксперимента мысленно приказал шлему: "УВЕЛИЧЕНИЕ 10!"

— Что, ну?! — Мурзик состроил противную рожу и хмыкнул: — Если они не враги, то кто, раз немцев в Москву пустили!

Да, вопросик!

Я пользуясь затемненностью шлема, улизнул от ответа и с радостью обнаружил, что был прав. Шлем на самом деле на экран увеличение в десять раз!

Стены тюрьмы придвинулись в плотную и стали видны даже следы от пуль на штукатурке! Прижимаясь к земле к нам ползли трое. Наши! Уж больно они были грязные и закопченные! Было видны даже следы от струек пота на лице!

Не доползя до нашей воронки десяти с половиной метров *(шлем отсчитывал и показывал расстояние до цели!)*, они остановились и, выставив вперед свои трехлинейки, стали напряженно всматриваться в нашу сторону.

Я откинул забрало и шепнув Мурзилке, что бы она побольше молчала, была с ними построже и как с предателями, крикнул:

— Товарищи, сюда!

Судя по возне и звяканью оружия, нам обрадовались и через несколько секунд в воронку свалились так называемые "товарищи".

Держались они молодцом, но было видно, что марсиане произвели бы на них менее эмоциональное впечатление.

Один, самый молодой и сопливый, не выдержал и дернув носом извиняющиеся прокричал:

— А здорово вы им всыпали! — и сразу же умолк под строгим взглядом старшего *(как мне показалось и что в последствии подтвердилось)*.

— А мы думали, что вас всех поубивало! — как бы оправдывая свою несуразность обиженно пробормотал молодой.

— Нас так просто не возьмешь! — бодро ответил я, хотя сначала собирался сказать, что "*коммунисты так просто не сдаются!*", но здраво рассудил, что лучше пока не надо, а вдруг к ним теперь особое отношение, в связи с впечатляющими успехами на фронтах!

— Командир отделения, сержант Сенцов,— по форме, хотя и сидя откозырял мне старший и выжидающе посмотрел на меня.

Я опять как на допросе начал врать и извиваться:

— Начальник спец. команды, инженер Иванов!

Слепцов протянул руку и очень крепко пожал мою.

Оказывается, за нами наблюдала не одна сотня пар глаз.

Когда мы наконец добрались до спасительных стен, нас встречал, по моему, весь обороняющий тюрьму гарнизон. По тому, как они все высыпали во внутренний двор было видно, что это сборная команда и дисциплина в ней перешла уже в разряд практичности, а не обязательности.

Нас молча проводили до командиров и только в толпе кто-то перемолвился в полголоса по поводу Мурзика.

Кабинет наверняка раньше принадлежал начальнику тюрьмы — судя по количеству телефонов, кожаных кресел и портретов Дзержинского.

За столом с расстеленной картой Москвы сидел усталый капитан.

Рядом с ним, присев на край стола и как бы показывая свое пренебрежение к другим и тонко так намекая, кто на самом деле здесь хозяин, расположился в непринужденной позе молодой лейтенант в неестественно чистой и подтянутой форме с малиновыми кубарями.

С другой стороны стола устало сидел весь запыленный немолодой офицер (как я узнал потом — старший политрук), и непрерывно трясший головой, и прочищая правое ухо пальцем.

Мне показалось что в кабинет они пришли только перед нами и видимо участвовали в бое *(во всяком случае многие из них).*

Вперед вышел Сенцов и начал докладывать:

— Товарищ командир! Ваше приказание выполнено! Неизвестные доставлены!

Капитан рассеяно посмотрел сквозь нас, и взгляд его был тяжел от неизвестных нам забот и тревог. Политрук продолжал трясти ухо.

Первый подал голос лейтенант:

— Кто такие?

— Начальник спецкоманды, инженер Иванов, — на этот раз я не соврал — мы с Мурзиком были слишком уж commandos, инженером я был на самом деле, а "Иванов" была, так сказать, подпольная кличка.

Но лейтенанту видимо наша правда была ненужна — его интересовали другие материи!

— Ваши документы?

— Началось! — тихо, но отчетливо услышал я недовольный возглас Сенцова и уже намного громче, что бы все слышали добавил. — Их документы на улице в раскоряку лежат!

— Разговорчики! — незло оборвал его слишком быстро включившийся в действительность капитан, — Можете идти, Сенцов.

А в сторону лейтенанта просительно, но твердо произнес:

— Полегче.

Прохавав ситуацию, я начал куражится:

— Сначала представьтесь вы!

— Командир 345 стрелкового полка, капитан Сидоров!

— Комиссар полка, старший политрук Непомнящий.

— Оперуполномоченный Центрального Управления НКВД Копыто — закончил лейтенант и победно посмотрел на нас.

Я было открыл рот, но меня опередили:

— А документы у вас имеются? — спросила злобная Мурзилка. *(Мало ей застенков Лубянки!)*

Опер хмыкнул и небрежным движением достал "ксиву".

— Спасибо, не надо, мы вам верим! — по-домашнему ответил ему я.

— Доверяй, но проверяй! — ответил лейтенант и зло засмеялся.

— Правильно, сразу видна чекистская закалка! — миролюбиво сказал я.— Но? к сожалению? нам нечем вас порадовать — уходя на задание, мы оставляем документы в сейфе у начальства!

— А кто, если не секрет, ваше начальство? — его рука легла на ближайший телефон, а у меня внутри все похолодело.

— Да ладно тебе, лейтенант, все равно связи нет! — устало сказал капитан.

— Оперуполномоченный НКВД! — строго поправил его Копыто, но капитан только поморщился:

— Не видишь что люди устали?

— Правильно! — поддакнул строго я.— Лучше б подумали об охране спецкоманды и вообще хорошо б покушать и помыться!

Мурзила было открыла рот по поводу рациона и горячей воды, но с треском распахнулась дверь, и голос Сенцова объявил:

— Опять прут!!!

На этот раз пистолет Мурзилке я не дал!

Мы сидели на верхнем этаже, и своим "пуляньем" она запросто могла нас демаскировать.

Немцы, удивленные прошлым погромом, бросили в бой все что имелось под рукой *(15 танков и мотопехоту)*, но с моим "игровым компьютером", да после хорошей тренировки в детстве в игру "Tank Abrams", работы составило на пять минут!

Но только я решил перекурить и сидел, выбирая из протянутых со всех сторон кисетов тот, в котором могли оказаться по случайности сигареты

"Салем", как немцы опять решили поразить нас теперь уже своей организованностью и оперативностью.

Так как нетрудно было предположить, что на ближайших километрах фронта не осталось ни одного здорового танка, то немцы вызвали авиацию!

— Воздух!!! — заорал у меня над ухом какой-то надо думать дежурный по атмосфере!

Видимо, я все же нагнал определенного страха на "оперлейтенанта" и тут же на меня накинулись, надо думать, ответственные за мою безопасность и давай тащить в подвалы НКВД!

Я хоть человек и тактичный, но этого не люблю!

И со всей мочи как гаркну *(а глотка у меня лужена была в Иерихоне!):*

— Молчать! С-м-и-р-н-а!

Одновременно со мной завизжала Мурзилка, которая всегда боялась щекотки, и да так все это было вовремя и здорово, что многие наймиты ГПУ, подумав, что уже бомбят, повалились на пол.

— Где здесь лестница на крышу?

— Не положено! Там! — пробормотал вечно недовольный всем Сенцов, заодно исполнив одновременно оба долга перед Родиной и совестью!

На крыше было хорошо, но я все же строго спросил:

— Ну где здесь ваш обещанный воздух?!

— Вон! Летять сволочи! — Подбежавший "молодой" со страху пригнулся, выставив вперед винтовку.

Со стороны Кремля и вправду приближалось множество черных точек.

— Всем посторонним покинуть помещение,— заорал я и сам схватив за плечо молодого, гнусным голосом приказал:

— А ты останься, будешь сбитых немцев считать!

Молодой от страха за оказанное доверие еще больше присел и максимально упер в небо свою грозную винтовку со штыком.

— Да отойди ты от меня подальше и не мешай! — попросил его отечески я и крикнул вдогонку остальным:

— Сенцов! Присмотри за Анжелкой!

Если честно сказать, то я здорово рисковал, так как не знал радиуса действия моей пушки!

Но надо было все равно когда-нибудь пробовать, не то непрерывными бомбежками немцы доконали бы нас в пару дней.

С другой стороны, я все-таки надеялся на благоразумие второго интеллекта, и если быть до конца честным — уж очень хотелось самолеты пострелять!

Как только я закрыл забрало, появилась надпись "ВОЗДУШНЫЕ ЦЕЛИ №2" и пропала.

Ближайшие быстро приближающиеся самолеты были каждый в отдельности в зеленом кружочке, а самый близкий кружочек мигал.

Я испытанным способом нажал на гашетку и стал по очереди наводить на начинающие мигать кружочки.

Через несколько секунд я окончательно приноровился и отдельные "*вяки*" слились в довольно приличный ритм:

Вяк-вяк-вяк-вяк...

Минуты через две "*вякать*" было не на кого

Я еще раз огляделся вокруг и, убедившись что небо чисто, откинул забрало.

Молодой сидел, уставившись в небо, и рот не закрывал!

— Молодой! — гаркнул ему на ухо я.

— Сто тринадцать! — вскочил он как ужаленный и всхлипнув добавил: — И-к-к-к! Ма-ма!

— Ну ты это брось, "молодой",— дружески похлопал я его по затылку: — Никак не может твоя мама в Люфтваффе служить?!

Если молодой не соврал, то я уже могу себя считать вторым четырежды героем, после Жукова!

Больше немцы нас не беспокоили.

Мы с Мурзиком помылись. И в сопровождении все того же Сенцова спустились в столовую.

Все уже, видно, поели, и в зале находилось лишь несколько человек.

Сенцов посадив нас в углу, пошел распорядиться насчет ужина.

За соседним столиком сидели несколько человек, среди которых один что-то громко рассказывал. В полумраке было трудно что-то разглядеть, но я узнал голос молодого.

— ...А их видимо-невидимо! Лаптежники! С включенными сиренами!

Вернулся Сенцов, и начали накрывать на стол.

— ...Это секретное оружие. Я, конечно, ничего не скажу, не положено видеть! Но сдается мне, это — "лучи смерти"!..

Я был бы рад черствому хлебу и, в принципе, был готов к его появлению, но нам подали прямо-таки деликатесы.

— Товарищ Сенцов, откуда такое изобилие?

Сенцов недовольно поморщился:

— У них тут в подвалах чего только нет!

— ...А он медленно так повел стволом, и немцу хана!..

К нашему столику подошел капитан с опером и подсели с края. Сенцов вскочил. Капитан остановил его рукой, а уполномоченный в присущей ему барской манере спросил у Мурзилки:

— Ну как наш харч?

Та невнятно что-то промычала своим набитым тушенкой ртом, а я из вредности перевел:

— Что-то ваш харч в горло не лезет!

Опер опешил.

— Не понял?

Воцарилась тягостная тишина.

— Под такой закусон неплохо бы чего-нибудь эдакого попить бы!

Опер до неприличия слишком громко заржал *("нервы у него ни к черту!")* и барско-лакейским жестом распорядился отпустить...

— Что изволите употребить?

— Шампанского! — Мурзик наконец прожевала и всем напомнила, что она все-таки Мурзилка, а не хухры-мухры!

— Пожалуйста! — опер аж весь светился от удовольствия. — Есть еще отличный грузинский коньяк!

— Тоже можно, — я, решив продегустировать все, спросил, — и чего-нибудь легкого и сладкого!

— Вишневого ликера, клюквенной наливки, рябины на коньяке и много-много лимонада! — Мурзик опять начала кабанеть!

— Пожалуйста! — опер почти уже любил нас и ни в чем не подозревал!

— Сенцов, быстро! Одна нога здесь, другая там!

Я с интересом наблюдал реакцию капитана, но ее не было!

Капитан засыпал на ходу, и к тому же энкэвэдэшник его уже не удивлял.

Отослав Сенцова, опер громко окликнул сидящих за соседним столиком и приказал всем очистить зал, а какому-то Петрову наказал строго-настрого обеспечить охрану помещения на предмет утечки секретной информации.

Когда появилось шампанское, Мурзик кушала красную рыбу и маринованные маслята вперемешку с шоколадными конфетами.

Опер, как заправский официант, расставил на столе бутылки и начал их артистически открывать в предвкушении сабантуя. Но я нарушил все его планы.

— Оперуполномоченный Копыто!

Опер удивленно поднял на меня глаза, видно надеясь, что это первые слова грандиозного тоста в его честь.

— Вы уверены, что нас сейчас никто, кроме присутствующих, не слышит?

В моем голосе был металл, а в глазах холодный огонь!

— Так точно! — бедняжка вскочил, как ужаленный, на ходу поправляя портупею и одергивая гимнастерку.

— А то я гляжу, вы тут живете, как на курорте.

Капитан от моих речей все-таки проснулся и весь напрягся, ожидая моего наезда в его сторону.

— И, судя по вашей слишком уж чистой гимнастерке, вы на передовой бываете исключительно при помощи ног Сенцова?

Опер тянулся вверх, как Гагарин в виде памятника на одноименной площади.

— А вы, капитан совсем перестали работать с подчиненными! — укоризненно покачал я головой и дружески на него посмотрел.

— Он мне не подчиняется, — ответил капитан и медленно начал вставать.

— Да? Садитесь,— приказал я, — и доложите мне обстановку!

Капитан долго доставал из планшета карту-двухверстку, потом все прокашливался, да так долго, что даже Мурзилка не выдержала и, не доев последний кусок буженины, замяукала:

— Капитан, капитан, подтянитесь! *(В оригинале: Мур-мур, чав-чав!).*

Капитан наконец удосужился и начал докладывать:

— Справа от Немецкого кладбища до 45-го завода держал оборону 230-й пехотный полк, но уже три дня с ним нет связи.

— А может, уже и полка нет? — спросил я.

— Может и нет, два дня, как с той стороны тихо.

— Небось все атаки отбили, вот и тихо! — подал голос Копыто.

— Дай-то Бог! — вздохнув сказал подошедший политрук, устало присев на стул Сенцова, дрожащей рукой плеснул себе в стакан водки и залпом выпил.

— Будем исходить из худшего, — тихо сказал капитан и продолжил:

— Слева от Красноказарменной до Рогожки стояли ополченцы с "Серпа и Молота".

— Хорошо стояли, — опять ожил опер.

— Родной завод защищали, — выдохнул воздух политрук.

— Не родной, а Гужона, — сообщила Мурзик в отместку за буженину.

— Когда это было, — поспешил я исправить ее бестактность, хотя надо было бы сказать "*Зачем?*".

— С ними тоже нет связи, — сообщил капитан.

— Значит, завод теперь точно гужонский, — Мурзику все было по фигу.— А кладбище, наконец, взаправду немецкое!

У капитана вздулись желваки на шее, а опер потянулся к кобуре.

— А сзади нас, на Сортировочной, вчера была стрельба, — алкоголь и перенапряжение, видимо, подействовали и политрук еле ворочал языком. — А сегодня там тихо.

Все посмотрели на него, потом на Мурзилку в ожидании следующей гадости и клеветы на совдействительность.

— Зря смотрите, — сказал ехидно политрук. — Она этого не знает!

— Чего еще я не знаю? — с вызовом сказала Мурзилка.

— Что Казанскую железную дорогу, а значит и депо Сортировочная при царе строили немцы!

— Значит, мы не только в тюрьме, но еще и в окружении? — Мурзик хоть и выпила достаточно, но дело свое знала туго.

— По всей вероятности да! — подтвердил капитан.

— Я так не играю.

— Вы, дорогая, как никогда, стопроцентно правы,— по-отечески похлопал ее по руке политрук. — Лучше быть свободным и на воле, чем в окружении и в тюрьме.

— Разговорчики! — капитан повысил голос и оглянулся на опера.

—Так надо тюрьму сломать, а окружение прорвать,— Мурзик решительно взмахнула рукой и со всего маха рубанула ей по столу — в результате оперу пришлось пойти умываться, а Сенцову убирать со стола осколки посуды.

— Шли бы вы спать,— капитан сам бы не прочь это проделать, но дела...

Сенцов, аккуратно стряхнув на пол остатки осколков, с трудом приподнял политрука и заботливо повел его прочь.

— Четвертые сутки не спит,— объяснил мне капитан.

— У кого это СПИД?

— И ты, Анжелка, иди спать,— сказал я ей.

— Опять в камеру?

— Я попрошу, и тебя положат в кабинете начальника тюрьмы!

— А он как, ничего? Не очень старый?

Тут, к счастью, вернулся Сенцов и мы быстренько от греха отвели ее спать...

Когда я вернулся назад, за столом громко спорили опер с капитаном:

— ...пусть в доску наш, а ее заслали к нему шпионить!

Заметив меня, они сразу умолкли, а я как будто ничего не слышал, сразу же стал извиняться за Мурзилку:

— Не обижайтесь на нее, товарищи. Это она вас так проверяет. Такая маленькая и такая подозрительная. Это же смешно, что мы попали к немцам, а те нас разыгрывают в целях завладения новейшим секретным оружием.

Опер аж задохнулся от обиды.

— Это я-то немец?

— А что, белокурый, голубоглазый, и потом эти барские замашки?!.. Вы, товарищ капитан, очень внимательно приглядитесь к этому товарищу. Чем черт не шутит, а береженого бог бережет!

На чекиста было страшно смотреть: ему не хватало воздуха, и он все никак не мог расстегнуть ворот гимнастерки. Еще несколько мгновений, и мы его потеряем!

— Но если, капитан, вы за него ручаетесь, то мы, может быть и не сообщим Лаврентию Палычу о его проделках.

Вдруг появившаяся надежда на снисхождение высокого суда вернула к жизни цвет и надежду неотвратимого и справедливого пролетарского карающего органа.

— Я больше не буду,— с пионерским задором прохрипел Копыто.

— Что больше не будете: продавать Родину или плохо ей служить, — я внимательно посмотрел ему в глаза.

— Предавать не буду! Родину! — опер опять задохнулся.

— Значит, уже предавали?!

Его рука потянулась к кобуре, и я не стал испытывать судьбу *(кто его знает, может он и не собирается стреляться?)* и дружеским тоном как можно более спокойней сказал:

— На первый раз мы вам поверим, товарищ Копыто! Идите и проверьте посты.

Когда он вышел, я обратился к капитану:

— Надо бы послать Сенцова приглядеть за ним, не то сдуру дров наломает...

Когда капитан все рассказал, мне стало жутко и тоскливо: скорей всего Москву сдали почти без боя.

Вернее, бои шли за каждый дом, но это было неорганизованное сопротивление, безнадежное отчаяние брошенных и обманутых людей!

Полк выбили за Яузу и обороняться в Лефортовском парке, когда не-

мец видит тебя, как на ладони, из корпусов МВТУ не было никакого смысла, а даже преступлением. Еще пришлось прихватить раненых из Главного военного госпиталя и только стены тюрьмы да ребята с ЦИАМа с их противотанковыми ружьями и батареей "Катюш", ими же самими изготовленными, позволили полку закрепиться.

Соседи справа тоже, видно, были не дураки и спрятались за кирпичной стеной Немецкого кладбища, по которому немцы не очень-то стреляли и бомбили.

А слева — "Серп и Молот", да еще с Ликеро-водочным заводом стояли насмерть!

Только вот смерть-то не обманешь, и что на судьбе написано, не минуешь!

Где бомбежкой, а где и просто численным перевесом смяли немцы жидкие ряды, и если бы не подоспели мы вовремя, может уже и тюрьму взяли.

Я тоже немного соврал капитану про нашу эвакуацию, про то как нас сбили, как мы пробивались к нашим и что будет, если наше оружие попадет к немцам.

Подумали мы и о наших дальнейших действиях.

Продержаться до прихода наших мы с капитаном даже не рассматривали: он по причине возможного обстрела тюрьмы из тяжелых орудий, а я из солидарности с ним, и не от того, что могли не продержаться, а потому, что не знал, кого понимать под нашими, и когда они придут!

Можно было идти на прорыв, но куда девать раненых?

В плен капитан сдаваться не хотел, и я его в этом поддержал.

Оставалось одно — погибнуть смертью храбрых!

На том и порешили и разошлись спать.

Проснулся я от холода и чужих голосов.

В кабинете, где нам постелили, за неизвестно откуда взявшейся ширмой был выставлен наружный и внутренний пост.

К утру снаружи стоял молодой, а внутри товарищ Сенцов.

Чтобы не заснуть, они объединились для разговора снаружи, а чтобы знать, что творится внутри, приоткрыли дверь, и этим негодяи меня разбудили!

Я потихоньку встал, и на цыпочках подкрался к двери *(да не для того, чтобы подслушать разговор, а чтобы стрельнуть покурить, а на цыпочках — чтоб не разбудить Мурзилку!).*

— Дядь Вань! А дядь Вань! — услышал я голос молодого Сенцову. — А ты косить умеешь?!

— А что же не уметь. Умею!

— Дядь Вань! А откуда ты умеешь, если ты городской?

— Оттуда! Я в деревне рос.

— Дядь Вань! А дядь Вань! А почто такой немец злой!

— Почто, почто? Можно подумать, ты добрый?

— Я? Я за Советскую власть воюю.

— А он за свою тоже воюет.

— Так ведь она ж плохая, чего ж за нее воевать?

— А может, он не знает, что она плохая, может ему сказали, что она хорошая!

— У него головы что ль, нет — не может отличить хорошее от плохого?

— Значит, не может!

— А вот тут ты, дядь Вань, и проиграл. А я прав — злой он, вот и прет на нас!

Я вышел из-за двери и поздоровавшись спросил закурить.

Пока Сенцов отсыпал мне махры, молодой повеселел и, автоматически зачислив меня в союзники, видимо по возрасту, стал приставать:

— А вот скажите, товарищ Иванов, товарищу Сенцову, что он не прав, и немец на нас потому пошел, что он фашист и злой, а товарищ Сенцов говорит, что немец не знает, зачем он на нас пошел и что его обманули.

Я, чтобы отвязаться от его болтовни, сам с него спросил:

— Это ты мне скажи, почему Москву сдали?!

— Как сдали? Это правда? Сегодня ночью? — молодой страшно испугался.

— Да нет, не ночью, а вообще, почему еще раньше сдали, когда немец в нее вошел.

— Как вошел, так и выйдет! Товарищ Копыто строго-настрого запретил говорить, что Москва сдана, а не то трибунал!

— Ну ладно, не сдана! А кто виноват, что немца пустили?

— Ну, это ясно, кто! Генералы-предатели! Не зря их товарищ Сталин всех расстрелял.

— Ну, а кто конкретно?

— Конкретно? Дядь Вань, а разве был такой генерал по фамилии Конкретно?

— Дурак ты Степа и пустобрех! — Сенцову молодой надоел.

— Вы его слишком уж не надо!

— Нет, ты, дядь Вань, скажи!

— Да ладно вам, — решил я их помирить, — с этим все ясно, но не ясно, куда смотрел товарищ Жуков?

— Какой еще Жуков? — удивился молодой.

— Как какой? — теперь настал мой черед удивиться, — Маршал Жуков! Или как его там? Генерал армии.

— Жукова в сороковом расстреляли, — подсказал мне Сенцов и внимательно на меня посмотрел.

"Вот теперь понятно, почему немцы в Москве," — подумал я и прикусил себе губу.

— А что Ленинград? — чтобы не попасть опять впросак, уклончиво спросил я.

— Память о городе Ленина не умрет в памяти народной!

— Понятно.

Еще одна новость, еще немного поспрашиваю и буду не сомневаться, что мои с Мурзиком дети будут пить пиво только Баварское, если они здесь еще будут.

— И кто ж руководил его обороной?

— Климент Ефремыч,— с теплом в голосе, как о самом близком и родном человеке произнес молодой.

— И его расстреляли?

— Кого?

— Ворошилова!

— Климент Ефремыча?

— Его самого.

— А за что?

— Как за что? Он же Питер немцам сдал?

— Климент Ефремыч был дважды ранен в рукопашном бою и только благодаря мужеству и героизму наших доблестных летчиков был в последний момент вывезен из горящего Ленинграда! — ответил мне за молодого Сенцов.— А вы разве этого не знали?!

— Откуда мне знать, когда мы то в работе, то в тылу врага!

— А еще Астрахань сдали,— подал голос молодой, но мне почему-то стало плохо *(покурил на голодный желудок)*, и я удалился досыпать к Мурзилке.

Душе хотелось немедленного умиротворения. Телу ничего не хотелось — оно было сыто и здорово. А душа... Впрочем, это скорее и

вовсе не душа, а мое до боли обостренное сознание требовало немедленного отдыха от постыдной действительности.

Я закрыл глаза и страстно возжелал оказаться где-нибудь далеко-далеко, но только бы подальше от нашей агрессивной дисгармонии. Я почувствовал легкое дуновение и с ним ощутил какую-то неповторимую свежесть леса.

Глаза открывать не хотелось. Но любопытство взяло свое — где я оказался, согласно вкуса и представления моего подсознания о райском уголке?

Решительно открыв глаза, я резко приподнялся и сел.

Вокруг меня располагался мой "собственный" рай, и подкорка не подвела — я сидел на траве в лесу и, судя по комплектации и запахам, сей лес принадлежал к средней полосе, хотя шестое чувство подсказывало мне, что я не на Земле.

Ну и пусть! Раз здесь хорошо, то почему эта планета должна быть хуже Земли? Тем более, что седьмое чувство указывало на ее девственную чистоту и отсутствие людского конгломерата, чего как раз мне и не хватало.

От земли исходило блаженство, и я уже было собрался откинуться на траву и опьянеть, но меня остановило чье-то присутствие и чей-то настороженный взгляд.

Я оглянулся и увидел обладательницу настороженности.

Девушка была метрах в десяти и нерешительно выглядывала из-за березки. Чтобы ее не спугнуть, я медленно развернулся на месте, но вставать не стал, а лишь доверительно и ободряюще улыбнулся ей, что возымело свое действие, и она мне тоже в ответ робко улыбнулась.

Если бы я был самым последним нищим, чего, правда, мне до сих пор не удосужилось *(пока)*, и у меня объявился бы миллион, то я бы, ни секунды не раздумывая, отдал его за эту улыбку! Как женщины умеют улыбаться, мы все прекрасно знаем и цену этим улыбкам регулярно на себе ощущаем, но эта незнакомая девушка на самом деле и не улыбнулась даже, на ее лице промелькнуло лишь подобие улыбки, но я сразу поверил безраздельно и бесповоротно в ее чистоту и искренность, за что можно отдать не только какой-то паршивый миллион, но даже и не менее паршивую свою жизнь.

На вид ей было лет семнадцать *(А я два раза был женат!)*. Надетое на ней неизвестного покроя белое платье, очень похожее издалека на полотняную ночную рубашку до пят, все равно не могло скрыть стройность ее фигуры, чему также способствовала, по моему разумению, длинная толстая коса цвета канадской пшеницы.

И если, не дай Бог, при ближайшем ознакомлении у нее окажутся васильковыми глаза и подобающий добрый нрав, то до конца своих дней я согласен ходить в Иванах-дураках.

— Кто же ты, такая милая? — выдохнул я из себя и медленно встал.

— Росинка...

Что такое Росинка *(имя или национальность?)* я не знал, но голос у нее был, как хрустальный ручеек.

— Росинка... Что за чудное слово! Это имя твое?

— Так все меня зовут,.. — она опустила глаза, и даже с десяти метров была видна длина ее ресниц. — А ты кто?

— А я странник.

Ресницы удивленно вздрогнули.

— Калик-перехожий! — пояснил я, хотя самому было дико от этого бреда...

Росинка испуганно повела головой, во все глаза смотря на меня *(Все-таки они васильковые. А я, соответственно, дурак!)*.

— А вообще-то меня зовут Дмитрием, — успокоил я ее и превентивно сделал шаг в ее сторону.

— Митя,— прошептала она и я тут же согласился быть Митей до конца своих дней, хотя с детства не мог терпеть этого имени, и идентифицировал себя только с Димой и никак не иначе, в честь чего я сделал еще один шаг по направлению к березке.

— Так ты грек?

Я так чуть и не упал!

— Какой еще грек? Русский я! *(По паспорту!)* — воскликнул я и сделал еще два шага.

— Русич? — она наклонила набок и стала перебирать кончик своей косы.

— Ну, во всяком случае, только не грек,— я еще раз шагнул к ней навстречу. — А с чего ты взяла, что я грек?

Она как бы оценивающе оглядела меня с ног до головы *(за это время я сделал еще два шага)* и деловито промолвила:

— Прошлым летом князь дань собирал, так с ним грек царьградский был, а звали его, как и тебя,— Дмитрием.

На “князя”, “дань” и “грека” я сделал ответных три шага и оказался перед ней.

Вблизи она оказалась еще моложе, а может, мне это только показалось из-за того, что была она мне по плечо и не имела даже намеков на косметику, а рубаха на самом деле оказалась полотняной, хотя довольно тонкой, но все же явно ручной работы.

Я в нахалку разглядывал ее и чем дальше, тем больше поражался совершенной необычности и отличия ее от тех женщин, на которых когда-нибудь останавливался мой взгляд.

И ведь ничего в ней не было особенного. Совершенно обыкновенное лицо *(не считая глаз, конечно!)*, но что-то притягивало к ней, что-то необычайно родное было в каждой ее клеточке, так что я неосознанно протянул руку и погладил ее по голове.

В первый момент она вздрогнула, скорее от неожиданности, чем от страха, но не отпрянула, и я еще раз провел ладонью по ее волосам и тихо сказал:

— Свой я, Росинка...

Она подняла голову и виновато заморгала своими ресницами:

— А я от печенега бежала,— сообщила она мне.— Мы травы собирали, а он как выскочит из кустов! Весь черный, и конь его черный. И лук у него был. А я как побегу! А он стрелу пустил, я свист ее слышала. Аж в сердце мне кольнуло, — виновато улыбнувшись на свою откровенность, она дотронулась ладошкой до левой груди. Под ее пальцами отодвинулась коса, и я увидел под ней рваную дыру в рубахе, через которую виднелся маленький розовый сосок.

— Ой, рубаха порвалась! — воскликнула она и прижала ладошку к дырке.

Я, похолодев от мелькнувшей догадки, почти незаметно провел рукой по ее спине и у левой лопатки почувствовал такую же дыру.

— Но ты ведь убежала? — сказал я, мгновенно отдернув руку.

— Убежала, — задумчиво ответила она мне. — И заблудилась. И рубаху вот порвала...

— Главное, убежала, а рубаху зашить можно.

— А ты печенега видел? — спросила она меня.

— Видел,— соврал я *(хотя каждый второй мой соотечественник — потомственный печенег, эфиоп его мать!)*.

— А где твой меч?

Мне тут же пришлось поднапрячься и сотворить в траве, где я давеча сидел, огроменный кладенец, а заодно сварганить и арбалет с комплектом стрел *(это так, на всякий случай, вдруг ей захочется спросить, где мой тур-лук)*.

— Вон в траве лежит,— гордо сказал я, и чтобы окончательно ее убедить, подошел и поднял меч с земли.

— Красивый,— с уважением прошептала она, подойдя ко мне, и погладила ножны, на которые я на самом деле не пожалел серебра и черни.— А это самострел, да?

— Ага, франкского производства.

— Наш кузнец тоже хорошие самострелы делает.— сообщила она мне и подвела резюме: — Тебе ни один печенег не страшен!

— Забудь о них,— успокоил я ее и ради проверки обнял легонько за плечи.

— Да! Разве о них забудешь, злыднях! — как ни странно, но Росинка податливо прислонилась ко мне и доверчиво посмотрела в глаза. — Каждый год приходят окаянные, вот и мой отец от них пал третьего лета, в бою за городище.

Я думал, что она заплачет, но в ее глазах была только мировая скорбь, и то вперемешку с гордостью за отца.

Чтобы как-то ее отвлечь от этой скользкой для меня темы *(А ты с печенегами бился?)*, я быстренько сотворил еще дальше в траве небольшой вещмешок и спросил ее:

— Кушать хочешь, Росинка?

— А ты?

— Я голоден, как стая волков и стадо кашалотов.

— А кто такие кашалоты? Вроде печенегов штоль?

— Ну, что-то вроде...— промычал я и оглянулся, ища, где бы пристроиться для трапезы.

Впереди между деревьями виднелся просвет, и первобытный инстинкт потянул меня туда на поиск более удобного *(с эстетической точки зрения, конечно, а не с практической, так как есть можно и на ходу)* места.

— Пойдем туда,— сказал я и, нагрузившись разнообразными вооружениями и комплектами довольствия, пошел вперед.

Росинка покорно последовала за мной, с уважением разглядывая узор на моем колчане со стрелами *(видимо, из-за природного такта скрывая свой интерес к содержанию вещмешка)*.

Не прошли мы и двадцати шагов, как деревья расступились, и нам открылся совершенно неописуемый в своей дикой первозданности вид.

Под нами был не очень крутой песчаный обрыв, незаметно переходивший в небольшой пляж, который соответственно примыкал к среднего размера реке *(25 метров в ширину, полтора метра в глубину при полном отсутствии промышленных отходов)!*.

За рекой был заливной луг, а за лугом, как могли сообразить самые догадливые, рос девственный лес. *(Что он девственный, я был полностью уверен)*.

— Ой, как красиво! — воскликнула Росинка и, быстро-быстро перебирая своими маленькими ножками, сбежала к реке.

— Ой, какая вода теплая,— донеслось до меня, и не успел я сделать несколько осторожных шагов по осыпающемуся под моим весом песку, как она скинула с себя платье, уверенным движением обмотала косу вокруг головы и, смело войдя в воду, довольно энергично, но без лишних брызг, поплыла к другому берегу.

Я, конечно, человек тактичный, но если у тебя на глазах раздеваются догола, не уведомив тебя об этом, то я, все равно увидев этот импровизированный стриптиз, секунды через две опустил бы скромно глаза, но в данном случае я не успел этого сделать, так как Росинка раньше успела войти в воду, так что я смог хорошо ее разглядеть. Тем более, я совершенно искренне считаю, что прекрасное юное обнаженное тело не какой-нибудь "стриптиз", а очень полезное для моего здоровья полноценное эстетически познавательное зрелище.

К тому моменту, когда я спустился на пляжик, Росинка была уже на том берегу, где что-то со знанием дела собирала *(как я потом узнал, она рвала кувшинки, охраняемые у нас в связи с их полным исчезновением из наших водоемов).*

Пока я расстилал на траве на краю пляжа и под сенью близ растущей ивы покрывало *(которое я якобы извлек из вещмешка),* Русалка, *пардон,* Росинка переплыла обратно, но, вопреки моим ожиданиям на берег не вылезла, а не выходя из воды, сцапала свое платье и спряталась с ним в зарослях камыша.

Хотя она все это проделала быстро и ненавязчиво, я все же успел разглядеть ее грудь, и хотя у меня зрение как у орла, но , чтобы уточнить номер ее бюста *(первый или все-таки второй?)*, я встал и, подойдя к камышам, окликнул ее:

— Росинка, на, возьми рушник, вытрись! — и бросил ей вынутое тоже якобы из вещмешка вафельное полотенце.

Она его ловко поймала, ну а я, естественно, вернулся к своим пожиткам. Усевшись поудобней *(спиной к реке),* я услышал шорох камыша, и когда легкие шаги приблизились, резко обернулся и почти натурально, злобно зарычал, за что был тут же вознагражден искристым *(и еще сто двадцать пять эпитетов)* смехом Росинки.

— Ну, как водичка? — промурлыкал я.

— Я как будто заново родилась,— продолжала беззаботно смеяться Росинка.

— Ну, тогда я тоже пойду сподоблюсь,— сказал я и встал.— А ты, пока я буду купаться, зашей платье,— и протянул ей иголку с уже вдетой белой ниткой № 40.

Росинка с интересом стала рассматривать иголку, поворачивая ее так и

эдак на солнце, а я подошел к воде и, назло врагу, тоже разделся догола *(правда, стоя к ней спиной, рано ей еще все знать!).*

Вода была что надо!

Я совершенно не понимаю людей, которые посреди лютой зимы, или же, составляя квартальный отчет, стонут, высказывая свое желание оказаться на Черноморском побережье в разгар летнего сезона и покачаться на морских волнах... Как правило, с середины июня море становится теплым, как моча молодого поросенка (а на вкус оно постоянно как моча!), и ничего, кроме обманутых надежд на желаемую прохладу, не доставляет. После сидения в нем больше пяти минут тело начинает потеть (прямо в воде), и если на берегу нет душа с пресной водой, то я в гробу видал это море.!

А у нас! В реке! Да круглое лето! Вода освежает, омывает, ободряет, не зря же крестят именно в реке. (Насколько я помню, именно этим и занимались древние, а по морю они старались ходить аки посуху).

Так что лучше отдыха, чем в средней полосе, я себе не представляю. (Кстати, и загар здесь лучше, чем на юге).

Я бултыхался минут двадцать, пока не заметил, что Росинка, видимо, уже зашив свое рубище, сидит на берегу и смотрит на меня.

Я подплыл к берегу и на пузе подполз к самому песку.

Блаженство было полнейшее!

Я опустил голову в воду и вовсю стал пускать пузыри.

Когда воздух у меня кончился, я имел возможность еще раз услышать изумительный смех Росинки.

— Ну, и долго ты будешь так сидеть? — спросил я ее и изобразил голодного аллигатора, сидящего в засаде.

Но Росинка, видимо, ни разу не видала крокодилов *(и даже, наверное, не слыхала о них),* так что ни капельки не испугалась моих демаршей и продолжала смеяться.

— Ну ладно, посмеялись и будя,— сказал я ей строго. — Кстати, вот ты тут сидишь, совершенно без дела, а мой мешок, набитый ценными съестными продуктами, лежит там без присмотра, и если ты сейчас же не удосужишься встать и не изволишь пойти к нему, то какой-нибудь совершенно посторонний зверь воспользуется твоей недальновидностью и оставит нас без средств к существованию.

Росинка на полном серьезе *(то есть совершенно искренне!)* изобразила на лице испуг и опрометью бросилась спасать наши харчи, а я, злобный негодяй, стесняясь собственного ханжества *(то есть неспособности отбросить ложный и, видимо, совершенно неприемлемый для Росинки стыд)* закричал ей вослед:

— И смотри за мечом. Он тыщу рублей стоит!

Я вылез на берег и быстренько высушил себе нижнюю часть тела, после чего благополучно натянул штаны. Рубаху я не стал надевать, благо, имелось солнце и намеки на ветер.

Росинка уже вовсю охраняла благосклонно вверенный ей скарб, и если б не надетый набекрень венок из кувшинок, то я бы, наверняка, не утерпел бы и прыснул, до того с серьезным видом сидела она между мешком и мечом со взведенным заряженным арбалетом, деловито оглядываясь по сторонам в поисках “лютого” зверя.

— А ну, положь самострел,— взрычал я, садясь на край покрывала и придвигая к себе мешок.

Росинка аккуратно положила в сторону арбалет и чуть обиженно сказала:

— Еще тятя меня учил с ним управляться.

Я пропустил это мимо ушей и, развязав мешок, заглянул в него, раздумывая, что из съестного достать из него, чтобы, с одной стороны, не очень шокировать Росинку незнакомыми блюдами, а с другой стороны, чтоб не остаться голодным.

Первым делом я извлек на свет божий половинку еще горячего “орловского”.

— Хлебушек! — радостно воскликнула Росинка и расширила ноздри своего изящного носика.

Я немного подумал и достал четверть с холодным квасом. Росинка никак не среагировала, продолжая исподтишка смотреть на хлеб.

Я достал большой кусок баночной ветчины, тут же узнав, что здесь ее называют солониной, на что тактично промолчал, хотя и пожалел, что не достал буженины.

Тут до меня дошло, что Росинка не притронется к еде, хотя бы потому, что не приготовила ее *(то есть сервировала стол),* и будет до конца мучиться, глотая слюни, так как у них, видимо, не принято вмешиваться в раздел пищи *(это дело старшего)*, мне тут же стало стыдно за свою дремучесть, и я мгновенно извлек из мешка огромное румяное яблоко и протянул его бедняжке, которая с трепетом взяла его, видимо, впервые увидав такой крупный и, видимо, ранний экземпляр, и бережно положила его перед собой на покрывало.

— Ешь! — приказал ей я, и она послушно взяла его ручкой и элегантно надкусила.

— Трескай на здоровье! — подбодрил я ее и, достав из мешка еще большее яблоко, положил его перед собой. — У меня еще есть!

Только после этого она довольно энергично, но без жадности, стала его поедать, а я смог спокойно продолжить добывать из мешка снедь.

Немного подумав, я достал пару свежих огурцов, пару яиц *(предварительно сваренных)*, мешочек с солью и две глиняные кружки.

К этому времени яблоко у Росинки кончилось, и она, аккуратно облизнувшись, скромно потупив глазки, сказала:

— Благодарствую,— и, немного помолчав, добавила:

— Я никогда не ела таких вкусных яблок!

И с уважением посмотрела на меня.

Я разломил хлеб, отдав меньший кусок ей *(так положено)*, после чего откупорил бутыль и налил в кружки квас, который зашипел и запенился, разломил кусок ветчины *(здесь я уже постарался и разделил поровну)* и, развязав тесемку на мешочке с солью, объявил:

— Кушать подано! — И добавил.— Если все не съешь, утоплю в реке, предварительно изрубив на мелкие части и задушив собственными руками!

Я первым начал трапезу.

Росинка ела аккуратно и, если хотите, вполне интеллигентно.

Да, да, именно так! Потому что, как я не раз замечал, именно в исконно простых, но порядочных семьях дух интеллигентности не то чтобы витает в воздухе, а присущ всему, что окружает в быту эти семьи, и все, что делается в этих семьях.

Но самое главное, как это делалось, говорило за то, что интеллигентность возникла не в результате полученного извне образования, а от внутреннего такта и уважения к окружающим и, в первую очередь, от уважения к самому себе, и не в том смысле, в котором мы привыкли в нашей действительности, а в том, что уважающий себя человек никогда и ни при каких обстоятельствах не допустит со своей стороны неуважения к другим, и не на словах, как это принято у нас, а именно на деле.

Раньше это называлось "жить по правде", где под правдой подразумевался древний закон, которого человек непременно придерживался в повседневной жизни, даже когда его и никто в этом не контролировал. Сейчас про таких говорят, что они живут по совести, и как мне кажется, именно это определяет в человеке присутствие интеллигентности, а не классовая принадлежность, тем более интеллигенция вышла отнюдь не из дворянства, и если вспомнить, что понятие "интеллигент" появилось именно в России, то тогда станет понятно, почему простая русская девушка в своей наивной простоте мне виделась более интеллигентной, чем окружающие нас эрзац-эмансипированные

особы, для которых нет ничего святого, кроме как утереть нос своим ближайшим подружкам в области потребления и обладания.

А если уж до конца быть правдивыми, то что истинно русского осталось в наших современных женщинах, кроме фамилий и отметок в паспортах? Злые все, как собаки, а ведь именно доброта отличала в лучшую сторону русскую женщину от остального сучьего племени! (Женщин других национальностей, обладающих добротой, я автоматически приравниваю к исконно русским женщинам). (P.S. Ох, и получишь ты по мордам, не меньше автора "Сатанинских стихов"!).

Росинка пригубила квасу, и от неожиданности закашлялась. Я засмеялся:

— Это же обыкновенный квас!

Бедняжка виновато замотала головой и пропищала:

— В носу щиплет, — после чего отодвинула от себя кружку.

— Пей, маленькая, не бойся, — настаивал я, но видя, что она ни в какую, добавил: — Этот квас не такой хмельной, как у вас, а что щиплет, то пообвыкнешься.

Росинка с недоверием посмотрела на меня, но все же взяла кружку и осторожно отпила из нее.

В этот раз, видно, у нее получилось, и она, улыбнувшись, сообщила мне свое мнение:

— От нашего кваса с такой кружки одуреешь, а уж спать свалишься, как убитая.

Когда с едой было покончено *(Росинка аккуратно собрала каждую крошку хлеба),* я решил ее побаловать и достал из мешка апельсин, банан и персик.

Пока она кушала персик, я почистил ей банан, а пока она ела его, я очистил апельсин.

После апельсина Росинка долго облизывалась, как заправская кошка, (думаете, так легко первый раз в жизни есть спелый персик и этот бестолковый брызгающийся мандарин), но заметив, что это меня потешает, а может, и из патриотизма, сообщила мне, что ее папаня рассказывал, что едал такие штучки, бывая проездом в Царьграде.

На что я ответил порцией пломбира в вафельном стаканчике, который немедленно был продегустирован до основания, после чего было еще более продолжительное облизывание, и в отместку было сообщено, что в городище делают мороженое не хуже этого, на что мне пришлось прибегнуть к недозволенному приему и выдать пастилу в шоколаде "*Сластену*", после которой облизывались уже и руки, но все же продолжались попытки повесить мне на уши лапшу, про какие-то несчастные крен-

дельки с орехами, засахаренными в меду, отчего я окончательно вышел из себя и вдарил целой пачкой заморской мятной гаммы с сиропом "*Бруклин*". *(Не забыв, естественно, объяснить, что ее надо жевать, а не глотать)*, после чего была открыта банка с Кокой, и только тогда у Росинки по-моему, просто иссякли последние силы, и она вяло дожевывала последний кубик жвачки и с нескрываемым удивлением вертела в руках пустую банку, видимо, никак не сосредоточившись по поводу определения её места в хозяйстве.

Я, вдоволь натешившись, а на самом деле весьма притомившись воевать с ней, решил ей отомстить, так как пришла пора *помучить животное.*

— Ты бы сходила на речку, умылась бы. А то как чушка.

Росинка безропотно, но и без энтузиазма отправилась к воде, и когда я убедился, что следы обжорства окончательно смыты, я выпустил из "резерва" камышового кота.

Росинка с визгом мгновенно прибежала обратно и спряталась за мою спину, а если кто не представляет себе причину ее паники, то поясню: что нет среди кошачьих более злобного животного, чем камышовый кот, которого почти полностью истребили, но не из-за шкуры, которая не представляла никакой ценности ввиду небольшого размера и бледного окраса, а потому, что из-за него было совершенно невозможно охотиться на водоплавающую птицу, так как подбитую дичь он нагло присваивал, а собак, посланных отнять добычу, безжалостно задирал насмерть.

Кот кабанеющей походкой неспешно приближался к нам, и хорошо, я боковым зрением заметил шарющую в поисках арбалета ручку.

— Не волнуйся, он хороший,— успокоил я Росинку, но от моих слов ее рука суматошно заметалась и цепко схватила самострел, да так, что я еле успел остановить ее.

Пока мы боролись за полуавтоматический стреломет, кот с необычайным достоинством подошел и лег у моих ног.

Я оставил в покое сестру Робин Гуда и приступил к мученью животного:

— Хороший Барсик,— приговаривал я, гладя кота по спине.— Хороший!

Кот начал тянуться и мурлыкать от удовольствия, но вскоре таким образом мне наскучило его мучить, тем более, что Росинка ни в какую не хотела убеждаться в безопасности данного представителя камышовоплотоядных, хотя мне даже послышалось в ее злобном ворчании за моей спиной слово "Ведун".

Я снова "колданул", и из тех же камышей выскочили два маленьких

котенка и неуклюже побежали к своему папе. Папе было на них наплевать, так как они ему, видно, давно уже надоели, и он был полностью был поглощен потреблением удовольствия, получаемого от моего поглаживания. Но котятам тоже, видно, было наплевать на то, что они надоели папаше и, беспардонно взгромоздившись на него верхом, принялись играть в "Царь-гору".

Я, естественно, перестал гладить несчастного кота и тот, поняв, что малина кончилась и наступили суровые семейные будни, решительно встал, и, ничуть не заботясь о своем потомстве, которое кувырком скатилось с его спины, тоскливо взрыкнул.

Чтобы как-то компенсировать его горе, я достал из вещмешка кусок сырого мяса и протянул ему.

Камышовый кот брезгливо посмотрел на подачку и, никак не выразив своего отношения к меркантильности происходящего, с достоинством взял кусок и, гордо неся свои кисточки на ушах, удалился в камыши. Котята было ринулись за ним, но он недвусмысленно зарычал, и они обиженно вернулись к нам.

Когда кот скрылся из виду, Росинка облегченно вздохнула, но, по-моему, явно поспешила с этим. Оба маленьких мурзика за неимением папы, и видимо, видя во мне его сообщника и предателя их интересов, дружно набросились на нее и давай ее терзать.

Я, правда, не знаю, кто громче из них орал, но визгу было на всю округу!

Мне, конечно, стало обидно, что про меня забыли, и решив тоже внести свою лепту в большую росино—камышовую дружбу, я достал два маленьких кусочка мяса *(каждый по пол-кило, чтобы уж наверняка они объелись и перестали возиться со своей новой подружкой, и тогда я смог бы продолжить гладить хотя бы одного из них, то есть вернуться к своей первоначальной идее вдоволь помучить какое-либо животное)* и благосклонно, как бы между прочим, подсунул мясо мурзятам под носы. Те, не долго думая, чье они мясо имеют, со злобным урчанием вгрызлись в него, и не прошло и минуты, как мое мясо съели. И... как ни в чем не бывало, продолжали возиться с Росинкой!

У меня на самом деле после этого появилось стойкое желание устроить им взбучку, но я вовремя одумался, мудро представив последствия нападения объединенного отряда ушасто-косастых, и с тоской стал размышлять о невозможности уйти от своей судьбы быть постоянно окруженным мурзиками.

Я, кажется, начал дремать, но меня разбудила вдруг воцарившаяся тишина.

Когда я огляделся, ища причину внезапной дестабилизации, то сначала подумал, что возвращается мой друг кот с целью поставить меня в известность о впечатлении, которое произвело на него мясо в даденом мною количестве, но я ошибся. Это был не кот. Судя по первичным признакам *(экстерьер, окрас и реакция котят)*, это была его родная котиха.

В душе у меня возникла легкая паника, так как я не санкционировал сие явление, и уж больно целенаправленно приближалась мурзикова мамаша. И если принять во внимание бытующее довольно объективное мнение о злобном нраве камышового кота и сопоставить личные наблюдения с темпераментом его отпрысков, то можно было прийти к однозначному заключению, что его супружница еще более злобна, а уж раз ее детишки притихли при одном ее виде, то она, видимо, злобнее их многократно.

Надо было что-то предпринимать. На этот счет существовало множество способов: внушить ей сумасшедшую мысль, что она вот тут ходит почем зря, а дома у нее молоко на плите убежало. Или же вырыть на ее пути волчий капкан, замаскировать его валежником, а чтобы она из него не выбралась, установить на дне его ванную со сметаной.

Ну, еще можно было что-нибудь, наконец, придумать. Но я решил, что, в принципе, все происходящее мне на руку — пусть все идет своим чередом, а я, во всяком случае, всегда успею оградить Росинку от кошачьих клыков.

Но мне ничего не пришлось делать. Когда до Росинки оставалось не более метра, и намерения котихи явно прослеживались на ее злобно оскаленной морде, произошло чудо.

Росинка, не проронив ни звука, протянула руку ладошкой вперед — как бы отталкивая морду хищницы — другой рукой стала гладить одного из котят. Кошка остановилась перед ее ладонью, внимательно посмотрела на своих отпрысков, потом с интересом обнюхала пальцы Росинки и после этого неожиданно подлезла под ее руку всем телом с утробным урчанием, за что Росинка сразу стала ее гладить!

Я, конечно, обалдел от этого зрелища! И даже забыл, что котиха скорей всего пришла за куском мяса, и мне в самый раз подкинуть ей этот кусок.

Но котиха, видно, не забыла, зачем она сюда пришла. Сочтя вполне достаточным тот минимум любезностей, которыми они обменялись с Росинкой, котиха резко встала и нехорошим взглядом уставилась на меня. Ее кошачье отродье без слов поняло намерения своей мамочки, перестало возиться и, набычив головы, двинулось к вещмешку.

Росинка, продолжая поглаживать кошку по спине, посмотрела насмешливо на меня.

Да, влип я в лапы женского коллектива.

Камышиха, видя, что я замешкался, предупредительно басом мяукнула, оба мурзенка поддакнули ей своим писком, и даже Росинка прыснула в кулачок.

Обложили, гады!

И пришлось мне достать из мешка три куска мяса, а предательнице Росинке я протянул свое нетронутое яблоко.

Добившись своего, они полностью утратили ко мне всякий интерес *(скорее всего до поры до времени),* а я все никак не мог взять в толк, как это Росинка умудрилась усмирить злобную котиху. Может она, так сказать, местная ведьма? Надо будет впредь с ней быть осторожным, а то не дай Бог, напоит меня приворотным зельем, и прощай, моя буйная головушка!

Когда мясо кончилось, я уже было приготовился опять лезть в мешок, но кошка, видимо, имела свои соображения, да и котята наелись до такой степени, что лежали как неживые, и собрав их за загривки в маленькую гроздь созревших мурзят, решительно потащила их в камыши.

— Интересно, а если бы из лесу вышел волк,— спросил я с издевкой Росинку.— Ты бы его тоже приручила?

— У-у! Волка еще легче заговорить, чем кота.— радостно сообщила она мне.

— А кого трудней?

Росинка опустила глаза и тихо сказала:

— Печенега.

На что мне оставалось надеяться, что во мне есть хотя бы капля степной крови...

Солнце клонилось к закату, когда Росинка очнулась от послеобеденного сна и сладко потянулась.

Я непроизвольно погладил ее по голове, которая покоилась у меня на коленях, за что получил от всей души *(да не по морде)* в подарок совершенно безвозмездно и искренне ее неповторимую в своей детской чистоте улыбку.

Я тоже немного вздремнул, разморенный неистовыми запахами полевых трав и почти уже забыл и про Лефортовскую тюрьму, и про злобного окабаневшего Мурзика — так мне было хорошо.

— Когда кончится моя миссия на Земле, поселюсь здесь и женюсь на Росинке, если она конечно этого захочет.

— А как же Мурзик?

— Не хай существует!

— Что значит — не хай ? А любовь?

— Любовь? Шо за такэ любовъ? — Рожа! Пузо! Гнус!

— Зачем тогда ты это все затеял?

— А я почем знаю?

— Не стыдно?

— Кому?

— Тебе!

— Тебе?!

— Нет, мне стыдно! А тебе?

— А я устал!

— От чего?

— От безысходности!

— Измени мир!

— Зачем?

— ..?

— И я не знаю...

— Тогда валяй! Плыви! Вселенная огромна — развлечений на твой век хватит!

— Ну ладно, развыступался! Не видишь — устал я!

— Устал — не ной!

— Сам меня сюда притащил!

— Хотел как лучше!

— Давай меняться?!

— Эн, нет! Это ты у нас специалист по вуман-страданию, мы люди маленькие — мы все больше по другой части!

— Сволочь!

— От такой и слышу!

— Рожа!

— У самого не лучше!

— Ну и что? А меня Росинка и таким полюбит!

— А кто тебе ее прислал?

— Ага! Ты мне ее подсунул?! Так чего ж ты про Мурзилку с меня спрашиваешь?!

— Виноват! Исправлюсь!

— Э! Э! Постой! Росинку не трожь!

— Тогда давай Мурзилку?!

— Я тебе щас такую Мурзилку устрою, тля компьютерная! Век на антивирус работать будешь!

— Руки коротки!

— Не короче твоих!

— Но и не длинней!

— Сам дурак!

— А ты, то сам сидишь здесь, а твоя Мурзилка с молодым шашни заводит!

— Да ладно тебе! Мурзилка спит как сурок и рыбку во сне видит!

— А и в правду спит!

— Ну вот видишь?!

— С молодым!

— Ага! Восемь раз!

— Ну не восемь, а два!

— Чего два?!

— А ничего!

— Ну ладно! Не верю я.

— И правильно! А в душе что-то ведь шевельнулось?

— Ну люблю ее я, ну и что?

— А Росинка?

— Росинка — это икона! Мечта! На нее молиться хочется!

— А Мурзилка?

— А ее мучить!

— Так кто же сволочь?

— Кто — кто? Природа человеческая — вот кто!

— Воистину ли?..

Проснулся я от грохота разорвавшегося снаряда. В кабинет ввалился Сенцов и несмотря на то, что мы были, так сказать, в неглиже, сообщил, что имеется в наличии артобстрел.

Во дворе опять ухнуло.

Я, посоветовавшись с товарищами, то есть приняв решение единолично, отправил сопротивляющуюся и протестующуюся Мурзилку в подвалы НКВД *(на сохранение)*, а сам с молодым пошел воевать.

В коридоре нас ждало начальство. Мне сразу бросилось в глаза, что внешний вид оперуполномоченного, скажем так, существенно отличался

от вчерашнего: гимнастерка, галифе и сапоги были в кирпичной пыли и даже кое-где порваны, а правая рука опера была в бинту и на перевязи.

— Ого, лейтенант, критика пошла вам на пользу, — бодро прокричал я сквозь грохот очередного взрыва. — Но, право же, не стоило даже ради создания имиджа так портить новое обмундирование. Неужели нельзя было просто извалять в пыли? И с рукой вы явно переборщили.

Я думал — мне дадут в морду, но опер лишь поиграл на лице желваками и устало отвел свой взгляд.

— Товарищ Копыто всю ночь проверял охранение, а под утро участвовал в задержании группы вражеских саперов, где и получил ранение, но лечь в госпиталь отказался,— проинформировал меня политрук.

Опять грохнуло.

— Тяжелыми бьют,— пропищал молодой из-за моей спины.

— Сутки такого обстрела — и нам хана,— слишком спокойно сказал капитан и вопросительно посмотрел на меня.

— Проводите меня на самую высокую точку здания,— ответил я.— И неплохо бы приготовиться к возможной атаке.

— Мы-то всегда готовы, а на сторожевой башне вас ведь в два счета накроют, — ответил мне капитан, но я махнул рукой, и все задвигались по своим постам, как будто получили от меня исчерпывающий ответ на их вопрос, хотя для меня самого осталось загадкой, что я хотел этим сказать: то ли не накроют, то ли хрен с ним.

Я в последний момент остановил за левый рукав Копыто и тихо сказал:

— Не сердись, лейтенант, на меня шибко. Просто иногда полезно побывать в шкуре несправедливо осужденного. И береги себя — не лезь зазря в пекло. Ты еще молодой и не совсем безнадежный.

Копыто ничего мне не сказал, но я почувствовал, что его локоть немного расслабился, и на этом мы разошлись по местам.

В сторожевую башню уже попал тяжелый снаряд и разворотил всю крышу, что нам было в принципе на руку — нужен был круговой просмотр, а сидеть хоть и на довольно пологой, но все же островерхой жестянке и отбивать атаки супостата — не очень радужная перспектива.

Еще поднимаясь по лестнице, я надел шлем и опустил забрало. На экране появилась надпись: "ЗАЩИТА ВКЛЮЧЕНА!"

Я спросил: "Радиус действия защиты?" и, получив звуковой и визу-

альный ответ "3 МЕТРА", сказал молодому: "Держись сзади меня и ни на шаг не отходи. Не то убью!"

— Слушаюсь, товарищ командир,— весело ответил молодой и еще сильней стал пихать меня штыком под ранец.

Поднявшись наверх, я уселся на битый кирпич лицом в сторону Кремля. Молодой прижался ко мне спиной, стараясь разглядеть Уральские горы. Кругом рвались снаряды, свистели осколки и пыль стояла столбом.

Я, недолго думая, спросил у шлема:

— Откуда стреляют?

На экране появилось три кружочка: один — на Бронетанковой академии, второй — на церкви "Петра и Павла" и третий — на Главном военном госпитале. Под кружочками были цифры: "2 КМ", "2,3 КМ" и "3,1 КМ".

Я ничего не понял и спросил:

— Расстояние до первой цели?

В ответ замигала цифра "2 КМ". Я опять ничего не понял — до Бронетанковой академии было не более 700 метров!

— Покажи на карте! — приказал я.

Появилась карта, и я понял, что мой шлем засек вражеские батареи даже на закрытых позициях!

Первая была не в здании Бронетанковой академии, а на стадионе за ЦАГИ, вторая была на Бауманском рынке, а третья — в районе Электрозаводского моста.

— Ну и как по ним стрелять?

На экране появилось старое изображение, но сверху была надпись "ДЕМОНСТРАЦИЯ". Снизу к первому кружочку стала двигаться красная точка, под которой горела надпись "ОРУЖИЕ". Когда красная точка совместилась с кружочком-целью, надпись "ОРУЖИЕ" сменилась на "ВЫСТРЕЛ", и кружочек-чель пропал, а на ее месте появилась надпись "ЦЕЛЬ ПОРАЖЕНА". Потом все повторилось с другими целями, и появилась надпись "ДЕМОНСТРАЦИЯ ОКОНЧЕНА".

Я, следуя инструкции, взял пушку, навел ее посредством красного кружочка на цель и нажал на пуск.

Ничего не произошло! Бронетанковая академия осталась стоять на месте, хотя я целился прямо в нее. Кружочек-цель тоже не пропал, но зато появилась надпись "ПОВТОРИТЬ!".

Я опять стал наводить красный кружочек на цель, но, в отличие от первой попытки, стал сразу и непрерывно давить на спусковой крючок.

Минуты две я водил прицелом по кружочку, как вдруг он пропал, и появилась надпись "ЦЕЛЬ ПОРАЖЕНА!". Я огляделся по сторонам —

снаряды рвались по-прежнему. Может он ошибся? Правда, там, кажется, еще две батареи? Я проделал все манипуляции с другими целями и вдруг наступила тишина! Обстрел прекратился, и только молодой надрывно кашлял от поднятой взрывами пыли, которая медленно оседала.

— Молодой! — крикнул я.— Живой?

Молодой что-то там прокашлял.

— Тогда дай закурить.

Молодой протянул мне кисет, и одновременно с этим все вокруг взорвалось синим пламенем! Тяжелый снаряд попал прямо в нас, но защита сработала! Она даже уменьшила грохот взрыва и яркость огня, но мы все же минут на пять оглохли и ослепли.

Придя в себя, я пробормотал:

— Откуда стреляют?

На дисплее замигали вновь появившиеся кружочки, потом появилась карта: одна новая батарея была на Лефортовской площади, другая — у Дворцового моста.

Через три минуты их там не стало.

Пыль давно рассеялась, погода была отличная, и немцы почему-то больше не стреляли!

Мы с молодым выкурили по козьей ножке и уже начали дремать, как над ухом у меня раздался истошный крик:

— Рожа! — и меня сильно лягнули.

Я, все еще надеясь, что это немцы прорвали нашу оборону и ворвались в решающем штурме к нам на крышу, сразу не стал открывать глаза и притворился убитым, но, к сожалению, все обстояло намного хуже — это были не немцы.

— Пузо! — меня опять лягнули и снова незаслуженно обозвали: — Гнус!

Да, дорогой и многотерпимый читатель! Опять, к твоему сожалению, на экране, *пардон*, на наших страницах появился злой Мурзик и начал кабанеть. *(Ну не могу я ее выкинуть из повествования — роман же про нее, хотя она мне самому уже порядком надоела — талдычит одно и то же: “Рожа! Пузо! Гнус!” Хоть бы чего-нибудь новенького придумала. К примеру “Уважаемый Дмитрий Михайлович! Не желаете отведать кваску?” Или возможен вариант: “Димик! Почеши мне спинку!” А я ей в ответ: “Брысь!” А она мне: “Мур-мур-мур!” А я ей...)*

Бац!

— Рожа!

Молодой, как идиот, строил ей глазки и, по-моему, изо всех сил соображаел, как получше бы назначить ей свидание. Снизу торчала голова Сенцова и все бормотала, что нас заметят немцы.

Мурзила на радостях, что вырвалась из плена, была чертовски хороша. Но я хотел есть, пить, спать и в туалет.

Оборона Лефортовской тюрьмы продолжалась!

Немецкое командование было обескуражено событиями в этом районе. Проанализировав ситуацию, заслушав выводы экспертов и проведя консультации с Берлином, был получен неутешительный вывод — что-то здесь не так!

Раз имеет место наличие у русских супероружия, *(а все факты говорили об этом)*, то непонятно зачем оно оказалось в центре захваченного противником города, причем еще более непонятно, для чего, обладая таким оружием и соответственно имея возможность практически беспрепятственно пройти с ним через любое боевое охранение, вот уже вторые сутки оно находится в никому не нужной старой тюрьме в двухстах километрах от постоянно удаляющейся от города линии фронта?!

Первоначально предположили, что это связано с прилегающей к тюрьме территорией Центрального института авиационного моторостроения, но когда сегодня утром она была захвачена и внимательно изучена, то выяснилось, что нет даже крохотного намека на какое-нибудь секретное производство. *(Цех по производству реактивных установок залпового огня М-13 системы "Катюша" в расчет не принимался ввиду известной технологии их производства при помощи автогена и обрезков железнодорожных рельс.)*

Версия, что Вермахт столкнулся с целенаправленно созданным стратегическим плацдармом для последующего использования его в качестве трамплина для наступления на Запад не выдерживала никакой критики из-за явной ее абсурдности — русские не сегодня, так завтра будут отброшены за Урал и им, надо думать, не до наступления.

Оставалось только одно — на территории Лефортовской тюрьмы находится что-то такое, что заставило русских выложить свой последний козырь в этой давно уже проигранной ими кампании. *(Немногочисленные оставшиеся в живых очевидцы в один голос твердили о человеке в странном облачении и со странным оружием, появившимся неизвестно откуда!)*

На основании этого было принято решение прекратить бесплодные попытки захватить тюрьму и перейти к переговорам с осажденным гарнизоном.

Мы, конечно, ничего не знали об объективных трудностях и обоснованных тревогах немецкого командования и в своем неведении предавались преодолению обыденных и повседневных бытовых проблем. *(Я, к примеру, решал проблему туалетной бумаги.)* Часа в четыре со стороны студгородка через громкоговорители немцы сообщили нам свои предложения, и меня тут же согнали с горшка под нелепым и вздорным предлогом "*заткнуть им их поганую пасть*".

— Чего желает немецкий народ? — поинтересовался я у капитана, застегивая на ходу штаны и с трудом стараясь припомнить известные мне германские слова "*Натюрлих!*" и "*Капут!*", но кроме "*твою мать!*" ничего на ум не приходило!

На переговоры решили идти все вместе — я и Мурзилка. А что бы мы, не дай Бог, не сбежали, с нами увязался Копыто.

Я облачился в свое штатное вооружение, Мурзилка накрасила губы неизвестно как оказавшейся у нее помадой *(уже какой-то ухажер преподнес!)*, а Копыто взял автомат и дюжину гранат.

На прощанье мы все облобызались, велели в случае смерти считать нас коммунистами и с богом и его помощью отправились в последний бой.

Нас уже ждали генерал и два офицера. Десятикратное увеличение позволило мне в подробностях разглядеть удивление и неподдельный ужас на их лицах при виде моего снаряжения. Мы остановились в двух метрах от них и в двух шагах от неизвестности.

— Гутен таг! — промяукала Мурзилка и состроила немцам глазки.

"Дура! — выругался про себя я.— Это ж не западные немцы, а фашисты, и марки у них не "*бундес*", а "*рейх*"

Немцы молча откозыряли.

— Чево надо? — прохрипел Копыто и приподнял ствол ППД.

— Хенераль-лёйтнант фон Треплов! — представился генерал.

Копыто с ненавистью смотрел на него в упор, до побеления в пальцах сжимая автомат.

Надо было как-нибудь разрядить обстановку, и меня опять понесло:

— Очень приятно,— откинув забрало, сказал я.— А мы местные.

Стоящий справа от генерала офицер начал быстро переводить.

— Из колхоза "XX лет без урожая".

Офицер аж поперхнулся, но аккуратно перевел.

— Это наш зоотехник, — показал я на опера, — Это наша скотница-медалистка! А я конторский — счетовод. Ферштейн?

Генерал слегка кивнул головой и что-то резко спросил у своего офицера.

— Господин генерал спрашивает, до каких пор ваш колхоз собирается быть без урожая, — без акцента перевел немец и выдавил на лице подобие улыбки.

— До победного конца! — опять прохрипел Копыто и смачно сплюнул генералу под ноги.

Повторилась процедура перевода, и немец ответил:

— Господин генерал клянется к осени закончить компанию.

— А шиш с маслом не хочешь? — Копыто выхватил руку из кармана, где он сжимал гранату, и покрутил у немцев перед носом фигу.

— Оперуполномоченый Копыто! — не предвещая ничего хорошего, тихо рявкнул я.— Отставить!

— Есть отставить! — буркнул опер, но фигу не убрал, а лишь спрятал за спину.

— Я отстраняю вас от переговоров на десять минут,— вынес приговор я.— Идите-ка в сторонку и остыньте,— и тихо добавил: — Метрах в десяти, будешь прикрывать, если что.

— Задание понял.

— Выполнять!

— Господин генерал предполагает, что вы большой начальник, раз так можете распоряжаться офицером НКВД,— перевел немец.

— Да, он очень большой,— встряла невпопад в разговор Мурзилка.

Немцы сразу оживились, а я с любовью и ненавистью взглядом приказал Мурзиле молчать *(как будто она когда-нибудь собиралась меня слушаться).*

— Фройлен переводчик? — любезно спросил немец.

— Да! — ответил я *(Она переводит мои деньги и время!)*

— Во хаст зи? — спросил по-немецки у нее генерал.

— Анжелика! — Мурзила шаркнула ножкой.

Немцы в ответ щелкнули каблуками, *а у меня появилась шальная мысль — может они возьмут ее с собой и сделают из Мурзилки немецкую овчарку,— которой я сразу же воспротивился: "Не отдам! Не люблю немецких овчарок! Люблю мурзилок! Потому и не отдам!"*

— Ближе к делу,— прервал их ангажемент я.— Что вы нам хотите сообщить?

— Господин генерал, как представитель германского командования, предлагает вам почетную капитуляцию и гарантирует жизнь,— перевел немец.

— Хорошо! — ответил я.— А если мы не примем условия капитуляции, то что нам за это будет?

— Но это невозможно! Зачем напрасно проливать кровь?

Я еще вчера повнимательней изучил свой боевой чемодан и обнаружил, что в нем есть мощная радиостанция и выносной компьютерный дисплей. Настал момент пустить их в дело.

Отстегнув от ранца планшет-экран, я протянул его генералу. Планшет взял один из офицеров, и немцы с интересом стали его рассматривать.

По моему приказу на дисплее появилась цветная карта части Москвы.

Немцам карта понравилась. Я отдал шлему нужные указания и обратился к супротивникам:

— Светящиеся точки — это ваши танки. В экран встроена рация с микрофоном, так что вы можете связаться со своими частями... *(Это я для простоты сказал что рация в экране, на самом деле рация на бронепоезде, пардон, в ранце, а в планшете — только микрофон!)* Выберите любой танк, свяжитесь с ним, убедитесь, что он расположен в соответствии с картой, покажите мне его, и я его не сходя с этого места уничтожу!

Генерал отдал резкое приказание. Один из офицеров быстро пошел к своим, а другой пояснил:

— Сейчас пришлют радиста — для чистоты эксперимента.

Пока радист не пришел, генерал попробовал связаться с помощью компьютера с командиром танкового корпуса. Связь, к немалому его удивлению, была установлена быстро, и генерал начал вести продолжительный диалог, выясняя, как я понял, местоположение танков. *(Это я понял по мелькавшим названиям улиц, которые на моей карте были на немецком языке).*

Подошедший радист стал дублировать связь и генерал имел возможность убедиться, что его не разыгрывают и планшет-экран на самом деле позволяет установить связь с его частями.

Через непродолжительное время генерал ткнул пальцем в район Полянки, я переводчик сказал: "*Здесь!*"

Тут же под пальцем у генерала зеленая точка-танк превратилась в мигающий кружочек. Я начал водить стволом в сторону центра, и на карте появилась красная точка. Быстро совместив ее с зеленым кружочком, я

нажал на спусковой крючок. Не успел зеленый кружок превратиться в красный, как из динамика и наушников радиста послышались крики. Генерал побледнел и сквозь зубы процедил: “*Швах гемахт!*”

— Повторить? — предложил я.

— Не надо,— ответили мне.

— Так вот,— начал я,— слово “*почетный*” оставим, а слово “*капитуляция*” заменим на слово “*эвакуация*”, ферштейн?

Немец перевел.

— Господин генерал спрашивает, как вы себе это представляете? — перевел немец ответ.

— Очень просто! Вы восстанавливаете ЦИАМовский аэродром, пригоняете на него самолет, наш конечно, лучше всего ЛИ-2, создаете воздушный коридор, и мы тихо и спокойно улетаем к своим.

Генерал долго молчал.

— Если мы не пойдем на это?

— В тюрьме большие запасы воды и продовольствия, стены очень прочные и полно боеприпасов, мою защиту не пробивает ни одно ваше оружие, и если мы не удалимся отсюда, я твердо обещаю вам уничтожить всю вашу армию. Кстати, радиус действия моего оружия — не менее двух тысяч километров, ферштейн?

Генерал опять помолчал и наконец заговорил.

— Нам надо подумать,— перевел его офицер.

— До завтра,— ответил я.— Утром жду ответа.

Я уже собрался было уйти, но мне задали еще один вопрос:

— Откуда у вас такое оружие?

— От-туда! — показал я пальцем наверх.

Как немцы не старались сохранить спокойствие, но по их лицам пронесся ураган ужаса, а офицер слева промолвил: “*Майн Гот!*”

— Еще будут вопросы?

— Айн момент! Последний вопрос — кто руководит вашей обороной?

— Честно?

— Да!

— Лично — Лаврентий Павлович Берия.

Я совершил ошибку.

Вместо того, чтобы держать ухо востро, позволил себе расслабиться. Был бы я немного поумней и не таким самоуверенным, то элементарно высчитал бы, что генерал фон Треплов сам решение не будет принимать,

а доложит в Берлин. А от туда мог прийти только один ответ — захватить любой ценой.

И я вместо того чтобы держать включенной свою “крутую” систему и следить за всеми перегруппировками противника, проглядел концентрацию вражеских войск и в результате получил утром яростную атаку со всех четырех сторон: авиации, танков, артиллерии и мотопехоты.

Пока я проснулся, оделся, добрался до сторожевой башни, таща за собой упирающуюся еще не совсем проснувшуюся Мурзилку, половина защитников тюрьмы была выведена из строя, а немецкие автоматчики сидели уже под стенами, кидая через них гранаты и поливая из огнеметов.

Пока я очистил все пространство вокруг стен тюрьмы, немцы успели один раз отбомбить *(за раз — 600 самолето-вылетов и 1200 тон взрывчатки),* пока я перебил все танки и самоходки, тяжелая артиллерия положила тысячи снарядов на наши головы, пока я расправлялся с артиллерией, автоматчики опять подползли к стенам и давай опять поливать и кидаться!

Я перебил автоматчиков, но проворонил очередной налет авиации! Уж я им задал! Наверное перещелкал целую воздушную армию, но пока я с ними канителился, автоматчики опять подползли, а защищать стены было уже некому и они просочились вовнутрь.

Мне понадобилось полчаса, чтобы очистить все помещения от нападающих, потом я дал Мурзилке бластер и велел ей пулять плазмой по кругу и отпугивать немцев, сам стал методично прочесывать квадрат за квадратом территорию Москвы на предмет уничтожения вражеской техники.

Здесь к нам наверх поднялись капитан, опер, Сенцов и молодой.

— А где политрук? — прокричал им я.

Капитан безнадежно махнул левой рукой и я заметил что правая у него вся в крови и висит плетью.

— А остальные?

Капитан тяжело уселся рядом со мной и стал шарить по карманам что-то ища.

— Остальные то как? — переспросил я.

— Остальные! — вдруг закричал опер.— Остальные, говоришь? Таню Синичкину, санитарку, помнишь? Так ее вместе со всеми ранеными сожгли! Всех! Заживо!..

Его, видимо, контузило и у него начался припадок. Сенцов с молодым схватили его и с трудом усадили на битый кирпич.

— Значит, говоришь, заживо? — тут у меня самого нервы не выдержали и я заорал: — Шлем! Мать твою! Ты можешь бить по площадям?

На экране забрала появилась надпись: "МАКСИМАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ ПОРАЖЕНИЯ — 100 КВ. М"

— Хорошо! А максимальная дальность?

Надпись сменилась: "МАКСИМАЛЬНАЯ ДАЛЬНОСТЬ ПОРАЖЕНИЯ — 5 ТЫС. КМ"

— Тоже неплохо! А ну-ка, дай мне карту Берлина с русскими надписями. А ну, где здесь Имперская Канцелярия? А ну-ка давай причешем их поганые улицы! За девочку Таню!..

...Когда уже половина центра Берлина было в руинах, я вдруг почувствовал, что на голове у меня что-то происходит.

Пять минут — и все было кончено... Шлем, чемодан, пушка и Мурзилкина стрелялка рассыпались в прах и развеялись по ветру.

Подсуропил мне это второй интеллект. Я встал, отряхнулся, оглядел своих товарищей по оружию и сказал:

— Капитан! У тебя нет лишнего автомата?..

...В голове гудело. И еще очень хотелось пить. Надо было сменить диск у автомата. Какое же дерьмо этот ППШа! Говорят лично товарищ Сталин утвердил к нему диск вместо рожка! Вот бы дать ему, сволочи, во время боя набить патронами этот его любимый диск! Лучше конечно было сразу ему дать и набить!

Нас загнали в какое-то подземелье, а патроны-то кончались, и гранат осталось мало.

Я до того устал, что мне было все равно, но вот Мурзилка — она-то за что страдает? Из-за моей глупости и эгоизма. Правда держалась она отменно и лишь один раз тайком всхлипнула...

Вот они опять лезут. Подпустить поближе и в упор. Ни-зя! Они ведь могут гранатой. Большой такой, с длинной деревянной ручкой. А у меня тоже есть граната! И у Мурзилки есть граната! Даже две! Умрем тяжело, но достойно! Как в кино! А вот хрен им по всей деревне!

— Мурзилка, где там наш кулон? Доставай его и дави, пока не улетим отсюда к чертовой матери!

Последняя очередь уходит в неизвестность, потом две гранаты. Пос-

леднюю мы кладем рядом на кирпич и, если кулон не сработает, рванем ее!..

Я до сих пор не знаю, решился бы я рвануть под собой гранату, но кулон сработал! Мы полетели куда-то вниз и упали, к счастью, на песок, в большую яму, оказавшуюся строительным котлованом.

Ярко светило солнце, чирикали воробьи и, главное, выстрелов не было слышно. Ни одного — вот уже целых пять минут.

Мы с трудом и с большим энтузиазмом выбрались наверх и очутились среди белых новеньких панельных пятиэтажек.

Ура! При Сталине хрущевок не строили. Еще раз — ура!

— Хиппи проклятые! — услышали мы противный старческий голос сзади нас.— Совсем стыд потеряли! Уже среди бела дня по стройкам шляются, ироды проклятые! А ну, брысь отседова!

Голос принадлежал бабке — Божьему Одуванчику. И даже берданка у нее имелась!

— Бабулька! Милая! — заулыбался я и развел руки вширь.— Хорошие мы! Мы заблудились и упали в твою самую глубокую яму в мире. Пожалей нас и отпусти с Богом!

Бабка с недоверием посмотрела мне в глаза и молвила:

— Хорошие, говоришь? Заблудились? Врете вы все! Вы свою сучью свадьбу справлять здесь задумали. Знаю я вас!

— Да нет! Мы случайно упали и совсем вдребезги разбились. Чем ругаться, лучше бы показала, где можно умыться и почиститься!

Видок у нас был конечно еще тот. И, видимо, это все-таки убедило бабку, что мы не до конца врем.

В бытовке у нее нашлись даже нитки, и мы с трудом, но все же привели себя кое-как в порядок и даже нахаляву попили крепкого чайку с баранками.

Сердечно распрощавшись с бабой Дуней, мы вышли за ворота и оказались посреди мирной и в том прекрасной Москвы.

— Я надеюсь, что наши приключения окончены, и мы дома? — спросила Анжелка и вопросительно посмотрела на меня.

— Я тоже надеюсь, но давай лучше проверим, а то опять что-нибудь произойдет.

— Лучше не надо.

— Вон, гляди киоск Союзпечати!

— А у меня есть денежка, — радостно сказала Мурзилка и показала на ладошке невесть откуда взявшуюся пятнашку.

Я походкой мультимиллионера продефилировал к киоску и барским голосом спросил:

— Сегодняшние газеты есть?

Киоскерша не отрывая глаз от "Здоровья" махнула рукой:

— "Правда", "Коммерсант", и "Московские новости".

"Коммерсантъ" разлился бальзамом по моей израненной душе, но денег на него вряд ли хватало бы, и я взял "Правду".

Мы, как заправские фанаты "Спринта", крадучись отошли в сторонку, и я с непередаваемым трепетом раскрыл такую родную большевистскую врунью!

Во всю первую полосу аршинными буквами было набранно:

"Очередной визит в США Президента СССР тов. Хрущева Н.С. и министра обороны тов. Жукова Г.К.",

а выше стояло число: **2 сентября 1969 года!**

Май 1991г.

Конец четвертой части

СОДЕРЖАНИЕ

АКУЛУ ЕЩЕ НЕ СЪЕЛИ. Роман. 5

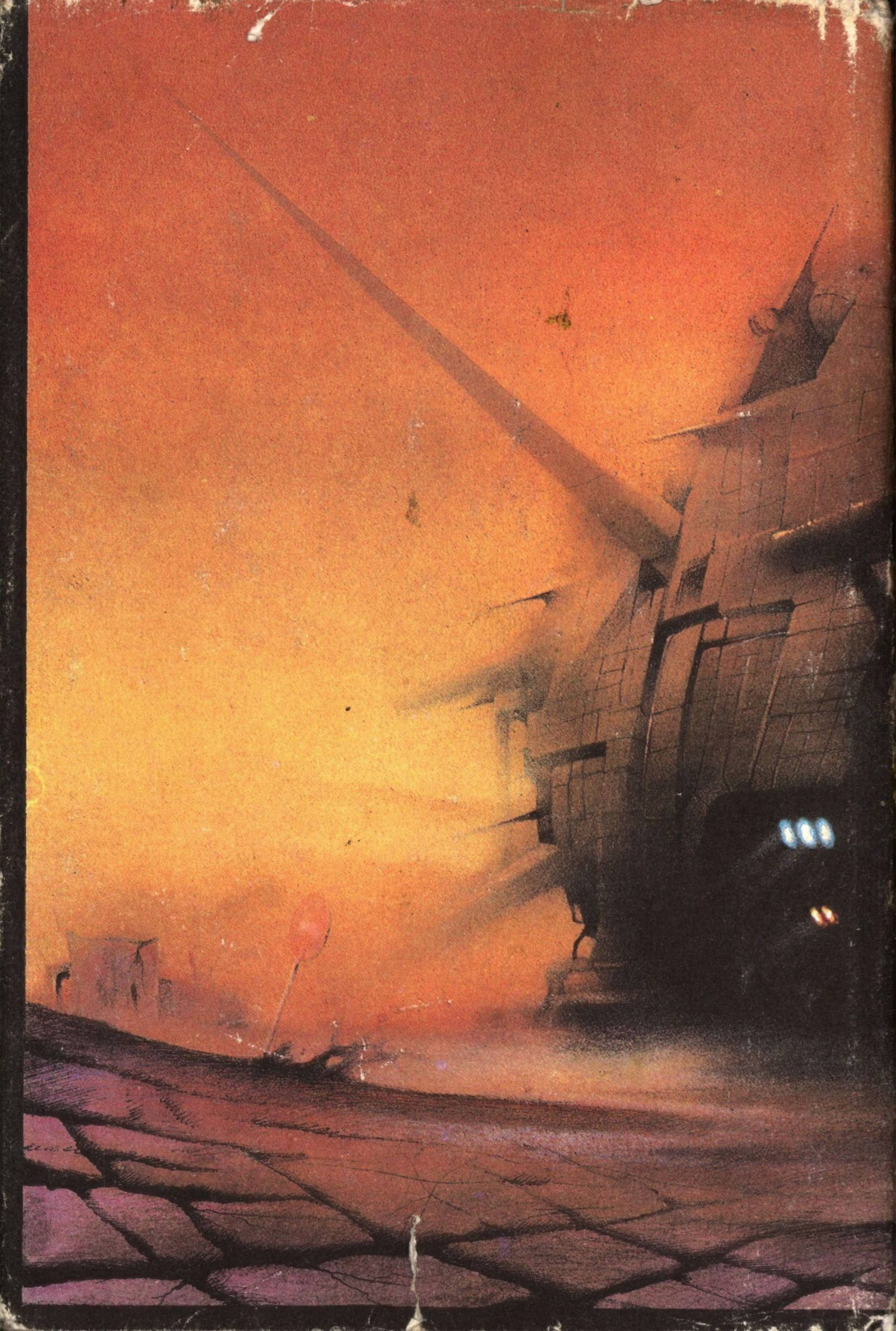
ДУБЛИКАТОР ДЖОНА ХАГГАРДА. Роман. 181

МУРЗИК. Роман-эпопея. 253

Подписано в печать 01.06.92. Формат 60×90/16. Объем 28 п. л.
Печать офсет. Бумага офсетная № 1. Изд. № 2—92. Зак. № 863.
Тираж 100 000 экз.

ИПЦ «Вазар-Ферро», ТПО «Интерфейс»
125047, Москва, 4 Тверская-Ямская, д. 14, стр. 3, кв. 37.

Ярославский полиграфкомбинат Министерства печати и информации
Российской Федерации. 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

Дмитрий Исаков